

Роланд Бейнтон

НА СЕМ СТОЮ

Жизнь Мартина Лютера

Info-centre SDA. - A Life of Martin Luther. - HERE I STAND - Roland H. Bainton

Первое издание на английском - 1950 год.

Об авторе

Р. Бейнтон. «На сем стою». Ист. Жизни, 1996

Вместо содержания: 1517 г. 95 тезисов. - 1520 г. Пропаганда. - 1521 г. Вормсский эдикт. - 1521 г. Возвращение в Виттенберг. - 1525 г. Крестьянская война. - Брак. - Реформаторская деятельность. - 1530. Аугсбургское исповедание. -

Глава первая

КЛЯТВА

Мартин Лютер

1526 г. Лукас Кранах Старший.

В знойный июльский день года 1505-го к саксонской деревушке Штоттернгейм по ухабистой дороге приближался одинокий усталый путник. Это был молодой человек невысокого роста, но крепкого телосложения. По одежде в нем можно было узнать студента университета. Пока путник подходил к деревне, небо затянулось тучами. Внезапно хлынул дождь и разразилась буря. Вспышка молнии прорезала мрак, путника швырнуло наземь. Пытаясь подняться, он в ужасе воскликнул: "Святая Анна, помоги мне! Я стану монахом".

Человек, воззавший таким образом к святой, позднее прославился тем, что отрекся от культа святых. Тот, кто поклялся принять монашеский обет, впоследствии отверг институт монашества. Бывший верный сын католической церкви потряс всю структуру средневекового католичества. Преданный папский слуга, он впоследствии отождествил папу с антихристом. Этим юношей был Мартин Лютер.

Нанесенный им удар оказался тем более сокрушительным, что он содействовал уже

происходившему в это время процессу распада. Волна национализма уже подтачивала политические союзы, когда Реформация сокрушила союз религиозный. В то же время эта противоречивая личность пробудила христианское сознание в Европе. Сейчас все

католические историки признают, что папы периода Ренессанса были людьми светскими, ветреными, легкомысленными, чувственными, высокомерными и неразборчивыми в средствах. Образованные люди не выступали против Церкви, поскольку Церковь до такой степени соответствовала их взглядам и умунастроениям, что редко вызывала у этих людей возмущение. Политики полностью освободили себя от любых забот о вере, а все христианнейший король Франции и его святейшество папа даже не погнушались заключить военный союз с султаном против Священной Римской империи. Лютер изменил всю ситуацию. В последующие полтора столетия религия вновь превратилась в определяющий фактор жизни, даже политической. Вера приобрела для людей такую значимость, что они оказались способны умирать за нее и убивать за нее. Если христианская цивилизация и сохранилась на Западе, то немалую роль в этом сыграл именно человек по имени Лютер.

Вполне естественно, что он был человеком противоречивым. Многочисленные описания этой личности соответствуют тем общепринятым штампам, которые сформировались уже при его жизни. Последователи превозносят Лютера как пророка Господнего и избавителя Германии. Его же противники-католики называли Лютера сыном погибели и губителем христианства. Сторонники восставшего крестьянства клеймили его за доноительство князьям, в то время как фанатики-радикалы сравнивали с Моисеем, который вывел детей Израиля из Египта и оставил погибать в пустыне. Но подобного рода суждения более уместны для эпилога, чем для пролога. Прежде всего необходимо попытаться понять этого человека.

Невозможно добиться в этом хоть сколько заметных успехов, не уяснив себе с самого начала, что Лютер был прежде всего человеком религиозным. Великие внешние потрясения, которые в первую очередь привлекают внимание историков, ищущих сенсаций, сами по себе не имели для Лютера особой значимости в сравнении с внутренними конфликтами его богоборчества. По этой причине уместнее начать наше исследование с первого истинно религиозного кризиса, пережитого Мартином в 1505 году, чем с его рождения в 1483 году. К детским и юношеским годам Лютера мы обратимся лишь для того, чтобы объяснить причины его ухода в монашество.

Дом и школа

Клятва, с которой мы начали свой рассказ, требует разъяснения, поскольку даже относительно ранних лет жизни Лютера суждения биографов расходятся. Те, кто сожалеет о нарушении им собственной клятвы, говорят, что ему вообще не следовало ее давать. Будь Лютер истинным монахом, он никогда не снял бы сутану. Критика Лютером монашества обращается против него самого, поскольку его изображают монахом не по призванию, а клятву его объясняют не искренним порывом, но скорее желанием разрешить внутренний конфликт, вызванный плохой приспособляемостью Лютера и дома, и в школе.

В пользу этого объяснения предлагается лишь несколько свидетельств. Нельзя сказать, чтобы они отличались высокой степенью надежности, поскольку в большинстве своем подобные свидетельства заимствованы из записей бесед Лютера в его пожилые годы. Записи сделаны студентами и не могут претендовать на достоверность, и даже в том случае, если они истинны, эти свидетельства нельзя принимать безоговорочно, поскольку Лютер-протестант уже не мог объективно оценивать побуждения Лютера-католика. В сущности лишь одно высказывание увязывает принятие Лютером монашеского обета с протестом против суровой дисциплины родительского дома. Сообщают, что Лютер сказал: "Матушка однажды высекла меня до крови за какой-то несчастный орех. Такая

суровость толкнула меня в монастырь, хотя мать желала мне лишь добра". Это свидетельство подкрепляется двумя другими его высказываниями: "Однажды батюшка выпорол меня так, что я долго потом его боялся и прятался от него, пока угрызения совести не побудили его искать моего расположения". "Как-то в школе меня в одно утро без всякой вины высекли розгами до пятнадцати раз. От меня требовали, чтобы я склонялся и спрягал, а я не выучил урок".

Общеизвестно жестокое обращение с детьми в те времена, поэтому вполне возможно, что верны свидетельства о словах Лютера, сказанных в защиту более гуманного обращения. Нет, однако, никаких доказательств, что подобная жестокость имела какие-то иные последствия помимо вспышки негодования. Лютер пользовался большим уважением в семье.

Родители помогали чем могли, чем дали Мартину блестящее будущее. Они прочили Мартину карьеру юриста и выгодный брак, что позволило бы ему содержать их в старости. Когда Лютер получил степень магистра, отец подарил ему *Corpus Juris* и стал обращаться к нему на "вы" вместо фамильярного "ты".

Лютер был очень привязан к своему отцу, и его весьма опечалило несогласие родителей с его уходом в монастырь. После смерти отца Лютер несколько дней не мог работать. Привязанность к матери проявлялась у него не столь заметно. Но, даже рассказывая о порке, Лютер заметил, что намерения у матери были самые добрые. Он с нежностью вспоминал песенку, которую любила напевать его мать:

Если люди нас не любят.

Значит, дело в нас с тобой.

Обстановку в школе также нельзя было назвать добродушной, но не была она и жестокой. Цель обучения состояла в том, чтобы школьники получили навыки устной речи в латыни. Мальчиков это не возмущало, поскольку без знания латыни в то время было не обойтись - это был язык Церкви, юриспруденции, международных связей, ученого мира и путешественников. Основой обучения являлась зубрежка, подкрепленная розгами. Один из учеников, которого называли *lupus*, или "волк", назначался присматривать за остальными и сообщать о тех, кто говорит по-немецки. Каждый полдень самому нерадивому ученику в классе вручалась маска осла и после этого его называли *asinus*. Эту маску бедняга носил до тех пор, пока ему не удавалось поймать еще кого-то, говорившего по-немецки. Провинности накапливались, и в конце недели за них назначалось наказание. Таким образом, ученик действительно мог получить пятнадцать ударов в течение одного дня.

Но, невзирая на всю суровость, мальчики действительно учили латынь и любили ее. Лютер никоим образом не был отстающим учеником. Учиться ему нравилось, и он добился больших успехов. Учителей также никак нельзя было назвать людьми жестокими. Один из них, Требоний, всякий раз, входя в класс, склонял голову в присутствии такого множества будущих бургомистров, канцлеров, врачей и регентов. Лютер уважал своих учителей и очень переживал, когда впоследствии они не одобрили его действий.

Нельзя также сказать, что в детстве Лютер был склонен к депрессиям. Обычный беззаботный мальчишка, он любил музыку, хорошо играл на лютне и восхищался

красотой природы Германии. Как прекрасен был в те далекие времена Эрфурт! Леса подступали к самым окраинам деревни, сменяясь садами и виноградниками, а затем полями, на которых для нужд красилена выращивали лен с его синими цветами и желтый шафран. А далее ровными рядами выстраивались стены, ворота и многочисленные шпили самого Эрфурта. Лютер называл эту деревню новым Вифлеемом.

Религиозные тревоги

Да, действительно временами Лютер испытывал сильную подавленность, но причина ее заключалась не в каких-либо личных неурядицах, а в неблагополучии бытия - неблагополучии, которое религия лишь усиливала. Этот человек был не порождением итальянского Ренессанса, но немцем, родившимся в далекой Тюрингии, где набожные люди все еще возводили церкви с арками и шпилями, устремленными к недостижимому. Сам по себе Лютер был настолько готической личностью, что даже его веру можно назвать последним расцветом религии средневековья. Он был выходцем из наиболее консервативного по своим религиозным убеждениям слоя населения - крестьянства. Его отец, Ганс Лютер, и мать, Маргарет, были крепкими, коренастыми, загорелыми

немецкими крестьянами. В сущности, непосредственно возделыванием земли они не занимались, поскольку Ганс - сын, не имеющий право на наследство, оставил крестьянское хозяйство и перебрался на рудники. Там, в глубине земли, ему сопутствовала удача, которую он относил к помощи св. Анны, покровительницы рудокопов. В конце концов Ганс стал владельцем нескольких литейных. Но нельзя сказать, что семья жила в достатке; так, его жене приходилось ходить в лес, собирать хворост и тащить его домой. Семья жила обычной крестьянской жизнью: немудреной, простой, иногда грубоватой, доверчивой и набожной. Старый Ганс молился у постели своего сына, Маргарет также была женщиной набожной.

В верованиях этих необразованных людей элементы древнегерманского язычества переплетались с христианской мифологией. В их представлениях леса, ветры и вода были населены эльфами, гномами, волшебниками, водяными и русалками, духами и ведьмами. Злые духи насылали бури, наводнения и болезни, искушая людей впасть в грех и меланхолию. Мать Лютера верила в то, что они способны даже на такие незначительные поступки, как кража яиц, молока и масла, и сам Лютер так и не освободился от подобных представлений. "Многие местности, - говорил он, - населены бесами. Ими полна Пруссия, а Лапландия - ведьмами. В моих родных краях на вершине высокой горы, называемой Пюбельсбергом, есть такое озеро, что если бросить в него камень, то во всей местности разразится буря, поскольку в водах его полным-полно плененных бесов".

Школьное образование не только не освобождало от усвоенных с детства верований, но скорее подкрепляло их. В начальной школе детей учили религиозным песнопениям. Они заучивали наизусть Sanctus, Benedictus, Agnus Dei и Confiteor. Школьников учили исполнять псалмы и гимны. Как любил Лютер Magnificat! Дети присутствовали на мессах и вечернях, а в святые дни участвовали в красочных процессиях. В каждом из тех городов, где довелось учиться Лютеру, было множество храмов и монастырей. Повсюду одна и та же картина: остроконечные крыши, шпили, монастыри, священники, монахи самых разных орденов, мощи, звон колоколов, торговцы индульгенциями, религиозные процессии, священнослужители у гробниц. В Мансфельде ежедневно собирались у женского монастыря убогие в надежде на исцеление звуками вечерних колоколов. По словам Лютера, он видел, как дьявол действительно вышел из одного одержимого.

На протяжении десятилетий никакие перемены не затрагивали Эрфуртский университет. К этому времени на него еще не распространилось влияние Возрождения. Изучение таких классиков, как Вергилий, всегда было излюбленным предметом в программе средневековых университетов. Физика Аристотеля считалась образцом угодного Богу мышления, а объяснения землетрясений и ураганов естественными причинами не мешали считать некоторые из них результатом непосредственного Божественного вмешательства. Все изучаемые предметы должны были способствовать усвоению богословия, и курс, который выбрал Лютер, готовясь к получению степени магистра в области права, равным же образом подготовил его и к принятию духовного сана. Все обучение - дома, в школе, в университете - было направлено на то, чтобы вселить страх перед Богом и благоговейное отношение к Церкви.

Во всем этом не было ничего, что помогло бы Лютеру выделиться из числа его современников, и уж тем более объяснить, почему позднее он восстал против самих устоев средневековой религии. Можно назвать лишь одну черту, отличавшую Лютера от остальных молодых людей его времени, - он выделялся необыкновенной чувствительностью, и периоды возвышенного состояния сменялись у него депрессиями. Эти колебания настроения преследовали его всю жизнь. Лютер свидетельствовал, что начались они еще в юности и что уходу в монастырь предшествовали шесть месяцев тяжелой депрессии. Невозможно объяснить эти состояния одними лишь особенностями психологии подростка, поскольку в то время Лютеру уже исполнился двадцать один год, а подобные перепады настроения продолжались все его зрелые годы. Равным же образом невозможно, не мудрствуя лукаво, расценить его поступок как клинический случай маниакальной депрессии, поскольку пациент выказывал способность непрерывно и напряженно работать над сложнейшими проблемами.

Скорее всего объяснение кроется в том конфликте, который преднамеренно обостряла средневековая религия, попеременно акцентируя внимание то на страхе, то на надежде. Об аде много говорилось не потому, что люди жили в непрестанном ужасе, но именно из-за того, что это было не так. Поэтому требовалось вселить в них страх и тем самым побудить обратиться к церковным таинствам. Когда же люди каменели от ужаса, чистилище предлагало им смягчение наказания. Оно предназначалось для душ, недостаточно грешных для ада, но и не вполне добрых для рая. Там они могли пройти дополнительное очищение. Если же подобная поблажка порождала успокоенность, страхи вновь нагнетались, а затем напряжение снималось с помощью индульгенций.

Еще более смущающими, чем перспективы загробной жизни, были колебания между гневом и милостью у членов Божественной иерархии. Бог возникал то в облике Отца, то в виде Громовержца. Смягчить Его можно было, воспользовавшись посредничеством более доброго Сына, Который опять-таки изображался в роли неподкупного судии, умиловитивать Которого могла лишь Его мать. Будучи женщиной, она вполне способна была обмануть как Бога, так и дьявола, ради тех, кого защищала. Если же богоматерь пребывала в отдалении, можно было обратиться к ее матери, св. Анне.

Как раскрывались эти темы, очень наглядно видно из книг, пользовавшихся наибольшей популярностью в самый канун Возрождения. Одной из тем была смерть. Эти бестселлеры давали наставления не о том, как следует платить подходящий налог, но как избежать ада. Назидательное сочинение под названием "Об искусстве умирания" изобиловало гравюрами, на которых были изображены бесы, окружившие умирающего. Они искушают его совершить непоправимый грех - оставить надежду на милосердие Божье. Чтобы убедить умирающего в том, что прощение для него невозможно, ему рисуют

картины прошлого; вот женщина, с которой он когда-то совершил прелюбодеяние, а вот нищий, которому он отказал в куске хлеба.

Следующая гравюра более оптимистична, на ней изображены те, чей грех прощен: Петр с петухом, Мария Магдалина с глиняным горшком, раскаявшийся разбойник, гонитель Савла. Под этими персонажами начертано краткое наставление: "Никогда не оставляй надежды".

Если этот девиз успокаивал, то другие литературные произведения вселяли ужас. Нагляднейший пример общественной атмосферы того времени дает книга по мировой истории, напечатанная Гартманном Шеделем в Нюрнберге в 1493 году. Охватывая историю человечества от Адама до гуманиста Конрада Кельтеса, массивный фолиант завершался рассуждениями о быстротечности человеческого существования, сопровождавшимися гравюрой, изображавшей пляску смерти. Финальная сцена воспроизводит события Судного дня. Гравюра, занимающая целую страницу, изображает Христа - Судию, восседающего на радуге. Из правого Его уха простирается лилия, символизирующая искупленных. Ниже ангелы сопровождают их в рай. Из левого уха Христа простирается меч, символизирующий погибель для осужденных, которых дьявол за волосы извлекает из могил и швыряет в пламя ада. "Как странно, - комментирует современный редактор, - что хроника, напечатанная в 1493 году, завершается Судным днем, а не открытием Америки!" Д-р Шедель завершил свою рукопись в июне. Колумб возвратился из своего путешествия в марте. Очевидно, новость о его открытии еще не достигла Нюрнберга. Д-ру Шеделю не хватило чуть-чуть времени, чтобы осветить это потрясающее открытие. "Какую необычайную ценность имели бы сохранившиеся экземпляры этой хроники сегодня, если бы они отражали это великое событие".

Так пишет современный редактор. Но старый д-р Шедель, даже зная об этом, мог бы посчитать открытие нового мира недостойным упоминания. Вряд ли он не слышал об открытии мыса Доброй Надежды в 1488 году. Однако об этом он не упоминает. Причина заключается в том, что он не воспринимал историю как повествование о распространении человечества по земле, не считал высочайшим благом открытие новых земель, на которых это распространение возможно. Он воспринимал историю как набор бесчисленных, совершаемых в слезах паломничеств к небесному Иерусалиму. Каждый из ныне умерших однажды восстанет и присоединится к бесчисленному воинству представших перед судом для того, чтобы услышать слова: "Прощен" или: "Отойди от Меня в огонь вечный". Изображение Христа на радуге с лилией и мечом было широко известно, повторяясь в популярных книгах того времени. Лютер видел подобного рода картины и свидетельствовал, что вид Христа-Судии повергал его в совершенный ужас.

Монастырское убежище

Подобно всякому жившему в средние века человеку, он знал, как преодолеть свои мучения. Церковь поучала, что ни один благоразумный человек не должен ожидать приближения смерти для того, чтобы покаяться и попросить благодати. Единственная надежда с начала до конца заключалась в том, чтобы воспользоваться предлагаемой Церковью помощью: таинствами, паломничествами, индульгенциями, заступничеством святых. Но глупцом был бы тот человек, который положился исключительно на ходатайства своих небесных заступников, ничего не делая для завоевания их благорасположения!

А что может быть лучше, чем пострижение в монахи? Люди верили, что конец света уже был однажды отложен благодаря цистерцианским монахам. Только Христос "повелел

ангелу протрубить в трубу, возвещая о страшном суде, как мать милосердия пала в ноги своему Сыну и умоляла Его подождать, "хотя бы ради моих друзей из ордена цистерцианцев, дабы они могли подготовиться". Даже бесы жаловались на самоуправство св. Бенедикта, который выхватывал души у них из рук. Тот, кто умер в монашеском звании, получит предпочтение на небесах. Однажды, пребывая в жестокой лихорадке, какой-то цистерцианец сорвал с себя рясу и тут же умер. Когда он пришел к воротам рая, св. Бенедикт запретил ему входить, поскольку он не был одет, как положено. Он мог лишь бродить вокруг стены, заглядывая через нее и наблюдая благоденствие своих братьев, пока, наконец, один из них не вступился за него и св. Бенедикт отпустил монаха на землю за своим одеянием. В такой форме выражалась популярная набожность. Как ни протестовали против подобных примитивных выражений веры именитые богословы, именно так верили простые люди, а Лютер был простым человеком. Даже сам Фома Аквинский провозглашал, что принятие монашества приравнивается ко второму крещению, возвращая человека к состоянию невинности, которое он имел при первом крещении. Весьма распространено было убеждение, что для монаха и грех не столь страшен, ибо он имеет особую привилегию и в случае раскаяния обретает утраченную невинность. Принятие монашеского обета было наилучшим способом попасть на небеса.

Лютер знал все это. Всякий юноша, умевший наблюдать, понимал сущность монашества. Живые примеры попадались на улицах Эрфурта. Там можно было встретить молодых картезианцев, совсем еще юношей, которые казались намного старше своего возраста из-за того, что аскетизм уже наложил свою печать на их лица. В Магдебурге Лютер видел изнуренного князя Вильяма Ангальтского, отказавшегося от своего родового поместья ради того, чтобы оборванцем бродить по улицам, влача на спине суму ордена нищенствующих. Как и все остальные братья, он выполнял в монастыре физическую работу. "Я видел его своими глазами, - вспоминал Лютер. - В четырнадцатилетнем возрасте мне довелось побывать в Магдебурге. Я видел, как он, подобно ослу, влачил свою котомку. Он настолько истощил себя постом и бдениями, что более напоминал мертвеца, от которого остались лишь кожа да кости. Всякий взглянувший на него не мог не устыдиться своей жизни".

Лютер прекрасно знал, почему молодые выглядят, как старики, а знатные становятся нищими. Эта жизнь - всего лишь краткий миг, в течение которого мы готовимся к жизни грядущей, где спасенные обретут вечность блаженства, а погибшие - вечные муки. Своими глазами они узрят отчаяние, которое никогда не познает милости небытия. Своими ушами они услышат стоны проклятых. Они будут вдыхать горящую серу и корчиться в жаре неиссякающего пламени. И все это будет длиться во веки веков.

На подобных представлениях воспитывался Лютер. В его верованиях или душевных порывах не было ничего особенного, если не считать их страстности. Мысли о смерти весьма угнетали его, но в этом он был вовсе не одинок. Человек, позднее восставший против монашества, стал монахом по той же самой причине, ЛТТО и тысячи других, а именно: для того чтобы спасти свою душу. Непосредственным поводом к его решению явилась неожиданная встреча со смертью в тот летний июльский день 1505 года. Лютеру было двадцать один год, и он учился в Эрфуртском университете. Когда молодой человек возвращался в университет после посещения родителей, внезапный удар молнии швырнул его на землю. В этой мгновенной вспышке он увидел исход всей драмы существования. Там был Бог Бесстрашный, Христос Неумолимый и все коварные бесы, выскочившие из своих убежищ в лесах и прудах для того, чтобы с сардоническим хохотом ухватить его за кудрявые волосы и увлечь с собой в ад. Нет ничего удивительного в том, что Лютер

воззвал к святой своего отца, покровительнице рудокопов: "Святая Анна, заступись! Я постригусь в монахи".

Лютер неоднократно повторял, что к нему был обращен призыв с небес, на который он не мог не откликнуться. Независимо от того, насколько возможным было освобождение его от данной клятвы, Лютер считал себя связанным ею. Против собственных склонностей, по Божественному понуждению он постригся в монахи. Понадобилось две недели для того, чтобы устроить все дела и решить, в какой монастырь идти. Он избрал обитель с суровыми порядками - реформированную общину августинцев. После прощальной вечеринки с друзьями он явился к воротам монастыря. Известие о решении сына необычайно разгневало отца. Его воспитанный в строгости сын, которому надлежало быть опорой для родителей во дни их старости! Отец совершенно не мог примириться с этим решением до тех пор, пока смерть двух других сыновей не убедила его в том, что это возмездие за его бунт.

Лютер стал послушником. У нас нет прямых свидетельств того, как происходило принятие Лютера в монастырь, но месса августинцев дает нам определенное представление об этой церемонии. Желая стать послушником падал ниц перед стоящим на ступенях алтаря приором. Приор вопрошал: "Чего ищете вы?" Следовал ответ: "Благодати Божьей и твоей милости". Приор поднимал кандидата и спрашивал, не женат ли он, не является ли он поручителем, не болеет ли какими-либо тайными болезнями. Следовали отрицательные ответы. Далее приор описывал суровость жизни, которой с неизбежностью должен подчиниться послушник: отречение от собственной воли, скудное питание, грубая одежда, ночные бдения и дневной труд, умерщвление плоти, смирение нищетой, позор нищенства и тяготы существования в обители. Готов ли он принять на себя эти бремена? "Да, с помощью Божьей, - следовал ответ, - и доколе позволяет слабость человеческая". После этого принимали в обитель на один год испытательного срока. Под пение хора на голове послушника выбривалась тонзура. Мирскую одежду сменяла сутана послушника. Посвящаемый преклонял колени. "Благослови раба твоего, - речитативом начинал приор, - услышь, о Господи, исходящие из сердца нашего мольбы и снизойди благословениями Своими на сего раба Твоего, которого во святое имя Твое мы облачаем в сутану монаха, дабы с Твоею помощью он сохранял веру в Твою Церковь и заслужил жизнь вечную через Господа нашего Иисуса Христа. Аминь". Во время пения завершающего гимна Лютер распростерся на полу, крестообразно раскинув руки. Затем братья ознаменовали принятие его в общину поцелуем мира. И вновь прозвучало наставление приора: "Не тот, кто сделал первый шаг, но претерпевший до конца спасется".

Великий бунт против средневековой Церкви произошел из отчаянной попытки следовать предписанным ей путем, этой попыткой и стал для Лютера уход в монастырь. Подобно тому, как Авраам разрушал практику человеческих жертвоприношений, изъявив готовность поднять жертвенный нож против Исаака, подобно тому, как Павел освободился от еврейского законничества лишь потому, что, будучи евреем до мозга костей, он стремился исполнить все требования закона, бунт Лютера был порожден не будничной верой. В монастырь он ушел по тем же мотивам, что и другие, может быть, и более глубоким - он искал мира с Богом.

Глава вторая

МОНАСТЫРЬ

Позднее Лютер вспоминал, что первый год его монастырской жизни дьявол вел себя очень смиренно. У нас есть все основания полагать, что бушевавшие в груди Лютера страсти утихли, и во время своего послушничества он пребывал в относительном покое. Об этом мы можем судить хотя бы потому, что в конце года ему позволили стать полноправным монахом. Испытательный срок назначался для того, чтобы предоставить кандидату возможность проверить себя и быть проверенным. Он получал наставление заглянуть в свое сердце и сообщить обо всех мыслях, несовместимых с монашеским призванием. Если собраты послушника или его руководители полагали, что он не имеет посвященности, они отвергали этого человека. Поскольку Лютер был принят в монахи, мы имеем все основания предположить, что ни он сам, ни братия не имели каких-либо поводов считать его неприспособленным для монастырской жизни.

Дни послушничества были наполнены теми религиозными обязанностями, которые должны были наполнить душу покоем. Семь раз в день следовало становиться на молитву. После восьмичасового сна монахов поднимали в час или в два ночи звоном монастырского колокола. При первом его ударе они вставали, крестились, облачались в белые сутаны и надевали наплечники, без которых братья никогда не покидали своих келий. После второго удара каждый благочестиво входил в церковь, окроплял себя святой водой и с благодарственной молитвой Спасителю мира становился на колени перед высоким алтарем. "Затем все занимали свои места в хоре. Каждое моление продолжалось три четверти часа. Каждая из семи ежедневных молитв завершалась тем, что кантор речитативом исполнял *Salve Regina*: "Спаси нас. Царица. Ты, мать милосердная, на ша жизнь, радость и упование. К тебе мы, изгнанные дети Евы, возносим вопли наши. К тебе возносим мы свои вздыхания в этой юдоли слез. Пребудь заступницей нашей, пресвятая дева Мария, и молись за нас. Ты - пресвятая Богородица". После *Ave Maria* и *Pater Noster* братья парами молча оставляли церковь.

Подобными занятиями был заполнен весь день. Брат Мартин не сомневался, что идет путем, проторенным святыми. Посвящение в монахи наполнило его радостью - братья сочли его достойным пребывания в обители. Припав к стопам приора, он произнес слова обета и услышал молитву: "Господи Иисусе Христе, Ты снизошел к нам и облекся в нашу смертную плоть. По неизмеримой благодати Твоей благослови сии одежды, кои святые отцы избрали знаком невинности и отрицания мира. Да облечется сей раб, Мартин Лютер, принимающий эту сутану, также и в бессмертие Твое. Молим Тебя, владычествующего с Богом Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь".

Торжественный обет произнесен. Отныне он был монахом, невиновным, как только что крещенное дитя. Лютер без колебаний предал себя жизни, которую Церковь считала наивернейшим путем к спасению. Он проводил свои дни в усердной молитве, песнопениях, размышлениях и тихих, благопристойных и сдержанных беседах.

Священный ужас

Так и протекала бы его жизнь, не будь потрясения от другой грозы, на этот раз вызванной духом. А разразилась она, когда Лютер должен был служить свою первую мессу. Он был избран для священничества своим настоятелем и приступал к служению.

Это всегда было волнующим событием, поскольку месса является руслом благодати, изливаемой через Церковь. Здесь, на алтаре, хлеб и вино претворяются в плоть и кровь Божьи, воссоздавая Голгофскую жертву. Священник, совершающий чудо претворения, наделяется властью и полномочиями, которые не даны даже ангелам. Именно в этом различие между клиром и мирянами. Равным же образом на этом основано главенство

Церкви над государством, ибо какой король или император когда-либо являл человечеству благодеяние, сопоставимое с тем, которое совершал на алтаре смиреннейший из служителей?

Вполне объясним поэтому трепет, охвативший молодого священника перед совершением обряда, посредством которого Бог явится в человеческой плоти. Но многие совершали его, и многовековой опыт позволил предвидеть эту дрожь волнения и преподать надлежащие рекомендации. Тот, кто служит мессу, должен побеспокоиться, хотя и не проявляя излишнего волнения, о соблюдении положенного ритуала. Облачение его должно соответствовать предписаниям; читать молитвы следовало внятно, тихим голосом и без запинок. Душа священника должна быть в надлежащем расположении. Прежде чем приблизиться к алтарю, надо было исповедоваться и получить отпущение всех своих грехов. У священника были все основания беспокоиться о том, все ли эти условия соблюдены. По словам Лютера, единственная небрежность в облачении воспринималась как проступок более тяжкий, чем семь смертных грехов. Но наставления ободряли новичка, внушая ему, что ни одна из его ошибок не является непоправимой, поскольку действенность таинства зависит лишь от надлежащего расположения к его совершению. Даже в том случае, если священник вспомнит во время совершения обряда о смертном грехе, в котором он не покался и не получил отпущения, он должен завершить обряд, но не бежать от алтаря - отпущение последует впоследствии. Если же волнение охватит священника до такой степени, что он не в состоянии будет продолжать, рядом с ним окажется более опытный священнослужитель, который завершит обряд. Перед тем, кто служит мессу, не могло быть неодолимых препятствий, и нет никаких оснований полагать, что Лютер приступил к своей первой мессе, испытывая страх, выходящий за рамки обычного. Перенос даты его служения на месяц не был связан с какими-либо серьезными его проступками.

Причина этого была весьма радостной. Лютер желал, чтобы на служении присутствовал его отец, поэтому дату приурочили к его приезду. Сын и отец не виделись с университетских времен, когда Ганс подарил Мартину свод римских законов, сопроводив подарок соответствующей речью. Отец резко возражал против его ухода в монастырь, но сейчас, казалось, его нерасположение миновало, и, подобно другим родителям, он желал, чтобы этот день стал особенно праздничным событием. Ганс Лютер приехал верхом в сопровождении двадцати всадников, он сделал щедрое пожертвование монастырю. День начался перезвоном монастырских колоколов и пением псалма: "Воспоем же новую песнь Господу". Лютер занял свое место у алтаря и читал вступительную часть мессы вплоть до слов: "Тебе, Богу живому, вечному, истинному, приносим мы..." О том, что произошло дальше, он вспоминал так:

"Как только я дошел до этих слов, неизъяснимый ужас обуял меня. Я подумал: "Как могу я обратиться с этими словами ко Всевышнему, видя, что все люди должны трепетать даже в присутствии земного князя? Кто я таков, чтобы возносить очи мои или вздымать руки мои к Всевышнему Богу? Ангелы окружают Его. По мановению Его руки земля трепещет. Могу ли я, жалкий маленький человечешка, сказать: "Я желаю того, я прошу этого"? Ибо я прах и пепел, и исполнен греха, и я обращаюсь к живому, вечному и истинному Богу"".

Священный ужас, трепет перед непостижимостью поразил его подобно еще одному удару молнии. Лишь огромным усилием воли смог он простоять у алтаря до конца.

Людям нашего секуляризованного поколения трудно, наверное, представить себе страхи своего средневекового предка. Действительно, в религиозных взглядах Лютера было немало примитивного, берущего свое начало от детства рода человеческого. Он

испытывал ужас дикаря перед злобным сверхъестественным существом, врагом человека, капризным, легко впадающим в раздражительность и гнев в тех случаях, если осквернялись святые места или неверно произносились магические формулы. Это был страх древнего Израиля перед ковчегом присутствия Господня. То же чувство испытывал Лютер по отношению к священному изображению Спасителя. Когда торжественная процессия вынесла его, Лютера охватило смятение. Его Бог был Богом, обитавшим на грозных облаках, восседавшим на горе Синайской, в присутствии Которого Моисей не мог войти с открытым лицом и остаться в живых. Лютер, однако, давно преодолел рамки примитивных воззрений. Он не должен казаться столь непонятным современному человеку, который, взирая через созданные им приборы на необозначенные на картах созвездия, вздрагивает от ощущения своей совершенной крохотности.

Страх Лютера усиливался и осознанием своей недостойности. "Я прах и пепел, и исполнен греха". Собственное несовершенство и осознание своей сотворенности угнетали его. Бог одновременно привлекал и отталкивал его. Лишь в гармонии с Абсолютным Совершенством мог он обрести покой. Но как ничтожному человечешке предстать перед Всемогушим Богом; как грешнику обращаться к Богу Святому? Лютер каменел перед Богом Всевышним и Богом Всесвятым. Для описания подобного опыта он использовал слово, которое имеет такие же основания быть заимствованным английским языком, как и Blitzkrieg. Это слово *Anfechtung*, которому нет английского эквивалента. Описательно его можно перевести как испытание, посланное Богом человеку, или как нападение со стороны дьявола, имеющее своей целью погубить человека. Этим словом обозначаются все сомнения, смятение, угрызения, дрожь, паника, отчаяние, отчужденность и безнадежность, охватывающие человеческий дух.

Совершенно обессиленный, он покинул алтарь, подойдя к отцу и его товарищам, беззаботно расположившимся вместе с братьями за трапезой. Потрясенный осознанием недостижимости Отца Небесного, он теперь страстно жаждал ободрения от отца земного. Как согрели бы его сердце произнесенные устами Ганса слова о том, что он забыл весь свой гнев и что ныне он всем сердцем разделяет принятое сыном решение. Они вместе сели за трапезу, и Мартин, будто он так и остался маленьким мальчиком, повернувшись к отцу, спросил: "Батюшка, отчего вы так противились моему уходу в монахи? Неужели вы до сих пор недовольны мной? Ведь ваша жизнь так покойна и благочестива".

Этого старый Ганс, который всеми силами стремился скрыть свое недовольство, вынести не смог. Перед всеми докторами, магистрами и гостями он выпалил: "Ты, ученый человек, не забыл ли ты библейскую заповедь, что должно почитать отца и мать своих? А ты обрек нас с матерью на одинокую старость".

Этого Лютер не ожидал. Но он знал ответ. Все наставления упоминали о библейском повелении оставить отца с матерью, жену и детей, указывая на большие блага, дарованные в сфере духовной. Лютер отвечал: "Но, батюшка, я могу принести больше добра, молясь за вас в монастыре, нежели оставаясь в миру". А затем он добавил аргумент, который, очевидно, представлялся ему неотразимым, - что он был призван голосом, воззавшим к нему из грозного облака.

"Дай Бог, - отвечал старый Ганс, - чтобы это не оказалось дьявольским наваждением".

Это было слабым местом всего средневекового христианства. В наш век скептицизма мы со вздохом сожаления оглядываемся на век веры. Как прекрасно, должно быть, жилось в атмосфере наивной уверенности, когда младенчески бесхитростного человека окружали небеса, а сомнение еще не выросло до раздирающих душу мук! Подобное представление о

средневековье является чистой воды романтизмом. Средневековый человек не испытывал сомнений относительно существования сверхъестественного мира, но для него сам мир этот был четко разграничен. Были святые и были бесы. Здесь Бог, а там - дьявол. И дьявол мог маскироваться под ангела света. В таком случае был ли Лютер прав, последовав видению, которое в конце концов могло исходить от врага человеческого, предпочтя его искушение простому и ясному указанию Писания чтить родителей своих? День, который начался с перезвона монастырских колоколов и пения псалма "Воспоем же новую песнь Господу", завершился священным ужасом и сомнениями относительно того, была ли та первая буря видением, посланным Богом, или сатанинским наваждением.

Путь самосовершенствования

Второй духовный кризис породил конфликт, который завершится уходом из монастыря, но произойдет это много позднее. Фактически Лютер продолжал носить монашескую сутану еще три года спустя после своего отлучения от Церкви. В общей сложности он носил монашеские одежды в течение девятнадцати лет. Перемены происходили в нем постепенно, и не следует думать, что Лютер пребывал в постоянном смятении и не мог служить мессе, не испытывая при этом ужаса. Оправившись от потрясения, внешне он продолжал жить как прежде, выполняя любые новые обязанности, которые на него возлагались. Приор, например, известил Лютера о том, что он может продолжать университетский курс, чтобы стать преподавателем в ордене августинцев. Все подобные поручения он воспринимал как нечто само собой разумеющееся.

Но проблема отчуждения человека от Бога предстала перед ним в ином виде. Не только в смертный час, но и в повседневной жизни, имея доступ к алтарю, священник находится в присутствии Всевышнего и Всесвятого. Мог ли человек обрести доступ в присутствие Божье, если он не был свят? Лютер стремился к святости. Монашество предоставляло ему такую возможность. Будучи в миру, Лютер рассматривал любую форму монашества как более высокую форму праведности. Но после пострига он обнаружил, что и монахи непохожи друг на друга. Некоторые отличались легкомыслием, другие же - строгостью. Те преждевременно состарившиеся юноши-картезианцы, которых он видел, равно, как и до крайности истощенный князь Ангальтский, оказались не столь уж и типичны. Они были аскетами, героическими борцами, стремящимися взять небеса штурмом. И неважно, кем предсказан обращенный к Лютеру призыв постричься в монахи - Богом или дьяволом, теперь он монах и должен быть примерным монахом. Одно из преимуществ монашеской жизни заключается в том, что она освобождает грешного человека от всего суетного, предоставляя ему возможность спасти свою душу, следуя на практике наставлениям о совершенствовании. Путь к совершенству включал в себя не только благотворительность, трезвение ума и любовь, но также и целомудрие, бедность, послушание, пост, бдения и умерщвление плоти. Лютер был исполнен решимости совершить любые добрые дела, которые под силу человеку, для того чтобы обрести спасение.

Он постился - иногда трое суток подряд. Посты утешали его больше, нежели праздники. Великий пост умиротворял Лютера лучше, чем Пасха. Он возлагал на себя бдения и молитвы помимо тех, что были установлены правилами. Он отказался от полагавшихся ему одеял и чуть не простудился насмерть. Временами он гордился своей святостью, говоря: "Сегодня я не сделал ничего дурного". Затем наступали сомнения: "Достаточно ли ты постился? Достаточно ли ты беден?" Он отказался от всего, оставив лишь ту одежду, которая позволяла сохранять благопристойность. Позднее Лютер говорил, что, по его убеждению, подобным аскетизмом он нанес непоправимый ущерб своему пищеварению.

"Я был добрым монахом, соблюдая установления моего ордена так строго, что могу сказать, что коли мог бы монах попасть на небеса через свое монашество, то это был бы я. Вся знавшая меня монастырская братия согласится с этим. Продолжай я и далее подобным образом, я бы изнурил себя бдениями, молитвами, чтением и другой работой".

Но самые суровые ограничения и самодисциплина не приносили внутреннего покоя. Цель борьбы заключалась в том, чтобы преодолеть свои грехи, но никогда у Лютера не возникало ощущения близости к успеху. Некоторые историки высказывают предположение, что он, наверное, был великим грешником и что скорее всего его грехи были интимного свойства, то есть именно те, которые менее всего поддаются исправлению. Сам же Лютер говорил, что в этом вопросе никаких проблем у него не возникало. Он был девственником. В Эрфурте ему никогда не приходилось принимать исповедь у женщин. Позднее, в Виттенберге, Лютер исповедовал лишь трех женщин, причем он даже не видел их. Безусловно, он был живым человеком, но сексуальное искушение угрожало ему ничуть не более любого иного нравственного испытания.

Проблема же заключалась в том, что Бога он удовлетворить не мог никак. Позднее в комментариях к Нагорной проповеди Лютер ярко описал свое разочарование. Говоря о наставлениях Иисуса, он отметил:

"Слово это слишком высокое и тяжелое, чтобы кто-то сумел исполнить его. Это доказывается не просто словом нашего Господа, но также и нашими собственными переживаниями и ощущениями. Возьмите любого добродетельного человека. Он прекрасно ладит с теми, кто не противоречит ему, но, встретив самое незначительное возражение, вспыхнет гневом... если не против друзей, так против врагов. Плоть и кровь не могут подняться над этим".

Лютер просто не обладал возможностями для того, чтобы выполнить все поставленные условия.

Заслуги святых

Но то, что было не под силу ему, могли совершить другие. Церковь считает, что каждый грешит в одиночку, а праведность имеет соборный характер. За каждый грех следует отчитываться самому, праведность же может накапливаться в результате усилий многих людей. Накапливать есть что, поскольку святые, благословенная Дева и Сын Божий были гораздо чище, чем требовалось для Их спасения. Особенно Христос, будучи одновременно безгрешным Человеком и Богом, обладает неограниченным запасом благодати. Эти избыточные заслуги праведности представляют собой сокровищницу, богатства которой можно передавать тем, кто погряз во грехах. Такая передача осуществляется через Церковь и в особенности через папу, которому как преемнику св. Петра вручена власть связывать и развязывать. Подобная передача кредита называлась индульгенцией.

Сколько именно добра она принесет, в точности не определялось, но простые люди были склонны к самым щедрым оценкам. Ни у кого не возникало и сомнения в том, что папа может обратиться в эту сокровищницу, чтобы отменить наказание за грех, им же самим наложенное на земле. Фактически предполагалось, что он способен сделать это своей властью, не обременяя Господа. Важным оставался вопрос о том, может ли папа смягчить тревоги чистилища. В то

время, когда родился Лютер, папа объявил, что действенность индульгенций распространяется и на чистилище ради блага как живущих, так и умерших. Для живых это не означало твердой гарантии избежать чистилища, поскольку один лишь Бог знает размеры неотпущенной вины и, соответственно, продолжительность наказания. Церковь же, однако, могла сказать с точностью до года и дня, насколько этот срок будет сокращен, каким бы он ни был. Что же касается тех, кто умер и пребывает в чистилище, мера их нечестия уже исполнилась, поэтому возможно полное отпущение грехов. Некоторые виды индульгенций были еще шире, и речь шла уже не просто о сокращении наказания, но даже о прощении грехов. Они предлагали полное прощение и примирение со Всевышним.

В одних местах получить подобную милость было легче, чем в других. Не имея на то никаких богословских обоснований, но исключительно с целью привлечения внимания Церковь настаивала на возможности обрести достоинства святых в результате поклонения их мощам и реликвиям. Папы часто конкретно указывали, сколько благодати можно получить, взирая на те или иные святые кости. Все мощи святых, находившиеся, например, в Галле, согласно повелению папы Льва X, обладали способностью сократить срок пребывания в чистилище на четыре тысячи лет. Величайшим хранилищем таких сокровищ был Рим. В одном лишь склепе св. Каллисты были захоронены останки 40 пап и 76 тысяч мучеников. В Риме можно было увидеть остатки тернового куста (неопалимой купины), из которого Бог говорил с Моисеем, а также останки 300 безгрешных святых. Хранился в Риме и плат св. Вероники, на котором запечатлелся лик Христа. В Риме берегли цепи св. Павла и ножницы, которыми император Доминиан обрезал волосы св. Иоанна. На стенах Рима близ Аппиевых ворот можно было увидеть белые отметины от камней, которыми разъяренная толпа забрасывала св. Петра и которые превращались в снежки, ибо время его еще не пришло. В одной из римских церквей находилось распятие, которое однажды, склонившись, заговорило со св. Бригиттой. В другой церкви хранилась монета, уплаченная Иуде за предательство нашего Господа. Ценность ее весьма возросла, ибо теперь она способна была предоставить отпущение грехов на 1400 лет. Между Латераном и собором св. Петра можно было получить индульгенций больше, чем за все паломничество в Святую землю. Еще одна из римских церквей хранила шестиметровый столб, на котором повесился Иуда. Этот столб, однако, не считали, строго говоря, реликвией, и допускались сомнения в его подлинности. Перед Латераном находилась Scala Sancta, лестница из 28 ступеней. Как утверждалось, именно она вела к дворцу Пилата. Кто поднимался по ней на коленях, повторяя на каждой ступеньке "Отче наш", получал освобождение от чистилища для своей души. Но самое главное - в Риме находились сохранившиеся тела св. Петра и св. Павла. Они были расчленены, чтобы даруемыми преимуществами могло воспользоваться большее число церквей. Головы находились в Латеране, а по одной верхней части туловища хранились в названных именами апостолов соответствующих храмах. Ни один город мира не имел столь щедрого обилия святых реликвий, и ни один город на земле не получал столь богатых доходов от продажи индульгенций, как святой Рим.

Путешествие в Рим

Лютер считал для себя большой честью возможность совершить путешествие в Вечный город. В августинском братстве возник спор, требовавший для своего разрешения вмешательства папы. Двух братьев направили в святой город представлять Эрфуртскую обитель. Одним из них оказался Мартин Лютер. Случилось это в 1510-м году.

Путешествие в Рим многое раскрывает нам в характере Мартина Лютера. То, что он там увидел и на что не потрудились взглянуть, говорит о нем очень красноречиво. Его не интересовало искусство Ренессанса. Безусловно, великие сокровища еще создавались.

Контрфорсы новой базилики св. Петра только что были заложены, а Сикстинская капелла еще не завершена. Но уже можно было увидеть фрески Пинториккио. Возможно, они пробудили бы чувство восторга у Лютера. Но его больше, чем все Мадонны Возрождения, интересовали изображения Девы Марии, авторство которых приписывалось евангелисту Луке. Равным же образом руины древности не трогали его, но лишь давали повод к заключению, что город, основанный в братоубийстве и обагрённый кровью мучеников, сокрушен судом Божиим, подобно Вавилонской башне.

Ни Рим Возрождения, ни Рим древности не интересовали Лютера в такой степени, как Рим святых. Дело, по которому братство направило его, оставляло Лютеру достаточно времени для того, чтобы воспользоваться небывалыми возможностями для спасения души, предлагаемые Римом. Лютер испытывал состояние того паломника, который, заметив очертания Вечного города, воскликнул: "Приветствую тебя, святой Рим!" Он стремился в полной мере использовать и для себя, и для своих родных все те огромные духовные блага, которые доступны лишь здесь. На это у него был всего один месяц. Время это Лютер намеревался провести с максимальной пользой. Безусловно, ему надлежит отправлять все ежедневные служения, положенные монаху августинского братства, но у Лютера останется достаточно времени для того, чтобы как следует исповедоваться, отслужить мессу у святых гробниц, посетить катакомбы и базилики, поклониться мощам, гробницам и каждой святой реликвии.

Разочарования начались сразу же. Некоторые из них не были связаны с духовными проблемами, но лишь усиливали общее состояние тревоги. Во время полной исповеди его изумила некомпетентность исповедника. Его потрясли дремучее невежество, фривольность и легкомыслие итальянских священников. Они могли скороговоркой отслужить шесть-семь обеден за то время, пока он стоял одну. Он еще только подходил к Евангелию, а они уже заканчивали чтение, торопя его: "Passa! Passa!" - "Пошли, пошли!" Подобного же рода открытия Лютер мог сделать и в Германии, если бы он, выйдя за стены монастыря, побольше общался с обычными священниками, которым надлежало отслужить определенное количество месс в день не ради причастников, но во благо умерших. Подобная практика вела к небрежности. Некоторые из итальянских церковников, однако, проявляли вызывающее неверие. Совершая таинства, они могли говорить: "Хлеб - он и есть хлеб, вино как было вином, так и останется". Искренне верующего приезжего из простодушной северной страны подобные открытия по-настоящему шокировали. Вовсе не обязательно, чтобы они побуждали его усомниться в истинности собственных духовных исканий, поскольку, согласно учению Церкви, действительность таинств не зависит от личности того, кто их совершает.

По подобным же причинам достигавшие слуха Лютера истории о безнравственности римских церковников вовсе не обязательно должны были подорвать его веру в способность Святого Рима наделять духовными благами. В то же время Лютера ужасало, когда ему доводилось слышать слова, что если ад существует, то Рим построен прямо на нем. Не нужно быть сплетником, чтобы узнать, что церковнослужители часто посещают квартал, пользующийся дурной репутацией. Он слышал, что некоторые почитали за особую добродетель свои успехи у женщин. Еще были живы воспоминания о сомнительной славе папы Александра VI. Католические историки открыто признают скандальную репутацию пап времен Возрождения, а католическая реформация проявляла такое же рвение, как и протестанты, в своем стремлении искоренить подобные злоупотребления.

И все же все эти прискорбные открытия не поколебали убежденности Лютера в истинной благодати верных. Вопрос заключался в том, обладают ли они избыточными

достоинствами, которыми можно было бы наделить его или его семью, а также в том, настолько ли связаны эти достоинства со священными местами, чтобы их посещение было способно осуществить подобное наделение. Именно в этом пункте сомнения охватили Лютера. На коленях он поднимался на лестнице Пилата, повторяя Pater Noster на каждой ступеньке и целуя ее в надежде избавить душу от чистилища. Лютер сожалел, что его отец с матерью еще не умерли и не пребывают в чистилище, чтобы он мог протянуть им руку помощи. Не имея такой возможности, он исполнился решимости освободить из чистилища дедушку Гейне. Все выше и выше карабкался он по лестнице, с поцелуем и Pater Noster на каждой ступени. Достигнув вершины, Лютер распрямился и произнес - нет, не те слова, которые приписывает ему легенда: "Праведные верою жить будут", - нет, много ему еще предстоит пережить, прежде чем он придет к этому убеждению. В действительности же он воскликнул: "Кто знает, так ли это?"

Это было воистину смущающее сомнение. Священники могут быть повинны в ветренности, а папы - в разврате, но все это неважно, доколе Церковь располагает надежными средствами благодати. Если же путь на коленях вверх по тем самым ступеням, на которых стоял Христос, с повторением предписанных молитв не приносит никакой пользы, то еще одно представлявшееся незыблемым основание для надежды оказывается иллюзорным. Как выразился Лютер, он отправился в Рим с луком, а вернулся с чесноком.

Глава третья

ЕВАНГЕЛИЕ

Вернувшись из Рима, Лютер переменял место жительства и ощутил новые влияния. Его перевели из Эрфурта в Виттенберг, где ему предстояло провести всю оставшуюся жизнь. В сравнении с Эрфуртом Виттенберг был всего лишь деревушкой с населением примерно 2000-2500 человек. Ее протяженность составляла всего полтора километра. Современники Лютера по-разному описывали Виттенберг. Одни называли его "жемчужиной Тюрингии", другие же - "дурно пахнущей песчаной дюной". Селение возникло на песчаной полосе и по этой причине получило название "Белый бугор" - Witten Berg. Лютер никогда не был особенно высокого мнения об этой деревушке, посвятив ей такой стишок:

Земелька, земелька, Ты лишь куча песка.

Если я тебя копаю - твоя почва легка,

Лишь я жать начинаю - урожая слегка.

В сущности, не такой уж она была скудной. Местные жители снимали щедрые урожаи зерновых и овощей. В садах в изобилии росли фрукты, а близлежащие леса кишели дичью. С одной стороны городок ограничивала Эльба, а с другой его окружал ров. Два ручья протекали по деревянным акведукам сквозь стены верхней части Виттенберга и, пронеся свои струи по центральным улочкам, соединялись у мельницы. Неподвижные воды пруда манили и таили угрозу. Лютер жил в обители августинцев, расположенной на противоположной от Замковой церкви окраине городка.

Более всего Виттенберг был известен своим университетом, любимым детищем курфюрста Фридриха Мудрого, жаждавшего иметь академию, способную оспорить престиж насчитывающего сто лет Лейпцигского университета. Новое учебное заведение пока не оправдывало возлагавшихся на него надежд, поэтому курфюрст решил подобрать для него лучших преподавателей, предложив августинскому и францисканскому

братствам прислать трех новых профессоров. Одним из них был Лютер. Произошло это в 1511 году.

Переехав на новое место, он получил возможность хорошо узнать человека, которому предстояло оказать решающее влияние на его развитие. Этим человеком был викарий августинского братства Иоганн фон Штаупиц. Трудно было найти лучшего духовного отца. Викарий знал все способы излечения духовных недугов, предписанные учеными людьми. Помимо этого, он и сам жил активной духовной жизнью, а потому сочувственно относился к тревогам своего собрата. "Не будь доктора Штаупица, - говорил Лютер, - я бы пропал в аду".

Трудности в жизни Лютера нарастали. Мы не можем в точности описать, как это происходило. Нельзя сказать, что мучавшие его вопросы умножались, как снежный ком, вылившийся в мгновенный кризис. Скорее можно сказать, что это был период кризисов, сменявшихся относительной стабильностью. Мы не можем точнее указать время, место или логическую последовательность всех стадий. Ясно лишь одно: Лютер обращался ко всему, что мог предложить современный ему католицизм в попытке найти покой для духа, истерзанного своей отчужденностью от Бога. Он испробовал путь добрых дел и обнаружил, что не может сделать достаточно для собственного спасения. Он попытался приобщиться к заслугам святых, что завершилось сомнением - еще не очень серьезным и непостоянным, лишь на минуту закравшимся в душу, - но и его оказалось достаточно, чтобы поколебать уверенность Лютера.

Крах исповеди

В то же время он стремился исследовать и иные пути, а католицизму было что предложить. Человеческие заслуги никогда не рассматривались в качестве единственного или даже первостепенного пути к спасению. Была выработана целая система таинств, посредством которых Церковь осуществляла посредничество, открывая для человека доступ к Божьей помощи и благоволению. Таинству исповеди надлежало нести особое утешение - не святым, но грешникам. От них требовалось лишь исповедаться в своих дурных делах и стремиться получить прощение. С неослабным упорством Лютер обращался к этому средству обретения милости. Не исповедуйся он, дьявол, как свидетельствовал позднее Лютер, давно бы пожрал его. Исповедовался он часто, иногда ежедневно, причем каждая исповедь продолжалась около шести часов. Для того чтобы быть прощенным, каждый грех должен быть исповедан. Поэтому необходимо исследовать душу, обшаривать память и оценивать все побуждения. В помощь себе кающийся вспоминал о семи смертных грехах и десяти заповедях. Лютер повторял исповедь и для того, чтобы ничего не упустить, вновь вспоминал всю свою жизнь до тех пор, пока исповедник, изнемогая от усталости, не восклицал: "Человек, Бог не гневается на тебя, ты гневаешься на Бога. Разве ты не знаешь, что Господь повелел тебе надеяться?"

Столь усердной исповедью Лютер, безусловно, преуспел в очищении от всех серьезных прегрешений. То же, с чем он непрестанно обращался к Штаупицу, было лишь сомнениями больной души. "Послушайте, - говорил Штаупиц, - если вы рассчитываете на прощение Христова, кайтесь в том, что действительно нуждается в прощении, - отцеубийстве, богохульстве, прелюбодеянии, а не во всех этих пустячных проступках".

Но для Лютера вопрос заключался не в том, велики или малы были его грехи, но в том - исповеданы ли они. Труднее всего для него было удостовериться, что он ничего не пропустил. По своему опыту он знал, насколько искусно память охраняет человеческое "я", поэтому его страшило, когда после шестичасовой исповеди он еще продолжал

вспоминать нечто упущенное при самом тщательном исследовании своей души. Еще большую тревогу вселяло сделанное Лютером открытие, что некоторые из неблагоприятных поступков трудно даже распознать, не только вспомнить. Грешники часто грешат, не испытывая при этом сожаления. Вкусив плод запретного дерева, Адам с Евой беззаботно отправились на прогулку, наслаждаясь прохладой дня; Иона, уклонившись от Божьего поручения, спокойно спал в трюме корабля. И лишь перед обвинителем в душе пробуждалось осознание вины. Зачастую также человек, на которого обрушивались укоры, оправдывал себя подобно Адаму, который ответил Богу: "Жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева", - как бы говоря Богу: "Она искусила меня; Ты дал ее мне; значит. Ты повинен".

По убеждению Лютера, вина человека была куда более глубокой, чем конкретный перечень проступков, которые можно перечислить, исповедать и получить прощение. Испорчена сама природа человека. Система покаяния, предложенная Церковью, не оправдывает себя, поскольку направлена на исправление отдельных прегрешений. Лютер пришел к убеждению, что весь человек нуждается в прощении. В процессе этой внутренней борьбы он доводил себя до эмоционального возбуждения, переходящего разумные границы. Когда же исповедник при одной из таких вспышек сказал, что он преувеличивает свои провинности, Лютер пришел к выводу, что его духовник не понимает сути вопроса и что ни один из предлагаемых ему способов утешения нельзя признать состоятельным.

После этого Лютера обуяла страшная неуверенность в своей безопасности. Смятение охватило его. Внутреннее равновесие было утрачено до такой степени, что шорох сорванного ветром листа способен был повергнуть его в трепет. Душу Лютера охватывала тоска кошмара. Он с ужасом думал, что однажды на рассвете проснется и взглянет в глаза тому, кто придет забрать его жизнь. Все небесные заступники удалились; бесы с ликованием набрасываются на его незащищенную душу. Как неоднократно вспоминал Лютер, эти муки были несравненно хуже любых физических страданий, которые ему приходилось переносить.

Описание его духовного состояния до такой степени совпадает с хорошо известным психическим заболеванием, что вновь побуждает задуматься о том, следует ли рассматривать его духовное смятение как внутренний конфликт, возникший в результате сложностей действительно религиозного характера, или как следствие каких-то отклонений в функционировании его желудка или желез. К этому вопросу лучше вернуться после того, как мы узнаем побольше о других периодах его жизни. Сейчас же вполне достаточно отметить, что ни одно заболевание не влияло на потрясающую работоспособность Лютера; что причины его внутреннего конфликта были не плодом воображения, но неотъемлемой частью религии, которую он исповедовал; что эмоциональные реакции Лютера были чрезмерными, как сам он признавал, выйдя из депрессии; что он действительно до конца исчерпал возможности одного из источников помощи, которую предлагало ему средневековое христианство.

Лютер действительно зашел в тупик. Для того чтобы быть прощенными, грехи должны быть исповеданы. Для того чтобы в них исповедаться, грехи необходимо распознать и помнить. Если же они не распознаны и не сохранены в памяти, исповедаться в них невозможно. Единственный выход из этого тупика заключался в отказе от самой исходной предпосылки. Но Лютер к этому еще не был готов. В этот период Штаупиц много помогал ему, стремясь повернуть ход его мыслей от индивидуальных грехов к природе человека. Позднее Лютер обобщил все, к чему он пришел, сказав, что врачу нет необходимости исследовать каждую язву, чтобы убедиться в том, что у пациента оспа, равно как и не

следует лечить ее, исцеляя каждый нарыв по отдельности. Концентрировать внимание на отдельных грехах - совет отчаяния. Когда Петр попытался пройти по воде, он начал тонуть. Вся природа человеческая нуждается в изменении.

Такова была точка зрения мистиков. Штаупиц принадлежал к их числу. Хотя мистики и не отвергали систему епитимий, они предлагали в значительной степени иной путь спасения, который был обращен к человеку в целом. Поскольку человек слаб, он должен прекратить борьбу; позвольте ему сдаться перед бытием и любовью Божьей.

Новая жизнь, по их словам, требует подготовительного периода, который заключается в преодолении всех требований своего "я", всякого высокомерия, гордыни, эгоистических стремлений - всего, что имеет отношение к таким понятиям, как "я", "мне" и "мое".

Каждая попытка Лютера заслужить Божье благоволение была выражением его эгоистических устремлений. Вместо того чтобы бороться, ему надлежало смириться и раствориться в Боге. Вершина мистического пути - поглощение твари в Творце, капли в океане, пламени свечи в солнечном сиянии. Отказавшись от борьбы, человек преодолевает беспокойство, перестает метаться, предает себя Вечному и в бездне Сущего обретает покой.

Лютер испробовал этот путь. Временами он ощущал такую приподнятость, будто он уже пребывает среди сонмов ангелов, но чувство отчужденности возвращалось вновь. Мистики знали и это. Они называли такое состояние темной ночью души, иссушением, угасанием огня под горшком, пока вода в нем не перестает кипеть. Мистики советовали ждать, пока не вернется ощущение возвышенности. К Лютеру оно так и не вернулось, поскольку слишком велика была пропасть отчуждения, разделявшая Бога и человека. При всем своем бессилии человек - бунтовщик, восставший против своего Творца.

Глубина охватившей Лютера тревоги объяснялась тем, что он ощущал одновременно все проблемы, окружавшие человека. Будь он в состоянии заняться каждой из них поочередно, эту тревогу легче можно было бы смягчить. Тем, кого беспокоят отдельные грехи, Церковь предлагает прощение через систему наказаний, но амнистия доступна на недостижимых, как выяснил Лютер, условиях. Для тех, кто слишком слаб для того, чтобы пройти эти испытания, существует мистический путь отказа от борьбы и растворения в Божестве. Но Лютер оказался не в состоянии представить Бога как бездну, гостеприимно принимающую полного скверны человека. Бог - святой, величественный, Он сокрушает и уничтожает.

"Ведомо ли вам, что Бог пребывает в недостижимом свете? Мы, твари слабые и невежественные, желаем исследовать и уяснить непостижимое величие недоступного света чуда Божьего. Мы же подступаем; мы готовим себя к тому, чтобы подступать. Удивительно ли, в таком случае, что Его величие сокрушает и потрясает нас?!"

Столь глубока была охватившая Лютера тревога, что самые испытанные средства, предлагаемые религией, не могли ему помочь. Даже молитва не приносила желанного успокоения; ибо когда он стоял на коленях, искушитель подкрадывался и шептал: "Милейший, за что ты молишься? Посмотри, какой покой вокруг тебя! Неужели ты думаешь, что Бог слышит твою молитву и обращает на нее внимание?"

Штаупиц стремился убедить Лютера в том, что он чрезмерно усложняет религию. Требуется, в сущности, лишь одно - любить Бога. Это было еще одно излюбленное наставление мистиков, но слово, предназначенное нести утешение, ранило, словно стрела.

Как можно любить Бога, Который подобен всепоглощающему пламени? Псалом призывает: "Служите Господу со страхом". Кто же, в таком случае, способен любить Бога гневного, осуждающего и проклинающего? Один лишь вид распятия для Лютера был подобен удару молнии. И тогда он готов был бежать от гневного Сына к милостивой Матери. Он взывал к святым - к двадцати одному, избранным им в качестве своих покровителей, по три на каждый из дней недели. Но все было тщетно, ибо какая польза от любого заступничества, если Бог пребывает во гневе?

Последнее и наиболее сокрушительное из всех сомнений обрушилось на молодого человека. А может быть, несправедлив Сам Бог? Это опасение возникало в форме двух умозаключений, в зависимости от точки зрения на Господа и Его поступки. Оба взгляда основывались на том, что к Богу как Абсолюту не приложимы мерки человеческой справедливости. Поздние схоласты, среди которых Лютер получил образование, полагали, что Бог до такой степени необусловлен, что Он не может быть связан правилами иными, кроме тех, которые Им же и установлены. Он никоим образом не обязан вознаграждать человека за его достижения, сколь бы похвальными они ни были. Вполне естественно ожидать награды от Бога, но нельзя быть в ней уверенным. Для Лютера это означало, что Бог капризен и судьба человеческая непредсказуема. Второе умозаключение было еще более смущающим, поскольку, согласно этой точке зрения, судьба человека уже определена, возможно, не в его пользу. Бог абсолютен до такой степени, что для непредвиденного не остается места. Судьба человека определена со времени основания мира. В значительной степени уже установлен и характер человека. Подобная точка зрения представлялась для Лютера тем более убедительной, что ее разделял покровитель братства, к которому он принадлежал, - св. Августин. Следуя за Павлом, он полагал, что Бог уже избрал одни сосуды - для чести, а другие - для бесчестия, независимо от их достоинств. Погибшие погибли, что бы они ни делали; спасенные спасены, независимо от их деяний. Для тех, кто полагал себя спасенными, это было невыразимым утешением; но для тех же, кто считал себя погибшими, подобная мысль становилась источником жесточайших мучений.

Лютер восклицал:

"Разве не противоречит всяческому здравому рассуждению, что Бог из одной лишь прихоти оставляет людей, ожесточает и проклинает их, как бы обретая удовольствие в их прегрешениях и в тех муках, на кои обречены эти падшие навеки, - Он, Который, как полагают, столь милосерден и благ? Это представляется чудовищным, жестоким и нетерпимым в Боге, Которым столь многие были осуждены за прошедшие века. Да и кто бы мог избежать сего? И сам я неоднократно был подводим к самому краю бездны отчаяния, страстно сожалея о том, что был сотворен. Любить Бога? Я ненавижу Его".

Богохульное слово прозвучало. А богохульство есть наитягчайший из всех грехов, поскольку это оскорбление наивысшего из всех существ - Бога Всемогущего. Лютер поведал об этом Штаупицу, на что тот ответил: "Ich verstehe es nicht!" - "Я этого не понимаю!" В таком случае не был ли Лютер единственным в мире, кто испытывал подобные страдания? Неужели сам Штаупиц никогда не подвергался такому испытанию? "Нет, - ответил тот, - но я полагаю, что вы упиваетесь им". Он совершенно определенно подозревал, что находит удовлетворение в своих сомнениях. Ободрить его Штаупиц мог лишь напоминанием о том, что кровь Христова была пролита во оставление грехов. Но Лютер был слишком поглощен картиной Христа-Отмстителя, чтобы утешиться мыслью о Христе-Искупителе.

Штаупиц попытался найти какое-то действенное средство, способное исцелить этот пребывающий в сомнениях дух. Он распознал в Лютере человека, в котором сочетались нравственная честность, тонкое ощущение религиозных проблем и необычайная одаренность. Невозможно было понять, почему столь неотвязно и остро он мучается сомнениями. Ни обычная логика, ни утешения не помогали. Однажды, беседуя под грушевым деревом в саду августинского монастыря (Лютер всегда с теплотой вспоминал эту грушу), викарий сообщил брату Мартину о том, что ему следует учиться для получения докторской степени, что он должен проповедовать и возглавить кафедру библейских исследований в университете. Потрясенный Лютер привел пятнадцать доводов в пользу того, что он не может на это согласиться. Все вместе эти доводы говорили, что он просто не выдержит такого объема работы. "Ничего, - сказал Штаупиц, - у Бога много работы для умного человека на небесах".

Потрясение Лютера было вполне понятным, поскольку сделанное Штаупицем предложение казалось не просто смелым, но безрассудным. Назначить молодого, находящегося на грани нервного срыва под тяжестью неразрешенных религиозных проблем человека преподавателем, проповедником и наставником для больных душ! Штаупиц фактически говорил: "Врач, исцели себя, исцеляя других". Должно быть, он почувствовал в Лютере здоровую основу. Будучи ответственным за исцеление душ, Лютер вынужден будет ради их блага от угроз обратиться к обетованиям, и благодать, которую он станет призывать на других, распространится также и на него.

Штаупиц также знал, что Лютеру поможет и предмет, который ему предстоит изучить. Предложенную ему кафедру библейских исследований ранее возглавлял сам Штаупиц. Есть искушение представить дело так, будто он ушел в отставку, чтобы ненавязчиво побудить своего пребывающего в смятении брата к исследованию основной Книги его религии. Можно лишь удивляться тому, почему эта мысль не пришла в голову самому Лютеру. Причина же этого не в недоступности Библии, но в том, что Лютер изучал тот курс, который был ему предписан, а Библия не воспринималась как вершина богословского образования.

Тем не менее всякий, кто стремится раскрыть тайну христианства, неизбежно приходит к Библии, поскольку христианство основано на том, что происходило в прошлом, - на воплощении Бога во Христе в определенный момент в истории. Это событие отражает Библия.

Соприкосновение с Евангелием

Лютер погрузился в изучение и толкование Писания. 1 августа 1513 года он приступил к чтению лекций по Псалтири. Осенью 1515 года Лютер читал курс по Посланию Павла к Римлянам. Послание к Галатам стало предметом исследования в 1516 - 1517-е годы. Эти исследования оказались для Лютера его дорогой в Дамаск. Третий важнейший религиозный кризис, который избавил его от сомнений, был подобен тихому, слабому голосу по сравнению с землетрясением первого кризиса, случившегося во время грозы под Штоттернгеймом, и пламенем второго потрясения, которое охватило Лютера, когда он служил свою первую мессу. *No coup de foudre* - третий кризис не был вызван ни небесными явлениями, ни религиозной церемонией. И произошло это третье потрясение не в страшную бурю на пустынной дороге и даже не перед святым алтарем, но в одной из келий башни августинского монастыря. Проблемы Лютера оказались решены во время исполнения повседневных обязанностей.

Библия Лютера

Первые свои лекции он прочел по Псалтири. Здесь уместно упомянуть о его методе подхода к Псалтири и к Ветхому Завету в целом. Для Лютера и для его времени это была христианская книга, предвещающая жизнь и смерть Искупителя.

Вне всяких сомнений, речь шла о Христе, когда, читая 21-й псалом, во втором его стихе Лютер увидел слова, произнесенные умирающим на кресте Христом: "Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил Меня?" Что это должно означать? Совершенно очевидно, что Христос ощущал Себя оставленным, покинутым Богом, забытым. Христос также был *Anfechtungen* - искушаем. Сам Христос испытал полную оставленность, которую, по словам Лютера, невозможно было вынести и десятую долю часа и не погибнуть при этом. Отвергнутый людьми. Он был отвергнут также и Богом. Насколько же больнее осознание этого ранило Его, чем плети, шипы и гвозди! В Гефсимании кровавый пот выступил на теле Христа, чего не случилось даже на кресте. Нисхождение Христа в преисподнюю было не чем иным, как ощущением отчужденности от Бога. Христос перенес те же страдания, что и Лютер, или, точнее, Лютер пережил страдания, через которые прошел Христос. Подобное пережил и Альбрехт Дюрер, изобразивший себя в образе Мужа Скорбей.

Но отчего Христу надлежало познать такое отчаяние? Лютер хорошо знал, по какой причине отчаяние охватывало его: он был слаб в присутствии Всемогущего; он был запятнан в присутствии Святого; он оскорбил своим богохульством Бога-Вседержителя. Но Христос не был слаб; Христос не был запятнан; Христос не богохульствовал. Тогда почему такое отчаяние должно было страшной тяжестью обрушиться на Него? И единственный ответ мог заключаться в том, что Христос взял на Себя все наши беззакония. Безгрешный "ради нас стал грехом" и до такой степени отождествил Себя с нами, что разделил и наше отчуждение. Бывший воистину Человеком, Он так полно ощущал Свою общность с человечеством, что вместе с людьми ощутил отделенность от Всесвятого. Сколь иным предстал теперь Христос! Где же, в таком случае. Судия, Который, восседая на радуге, готовится судить грешников? Он - воистину Судия. Он должен судить - подобно тому, как истина судит заблуждение и как свет судит тьму, - но в Своем суде Христос страдает вместе с теми, кого Ему предстоит осудить, поэтому Он ощущает и Себя объектом осуждения. Судия на радуге предстал Отверженным на кресте.

Из этого и возникала иная картина Бога. Бесстрашный является также и Всемиловитвейшим. Гнев и любовь соединились на кресте. Злодеяния греха нельзя ни отвергнуть, ни простить; но Бог, желающий не погибели грешника, но чтобы тот обратился и жил, обрел примирение в муках горькой смерти. Суть не в том, будто Сын Своей жертвой умиловитвил гневного Отца; и не в том, что Господь Своей самоотверженной благостью возместил нашу несостоятельность. Главное же, что неким непостижимым образом в полном одиночестве оставленного Христа Бог смог примирить мир с Собой. Это вовсе не означает, что тайна разрешилась. И сейчас густая мгла временами окутывает Бога. Возникает ощущение, будто существует два Бога: непостижимый Бог, пути Которого неведомы; и Бог, Который раскрыл нам Себя во Христе. Он и сейчас всепоглощающий огонь, но цель Его горения состоит в том, чтобы очищать, исправлять и исцелять. Перед нами не Бог праздных капризов, поскольку крест еще не последнее слово. Тот, Кто отдал Сына Своего на смерть, также и воскресил Его. Он воскресит вместе с Сыном и нас, если мы вместе с Ним умрем во грехе, чтобы иметь возможность восстать к новой жизни.

Кто способен это постигнуть? Философии тут недостаточно. Лишь верою можно проникнуть в столь высокую тайну. В кресте есть неразумность, скрытая от премудрых и рассудительных. Оставьте разум. Он не способен уяснить, что "Бог скрывает силу Свою в

слабости, мудрость Свою в неразумности, благодать Свою в суровости, справедливость Свою во грехе, милость Свою во гневе".

Сколь изумительно, что Бог все это сделал во Христе; что Всевышний, Всесвятой есть одновременно и Вселюбящий; что непостижимый Вседержитель снизошел до того, что облекся в нашу плоть, обретя способность испытывать голод и холод, смерть и отчаяние! Мы видим, как Он лежит в хлеву в яслях для домашних животных, как Он работает в столярной мастерской, как Он умирает отверженным за грехи мира. Евангелие - это не столько чудо, сколько диво, и каждая его строка вызывает благоговейное изумление.

То, что Бог изначально сделал во Христе, Он должен сделать также и в нас. Если Безвинный был оставлен на кресте, то мы, воистину отчужденные от Бога, должны испытывать глубокое страдание. Мы не должны укорять Его за это, ибо это боль и страдание исцеления.

"Покаяние, исполненное успокаивающими мыслями, есть лицемерие. В нем должны присутствовать огромная искренность и глубокая боль, если старому человеку надлежит исчезнуть. Когда молния поражает дерево либо человека, она вызывает одновременно двоякий результат - она раскалывает дерево или мгновенно умерщвляет человека. Но она при этом поворачивает лик умершего и сломанные ветви самого дерева к небесам... Мы стремимся к спасению, и Бог, дабы иметь возможность спасти, осуждает... Именно осужденные бегут от осуждения, ибо Христос был наиболее осужденным и оставленным из всех святых".

Размышления о кресте убедили Лютера в том, что Бог не злобный и не капризный. Если, подобно самарянину, Бог должен первоначально излить на рану вино, которое вызывает острое жжение, то лишь затем, чтобы потом использовать масло, снимающее боль. Но остается еще проблема правосудия Божьего. Гнев может преобразиться в милость, и Бог все в большей степени предстает христианским Богом; но если правосудие преобразается в терпимость, то как может Он быть именно тем справедливым Богом, о Котором повествует Писание? Размышления апостола Павла оказались неизмеримой ценностью для Лютера, одновременно воздвигнув перед ним последний камень преткновения, поскольку Павел однозначно говорит о правосудии Божьем. Уже одно это слово повергало Лютера в трепет. И все же он упорно боролся с Павлом, который явно занимался решением именно этой проблемы и нашел ее решение. В конце концов сквозь исследование точных оттенков значения греческих слов пробился луч света. Понятно, почему Лютер не соглашался с теми, кто отвергал человеческие средства познания. В греческом оригинале посланий Павла слово "правосудие" имеет двойное значение, и его можно перевести и как "правосудие", и как "оправдание". Первое значение подразумевает строгое исполнение закона, когда судья выносит тот приговор, который заслужил обвиняемый. Оправдание же есть некий процесс, который иногда происходит, если судья приостанавливает исполнение приговора, отпускает осужденного на поруки, выражает веру в него и свою личную заинтересованность в его судьбе, принимая тем самым такое решение, согласно которому и человек не погиб, и справедливость восторжествовала более полно, нежели при буквальном следовании закону. Подобным же образом нравственное совершенствование, проистекающее из христианского опыта нового рождения, может рассматриваться в качестве исполнения правосудия Божьего, даже при том, что оно далеко от совершенства.

Но, начиная с этого момента, все человеческие аналогии оказываются несостоятельными. Бог не обуславливает Свое прощение выполнением нами каких-либо обязательств. И человек не может достичь примирения с Богом с помощью каких бы то ни было своих

дел, настоящих или предполагаемых. В распоряжении человека есть лишь вера - то есть убежденность в том, что Бог во Христе стремится спасти его; доверие к обетованиям Божиим и готовность посвятить себя выполнению Его воли, готовность следовать Его путем. Вера не может рассматриваться как достижение. Она - дар. Но при этом вера приходит через слушание и изучение Слова Божьего. В этом отношении опыт Лютера очень показателен. Для обозначения всего процесса обновления человека Лютер заимствовал из терминологии Павла понятие "оправдание верою".

Вот собственные слова Лютера:

"Я жаждал уяснить Послание Павла к Римлянам, и ничто не мешало мне на моем пути, помимо одного выражения - "правосудие Божие", ибо я понимал его как правосудие, каковым Бог являет Свою справедливость и вершит справедливый суд над неправедными. Положение мое было таково, что я, хотя и безупречный монах, стоял пред Богом грешником со смятенной совестью, и не имел я уверенности, что заслуг моих будет достаточно для того, чтобы умиловать Его. Поэтому я не любил справедливого и гневного Бога, нет, скорее я ненавидел Его и возмущался Им. Но при этом я усердно держался Павла и изо всех сил стремился уяснить для себя смысл его слов.

Денно и ночью усердно трудился я, доколе не узрел связи между правосудием Божиим и словами о том, что "праведник верою жив будет". И понял я тогда, что правосудие Божье есть такая правда, которой, благодатью и по одной лишь милости, Бог оправдывает нас через веру. Уяснив это, осознал я себя родившимся вновь, как бы прошел я раскрытыми воротами рая. Все Священное Писание обрело для меня новый смысл, и "правосудие Божие", наполнявшее меня ранее ненавистью, приобрело теперь невыразимую сладость в величайшей любви. Сии слова Павла стали для меня воротами в рай...

Если есть в вас истинная вера в то, что Христос ваш Спаситель, то вы обрели милостивого Бога, ибо вера ведет вас и открывает пред вами сердце Божье и Его волю, дабы вы могли узреть чистую благодать и преизобилующую любовь. Для того чтобы постигнуть

Бога в вере, вам следует заглянуть в Его отцовское, благорасположенное сердце, в котором нет ни гнева, ни черствости. Перед глазами того, кто видит Бога гневным, - неверная картина, он упирается взглядом в завесу, как если бы мрачное облако заслоняло Его лик".

Лютер пришел к новому пониманию Христа и новому пониманию Бога. Он постиг ту любовь, которая была явлена страдающим Искупителем и Богом на Голгофе. Но достаточно ли в Нем силы для того, чтобы избавить его от воинства ада? Крест разрешил конфликт между гневом и милостью Божиими, а Павел помог ему примирить непоследовательность между правосудием Господа и Его прощением, но как быть с конфликтом между Богом и дьяволом? Является ли Бог господином всего или Он Сам вынужден обороняться от бесчисленных демонов? Всего несколько лет назад подобные вопросы показались бы современному человеку рудиментами средневековья, а страх перед бесами рассеивался простым отрицанием их существования. Сегодня нас окружает столько страха, что мы уже готовы допустить наличие сил зла в сферах небесных. Всем познавшим муки психического расстройства хорошо понятен образ простирающихся к человеку дьявольских рук, готовых утащить его в бездну. Лютер решил этот вопрос не с научной, но с религиозной точки зрения. Он рассеял бесов, но не тем, что направил на них яркий луч света, нет, для Лютера они были обращены в бегство давным-давно, когда разодралась завеса в храме, и земля заколебалась, и тьма опустилась на лик земли.

Христос в Своих жестоких муках принял на Себя гнев и милосердие Божьи, повергнув в бегство все сатанинские полчища.

Глава четвертая

УДАР

Новые взгляды Лютера составили основу его зрелого богословия. Выдающиеся идеи были высказаны им на лекциях по Псалтири и Посланию к Римлянам, которые читались с 1513 по 1516 гг. После этого Лютер лишь комментировал их и отшлифовывал, чтобы избежать неверного понимания. Сердцевиной его богословия, вокруг которой располагались все остальные лепестки, было признание того, что грехи прощаются нам по благодати Божьей, совершенно нами не заслуженной. Это стало возможно благодаря кресту Христову, который примирил гнев и милосердие, поверг в бегство воинство ада, одержал победу над грехом и смертью и возвестил посредством воскресения Христова о той силе, которая дарует человеку способность умереть для греха и восстать для новой жизни. Это, безусловно, была теология Павла, возвышенная, отточенная и проясненная. Далее этих кардинальных выводов Лютер не продвинулся. Созидательная сторона его дальнейшего развития проявлялась в разработке практических наставлений для своей теории таинств и Церкви; а разрушительная - в раскрытии тех положений, в которых современный ему католицизм отклонялся от учения Библии. Изначально Лютер намечал реформу лишь богословского образования, считая необходимым основное внимание уделить Библии, но не постановлениям Церкви и схоластике. И дело вовсе не в его равнодушии к тому дурному, что происходило в Церкви! В своих конспектах лекций по Посланию к Римлянам он неоднократно гневно выступал против роскоши, ненасытности, невежественности и алчности церковнослужителей, и откровенно порицал сутяжничество воинственного папы Юлия II. Однако сомнительно, чтобы эти мысли действительно высказывались им в лекциях, поскольку в студенческих конспектах мы не находим никакого упоминания о них. Фактически протест против творившихся в Церкви безнравственных злоупотреблений звучал в сердце Лютера гораздо тише, чем в сердцах некоторых его современников.

Одна из причин заключалась в том, что он был слишком занят. В октябре 1516 года Лютер писал своему другу:

"У меня нашлась бы работа для двух секретарей. Весь день я только и делаю, что пишу письма. Я выступаю в роли обыкновенного проповедника, трапезного чтеца, приходского священника, профессора, настоятеля одиннадцати монастырей, надзирающего над прудами в Лицау, мирского судьи в Торгау, лектора о Павле, я собираю материал для комментария к Псалтири и, помимо того, как я уже упоминал, перегружен письмами. Редко могу я в полной мере посвятить себя уставным часам церковных молитв или служению обедни, не упоминая уже о моих собственных искушениях миром, плотью и дьяволом. Ты видишь, в какой лени я живу".

Но именно из таких трудов и родилась его деятельность реформатора.

Будучи приходским священником деревенской церкви, Лютер нес ответственность за духовное благоденствие своего стада. Его прихожане запасались индульгенциями точно так же, как некогда делал он сам. Рим был. не единственным местом, где подобная милость являлась доступной, поскольку папа наделил многие церкви привилегией выдачи индульгенций. Замковая церковь в Витгенберге обладала очень редким правом выдавать полное отпущение всех грехов. Для этой церемонии было избрано первое ноября - День

всех святых, заслуги которых создавали основу для индульгенций. В этот же день выставлялись на обозрение их мощи. Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии, князь Лютера, был человеком простой и искренней набожности, посвятившим всю свою жизнь тому, чтобы Виттенберг стал германским Римом, коллекция святых реликвий которого могла бы сравниться с Вечным городом. Он объездил всю Европу, проводя дипломатические переговоры по обмену святыми реликвиями. Датский король, например, направил ему мощи короля Кнута и св. Бригитты.

Центром всей коллекции был настоящий шип из венца Христа, пронзивший - это официально удостоверялось - бровь Спасителя. Начав с этого наследованного им сокровища, Фридрих расширил свою коллекцию настолько, что каталог 1509 года, иллюстрированный Лукасом Кранахом, перечислял 5005 реликвий, на основании которых выдавались индульгенции, способные, как было подсчитано, сократить срок пребывания в чистилище на 1443 года. Коллекция включала в Фридрих Мудрый любителю Девой и Младенцем себя один зуб св. Иеронима; четыре части тела св. Иоанна Златоуста; шесть частей св. Бернарда; четыре - ев; Августина; четыре волоса Богородицы; три части ее одежды; четыре части ее пояса; семь частей ее покрывала, забрызганного кровью Христа. Из святых реликвий, относящихся непосредственно ко Христу, можно было назвать одну часть Его погребального пеленания, тринадцать частей яслей, в которых Он лежал; одну соломинку из них; одну частицу золота и три частицы мирры из даров, принесенных мудрецами; один волос из бороды Иисуса; один из гвоздей, вбитых в Его руки; один кусочек от хлебов Тайной вечери; один кусочек от камня, на котором стоял Иисус перед Своим вознесением на небеса, и одну ветвь неопалимой купины - куста, из которого Бог говорил с Моисеем. К 1520 году коллекция уже насчитывала около 19013 святых мощей. Те, кому удалось обозреть эти реликвии в назначенный день и кто внес установленное пожертвование, имел право на получение от папы индульгенций, сокращавших срок пребывания в чистилище либо для них самих, либо для других людей, вплоть до 1902202 лет и 270 дней. Таковы были сокровища, выставляемые на обозрение в День всех святых.

Во время своих проповедей, прочитанных в 1516 году, Лютер трижды критически отзывался об этих индульгенциях. Третий из этих случаев произошел в Халловее на канун праздника всех святых. По всем пунктам Лютер говорил спокойно и без особой определенности. Но в одном он был совершенно уверен. Никто, заявил он, не может знать, является ли отпущение грехов полным, поскольку полное отпущение дается лишь тем, кто в достаточной степени покался и исповедался. Но никому не дано знать, какая степень покаяния и исповеди может считаться совершенно достаточной. Предположение о том, что папа способен освобождать души из чистилища, есть высокомерие. Если папа на это способен, тогда с его стороны жестоко не освободить всех. Но если он обладает такой способностью, тогда для умерших он может сделать больше, нежели для живущих. В любом случае приобретение индульгенций представляется в высшей степени опасным делом и вполне способно привести к самодовольству. Индульгенции могут отпустить лишь те личные прегрешения, которые упоминаются Церковью, и легко допустить, что они вступают в противоречие с внутренним покаянием, которое заключается в истинном раскаянии, истинной исповеди и истинном удовлетворении в духе.

Лютер вспоминает, что эта проповедь была воспринята курфюрстом с неудовольствием. Что ж, это вполне объяснимо, поскольку индульгенции служили не просто инструментом для передачи достоинств святых, но также и средством для пополнения казны. Индульгенции были азартной игрой XVI века. Начало этой практике положено крестоносцами. Первоначально индульгенции выдавались тем, кто пожертвовал или рисковал своей жизнью в войне против безбожников. Затем они стали выдаваться также и людям, которые не могли отправиться в Святую землю, но поддерживали это предприятие

своими средствами. Изобретение оказалось столь доходным, что очень быстро распространилось также и на тех, кто жертвовал на строительство церквей, монастырей и больниц. Таким образом финансировалось строительство готических соборов. Фридрих Мудрый использовал индульгенции для сбора средств на ремонт моста через Эльбу. Следует, однако, отметить, что выдача индульгенций никогда не опускалась до простой торговли ими. Искренне расположенные проповедники стремились пробудить чувство греха, и можно предположить, что индульгенции выдавались лишь тем, кто явил подтверждение своего раскаяния. Сегодня, однако, Церковь с готовностью допускает, что торговля индульгенциями была практикой, распространенной настолько, что проповедник того времени указывал на три необходимых для ее получения условия: раскаяние, исповедь, денежное пожертвование.

Карикатура Гольбейна особо подчеркивает, что момент выдачи бумаги с отпущением грехов не должен был опережать опускание денег в сундук. На карикатуре мы видим зал с восседающим на троне папой. Это, возможно, Лев X, поскольку на стенах красуется герб Медичи. Папа вручает индульгенцию коленопреклоненному Доминиану. По обе стороны от папы на хорах мы видим многочисленных представителей знати. Один из них возложил руку на голову стоящего на коленях молодого человека, тростью указывая на большой обитый железом сундук, в который женщина опускает свои скромные гроши. Слева несколько монахов-доминиканцев готовят и выдают индульгенции. Один из них отталкивает нищего, которому нечем заплатить; другой же внимательно пересчитывает деньги, придерживая индульгенцию у себя до тех пор, пока не получит необходимой суммы. Для контраста на другой стороне карикатурист изобразил истинное покаяние Давида, Манассии и знаменитого грешника. Все они обращаются только к Богу.

Выдаваемые в Виттенберге индульгенции служили средством для содержания Замковой церкви и университета. Высказанные Лютером резкие слова ударили, таким образом, по его же учебному заведению. Этот первый удар, безусловно, еще не был восстанием эксплуатируемого немца против того обмана, при помощи которого алчное папство грабило его страну. Сколь ни сильны были эти мотивы у сторонников Лютера в последующие годы, не ими он руководствовался, нанося папству свой первый удар. Лютер был священником, ответственным за вечное благоденствие своих прихожан. Он должен предостеречь их от духовной западни, чем бы это ни грозило Замковой церкви и университету.

В следующем, 1517 году внимание Лютера привлек еще один случай торговли индульгенциями, чреватый далеко идущими последствиями. В основе этой аферы лежали притязания дома Гогенцоллернов на контроль над всей церковной и светской жизнью Германии. Прекрасным средством для достижения этой цели было сосредоточение принадлежащих Церкви бенефиций в руках одного семейства, поскольку каждый епископ контролировал огромные доходы, а некоторые епископы были помимо этого еще и князьями. Принадлежавший к дому Гогенцоллернов Альбрехт Бранденбургский, еще не достигнув того возраста, когда, согласно церковным канонам, допустимо рукоположение в епископский сан, уже возглавлял Гальбершпадскую и Магдебургскую епархии, претендуя при этом на сан архиепископа Майнцского, что сделало бы его примасом Германии.

Альбрехт знал, что за этот пост необходимо хорошо заплатить. Плата за получение сана составляла десять тысяч дукатов, а приход дать ее не мог, поскольку смерти трех архиепископов в течение одного десятилетия истощили его. Один из этих архиепископов принес извинения за то, что умирает спустя всего лишь четыре года после принятия сана, тем самым заставив свое стадо вновь собирать средства на оплату вступления в должность

его преемника. Епархия предложила этот пост Альбрехту, если он сумеет собрать необходимые средства самостоятельно. Альбрехт признавал, что ему придется заплатить папе за то, чтобы в нарушение церковных канонов возглавить три епархии сразу. Возможно, еще больше придется заплатить за противодействие тому давлению, которое будет оказывать на папу соперничающий с Гогенцоллернами дом Габсбургов.

Но при всем этом Альбрехт был уверен, что деньги свое дело сделают хотя бы потому, что папа остро в них нуждается. В данный момент папой был Лев X из дома Медичи - изысканный и ленивый, как персидский кот. Главным достоинством папы была его способность проматывать средства святейшего престола на карнавалы, войну, азартные игры и охоту. Весьма редко он отвлекался от развлечений для того, чтобы заняться своими папскими обязанностями. Лев носил высокие охотничьи сапоги, что мешало целовать его стопы. Его мотовство привело к растрате богатств трех пап: его предшественника, его самого и его преемника. Католический историк Людвиг фон Пастор заявил, что возведение в критический час на престол св. Петра "человека, который едва ли реально признавал те обязательства, которые связаны с этим высоким постом, было одним из жесточайших испытаний, которым Бог когда-либо подвергал Свою Церковь".

В данный момент Лев особенно нуждался в средствах для завершения начатой его предшественником работы - строительства нового собора св. Петра. Старая деревянная базилика времен императора Константина была признана негодной, и отличавшийся огромной энергией папа Юлий II побудил консисторию утвердить грандиозный строительный проект, суть которого заключалась в том, чтобы возвести над останками апостолов Петра и Павла купол столь же огромный, как Пантеон. Было построено основание; Юлий умер; работа остановилась; колонны заросли травой; папой стал Лев; он нуждался в деньгах.

Переговоры между Альбрехтом и папой велись при посредничестве немецкого банковского дома Фуггеров, монопольно распоряжавшегося папскими финансами в Германии. Когда Церкви требовались средства в счет будущих пожертвований, она занимала их под проценты у РОТШИЛЬДОВ или морганов XVI века. Для выплаты долгов выдавались индульгенции, а Фуггеры контролировали денежные поступления.

Понимая действительную роль, которую играло семейство Фуггеров, Альбрехт обратился именно к нему для предварительных переговоров. Он знал, что папа потребовал двенадцать тысяч дукатов за двенадцать апостолов. Альбрехт же предложил семь тысяч за семь смертных грехов. В результате компромисса сошлись на десяти тысячах - скорее всего, не за Десять заповедей. Альбрехт должен был выплатить деньги прежде, чем получить сан, к которому он стремился. И эту сумму он занял у Фуггеров.

Затем папа, давая возможность Альбрехту возместить понесенные убытки, наделил его правом выдавать индульгенции на своей территории в течение восьми лет. Помимо уже выплаченных десяти тысяч дукатов половина вырученной от продажи индульгенций суммы должна была пойти папе для строительства нового собора св. Петра; вторая же половина предназначалась для погашения долга Фуггерам.

Эти индульгенции не выдавались в приходе Лютера, поскольку Церковь не имела права распространять индульгенции без согласия на то гражданских властей, а Фридрих Мудрый не давал такого разрешения в своих землях, поскольку не желал, чтобы доходы от индульгенций на собор св. Петра сокращали прибыль от индульгенций, которые будут проданы в день Всех святых в Витгенберге. Соответственно торговцы индульгенциями не переступали границ Саксонии, находившейся под властью курфюрста, но тем не менее

действовали в окрестностях княжества, и прихожане Лютера имели возможность переходить границу и получать самые потрясающие отпущения грехов. Инструктируя своих продавцов индульгенций, Альбрехт побил все рекорды притязаний на духовные блага, которые способны были дать индульгенции. Он ни словом ни обмолвился о выплате своего долга Фуггерам. В "Бранденбургской инструкции" Альбрехт утверждал, что его святейшество папа Лев X выдал всеобщую индульгенцию для покрытия издержек на исправление того прискорбного состояния, в котором пребывали останки блаженных апостолов Петра и Павла, а также бесчисленные мученики и святые, мощи которых плесневели от постоянной сырости, вызванной дождями и градом. Те, кто приобретет подобную индульгенцию, получают всеобщее и полное отпущение всех грехов. Они вернутся в состояние невинности, в котором пребывали в момент крещения, и избавятся от всех мук чистилища, в том числе и тех, которые полагались за оскорбление Всевышнего. Тем, кто приобретает индульгенции ради умерших и уже пребывающих в чистилище, нет необходимости каяться и исповедаться в грехах.

Затем, говорилось далее в инструкции Альбрехта, в местах распространения индульгенций следует водрузить крест Христов и герб папы, чтобы все имели возможность жертвовать по способности. Предполагалось, что для королей и королев, архиепископов и епископов, а также великих князей сумма пожертвования должна составлять двадцать пять золотых флоринов. Для аббатов, прелатов соборов, графов, баронов и других представителей высшей знати, а также их жен сумма снижалась до двадцати флоринов. Другие же прелаты и мелкие дворяне должны жертвовать по шесть флоринов. Бюргеров и торговцев обязывали платить три золотых. Для находящихся в стесненных обстоятельствах вполне достаточно было пожертвовать один золотой.

"И поскольку мы озабочены спасением душ не меньше, чем сооружением этого здания, никто не должен оставлять сего места, не сделав вклада. Самые бедные могут участвовать своими молитвами

Распространение этой индульгенции было доверено опытному торговцу "отпущениями грехов" доминиканскому монаху Тецелю. Когда Тецель приближался к городу, его встречали видные граждане, которые затем вместе с ним входили в город торжественной процессией. Перед Тецелем несли крест с изображением папского герба и папскую буллу об индульгенции, покоившуюся на украшенной золотым шитьем бархатной подушечке. Крест торжественно водружался на рыночной площади, и начиналась проповедь.

"Слушайте! Бог и святой Петр вызывают к вам. Поразмыслите о спасении своей души, а также своих усопших близких. Священник, дворянин, торговец, юная девица, почтенная женщина, юноша, старец, войдите ныне в свою церковь - церковь св. Петра. Взгляните на крест - самый святой из всех, когда-либо водружавшихся на земле и всегда вызывающий к вам. Не кажется ли вам, что вы захвачены яростным вихрем искушений и опасностей мира и не ведаете, суждено ли вам достигнуть небес, - не своим смертным телом, но бессмертной своей душой? Поразмыслите о том, что все, кто покался, исповедался и внес пожертвование, получают полное отпущение всех своих грехов. Прислушайтесь к голосам своих дорогих усопших родственников и друзей, умоляющих вас: "Пожалей нас, пожалей нас! Мы изнываем в ужасных муках, от которых ты можешь избавить нас за жалкие гроши". Неужели вы этого не хотите? Прислушайтесь. Послушайте, что говорит отец своему сыну, мать - дочери: "Мы родили тебя, вскормили, воспитали, оставили тебе наследство, а ты столь жесток и черств, что не желаешь сделать сущий пустяк, чтобы освободить нас. Неужели ты позволишь, чтобы мы погибли здесь, в языках пламени? Неужели из-за тебя обещанная нам слава придет позднее?" Помните о том, что вы

способны освободить их, ибо как только монетка попадет в сундук, душа оставляет чистилище.

Неужели всего за несколько грошей вы не приобретете эти индульгенции, которые смогут привести вашу божественную и бессмертную душу в рай - ее отечество?"

Из-за наложенного Фридрихом Мудрым запрета в Виттенберге подобные речи не звучали, но Тецель был неподалеку от границ Саксонии, и прихожане Лютера вполне могли отправиться в путь и вернуться с полученным прощением грехов. Они даже сообщали о том, что, по словам Тецеля, папские индульгенции способны освободить от наказания человека, который нанес оскорбление Богородице, и что крест с папским гербом, который устанавливают продавцы индульгенций, приравнивается ко кресту Христа. Несколько позже один из сторонников Лютера нарисовал карикатуру, на которой был изображен пустой крест, пробитый гвоздями, и терновый венец. Рядом с ним бросался в глаза папский герб семейства Медичи, а на переднем плане торговец индульгенциями продавал свой товар.

Девяносто пять тезисов

Замковая церковь

Мириться с происходящим было невозможно. В канун праздника Всех святых, на котором Фридрих Мудрый будет предлагать индульгенции, вновь выступил Лютер. Но на этот раз он изложил свои мысли в письменной форме, поместив, в соответствии с обычаями своего времени, на дверях Замковой церкви листок, на котором на латыни были отпечатаны девяносто пять тезисов, предложенных для обсуждения. Скорее всего, в то время Лютеру были неизвестны подробности сделки Альбрехта. Должно быть, он знал, что Альбрехт получит половину доходов, но обрушился Лютер исключительно на знаменитую проповедь Тецеля и письменные инструкции Альбрехта, которые знаменовали собой венец бесстыдных уверений в действенности индульгенций. Сикст IV в 1476 году обещал немедленное освобождение находившимся в чистилище душам. Таким образом, разглагольствования Тецеля основывались на авторитете папы. А Лев X в 1513 году обещал участникам крестовых походов всеобщее отпущение всех грехов и примирение со Всевышним. Альбрехт объединил все предыдущие обещания и в дополнение к ним полностью расстался с требованиями покаяния для тех, кто приобретал индульгенции ради умерших, пребывающих в чистилище.

"Тезисы" Лютера отличались от обычных предложенных для дискуссии вопросов тем, что сформулированы они были во гневе. Это девяносто пять резких, смелых и решительных утверждений. Позднее, в ходе дискуссии Лютер более полно раскрыл их смысл. Сформулированные вслед за этим выводы опираются как на "Тезисы", так и на последующее более полное их изложение. В "Тезисах" можно выделить три основных положения: возражение против заявленной цели сбора средств, отрицание власти папы над чистилищем и тревога за благополучие грешника.

Прежде всего Лютер обрушился на сформулированное Римом намерение потратить деньги на то, чтобы укрыть мощи св. Петра во вселенскую усыпальницу христианства. Лютер колко замечал:

"Доходы всего христианского мира поглощаются этим ненасытным собором. Немцы смеются, когда его именуют общим сокровищем христианского мира. Вскоре все церкви, дворцы, стены и мосты Рима будут сооружаться на наши деньги. Нам прежде всего

подобает воздвигать храмы живые, а не поместные церкви, и уж в последнюю очередь - собор св. Петра, в котором у нас нет никакой нужды. Мы, немцы, не имеем возможности посещать собор св. Петра. Лучше вообще не строить его, чем истощать наши поместные церкви. Было бы лучше, если папа назначил по одному доброму священнику в каждую из церквей, вместо того чтобы жаловать всех вместе индульгенцией. Отчего бы папе не строить собор св. Петра на собственные деньги? Он богаче Креза. Лучше бы ему продать собор св. Петра и раздать деньги беднякам, которых торговцы индульгенциями стригут, как овец. Знай папа о вымогательствах этих торговцев, он предпочел бы, чтобы храм св. Петра лежал в руинах, нежели строить его на содранных шкурах и костях".

Эта полемика получила широкую поддержку среди немцев, которые с нарастающим чувством возмущения говорили о продажности Римской курии, при этом зачастую упуская из виду продажность германских конфедератов. Лютер разделял это заблуждение, поверив нарисованной Альбрехтом картине, согласно которой все деньги идут в Рим, а не в сундуки Фуггерам. Но в определенном смысле эта картина была верной. Альбрехту всего лишь возмещались те деньги, которые уже получил Рим. Как бы то ни было, финансовая сторона виделась Лютеру делом второстепенным. Он готов был положить конец всей практике распространения индульгенций, пусть даже при этом Виттенберг не получит ни гульдена.

Второй основной идеей "Тезисов" было отрицание власти папы над чистилищем в том, что касается и отпущения греха, и освобождения от наказания. Отпущение греха дается кающемуся таинством покаяния.

"Папские индульгенции не снимают вины. Остерегайтесь тех, кто утверждает, будто индульгенции дают примирение с Богом. Власть над ключами не может превратить аттрицию в раскаяние. Кающийся получает полное отпущение грехов и освобождение от наказания без индульгенций. Папа способен простить лишь те епитимьи, которые наложены им самим на земле, ибо Христос не говорил: "Связанное Мною на небесах сможешь развязать на земле"".

Папа не может сократить наказание чистилищем, поскольку оно наложено Богом, и папа не имеет в своем распоряжении сокровищ, которыми он мог бы заплатить за такую сделку.

"Святые не имеют излишних средств. Всякий святой обязан безраздельно любить Бога. Такого понятия, как сверхдолжные добрые дела, не существует. Даже будь у святых излишек подобных дел, они не могли бы сберечь его для кого-то. Святой Дух уже давно и всецело использовал бы их. Христос воистину обладает заслугами, но доколе меня не убедят в обратном, я буду отрицать, что эти заслуги передаются индульгенциями. Все, чем обладает Он, достается грешнику не по милости папы.

Поэтому я утверждаю, что папа не властен над чистилищем. Я с готовностью откажусь от этого утверждения по настоянию Церкви. Если папа воистину обладает властью выпускать из чистилища, то отчего бы ему во имя любви не устранить чистилище вообще, освободив всех томящихся в нем? Если он отпустил неисчислимое количество душ ради презренных денег, то отчего бы ему не опустошить то место ради святейшей любви? Утверждение, что души освобождаются из святилища, есть высокомерие. Утверждать, будто они обретают свободу, как только монета падает в кружку, значит поощрять алчность. Лучше всего для папы было бы отпустить всех без всякой платы. Папа властен лишь ходатайствовать за пребывающие в чистилище души, но властью этой наделен любой приходской священник либо викарий".

До сих пор в нападках Лютера не содержалось ничего, что можно было бы счесть еретическим, да и не он первый критиковал индульгенции. Хотя инструкции Альбрехта основывались на папских буллах, но определенного заявления по этим вопросам не было, и многие богословы поддерживали бы Лютера в его высказываниях.

Но у него в запасе были и более разрушительные слова:

"Индульгенции, безусловно, вредоносны для получающего, ибо они препятствуют спасению, отвращая от благотворительности и внушая ложное чувство безопасности. Христианина должно учить тому, что дающий милостыню лучше получающего прощение. Тот, кто тратит деньги на индульгенции, вместо того чтобы облегчать участь нуждающихся, получает не папскую индульгенцию, но Божье негодование. Нам говорят, что бедных надо поддерживать лишь в случае чрезвычайной необходимости. Выходит, нам не следует одевать нагих и посещать больных. Где здесь чрезвычайная необходимость? Отчего, спрашиваю я, природная доброта обладает такой благостью, что одаривает человека бескорыстно, не подсчитывая необходимость, но из стремления, чтобы ее не было вовсе? А разве любовь Божья, неизмеримо более щедрая, ничего подобного не делает? Разве Христос говорил: "И кто имеет рубашку, пусть продаст ее и купит индульгенцию"? Любовь покрывает множество грехов. Она лучше, нежели все отпущения, выдаваемые Римом и Иерусалимом.

Велика пагубность индульгенций, поскольку они поощряют самодовольство, угрожая, таким образом, спасению. Прокляты те, кто полагает, будто индульгенции непременно обеспечат их спасение. Бог же, напротив, поступает таким образом, чтобы человек ощущал себя погибшим всякий момент, будучи при этом на грани спасения. Будучи готовым оправдать человека, Бог осуждает его. Кого Господь намеревается оживить, того Он должен изначально убить. Благоволение Божье, таким образом, передается посредством гнева, поэтому кажется отдаленным, будучи, в сущности, рядом с человеком. Прежде всего человеку надлежит кричать о том, что нет в нем здоровья. Ему подобает быть охваченным ужасом. Вот в чем боль чистилища. Я не знаю, где оно располагается, но знаю, что в жизни его можно испытать. Я знаю человека, который претерпел такую боль, что, продлись она хотя бы десятую долю часа, он обратился бы в пепел. С этого смятения начинается спасение. Когда человек уверился в том, что он окончательно погиб, тогда сквозь мрак пробивается свет. Покой обретается в Слове Христовом через веру. Не имеющий ее погиб, будь он даже миллион раз прощен папой, а имеющий ее может не желать освобождения из чистилища, ибо истинное раскаяние жаждет наказания. Христиан следует побуждать к тому, что им должно нести свой крест. Тот, кто крестился во Христа, должен быть подобен овце, ведомой на заклание. Достоинства Христа многократно усиливаются, когда они приносят кресты, нежели чем когда они приносят отпущения".

"Девяносто пять тезисов" Лютера охватывали широчайший спектр чаяний народа - от жалоб угнетенных немцев до ночного вопля истрадавшей души. Одни требовали финансовых послаблений, в других же звучал призыв распять себя. Массам было ближе первое. Лишь немногие избранные и просветленные духом способны были в полной мере постигнуть полное значение второй части "Тезисов", и в то же время именно во второй части и заключался тот заряд, который способен был породить народную революцию. Жалобы на финансовые злоупотребления звучали уже более столетия - и совершенно бесплодно. Подвигнуть людей на действие был способен лишь тот, кто видел в индульгенциях не просто корыстную затею, но богохульство против святости и милосердия Божьего.

Лютер не предпринимал никаких шагов для распространения своих тезисов в народе. Он лишь пригласил студентов обсудить их, а знатных господ - высказать свое отношение; но нашлись люди, которые тайно перевели тезисы на немецкий язык и позаботились о том, чтобы их напечатать. Вскоре о них заговорила вся Германия. Сказанное Карлом Бартом о своем неожиданном превращении в реформатора в полной мере относится и к Лютеру - он был подобен человеку, который в темноте поднимается по винтовой лестнице внутри купола древнего собора. Во мгле он вытянул руку, чтобы сохранить равновесие, - рука ухватилась за веревку. И тут же, к своему изумлению, он услышал звон колокола.

Глава пятая

СЫН БЕЗЗАКОНИЯ

Обнародуя свои тезисы, Лютер вовсе не намеревался широко их распространять. Он адресовал их лишь тем, кого они непосредственно касались. Один экземпляр был направлен Альбрехту Майнцскому и Бранденбургскому вместе с письмом следующего содержания:

"Отец во Христе и сиятельный князь, простите меня, что я, прах под Вашими стопами, осмеливаюсь обращаться к Вашему высочеству. Господь Иисус свидетель, что я в полной мере осознаю свою незначительность и ничтожность. А смелость мне придает преданность Вашему высочеству. Не соблаговолит ли Ваше высочество взглянуть на сей недостойный труд и услышать мою мольбу о снисходительности - как вашей, так и папы".

Далее Лютер сообщает, что Тецель, как он слышал, обещает покупателям индульгенций не только избавление от наказания, но и отпущение греха.

"Боже Всевышний, подобным ли образом надлежит душам, вверенным Вашему попечительству, приготовляться к смерти? Вам давно следует разобраться в этом вопросе. Я более не могу молчать. В страхе и трепете должно нам совершать свое спасение. Индульгенции вовсе не залог безопасности, они лишь освобождают от формальных канонических епитимий. Благочестие и благотворительность бесконечно полезнее индульгенций. Христос повелел распространять не индульгенции, но Евангелие, и что же это за ужас, что за опасность для епископа, коли он не дает Евангелия своему народу, разве что совместно с той трескотней, которая поднята вокруг индульгенций! В наставлении, данном от имени Вашего высочества продавцам индульгенций без Вашего ведома и согласия [Лютер предлагает ему путь для отступления], индульгенции названы неоценимым даром Божиим, предназначенным примирить человека

с Богом и опустошить чистилище. Заявлено, что обязательным условием при этом является раскаяние. Как же мне поступать, сиятельный князь, как не умолять Ваше высочество именем Господа нашего Иисуса Христа полностью изъять эти наставления, пока кто-либо не докажет их ошибочность, чем вызовет злословие по поводу Вашего сиятельного высочества, которого я страшусь, но которое, я опасаясь, неизбежно, если не предпринять определенных скорых шагов? Да соблаговолит Ваше высочество принять мое преданное увещание. Я также отношусь к числу Ваших овец. Да пребудете Вы вовеки под защитой Господа Иисуса. Аминь.

Виттенберг. 1517, накануне Дня всех святых.

Если Вы просмотрите мои тезисы. Вы убедитесь, сколь сомнительна так уверенно провозглашаемая доктрина индульгенций. Мартин Лютер, доктор богословия августинского братства".

Альбрехт передал тезисы в Рим. Как говорят, папа Лев отреагировал двумя фразами. Скорее всего, ни одной из них в реальности он не произносил, но высказывания эти весьма примечательны. Первое: "Лютер просто пьяный немец. Он образумится, как только протрезвеет". Второе же: "Брат Мартин - прекрасный человек. За всем этим нет ничего, кроме монашеской зависти".

Кто бы ни произнес эти две фразы, обе они отчасти верны. Если Лютер и не был пьяным немцем, который должен, протрезвев, образумиться, он был рассерженным немцем, который, если ли бы его успокоили, стал сговорчивее. Если бы папа сразу же отреагировал буллой, четко сформулировав доктрину об индульгенциях и исправив наиболее явные нелепости, Лютер, возможно, и смирился бы. По многим пунктам он еще не определил своей позиции и никоим образом не стремился к противоборству. Неоднократно он готов был отступить, если бы его оппоненты утихомирились. На протяжении четырех лет рассматривалось дело Лютера, и письма его в этот период показывают, до какой степени он не стремился к публичному диспуту. Лютер был поглощен своими обязанностями профессора и приходского священника, и его куда больше заботил вопрос о необходимости подыскать подходящую кандидатуру для кафедры еврейского языка в Виттенбергском университете, чем желание затеять борьбу с папой. Быстрые и открытые действия могли бы предотвратить взрыв.

Но папа предпочел разделаться с этим монахом, не поднимая шума. Он назначил нового руководителя августинского братства, чтобы тот мог "утихомирить монаха по имени Лютер, погасив огонь прежде, чем он превратится в пожар". Первая возможность предоставилась в мае следующего года на собиравшемся каждые три года съезде братства, который в тот год проводился в Гейдельберге. Лютеру предстояло отчитаться за только что завершившийся период его пребывания на посту викария, а также, как предполагалось, защитить учение основателя братства, св. Августина, по проблеме человеческой греховности. Вопрос об индульгенциях обсуждать не намеревались, но богословие августинцев создавало тот фундамент, опираясь на который Лютер мог обрушиться на них.

Он имел все основания страшиться этого события. Предостережения о грозящей ему опасности раздавались со всех сторон. Враги его упивались предстоящей расправой. Одни говорили, что его сожгут через месяц, другие - через две недели. Лютера предупредили, что по дороге в Гейдельберг на него нападут подосланные убийцы. "Тем не менее, - писал Лютер, - я повинуюсь. Я отправляюсь пешком. Наш князь [Фридрих Мудрый] без всяких моих по этому поводу просьб принял меры, чтобы ни при каких обстоятельствах меня не могли увести в Рим". Однако в качестве предосторожности Лютер путешествовал инкогнито. На четвертый день пути он написал домой: "Идя пешком я основательно покаялся. Поскольку раскаяние мое совершенно, полное наказание уже свершилось, и поэтому нет надобности в индульгенции".

К своему удивлению, в Гейдельберге Лютер был принят как почетный гость. Граф Спалатин пригласил его вместе со Штаупицем и другими на обед и лично провел их по своему замку, чтобы они имели возможность осмотреть его убранство и доспехи. Перед съездом Лютер защищал точку зрения Августина, согласно которой даже внешне благопристойные деяния могут оказаться смертными грехами в очах Божьих.

"Если бы эти слова слышали крестьяне, они побили бы вас камнями", - откровенно высказался один из участников, но собравшиеся расхохотались. Съезду были представлены язвительные письма, направленные против Лютера, но они не вызвали желаемой реакции. Люди постарше лишь качали головами, молодые же с энтузиазмом поддержали Лютера. "Я питаю огромные надежды, - говорил Лютер, - что подобно тому как Христос, будучи отвергнут иудеями, отправился к язычникам, так и эта истинная теология, будучи отвергнута упрямыми стариками, найдет понимание у молодого поколения". Среди этих молодых людей были и те, кому предстояло стать видными руководителями лютеранского движения. Это были Иоганн Бренц, реформатор из Вюртембурга, и Мартин Вуцер, глава реформаторов Страсбурга. Он был доминиканцем, получившим разрешение посетить съезд. "Лютер, - сообщал он, - удивительно искусен в своих ответах и выказывает непоколебимое терпение, выслушивая собеседника. Его остроумие сродни стилю апостола Павла. О том, на что Эразм лишь намекал, он говорит открыто и свободно".

Братья не сторонились Лютера. Его пригласили отправиться домой вместе с посланцами Нюрнберга, пока пути их не разойдутся. Затем он перебрался в повозку делегатов из Эрфурта, где оказался рядом со своим старым учителем, д-ром Узингеном. "Я беседовал с ним, - говорил Лютер, - и пытался убедить его, но не знаю, до какой степени преуспел в этом. Я оставил его в задумчивости и замешательстве". В целом Лютер чувствовал, что он возвращается с победой. Это ощущение он выразил так: "Туда я шел пешком. Обрато вернулся в повозке".

Доминиканцы переходят в наступление

Чем ожесточеннее нападали на Лютера доминиканцы, тем меньшее желание преследовать своего непокорного брата проявляли августинцы. Это относится и ко второму высказыванию, которое приписывают папе Льву. Доминиканцы обратились за помощью к Тецелю, которому была пожалована докторская степень, чтобы он имел право публиковаться. Получив повышение, он откровенно стал подтверждать правильность песенки:

Как только монетка падает в мешок,

Душа из чистилища - скок.

Его тезисы были опубликованы. Виттенбергские студенты скупали или выкрадывали их. Таким образом им удалось собрать восемьсот экземпляров и тайне от курфюрста, университета и Лютера они предали тезисы огню. Лютер был в высшей степени смущен их порывом. Тецеля он ответом не удостоил.

Но при этом Лютер воздерживался от более широкого декларирования своих взглядов. "Девяносто пять тезисов" были напечатаны и разошлись по всей Германии, хотя предназначались лишь для профессиональных богословов. Многие смелые положения этого документа требовали объяснения и пояснения, но Лютеру никогда не удавалось удержать себя в рамках того, что он уже говорил ранее. Текст проповеди, записанный в понедельник, отличался от тех ее конспектов, которые вели слушатели в воскресенье. До такой степени он был переполнен новыми идеями, что не мог ограничиваться старым. "Размышления по поводу девяноста пяти тезисов" содержат некоторые новые моменты. Лютер обнаружил, что библейский текст из латинской Вульгаты, который приводился в обоснование таинства исповеди, представлял собой неверный перевод с оригинала. На латыни Мф. 4:17 звучал так: "Penitentiam agite" - "совершите покаяние". Но из греческого

Нового Завета Эразма Лютер узнал, что в оригинале употреблено слово "каяться". Буквально это означало: "Измените свои мысли". "Укрепленный этим текстом, - писал Лютер Штаупицу в своем посвящении к "Размышлениям", - я осмеливаюсь заявить, что неправы те, кто придает большее значение акту, как сказано по-латыни, нежели перемене своего отношения, как сказано по-гречески". Это было то, что сам Лютер назвал "пышущим жаром" открытием. То есть одно из наиболее значимых таинств Церкви не подтверждалось авторитетом Писания.

Как бы между прочим Лютер сделал и еще одно замечание, за которое ему предстояло перенести жестокие гонения. "Представьте себе, - сказал он, - будто Римская Церковь стала такой, какой она была до времен Григория I, когда она не возвышалась над другими церквами, по крайней мере, над Греческой". Это означало, что верховенство Римской Церкви явилось результатом сложившейся в ходе исторического развития ситуации, но не Божьего установления, относящегося еще ко времени основания Церкви.

Столь сокрушительные заявления вскоре привели к схватке, далеко выходящей за рамки обычного соперничества между монашескими братствами, и каждая из стадий развернувшейся борьбы все более подчеркивала тот радикализм, который заключался в выдвинутых Лютером положениях. Вскоре он уже отверг не только власть папы освобождать из чистилища, но также и его способность ввергать в него души. Услышав о том, что он отлучен от Церкви, Лютер имел смелость проповедовать об отлучении, заявляя, согласно утверждениям враждебно настроенных к нему слушателей, что отлучение от Церкви и примирение относятся лишь к внешнему церковному братству на земле, но не к благодати Божьей. Нельзя считать благочестивыми тех епископов, которые предают анафеме, руководствуясь материальными соображениями, и поэтому нет необходимости подчиняться им. Противники Лютера записали эти приписываемые ему высказывания и на имперском сейме продемонстрировали их папским легатам, которые, по слухам, переслали их в Рим. Лютеру сообщили, что это сулит ему неисчислимые беды. Для того, чтобы оправдаться, Лютер записывает по памяти свою проповедь для ее напечатания, но эту попытку примирения вряд ли можно считать удачной. Если мать-Церковь заблуждается в своем осуждении, говорил он, то нам все же следует чтить ее точно так же, как Христос выказывал почтение Каиафе, Анне и Пилату. Отлучение от Церкви относится лишь к внешнему совершению таинств - к похоронам и публичным молитвам. Анафема может предать человека дьяволу лишь в том случае, если он сам предался ему. Лишь Бог может разорвать духовное общение. Ни одна тварь не может лишить нас любви Христовой. Не следует страшиться смерти в отлучении. Если приговор, справедлив, то, покайся, осужденный вновь обретает возможность спасения; если же он несправедлив, то человек получает благословение.

Отпечатанная проповедь вышла из типографии лишь в конце августа. А тем временем возымела свое действие более дерзкая ее версия, распространяемая противниками Лютера. Папа более не колебался. Отвернувшись от не желающих идти ему навстречу августинцев, он обратился к доминиканцам. Составить ответ Лютеру был назначен магистр священной палаты Сильвестр Приериас из братства св. Доминика. Вскоре он этот ответ представил. Опустив вопрос об индульгенциях, магистр сосредоточил внимание на отлучении и прерогативах папы. Приериас заявил, что вселенская Церковь суть Римская Церковь. Официально Римская Церковь представлена кардиналами, но фактически - папой. Подобно тому как вселенская Церковь не может заблуждаться в вопросах веры и нравственности, не может заблуждаться и истинный собор. Равным образом это невозможно и для Римской Церкви, и для папы, когда он выступает с высоты своего положения. Всякий, кто не признает вероучение Римской Церкви и папы римского непогрешимым правилом веры, из которого Священное Писание обретает силу и

авторитет, есть еретик. Точно так же еретиком считается тот, кто утверждает, будто в вопросах об индульгенциях Римская Церковь не может поступать так, как она поступает в действительности. Далее Приериас перешел к разоблачению ересей Лютера, попутно сравнив его с прокаженным, имеющим медные мозги и железный нос.

Лютер ответил:

"Ныне я сожалею о том, что выказывал презрение Тецелю. Сколь бы ни был он смешон, он все же пронизательнее вас. Вы не цитируете Писание. Вы не приводите доводов. Подобно коварному дьяволу, вы извращаете Писание. Вы говорите, что фактически папа олицетворяет Церковь. А есть ли мерзость, которую вы не возьметесь счесть деяниями Церкви? Взгляните на ужасное кровопролитие, учиненное Юлием II. Взгляните на возмутительную тиранию Бонифация VIII, который, как говорит пословица, "пришел, как волк, правил, как лев, а умер, как пес". Если Церковь представлена кардиналами, то что же вы можете сказать о великом соборе всей Церкви? Вы именуете меня прокаженным, смешивающим истину с ересью. Рад вашему признанию, что определенная истина там есть. Вы превращаете папу в императора, упивающегося властью и насилием. Император Максимилиан и немцы не потерпят этого".

Радикализм этого послания заключается не в оскорбительном его тоне, но в утверждении, что и папа, и собор могут заблуждаться, и лишь Писание есть последний авторитет. Еще до появления этой декларации папа принял определенные меры. Седьмого августа Лютер получил предписание явиться в Рим и ответить на предъявленные ему обвинения в ереси и непослушании. Ему был дан срок в шестьдесят дней. На следующий день Лютер пишет курфюрсту, напоминая о его заверении не передавать это дело Риму. Далее следует серия уклончивых переговоров, в результате которых дело Лютера слушается на Вормсском сейме. Важность этого события состоит в том, что собрание немецкого народа выступило в роли собора Католической Церкви. Папы делали все возможное для того, чтобы удушить сеймы или подчинить их себе. В результате светское собрание приняло на себя функции церковного собора, хотя произошло это лишь в результате многочисленных хитроумных уловок.

Дело передается Германии

Первым шагом к слушанию перед германским сеймом должно было стать решение о том, что суд над Лютером будет происходить в Германии, а не в Риме. Для этого 8 августа он обратился к курфюрсту с просьбой вмешаться. Прошение было подано не непосредственно курфюрсту, но капеллану суда Георгу Спалатину, которому с этого времени предстояло играть важную роль, выступая в роли посредника между профессором и князем. Фридриху хотелось уверить окружающих в том, что его правая рука не ведает о действиях левой. Из осторожности курфюрсту было совершенно нежелательно создавать впечатление, что он разделяет позицию Лютера или поддерживает его лично. По уверениям курфюрста, за всю свою жизнь он не сказал Лютеру и двадцати слов. Теперь, в ответ на переданное Спалатином прошение, Фридрих вступил в переговоры с папским легатом, кардиналом Кайэтано. Он просил кардинала лично провести слушание дела Лютера в связи с приближающимся имперским сеймом в Аугсбурге. Слушание должно было проходить не перед сеймом, а конфиденциально, но во всяком случае на немецкой земле. Это преимущество, однако, сводилось на нет компетентностью и характером Кайэтана, высокопоставленного убежденного и эрудированного паписта. Вряд ли он проявит терпимость к "Ответу Приериасу" или "Проповеди об отлучении" Лютера. Особенно маловероятной представлялась его снисходительность в свете того, что императору Максимилиану сообщили отрывки из

нашумевшей проповеди, и 5 августа тот сам обратился к папе с письмом, в котором просил "положить конец вредоносным нападкам Мартина Лютера на индульгенции, а иначе смущение охватит не только простолудинов, но и князей". Имея против себя императора, папу и кардинала, Лютер вряд ли мог рассчитывать, что ему удастся избежать костра.

В мрачном настроении отправлялся он в Аугсбург. Сейчас ему грозила куда большая опасность, чем три года тому назад, когда он прибыл в Вормс как защитник пробудившейся нации. А теперь он был всего лишь монахом-августинцем, заподозренным в ереси. Лютер видел перед собой пламя костра. Он сказал себе: "Настало время умереть. Какой позор я навлеку на своих родителей!" По дороге он разболелся, что не способствовало укреплению его духа. Еще более тревожными были вновь и вновь приходившие в голову мысли о возможной правоте его критиков: "Неужели ты один такой умный, а все остальные целые века пребывали в заблуждении?" Друзья Лютера советовали ему не входить в Аугсбург, не получив прежде гарантию своей безопасности. В конце концов Фридрих заручился таковой от императора Максимилиана. Кайэтан же, когда к нему обратились по этому вопросу, ответил так: "Если вы мне не доверяете, зачем спрашивать мое мнение; если же доверяете, то какая нужда давать охранную грамоту?"

Однако кардинал был далеко не так уверен в себе, как желал показать Лютеру. Открытие сейма уже состоялось, и за это время он многое узнал. Миссия Кайэтана заключалась в том, чтобы побудить север присоединиться к новому великому крестовому походу против турок. Следовало примириться с богемскими еретиками, чтобы они также могли принять участие в этом предприятии. Следовало собрать деньги на крестовый поход. С помощью уступок и наград надо было привлечь к нему знатных. Для этого и возвысили архиепископа Майнцского до сана кардинала, а императора Максимилиана наградили шлемом и кинжалом защитника веры. А заодно нужно было и вырвать плевелы из виноградника Господнего.

Сейм открылся с соответствующей средневековому этикету пышностью. Кардиналу были оказаны все подобающие почести. Альбрехт Майнцкий встретил известие о сане кардинала с приятным смущением, император же принял кинжал без излишней скромности. Но когда перешли к делу, выяснилось, что князья не готовы воевать против турок под эгидой Церкви. Они отвоевали свое в крестовых походах, а теперь утверждали, что налог после всех обложений, взимаемых Церковью, собрать не удастся. Как и на предыдущих сеймах, были предъявлены жалобы немецкого народа, но на этот раз в них можно было рассмотреть угрозу. Документ гласил:

"Сии сыны Нимрода захватывают монастыри, аббатства, пребенды, канонаты и приходские церкви, оставляя церкви без священников, а стадо без пастырей. Аннаты растут, и распространение индульгенций ширится. В представленных на рассмотрение церковного суда делах Римская Церковь улыбается обеим сторонам в ожидании мзды. В нарушение законов природы немецкие деньги летят через Альпы. Присылаемые нам священники есть пастыри единственно лишь по названию. Вся их забота заключается в том, чтобы стричь шерсть и жиреть на грехах народа. Они пренебрегают служением заказных месс, и набожные жертвователи призывают к справедливости. Просим Святого папу Льва положить конец этим дурным делам".

Кайэтану не удалось добиться ни одной из своих основных целей. Участие в крестовом походе и налог были отвергнуты. Сумеет ли он добиться большего успеха в искоренении плевелов в винограднике Господнем? Кайэтан чувствовал, что в этом деле следует проявить осторожность, однако он был ограничен в своих действиях папскими

инструкциями, которые позволяли ему либо примирить Лютера с Церковью, если он откажется от своих взглядов, либо - в противном случае - направить его скованным в Рим. Следовало заручиться поддержкой светской власти, особенно императора Максимилиана, чье обращение к папе, вполне возможно, и побудило того дать такие инструкции.

Истинность этого папского документа оспаривалась сначала Лютером, а впоследствии и современными историками на том основании, что папа не мог принять такое решение до истечения им же самим определенного шестидесятидневного срока. Но папа предоставил Лютеру шестьдесят дней лишь на то, чтобы предстать перед судом, не связывая себя никакими обещаниями в случае, если он этого не сделает. Помимо того, как писал Кайэтану кардинал Де Медичи, "в случае же возмутительной ереси нет нужды в соблюдении дальнейших церемоний или последующих вызовах в суд".

Истинность этого документа установить с абсолютной точностью невозможно, поскольку оригинал до нас не дошел. В архивах Ватикана, однако, содержится рукопись другого - ничуть не менее категоричного - письма, написанного папой Фридриху в тот же день.

"Да пребудет с тобою апостольское благословение, возлюбленный сын мой. Мы помним о том, что первым достоинством твоей благороднейшей семьи было стремление к утверждению веры Божьей, равно как и чести, и достоинства Святейшего престола. Ныне же мы слышим, будто сын беззакония, брат Мартин Лютер из августинских монахов, возбуждающий себя против Церкви Божьей, пользуется твоей защитой. Хотя и знаем мы, что это не так, однако должны призвать тебя оградить репутацию своей достойнейшей семьи от подобного несчастья. Будучи извещенными магистром священной палаты о том, что поучения Лютера содержат ересь, мы повелели ему предстать перед кардиналом Кайэтаном. Мы призываем тебя проследить за тем, чтобы сей Лютер был предан в руки и под правосудие нашего Святейшего престола, в противном же случае будущие поколения поставят тебе в вину содействие укреплению наипагубнейшей ереси против Церкви Божьей".

Встреча с Кайэтаном

Это письмо не оставляет сомнений относительно содержания данных Кайэтану инструкций. Совершенно очевидно, что они ограничивали его свободу действий, а последующие указания еще более ограничивали его, предписывая провести следствие по учению Лютера. Никакого диспута не будет. Состоялись три встречи - во вторник, в среду и в четверг - с 12 по 14 октября 1518 года. Среди присутствовавших был и Штаупиц. В первый день Лютер со всем смирением распростерся перед кардиналом, а тот с отеческой лаской поднял его, а затем призвал отречься от своих взглядов. Лютер отвечал, что он предпринял утомительное путешествие в Аугсбург вовсе не для того, чтобы проделать здесь то, что он мог бы совершить и в Виттенберге. Он хотел бы получить разъяснение относительно своих заблуждений.

Кардинал сообщил, что главное из них - это отрицание учения о церковной "сокровищнице заслуг", содержащегося в папской булле *Unigenitus*, изданной папой Климентом VI в 1343 году. "Здесь, - сказал Кайэтан, - перед вами произнесенные папой слова о том, что заслуги Христа есть сокровище индульгенции". Хорошо знавший этот текст Лютер ответил, что если в булле сказано именно так, он согласен отречься. Кайэтан хмыкнул и показал на то место в булле, где говорилось, что Христос Своею жертвой обрел сокровище. "Да, - сказал Лютер, - но вы говорили, что достоинства Христа есть сокровище. Здесь же говорится о том, что Он обрел сокровище. Иметь и обрести вовсе не одно и то же. Не следует полагать, что мы, немцы, не сильны в грамматике".

Ответ прозвучал столь же грубо, сколь и неуместно. Лютер взорвался, поскольку он был загнан в угол. Любой непредубежденный читатель сказал бы, что кардинал верно перефразировал смысл декреталии, которая возвещала, что Христос Своей жертвой приобрел сокровище, распоряжаться которым было доверено Петру и его преемникам, чтобы освобождать истинных верующих от временного наказания. Это сокровище было пополнено заслугами Благословенной Девы и святых. Папа называет эту кладовую "сокровищницей" для тех, кто посетит Рим в юбилейный 1350 год, когда тем, кто покается и исповедуется, будет дано полное отпущение всех их грехов.

Вне всяких сомнений, здесь излагалась вся концепция избыточных заслуг Христа и святых, но Лютер попал в капкан, поскольку он должен либо отречься от своих убеждений, либо отвергнуть декреталию, либо истолковать ее в приемлемом смысле. Он попытался сделать последнее и, почувствовав деликатность своей задачи, попросил позволения представить свои соображения в письменном виде, отметив, что они "достаточно поспорили". Кардинал чувствовал себя беспокойно, осознавая, что, вступив в диспут с Лютером, он вышел за предписанные ему рамки. "Сын мой, - резко сказал он, - я не спорил с тобой. Я готов примирить тебя с Римской Церковью". Но поскольку примирение было возможно лишь ценой отречения, Лютер возразил, что он не может быть осужден, не получив при этом возможности высказать свои убеждения и выслушать их опровержение. "Я не имею намерения, - сказал он, - выступать против Писания, отцов, декреталии или здравого смысла. Вполне возможно, что я пребываю в заблуждении. Я готов согласиться с мнением университетов Базеля, Фрейбурга, Левена и, если необходимо, Парижа". Это была открытая попытка оспорить юрисдикцию кардинала.

Письменное истолкование, представленное Лютером, являло собой лишь более искусную и продуманную попытку придать благоприятный смысл декреталии. Кайэтан, должно быть, указал на это Лютеру, поскольку тот изменил свою позицию и выступил с полным отрицанием декреталии и авторитета сформулировавшего ее папы. "Я не обладаю достаточной смелостью, чтобы ради одной неясной и двусмысленной декреталии, изложенной человеческой рукой папы, отречься от многочисленных и совершенно ясных свидетельств Божественного Писания. Ибо, как сказал один из истолкователей канона, "в вопросах веры выше папы не только собор, но и любой верующий, коли он вооружен большими авторитетом и доводами". Кардинал напомнил Лютеру о том, что и само Писание нуждается в истолковании. Истолкователем же его является папа. "Его святейшество искажает Писание, - прозвучал ответ Лютера. - Я отрицаю, что он выше Писания". Вспыхнув, кардинал громким голосом повелел Лютеру удалиться и не возвращаться до тех пор, пока он не будет готов сказать: "Revoco" - "Отрекаюсь".

Лютер писал домой, что кардинал способен разобраться с данным делом не более, чем осел - играть на арфе. Вскоре этот образ был подхвачен карикатуристами, изобразившими в виде осла самого папу. Кайэтан быстро остыл и во время обеда со Штаупицем призывал его побудить Лютера отречься. По словам Кайэтана, у Лютера нет лучшего друга, чем он. Штаупиц отвечал: "Ни способностями, ни знанием Писания я не могу соперничать с ним. Вы представитель папы. Решать дело вам". "Я не буду более разговаривать с ним, - сказал кардинал. - У этого человека глубоко посаженные глаза, а это свидетельствует о том, что его голова переполнена самыми удивительными фантазиями".

Штаупиц освободил Лютера от его клятвы послушания братству. Может быть, он хотел освободить августинское братство от ответственности, а может быть, желал снять оковы с монаха, но у Лютера возникло ощущение, будто его оттолкнули. "Я был отлучен трижды, - сказал он позднее, - вначале Штаупицем, затем папой, а в третий раз императором".

Он пробыл в Аугебурге до следующей недели, ожидая еще одной встречи с кардиналом, чтобы через Кайэтана передать прошение папе. В нем он указывал на то, что доктрина об индульгенциях никогда официально не утверждалась, а поэтому обсуждение спорных вопросов не должно рассматриваться как ересь, особенно, пунктов, не имеющих существенного значения для спасения.

Лютер жаловался, что папское повеление явиться на суд в Рим предаст его в руки доминиканцев. Кроме того, Рим нельзя считать безопасным местом, даже если имеешь охранное письмо. Даже сам папа Лев не был в безопасности. Лютер намекал на недавно раскрытый заговор кардиналов с целью отравить его святейшество. В любом случае у Лютера как у монаха нищенствующего ордена не было средств на такое путешествие. Он был милостиво принят Кайэтаном, но вместо продолжения диспута Лютеру была предоставлена лишь возможность отречься. Предложение выслушать мнение университетов было надменно отвергнуто. "Полагаю, что со мной поступают несправедливо, поскольку я учу единственно лишь тому, что есть в Писании. Поэтому думаю, что как только Лев получит достоверную информацию относительно моего дела, мнение его переменится".

К этому времени до Лютера дошли слухи о том, что кардинал имеет полномочия арестовать его. Городские ворота охранялись. С помощью дружественно расположенных к нему горожан Лютеру удалось ночью бежать. Бегство это было настолько поспешным, что ему пришлось скакать на лошади верхом в сутане, не имея ни шпор, ни уздечки, ни меча. Он прибыл в Нюрнберг, где ему показали инструкции, которыми папа напутствовал Кайэтана. Лютер оспорил их подлинность, но при этом оставил за собой возможность обратиться к вселенскому собору. 13 октября он вернулся в Виттенберг.

Грозный изгнанник

Оставаться там было в высшей степени небезопасно. Кайэтан направил свой отчет о беседах с Лютером Фридриху Мудрому. В нем он отметил, что сказанное Лютером о папских декреталиях невозможно даже передать на бумаге. В письме излагалась просьба либо отправить Лютера в оковы в Рим, либо изгнать его из своих земель. Курфюрст показал письмо Лютеру, который еще более осложнил положение своего князя, опубликовав собственную версию диспута с Кайэтаном, подкрепленную последующими размышлениями. Он более не предпринимал уже никаких попыток разъяснить папскую декреталию в благоприятном смысле. Вместо этого Лютер, не сдерживаясь, назвал ее лживой. Двусмысленной декреталии смертного папы противопоставлялись ясные свидетельства Священного Писания. Лютер писал:

"Нельзя считать человека дурным христианином, если он отвергает декреталию. Если же, однако, вы отвергаете Евангелие, тогда вы еретик. Я проклинаю и осуждаю эту декреталию. Апостольский легат обрушил на меня свой высочайший гнев, побуждая меня отречься. Я ответил ему словами о том, что папа извращает Писание. Я буду чтить святость папы, но преклоняюсь я перед святостью Христа и истины. Я не отрицаю новую монархию Римской Церкви, которая возникла на глазах нашего поколения, однако же не признаю, что христианином может быть лишь тот, кто повинуется повелениям папы римского. Что же касается декреталии, то я отвергаю возможность рассматривать заслуги Христа как сокровище индульгенций, поскольку Его заслуги несут благодать независимо от папы. Заслуги Христа устраняют грехи и усиливают достоинства. Индульгенции устраняют достоинства и оставляют грехи. Эти лизоблюды возносят папу над Писанием,

утверждая, что он непогрешим. Коли это так, то Писание погибло и ничего не осталось в Церкви кроме слов человеческих. Я противостою тем, кто во имя Римской Церкви желает утвердить Вавилон".

28 ноября Лютер обратился к вселенскому собору с жалобой на папу. В нем он утверждал, что подобный собор, будучи законным образом призванным в Святом Духе, представляет католическую Церковь и стоит над папой, который, являясь человеком, способен заблуждаться, грешить и лгать. Даже св. Петр не смог подняться над этими слабостями. Если повеление папы противоречит Священному Писанию, подобное повеление выполнять не следует.

"Посему, по причине склонности Льва X прислушиваться к дурным советам, по причине провозглашаемых им отлучений, запретов, вызовов в суд, приговоров и штрафов, равно как и иных других угроз и обвинений в ереси и отступничестве, которые я не ставлю ни во что и отвергаю как несправедливые и тиранические, я обращаюсь за справедливостью к вселенскому собору".

Апелляция была отпечатана в типографии. Лютер попросил передать ему все ее экземпляры, чтобы распространить этот документ лишь в том случае, если он действительно будет предан анафеме. Печатник, однако, не выполнил его просьбы и тут же обнародовал это прошение. Лютер был поставлен в чрезвычайно уязвимое положение, поскольку, согласно повелению папы Юлия II, уже само обращение к вселенскому собору без согласия на то папы рассматривалось как ересь.

Еще более затруднительным было положение Фридриха Мудрого. Будучи истовым католиком, он верил в культ мощей и силу индульгенций, вполне искренне заявляя, что не имеет возможности судить об учении Лютера. В подобных вопросах он нуждался в помощи. Вот почему Фридрих основал Виттенбергский университет и столь часто обращался к нему за советом в вопросах юридических и богословских. Лютер был одним из тех докторов университета, которым надлежало наставлять князя в вопросах веры. Должен ли был князь поверить тому, что этот ученый, исследующий Священное Писание, заблуждается? Безусловно, если бы папа объявил его еретиком, это решило бы вопрос, но папа своего приговора еще не вынес. Богословы Виттенберга еще не отреклись от Лютера. В Германии многие исследователи Писания считали, что он прав. Если Фридрих предпримет какие-либо действия до того, как папа осудит Лютера, не будет ли это означать, что он выступает против Слова Божьего? С другой стороны, папа настаивал, чтобы Лютер был заключен под стражу, и называл его "сыном беззакония". Не будет ли рассматриваться невыполнение этого повеления как укрывательство еретика? Вот вопросы, которые мучили Фридриха. От других князей своего времени Фридрих отличался тем, что не стремился расширить границы своих владений и не беспокоился о поддержании своей репутации. Он задавал себе лишь один вопрос: "Каков мой долг как христианского правителя?" Все происходившее смущало его, и он не предпринимал никаких действий, ограничившись написанным им девятнадцатого ноября письмом, в котором просил императора либо закрыть это дело, либо назначить его слушание перед безукоризненно честными судьями в Германии.

Лютер писал курфюрсту:

"Я приношу свои извинения за те обвинения, которые выдвигает против Вас легат. Он стремится к тому, чтобы обесчестить власть Саксонии. Он предлагает Вам отправить меня в Рим или изгнать. Чего же мне, бедному монаху, ожидать в изгнании? Если пребывание

мое на ваших землях сулит опасность, каково же будет за их пределами? Но если Ваша честь не желает терпеть урон из-за меня, я с радостью покину Ваши пределы".

Штаупицу Лютер писал:

"Князь возражал против опубликования моих бесед, но в конце концов дал свое согласие. Легат просил его отправить меня в Рим или изгнать. Князь весьма внимателен ко мне, но ему было бы куда лучше, если бы я удалился. Я сказал Спалатину, что, если выйдет повеление об изгнании, я подчинюсь ему. Он отговорил меня от поспешного бегства во Францию".

Когда в Аугсбурге какой-то итальянец спросил Лютера, куда тот пойдет, если князь откажется от него, Лютер ответил: "Куда глаза глядят".

Двадцать пятого ноября он направил Спалатину следующее послание:

"Каждый день я ожидаю, что Рим проклянет меня. Я полностью приготовился. Если это известие придет, я препоясан, подобно Аврааму, и готов идти неведомо куда, пребывая, однако, в уверенности, что Бог повсюду".

Штаупиц писал Лютеру из Зальцбурга в Австрии:

"Мир ненавидит истину. Подобной ненавистью был распят Христос, и что ожидает вас сегодня, если не крест, мне неведомо. У вас мало друзей, да и не скроются ли они из опасения гонений?"

Оставьте Виттенберг и направляйтесь ко мне, чтобы нам жить и умереть вместе. Князь [Фридрих] согласен. Оставленные, будем же следовать за оставленным Христом".

Своим прихожанам Лютер сказал, что он не прощается с ними, если же, однако, они обнаружат, что он исчез, то пусть это будет его прощанием. Он поужинал с несколькими друзьями. Спустя два часа его уже не было бы дома, не получи он письмо от Спалатина, в котором тот сообщал, что князь желает, чтобы Лютер остался. Что именно произошло, мы не узнаем никогда. Много лет спустя Лютер заявил, что князь желал укрыть его, однако через несколько недель после получения сообщения от Спалатина он писал:

"Первоначально князь не желал моего пребывания здесь". Спустя два года Фридрих оправдался перед Римом за то, что не принял никаких мер против Лютера, сообщив, что он готов был согласиться с желанием Лютера уехать, когда получил сообщение от папского нунция, который полагал, что Лютер будет значительно менее опасен, находясь под наблюдением, чем скрываясь где-либо. Безусловно, все это Фридрих мог говорить задним числом, пусть даже втайне он испытывал желание поощрить Лютера скрыться куда-нибудь. Однако в равной степени вероятно, что в какой-то момент Фридрих готов был сдаться, но откладывал свое решение до получения известий от папы. Как бы то ни было, но восемнадцатого декабря Фридрих направил Кайэтану единственный документ, который он когда-либо направлял в римскую курию относительно Лютера:

"Мы уверены в вашем отеческом благорасположении по отношению к Лютеру, но понимаем, что он не явил достаточной готовности отречься от своих убеждений. Среди университетских ученых бытует мнение, что утверждения, будто учение его несправедливо, противно христианству или еретично, - бездоказательны. Те немногие, кто их разделяет, всего-навсего завидуют его успеху. Если бы мы считали его учение безбожным или несостоятельным, мы не защищали бы его. Главное намерение наше

состоит в том, чтобы исполнять то, что подобает христианскому князю. Поэтому мы надеемся, что Рим выскажется по этому поводу. Что же касается отправления его в Рим либо высылки, то мы это сделаем, лишь получив положительные подтверждения его ереси. Желательно рассмотреть его намерение провести диспут и передать дело на суд университетам. Следует доказать ему еретичность его взглядов, но не осуждать заранее. Мы не позволим с легкостью вовлечь себя в ересь либо явить непослушание святейшему престолу. Мы желаем известить вас о том, что писалось в последнее время в Виттенбергском университете по этому поводу. Материалы прилагаются".

Лютер так писал об этом Спалатину:

"Я видел те восхитительные слова, что написал наш светлейший князь нашему господину, римскому легату. Благой Боже, с какой радостью я читаю и перечитываю их!"

Глава шестая

ГУС ИЗ САКСОНИИ

Вполне возможно, что перемены в папской политике были вызваны отчасти проницательностью кардинала Кайэтана. Он хорошо понимал, что человек может стать источником неприятностей, не будучи при этом еретиком, поскольку ересь подразумевает отрицание установленных догм Церкви, а учение об индульгенциях еще не получило официального папского определения. Первоначально должен высказаться папа - лишь тогда, если Лютер откажется повиноваться, его на полном основании можно будет отлучить от Церкви. Наконец решение папы было подготовлено. По всей вероятности, готовил его сам Кайэтан. 9 ноября 1518 года булла "Cum Postquam" внесла ясность во многие спорные вопросы. Было объявлено, что индульгенции относятся лишь к наказанию, но не к вине, которая первоначально должна быть заглажена наложением епитимьи. Сокращение сроков наказания может относиться лишь к временным наказаниям, отбываемым на земле и в чистилище, но не к вечным мукам ада. Что же касается тех наказаний, которые налагает на земле сам папа, то, безусловно, он имеет полное право распоряжаться ими посредством отпущения грехов. Что же касается наказания пребыванием в чистилище, то папа может лишь ходатайствовать перед Богом о сокровище избыточных заслуг Христа и святых. Эта декреталия устраняла некоторые из наиболее вызывающих искажений.

Появись данная булла раньше - конфликт на этом вполне мог бы закончиться, но за это время Лютер оспорил не только власть папы отпускать грехи, но и его власть "связывать" через отлучение от Церкви. Далее он заявил, что папа и церковные соборы могут заблуждаться. Он оспорил значение библейского текста, на котором основывалось таинство исповеди, и отверг часть канонических законов как несовместимых с Писанием. Доминиканцы называли Лютера опаснейшим еретиком, а папа именовал его сыном беззакония.

Но как надлежало с ним поступить? Шаги к примирению, предпринятые в декабре 1518 года, были подсказаны политическими соображениями. Папа знал, что его планы организации крестового похода не получили поддержки, от уплаты нового налога Германия отказалась, выдвинув встречные претензии. Было и еще более серьезное обстоятельство. Двенадцатого января умер император Максимилиан. Необходимо было, таким образом, выбрать нового главу Священной Римской империи. Еще ранее стало известно, что Максимилиан видел в качестве преемника своего внука Карла.

Империя слабела, но тем не менее еще со средних веков представляла собой внушительную силу. Император избирался, и любой из европейских князей мог претендовать на этот пост. Курфюрсты, однако, в большинстве своем были немцами и предпочитали видеть на императорском троне немца. В то же время они были в достаточной мере реалистами, понимая, что ни один немец не обладает достаточной властью, чтобы в одиночку править империей. Потому-то они готовы были признать главу одной из великих держав. У них оставался выбор между французским королем Франциском и испанским - Карлом. Папа, однако, возражал против обоих кандидатов, поскольку в любом случае приход к власти одного из них означал бы нарушение равновесия, на котором основывалась безопасность папы. Когда немцы потеряли надежду на избрание немца, папа поддержал Фридриха Мудрого. При таких обстоятельствах папа не мог беспечно проигнорировать пожелания Фридриха относительно Мартина Лютера. Ситуация, безусловно, изменилась, когда Фридрих, полагая себя недостойным столь высокого поста, высказался в пользу Габсбурга, который и был 28 июня 1519 года избран императором Священной Римской империи под именем Карла V. Это, однако, не внесло больших изменений в ситуацию, поскольку в течение последующих полутора лет Карл был слишком поглощен испанскими делами, чтобы заниматься Германией, и Фридрих оставался центральной фигурой. Папа все еще не мог позволить себе оттолкнуть Фридриха, проявив излишнюю суровость к Лютеру.

Папа сделал ряд шагов к примирению. Кайэтан получил помощника, связанного с Фридрихом Мудрым, - немца по имени Карл фон Мильтиц, которому надлежало завоевать расположение курфюрста и побудить Лютера молчать до окончания выборов. Для этого в распоряжении Мильтица имелись все средства, которыми располагал Ватикан, - от индульгенций до интердиктов (от права отпускать грехи до права отлучать от Церкви). Чтобы умиловить Фридриха, он привез сообщение о даровании новых привилегий Замковой церкви в Виттенберге. Согласно этим милостям, тем, кто внес достаточное пожертвование, срок пребывания в чистилище сокращался на сто лет за каждые мощи святых из знаменитой коллекции Фридриха. Более того, Фридриха обласкали долгожданным отличием - ему была пожалована Золотая роза добродетели из рук самого папы. Этот подарок сопровождался следующим посланием от Льва X:

"Возлюбленный сын!

Сия святейшая Золотая роза была освящена нами на четырнадцатый день великого поста. Она помазана священным елеем и окроплена благоуханными благовониями в сопровождении папских благословений. Сей дар вручит тебе наш возлюбленный сын, достойнейшего поведения дворянин Карл фон Мильтиц. Роза эта есть символ драгоценнейшей крови нашего Спасителя, каковой мы искуплены. Роза есть наипервейший из цветов, красота и благоухание которого не имеют себе равных на земле. Да проникнет же, сын мой возлюбленный, божественное благоухание до самых глубин сердца твоего высочества, дабы ты мог исполнить то, что укажет тебе вышеупомянутый Карл фон Мильтиц".

Вручение Золотой розы произошло с большой задержкой, поскольку для безопасности она была помещена на хранение в банк Фуггеров в Аугсбурге.

Фридрих полагал, что задержка вызвана иной причиной. "Вполне возможно, - говорил он, - что Мильтиц медлит с вручением мне Розы, выжидая, пока я не изгоню этого монаха и не объявлю его еретиком". До Лютера дошли сведения о том, что Мильтиц имеет инструкции от папы, согласно которым вручение Розы увязывалось с его выдачей, но - Мильтица удерживает от решительных действий осторожность кардинала, который

воскликнул: "Вы просто кучка глупцов, если полагаете, что сможете купить монаха у князя!" Прибытию Мильтица, несомненно, предшествовали обращенные к Фридриху письма от папы и курии, побуждавшие его всячески противодействовать "сыну сатаны, сыну погибели, паршивой овце и плевелу в винограднике, Мартину Лютеру". Брат Мартин был готов к тому, что его вот-вот схватят. Вполне возможно, что изначально именно таковым и было намерение Мильтица.

"Впоследствии я узнал, - писал Лютер Штаупицу, - от придворных князя, что Мильтиц прибыл вооруженный семьюдесятью апостольскими бровями и что он мог увести меня в Иерусалим, который убивает пророков, Вавилон в багрянице". Мильтиц похвастался в Германии, что монах у него в руках. Но ему очень быстро дали понять, что излишне жесткий курс вряд ли будет приветствоваться. Из своих бесед в дорожных тавернах он выяснил, что на каждого сторонника папы приходится три сторонника Лютера. Он откровенно признавался, что в тысячелетней истории Церкви не было столь опасного случая и что Рим готов выплатить десять тысяч дукатов за то, чтобы убрать с дороги это препятствие. Курия была готова пойти еще дальше. Фридриху Мудрому намекнули, что в случае его уступчивости он получит возможность назначить кардинала. Фридрих понял, что этой милостью может быть пожалован Лютер.

Мильтиц буквально источал лесть. В одной из бесед он сказал Лютеру: "Мы быстренько поправим это дело". Он попросил Лютера выразить свое согласие с папской декреталией по индульгенциям. Лютер ответил, что там нет ни единого слова из Писания. Тогда Мильтиц сказал, что просит Лютера лишь об одном - воздерживаться от дебатов и публикаций, если его противники сделают то же самое. Лютер дал такое обещание. Мильтиц разрыдался. "То были крокодиловы слезы", - говорил Лютер.

"Козлом отпущения" стал Тецель. Мильтиц вызвал его на слушания и обвинил в пристрастии к излишествах, поскольку тот путешествовал в повозке, запряженной двумя лошадьми. Помимо того, Мильтиц обвинил Тецеля в том, что тот имеет двух незаконнорожденных детей. Тецель удалился в монастырь, где вскоре умер от таких потрясений. Лютер писал ему: "Не принимайте все это слишком близко к сердцу. Не вы затеяли драку. У дитяти есть иной отец". Курфюрст тем временем употребил свое упрочившееся положение для того, чтобы использовать Мильтица в собственных целях. Он посоветовал передать дело Лютера на рассмотрение комиссии германских богословов под председательством архиепископа Трирского Рихарда Греффенклаусского. Подобный выбор оказался удачен для немцев - поскольку Рихард был курфюрстом; для папы - поскольку он был архиепископом, и для Лютера - поскольку на выборах он являлся противником папского кандидата. Кайэтан поддержал эту идею, и Рихард выразил свое согласие. Фридрих договорился, что слушания состоятся на предстоящем Вормсском сейме. Но папа не выразил ни поддержки, ни возражений по поводу такого предложения, в результате на какое-то время все повисло в воздухе.

Тем временем Лютер оказался вовлечен в дальнейшие споры. Он согласился воздерживаться от борьбы лишь в том случае, если его противники сделают то же самое. Они, однако, это условие не выполнили. В спор оказались вовлечены университеты. За Виттенбергским университетом укрепилась репутация лютеранского учебного заведения. Среди преподавателей особенно выделялись Карлштадт и Меланхтон. Первый из них был старше Лютера и в свое время жаловал ему докторскую мантию. Карлштадту при всей его эрудиции недоставало той осторожности, которая иногда приходит вместе со знаниями.

Был он человеком чувствительным, эмоциональным, порывистым, а иногда и излишне шумным. Его поддержка взглядов Лютера выливалась в такие взрывы ярости против его противников, что иногда они страшили даже самого Лютера.

Меланхтон был мягче, моложе - ему исполнился всего лишь двадцать один год. Своими блестящими познаниями он уже снискал себе уважение в Европе. Внешне Меланхтон был весьма невзрачен, говорил он запинаясь, а при ходьбе подергивал плечами. Однажды, когда Лютера спросили, как он представляет себе апостола Павла, тот ответил с добродушным смехом: "Думаю, что он был тощим коротышкой вроде Меланхтона". Когда же этот тщедушный человек начинал говорить, он уподоблялся юному Иисусу в храме. В Виттенберге он преподавал не богословие, а греческий язык и поначалу был далек от Лютера. Но вскоре Меланхтон подпал под его влияние. Его дружба с Лютером основывалась не на душевных порывах, а на общности толкования апостола Павла. Таковы были руководители виттенбергской общины.

Голиафом филистимлян, выступившим для того, чтобы посрамить Израиль, был профессор Ингольштадтского университета по имени Иоганн Экк. Сразу же после появления тезисов Лютера он обрушился на них в своей работе под названием *Obelisks*. Это слово использовалось для обозначения интерполяций в поэмах Гомера. Лютер ответил, написав *Asterisks*. Нападки Экка были неприятны Лютеру, поскольку Экк слыл его старым другом; не нищенствующим монахом, но гуманистом; не "вероломным итальянцем", но немцем, и далеко не последним в силу незаурядности своей натуры. Несмотря на внешность мясника и громоподобный голос, он обладал невероятной памятью, стремительностью речи и острым, как отточенное лезвие, умом - профессиональный спорщик, которого посылали в Вену или Болонью, если следовало провести диспут по деяниям Троицы, проблеме субстанции ангелов или контракту о займе под проценты. Особенно несносной была его манера облекать оскорбления в форму предположений и подталкивать оппонента к уличающим его выводам.

Экку удалось склонить не свой, но Лейпцигский университет к тому, чтобы его включили в число оппонентов Виттенберга. Таким образом, к новому конфликту присоединилось старое соперничество, поскольку Виттенберг и Лейпциг представляли соперничающие друг с другом части Саксонии, одна из которых находилась под выборным управлением, а другая управлялась герцогом. Экк встретился с покровителем Лейпцига, герцогом Георгом Бородатым. Бородатыми были все саксонские князья, но Георг предоставил другим именоваться Мудрыми, Твердыми и Щедрыми. Он согласился с тем, чтобы в Лейпциге Экк выступил в дебатах против Карлштадта, который уже яростно обрушивался на Экка, защищая Лютера. Но Экк и не помышлял фехтовать с секундантом. Он открыто подстрекал Лютера, оспаривая приписываемые ему утверждения о том, что Римская Церковь во времена Константина не возвышалась над другими и что занимающий престол Петра не всегда признавался преемником Петра и наместником Христа, - иными словами, что папство имеет недавнее и, следовательно, человеческое происхождение. Лютер отвечал:

"Когда я говорю о том, что авторитет папы римского покоится на человеческом повелении, это вовсе не значит, что я подстрекаю к непослушанию. Но мы не можем признать, что все овцы Христовы были вверены Петру. Что же тогда дано было Павлу? Когда Христос сказал Петру: "Паси овец Моих", разве подразумевал Он, что никто иной не может пасти их без дозволения Петра? Равным же образом не в силах я согласиться и с тем, что папа римский не может заблуждаться или что ему одному дано толковать Писание. Папская декреталия, используя новую грамматику, превращает слова "Ты есть

Петр" в "Ты есть примас". Декреталиями уничтожается Евангелие. Я не могу не осуждать содержащееся в этой декреталии богохульство - самое бесстыдное и извращенное".

Совершенно очевидно, что дебаты проходили между Экком и Лютером, но вряд ли можно было ожидать, что человек, которого заклеил сам папа, назвав его "сыном беззакония", примет участие в публичном диспуте под эгидой ортодоксального Лейпцигского университета. На это наложил запрет местный епископ. Но Лютера поддержал герцог Георг. Позднее он стал одним из наиболее непримиримых врагов Лютера, но пока он искренне стремился узнать, действительно ли

Как только монетка падает в мешок,

Душа из чистилища - скок.

Он напомнил епископу: "Проведение диспутов дозволяется с древнейших времен, даже диспутов о Святой Троице. Что хорошего будет в том, что солдату не позволят воевать, сторожевой собаке - лаять, а богослову - спорить? Лучше пожертвовать старушке, которая может вязать, чем богословам, которые не умеют спорить". Герцог Георг добился своего. Лютера снабдили охранной грамотой для участия в Лейпцигском диспуте. "Уж. не сам ли бес действует здесь?" - отзывался на это из своего вынужденного затворничества Тецель.

Лютер усердно готовился к спору. Поскольку он утверждал, что претензии на верховенство папы встречаются лишь в декреталиях последних четырехсот лет, он должен изучить все декреталии. По мере работы взгляды его приобретали все более и более революционное направление. В феврале он писал своему другу:

"Экк разжигает против меня новые войны. Он все же может подтолкнуть меня вплотную заняться "романистами". Пока все это было лишь баловством".

В марте Лютер делился с Спалатином:

"Посылаю тебе письма Экка, в которых он уже похваляется, будто бы завоевал Олимп. Я же занят изучением декреталии для будущих дебатов. Шепотом на ушко могу тебе сказать: "Я не знаю, антихрист ли папа или апостол, но совершенно точно, что в своих декреталиях он искажает и распинает Христа"".

Сравнение с антихристом было зловещим. Лютеру предстояло узнать, что людей легче убедить в том, что папа римский - антихрист, чем в истине, что праведный жив верою. Подозрение, которое Лютер еще не осмеливается высказать вслух, невольно объединяло его со средневековыми сектантами, которые возродили и видоизменили тему антихриста. Этот образ возник в сознании евреев, которые, томясь в плену, утешались в своих земных страданиях верой в то, что пришествие Мессии задерживается кознями антимессии, чья ярость достигнет кульминации непосредственно перед приходом Спасителя. Таким образом, чем мрачнее было настоящее, тем больше надежд сулило будущее. В Откровении Иоанна антимессия уже предстает в образе антихриста. Помимо этого возникает такая деталь, как появление перед концом двух свидетелей, которые должны свидетельствовать и претерпеть мученические страдания. Далее явится архангел Михаил и Некто с пылающим взором, на белом коне, и низвергнет зверя в пропасть. Как люди представляли себе этот сюжет во времена Лютера, наглядно показывает гравюра из "Нюрнбергской хроники" (Nurnberg Chronicle). В левом нижнем углу весьма правдоподобный антихрист обольщает людей. Справа изображены два свидетеля, которые свидетельствуют с кафедры, наставляя собравшихся. Холм в центре - гора Елеонская, с

которой Христос вознесся на небеса и с которой антихрист будет низвержен в ад. Наверху изображен Михаил с мечом.

Эта тема приобрела особую популярность в позднем средневековье среди последователей Фратичелли, Уиклифа и Гуса, отождествлявших пап с антихристом, который вот-вот будет низвержен. Взгляды Лютера невольно совпали с точкой зрения этих сект; имелось, однако, одно существенное отличие. В то время как они отождествляли с антихристом конкретных пап, известных своей нечестивой жизнью, Лютер полагал, что антихристом является каждый папа, даже будь он лично человеком примерного поведения, поскольку антихрист есть понятие обобщенное - это институт, папство, система, извращающая истину Христову. Вот почему Лютер неоднократно высказывал личное уважение Льву X, даже если всего лишь неделей ранее он обличал его как антихриста. Но все это еще впереди. Накануне Лейпцигского диспута подобные мысли пугали Лютера. В человека, высказывавшего столь глубокую привязанность к святейшему папе как наместнику Христа, само предположение о том, что он в конечном счете может оказаться врагом Господа, вселяло ужас. Мысль эта одновременно и утешала, поскольку дни антихриста были сочтены. Если Лютеру предстояло пасть, подобно двум свидетелям, губитель его вскоре будет поражен десницей Божьей. Теперь это было уже не противостояние людей, а борьба против властителей и сил, и мироправителя тьмы, которая велась на небесах.

Диспут состоялся в Лейпциге в июле. Экк приехал накануне и - в пышном церковном облачении участвовал в процессии Corpus Christi. Карлштадт, Меланхтон и другие ученые прибыли в сопровождении двухсот вооруженных пиками студентов. Городской магистрат предоставил Экку охрану из семидесяти шести человек, обязанных денно и ночно охранять его как от виттенбержцев, так и от богемцев, которые, как предполагалось, были среди сторонников Лютера. Каждый день утром и вечером стража под звуки флейты и барабана маршировала к воротам замка, где она и располагалась. Поначалу решали провести диспут в актовом зале университета; но столь велико было скопление духовенства, знати, людей образованных и необразованных, что герцог Георг предоставил свой дворец. Стулья и скамьи были украшены гобеленами - у виттенбержцев на них была вышита эмблема св. Мартина, а у сторонников Экка - изображение св. Георгия, поражающего дракона.

В день начала диспута в шесть утра в церкви св. Фомы для собравшихся была отслужена месса. Пел двенадцатиголосный хор под управлением Георга Рау, который позднее печатал в Виттенберге музыкальные произведения Лютера. Затем собравшиеся направились во дворец. Дебаты открылись наставлением о правилах достойного проведения богословского спора - его в течение двух часов зачитывал на латыни секретарь герцога Георга. "Великолепная речь, - сказал герцог Георг, - хотя меня и удивляет, что богословы нуждаются в подобных советах". Затем хор исполнил *Veni, Sancte Spiritus*, и громко протрубил городской трубач. Время приближалось к обеду. Герцог Георг обозревал ломившийся от яств стол. Экку он послал оленины, Карлштадту - жаркое из косули и всем приказал подать вина.

После обеда началась предварительная схватка вокруг правил богословского турнира. Первым возник вопрос о том, следует ли иметь стенографистов. Экк полагал, что не нужно, поскольку если участники будут думать о стенографисте, это охладит их пыл. "Истина может быть лучшим образом оценена в более прохладной атмосфере", - отвечал Меланхтон. Экк проиграл. Далее возник вопрос о том, следует ли иметь судей. Лютер считал, что в этом нет нужды. Фридрих уже договорился о том, что дело Лютера будет

заслушиваться в присутствии архиепископа Трирского, и на данном этапе он не желал создавать впечатление, будто здесь также происходит судебное слушание. Но герцог Георг настаивал. Лютер проиграл. Были избраны университеты Эрфурта и Парижа. Таким образом, был приведен в действие именно тот механизм, который ранее неоднократно предлагался для слушания дела Лютера. Когда Парижский университет принял это предложение, Лютер потребовал, чтобы были приглашены все преподаватели, а не только богословы, которым он перестал доверять. "Отчего же в таком случае, - вспыхнул Экк, - вам не передать свое дело на рассмотрение сапожникам и портным?" Третим был вопрос о том, допустимо ли иметь в зале какие-либо книги. Экк против этого возражал. Карлштадт, сказал он, во время открытия обложился фолиантами и своим чтением усыпил аудиторию. Карлштадт обвинил Экка в том, что тот желает сбить аудиторию с толку своей эрудицией. Карлштадт проиграл. По общему согласию записи дебатов не подлежали опубликованию до тех пор, пока судьи не вынесут свой вердикт. Затем начался непосредственно диспут.

До нас дошло описание его участников, сделанное наблюдателем этого состязания.

"Мартин среднего роста, истощен заботами и научными трудами до такой степени, что буквально можно пересчитать все его кости.

Он в расцвете сил и обладает звонким, проникающим в сердце голосом. Человек ученый и досконально знает Писание. Греческий и еврейский ведомы ему до такой степени, что он способен судить об истолкованиях. В его распоряжении огромный запас слов и мыслей. В обращении он любезен и ласков, нет в нем ничего унылого либо высокомерного. Он всем ровня. В компании он оживлен, весел, всегда в бодром и радостном расположении духа, как бы ни нападали на него соперники. Все единодушно ставят Мартину в вину некоторую дерзость выдвигаемых им упреков и язвительность, нужную для того, кто идет новым путем в религии, и неуместную для богослова. В значительной мере то же самое можно сказать и о Карлштадте, хотя и в меньшей степени. Он ниже Лютера и цветом лица напоминает копченую селедку. Голос его хриплый и неприятный. Памятью он более медлителен, а на гнев более скор. Экк - здоровенный, нескладно сложенный детина с громким голосом простолюдина, чему способствует изрядная грудь. Он напоминает трагика или городского глашатая, но голос его скорее хриплый, нежели звонкий. Глазами, устами и всем своим лицом он более напоминает мясника, нежели богослова".

После того как на протяжении недели Карлштадт и Экк спорили по проблеме оставленности человека, в диспут включился Лютер для обсуждения вопроса о древности папства и примата Римской церкви, подняв заодно и вопрос о том, является ли она человеческим или божественным институтом. "Какая разница, - спросил герцог Георг, - утвержден ли папа божественным правом или человеческим? Все равно он остается папою".

"Совершенная правда", - сказал Лютер, настаивавший на том, что отрицание божественного происхождения папства вовсе не может считаться наущением к непослушанию. Но Экк яснее Лютера видел разрушительные последствия его допущений. Претензии папы на безоговорочное послушание основаны на учении о божественном происхождении института папства. Лютер невольно продемонстрировал, сколь мало он ценит папскую власть, воскликнув: "Будь хоть десять пап, хоть тысяча, раскола не произойдет. Единство христианства может быть сохранено при многочисленности глав

церквей, точно так же, как отдельные нации проживают в согласии, имея разных правителей".

"Я дивлюсь, - фыркнул Экк, - что ваше преподобие забывает об извечной войне между англичанами и французами, неугасимой ненависти, которую испытывают по отношению друг к другу французы и испанцы, а все королевство Неаполитанское залито христианской кровью. Что же касается меня, то я исповедую одну веру, одного Господа Иисуса Христа и почитаю папу римского наместником Христовым".

Но мало было доказать ошибочность воззрений Лютера, следовало доказать еще и их пагубность. Соперникам предстояла схватка по вопросам, связанным с историей. Экк исходил из того, что примат Римской церкви и папы римского как преемника Петра относится к самым ранним временам Церкви. В доказательство этого он представил несколько писем. Предполагалось, что написаны они в II веке папой римским. В одном из них говорилось: "Святая Римская и апостольская Церковь учреждена не апостолами, но Самим нашим Господом и Спасителем, и в силу этого обрела преимущество во власти над всеми церквями и всем стадом христианского народа". И далее: "Священнопоставленный порядок утвержден был в новозаветные времена сразу же после нашего Господа Христа, когда Петру было поручено епископство, ранее исполняемое Самим Христом". Оба эти утверждения были внесены в канонический закон.

"Я оспариваю эти декреталии, - вскричал Лютер. - Никто и никогда не убедит меня в том, что святой папа и мученики говорили это!" Лютер был прав. Сегодня все католические авторитеты единогласно признают, что эти слова заимствованы из фальшивых исидорианских декреталий. Лютер привел великолепный пример исторического критицизма, причем без помощи Лоренсо Валлы, работа которого пока еще не была видна. Лютер отметил, что фактически в первые века христианства вне Рима верховенство епископов не признавалось подданными Римской империи, а греки так и не признали примат Римской церкви. Безусловно, это вовсе не давало повода для того, чтобы проклинать святых Греческой Церкви.

"Насколько я понимаю, - сказал Экк, - вы разделяете осужденные зловерные заблуждения Джона Виклифа, который сказал: "Для спасения нет никакой необходимости верить в то, что Римская церковь превыше всех остальных". И вы поддерживаете злонамеренные ереси Яна Гуса, утверждавшего, что Петр не был и не является главой святой Католической Церкви".

"Я отвергаю обвинения в союзе с богемцами, - громовым голосом вскричал Лютер. - Я никогда не одобрял их раскольничества. Пусть даже на их стороне правда Божья, но они не должны были удаляться от Церкви, поскольку наивысшая Божественная правда заключается в единстве и благотворительности".

Экк подталкивал Лютера к заключениям, которые в Лейпциге особенно яростно осуждались как изменнические. Богемия совсем недалеко от Лейпцига, и жива была еще память об опустошительном вторжении на саксонские земли богемских гуситов, последователей сожженного в Констанце за ересь Яна Гуса. Дебаты были прерваны - настало время обеда. Лютер воспользовался передышкой, чтобы пойти в университетскую библиотеку и ознакомиться с материалами осудившего Гуса Констанцкого собора. К своему изумлению, среди осужденных положений учения Гуса он нашел и следующее: "Есть только одна вселенская церковь - община верных". И далее: "Вселенская Святая Церковь едина, поскольку едино число избранных". Для Лютера было очевидным, что вторая формулировка заимствована непосредственно из трудов св. Августина. Когда в два

часа диспут возобновился, Лютер заявил: "Среди положений вероучения Яна Гуса я обнаружил подлинно христианские и евангельские, которые не может осудить вселенская Церковь". Хорошо слышно было, как после этих слов герцог Георг пробормотал: "Чума!" В памяти его промелькнули воспоминания о вторжении гуситских орд в саксонские земли. Такая реакция была на руку Экку.

Лютер продолжал: "Что касается утверждения Гуса, говорившего: "Для спасения нет никакой необходимости верить в то, что Римская церковь превыше всех остальных", - то мне безразлично, исходят ли эти слова от Виклифа или от Гуса. Я знаю, что неисчислимо число греков спаслось, хотя они и не слышали об этих словах. Ни папа римский, ни инквизиция не вправе устанавливать новые положения веры. Нельзя побуждать верующего христианина преступать границы, обозначенные Словом Божиим. Закон Божий запрещает нам верить в то, что не установлено Писанием Господа или Его откровением. Один из авторов канона сказал, что мнение одного-единственного человека имеет больший вес, чем суждение папы римского или церковного собора, коль скоро оно опирается на более прочную библейскую основу. Я не могу поверить в то, что Констанцкий собор осудил эти взгляды Гуса. Вполне возможно, что эта часть протоколов представляет собой более позднюю вставку".

"Решения эти, - отвечал Экк, - отражены в достоверной истории Иеронима Хорватского, и истинность их никогда не подвергалась сомнению гуситами".

"Но даже в этом случае, - возразил Лютер, - собор не объявил, что все положения вероучения Гуса есть ересь. Там сказано, что "некоторые из них еретические, некоторые есть заблуждение, некоторые богохульны, некоторые высокомерны, некоторые есть подстрекательство к мятежу, а некоторые оскорбительны для слуха людей набожных". Вам следует разобраться и сообщить нам, какие же из них являются заблуждениями".

"Каковыми бы именно они ни были, - сказал Экк, - ни одно из них не объявлено наихристианнейшим и согласным с Евангелием; и если вы защищаете их, в таком случае вы еретик, заблуждающийся, богохульник, высокомерный, подстрекаете к мятежу и оскорбляете слух людей набожных".

"Позвольте мне сказать по-немецки, - потребовал Лютер. - Собравшиеся неверно меня понимают. Я говорю о том, что собор иногда заблуждался и может иногда заблуждаться. Равным же образом, собор не наделен правами устанавливать новые положения вероучения. Собор не может выдавать за божественную истину то, что по своей природе божественной истиной не является. Соборы противоречат друг другу, ибо последний, Латеранский, собор отменил решения Констанцкого и Базельского соборов о том, что собор превыше папы. Следует исходить из того, что простой мирянин, вооруженный Писанием, стоит превыше папы или собора, если таковые его не имеют. Что же до папских декреталий об индульгенциях, то я скажу, что ни Церковь, ни папа не могут устанавливать положений вероучения. Таковые должны проистекать из Писания. Ради Писания мы должны отвергнуть и папу, и соборы".

"Но это, - сказал Экк, - и есть божья зараза - утверждать, будто каждый волен толковать Писание наравне с папами, соборами, докторами и университетами. Когда брат Лютер говорит, что собственное истолкование и есть истинное значение текста, папа и соборы говорят: "Нет, брат неверно его понял". Тогда я приму истолкование собора и отпущу брата. Иначе всем ересям не будет конца. Все еретики обращаются к Писанию и полагают свои истолкования верными. Еретики точно так же, как это делает сейчас Лютер, утверждают, что папы и соборы ошибаются. Дурно говорить о том, что участники

собора, будучи людьми, способны ошибаться. Ужасно, когда преподобный отец выступает против святого Констанцского собора и единодушного мнения всех христиан, не опасаясь называть некие положения вероучения Гуса и Виклифа наихристианнейшими и евангельскими. Вот что я вам скажу, преподобный отец: если вы отвергаете решения Констанцского собора, если вы утверждаете, что законно созванный собор заблуждается, то вы для меня' язычник и мытарь".

Лютер ответил: "Если вы не считаете меня христианином, то выслушайте мои доводы и доказательства, как выслушали бы турка и безбожника".

Экк выслушал. Они перешли к дискуссии по проблеме чистилища. Экк процитировал знаменитый текст из 2 Мак. 12:45: "Посему [он] принес за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха". На это Лютер возразил, что "Книга Маккавеев относится к апокрифам, а не к каноническому Ветхому Завету, а поэтому не имеет авторитета". В третий раз уже во время дебатов он отверг значимость документов, на которых основывались папские притязания.

Вначале он отверг истинность папских декреталий I века и был прав. Затем он поставил под сомнение решения Констанцского собора и ошибся. На этот раз он отверг авторитет ветхозаветных апокрифов, что, конечно же, было вопросом спорным.

Далее они перешли к индульгенциям. Споров по этой проблеме фактически не было. Экк, заявил, что если бы Лютер не поставил под сомнение примат папской власти, разногласия их легко можно было бы разрешить. Затронув вопрос об исповеди, Экк, однако, обрушился на Лютера: "Вы что, единственный, которому ведомо все? Выходит, заблуждается вся Церковь, кроме вас?"

"Напоминаю, - отвечал Лютер, - что Бог однажды вещал устами осла. Я прямо скажу вам о том, что думаю. Я христианский богослов и обязан не только основываться на истине, но и защищать ее своею кровью до самой смерти. Я желаю веровать свободно и не быть рабом каких бы то ни было авторитетов, будь то собор, университет или папа. Я с уверенностью исповедую то, что полагаю истинным, независимо от того, признано ли это Католической Церковью или сочтено ересью; утверждено собором или отвергнуто".

Дебаты длились восемнадцать дней и "могли бы продолжаться вечно, - как выразился современник, - не вмешайся герцог Георг". Он так и не узнал, что же происходит, когда монетка падает в денежный мешок, а зал ассамблеи понадобился герцогу для увеселения маркграфа Бранденбургского, который возвращался домой после избрания императора. Обе стороны продолжили диспут войной памфлетов. Соглашение воздержаться от публикации материалов диспута до решения университетов не было соблюдено, поскольку Эрфуртский университет своего мнения так и не сообщил, а Парижский отозвался лишь спустя два года.

Прежде чем завершить отчет о дебатах, стоит упомянуть о небольшом инциденте, поскольку он прекрасно иллюстрирует грубые и бесчувственные нравы той эпохи. У герцога Георга был одноглазый придворный шут. Во время диспута между Экком и Лютером завязался шуточный спор о том, позволительно ли этому шуту иметь жену. Лютер выступал за семейную жизнь, а Экк - против. Замечания Экка были столь оскорбительны, что шут обиделся. После этого всякий раз, когда Экк входил в зал, шут корчил ему рожи. Экк отвечал тем, что изображал одноглазого, - шут разражался яростной руганью. Собравшиеся валились от хохота.

После диспута Экк подбросил хворост в готовящийся для Лютера костер. "В любом случае, - завершил он, - передо мной не кто иной, как саксонский Гус". Были перехвачены два письма, адресованных Лютеру, - от Яна Продуске и от Венцеля Рождаловского, гуситов из Праги. Вот что они ему писали: "Тем, кем некогда был Гус в Богемии, вы, Мартин, являетесь в Саксонии. Стойте твердо". Вместе с этими письмами чехи послали работу Гуса "Рассуждения о Церкви". "Ныне, - говорил Лютер, - я более соглашаюсь с учением Гуса, чем в Лейпциге". К февралю 1520 года он уже готов был сказать: "Мы все гуситы, хотя и не ведаем об этом". Тем временем Экк в Риме известил папу о том, что сын беззакония еще и саксонский Гус.

Глава седьмая

ГЕРМАНСКИЙ ГЕРКУЛЕС

Впервые годы Реформации появилась карикатура, изображавшая Лютера в виде "германского Геркулеса". Папа был выставлен на посмешище в виде выделений из носа Лютера. Под рукой Лютера корчится инквизитор Хохстратен, а вокруг него распростерты богословы-схоласты. Карикатура свидетельствовала о том, что Лютер стал национальным героем. Эта известность пришла к нему лишь после Лейпцигского диспута. Почему именно диспут создал ему такую популярность, непонятно. Не так уж много им было сказано в Лейпциге того, чего бы он не говорил раньше, а частичное одобрение Гуса должно было бы скорее вызвать ярость, чем одобрение. Возможно, для народа привлекательным оказался сам факт, что бунтовщику-еретику вообще позволено было участвовать в открытом диспуте.

Куда более важным фактором, однако, могло оказаться распространение трудов Лютера. Дерзкий печатник из Базеля Иоганн Фробен собрал и напечатал одним томом "Девяносто пять тезисов", "Размышления", "Ответ Приериасу", проповедь "О наказании" и проповедь "Размышления о евхаристии". В феврале 1519 года он уже извещал Лютера о том, что осталось лишь десять экземпляров и что никогда еще продукция его типографии не расходилась столь быстро. Эта книга распространялась и в Германии, и за ее пределами - Лютер становился видной фигурой не только в национальном, но и в международном масштабе. Шестьсот экземпляров было послано во Францию и Испанию. Направлялись книги также в Брандербург и Англию. Швейцарский реформатор Цвингли заказал несколько сотен книг, с тем чтобы книгоноши могли распространять их в народе, перевоза во вьюках на лошади. Даже из Рима Лютер получил письмо от своего бывшего однокурсника. Тот сообщал, что ученики Лютера, рискуя жизнью, распространяли его трактаты в непосредственной близости от Ватикана. Вполне заслуженно Лютеру можно было ставить памятник как отцу нации.

Из карикатуры, которая приписывается Гольбейну и датирована 1522-м годом. Папа свисает с носа Лютера. Под рукой его инквизитор Якоб фон Хохстратен. Среди сраженных св. Фома, Дунс Скотус, Роберт Холсот, Вильям Оккамский, Николае Лирский, Аристотель. На первом плане Петер Ломбардский с перевернутым титулом его "Сентенций". На заднем плане - убегающий дьявол, переодетый монахом.

Такая слава быстро выдвинула Лютера во главу движения, получившего известность как Реформация. По мере своего формирования оно неизбежно должно было соприкоснуться с двумя другими великими движениями своей эпохи - Ренессансом и национализмом.

Ренессанс представлял собой многообразное явление, в котором центральное место занимали идеалы, общеизвестные под названием "гуманизм". По сути своей это было

отношение к жизни, согласно которому интересы человечества должны быть прежде всего обращены к человеку. Человек будет владычествовать над всей землей, преуспеет во всех областях знания и покорит все сферы жизни. Войну следует ограничить стратегией, политику - дипломатией, искусство - отражением действительности, а предпринимательство - бухгалтерской отчетностью. Каждый должен стремиться к овладению всеми достижениями и умениями, доступными человеку. Homo universale, человек универсальный, должен быть придворным, политиком, путешественником, художником, ученым, финансистом. Вполне возможно, что в нем будет и элемент божественности. Литература и языки классической античности вызвали жадный интерес, поскольку воспринимались как часть пути к универсальному знанию, не говоря уже о том, что эллинская культура проповедовала сходное отношение к жизни.

Подобные устремления не повлекли за собой открытого разрыва с Церковью - и потому, что секуляризованные папы эпохи Возрождения снисходительно относились к ним, и потому, что классическое и христианское мировоззрение уже слились благодаря св. Августину. В то же время это движение таило в себе угрозу христианству, так как ставило во главу угла человека, так как поиски истины в любом направлении могли привести к открытию такого понятия, как относительность, и так как в античной философии не было места основополагающим догматам христианства - инкарнации и кресту.

В то же время между гуманистами и Церковью произошло всего лишь одно открытое столкновение. Причиной его послужила проблема свободы академической мысли, а разыгрался конфликт в Германии. Здесь фанатичный обращенный из иудеев по имени Пфефферкорн попытался добиться разрешения уничтожить все еврейские книги. Против него выступил великий германский гебраист Рейхлин - двоюродный дедушка Меланхтона. Мракобесы заручились поддержкой инквизитора Якоба фон Хохстратена, который на карикатуре распростерт у ног Лютера, и прокурора Сильвестра Приериаса. Стычка завершилась компромиссом. Рейхлину было разрешено продолжить преподавание, хотя и возложили на него оплату судебных издержек. В конечном счете выиграл он.

В решении некоторых проблем между гуманизмом и Реформацией был возможен союз. Представители обоих течений отстаивали право свободного исследования Священного Писания. Гуманисты включили Библию и библейские языки в свою программу возрождения античности, и битва, которую вел Лютер за верное понимание Павла, представлялась как им, так и самому Лютеру продолжением дела Рейхлина. Те же были противники - Хохстратен и Приериас, та же была цель - снятие всех ограничений для исследования. Нюрнбергский гуманист Виллибальд Пиркгеймер высмеял Экка в своем памфлете. Согласно нарисованной им картине, Экк оказался неспособен защитить докторскую степень в известных своими гуманистическими позициями Аугебурге и Нюрнберге, и вынужден был обратиться к Лейпцигу, месту своего недавнего "триумфа" над Лютером. Сообщение доставила ведьма, которая, для того чтобы заставить своего козла взлететь в воздух, произнесла магические слова: "TartshohNerokreffep". Если читать их в обратном порядке, то получались фамилии двух главных фигур в деле Рейхлина: Пфефферкорна и Хохстратена.

Проведенное Лютером исследование, выявившее подложность папских документов, как ему самому, так и гуманистам представлялось равноценным работе Лоренсо Баллы, который продемонстрировал, что "Жертвование Константина" является подделкой. Как гуманисты, так и реформаторы обрушились на индульгенции, хотя и из различных побуждений. То, что одни называли богохульством, другие высмеивали как глупое суеверие.

Наибольшая близость между этими двумя движениями появлялась, как только человек Возрождения терял уверенность в себе, одолеваемый раздумьями о том, не мешает ли его доблестным подвигам богиня Фортуна и не predetermined ли его судьба звездами. Это была некогда вставшая перед Лютером проблема Бога капризного и Бога враждебного. Столкнувшись с этой тайной и не имея собственных глубоких религиозных убеждений, человек Ренессанса склонен был обрести успокоение в оглушающих иррациональностях Лютера, нежели в окруженном почтением авторитете Церкви.

Но и здесь все было неоднозначно. Многие из прежних поклонников Лютера, вроде Пиркгеймера, покинули его, примирившись с Римом. Три примера наглядно демонстрируют различие жизненных путей, избравшихся людьми: Эразм от безраздельной поддержки Лютера перешел к раздражительной критике; Меланхтон стал ближайшим и наиболее преданным из его сторонников; Дюрер мог бы стать художником Реформации, если бы не умер вскоре после своего духовного кризиса.

В силу своих глубоких христианских убеждений Эразм был ближе к Лютеру, чем любая иная фигура Ренессанса. Основная часть его литературных трудов связана не с античной классикой, но с Новым Заветом и трудами отцов Церкви. Подобно Лютеру, он мечтал пробудить христианское сознание в Европе распространением Священного Писания. Ради достижения этой цели Эразм первым подготовил к изданию Новый Завет в греческом оригинале. В 1516 году во Фробенской типографии началось печатание прекрасно оформленного фолианта, напоминавшего своим видом греческие рукописи. Текст сопровождался подстрочным переводом и разъяснениями. Эта книга попала в Виттенберг в то время, когда Лютер читал лекции по девятой главе Послания к Римлянам, и стала впоследствии одним из его основных рабочих инструментов. Из подстрочного перевода Лютер узнал о неточности перевода Вульгаты, в котором слово "каяться" переводилось как "совершать покаяние". В течение всей своей жизни Эразм продолжал совершенствовать способы библейского исследования. Лютер высоко ценил его труды. В 1519 году в своих лекциях о Послании к Галатам Лютер прямо заявил, что был бы более счастлив, имея он возможность дожидаться комментария из-под пера Эразма. Первое письмо Лютера к Эразму было хвалебно-подобострастным. Он так обращался к вождю гуманистов: "Наш восторг и надежда. Кто не черпал познания от него?" В 1517-1519 годах Лютер проникся такой любовью к гуманистам, что даже принял их обыкновение эллинизировать национальные имена. Себя он называл Элеутериусом, "человеком свободным".

Лютера и Эразма действительно объединяло много общего. Оба утверждали, что современная им Церковь впала в сурово осужденное апостолом Павлом иудаистическое законничество. По словам Эразма, теперь суть христианства заключалась не в том, чтобы любить ближнего своего, но в воздержании от масла и сыра в великий пост. Что есть паломничества, настаивал он, как не внешние подвиги, совершаемые зачастую ценой пренебрежения своими семейными обязанностями? Какое благо несут индульгенции людям, не желающим изменять пути свои? Приносимые по обету щедрые пожертвования, которые украшают гробницу св. Фомы в Кентербери, лучше было бы направить на столь ценную святыми благотворительность. Никогда не пытавшиеся подражать своей жизнью примеру св. Франциска желают умереть в его сутане. Эразм презрительно отзывался о тех, кто для изгнания бесов полагался на облачение, неспособное убить даже вошь.

Оба они были в ссоре с папой. Лютер - из-за того, что тот подвергал опасности спасение душ, а Эразм - из-за того, что папы увлеклись внешними церемониями и иногда препятствовали свободному исследованию. Эразм даже позволил себе включить в новые издания своих работ высказывания, которые можно было рассматривать как

подстрекательство Лютера. В издании "Комментариев к Новому Завету" 1519 года мы читаем следующие строки:

"Сколь многочисленны установления, коими человек чинил препятствия таинству епитимьи и исповеди? Всегда наготове молния отлучения от Церкви. Священный авторитет папы римского до такой степени осквернен отпущениями грехов, освобождениями от обетов и подобными же деяниями, что люди истинно благочестивые не могут взирать на все это без вздоха. Аристотель в таком почете, что церкви едва ли находят время для истолкования Евангелия".

И вновь в издании "Ratio Theologiae" 1520 года он включил следующие слова:

"Кое-кто, не довольствуясь соблюдением исповеди как ритуала Церкви, распространяет учение, будто она была введена не просто апостолами, но Самим Христом; равным же образом не допускают они и того, чтобы хоть одно таинство было прибавлено к имеющимся семи либо убавлено от этого числа, выражая тем не менее совершеннейшую готовность наделить одного человека властью отменить чистилище. Некоторые полагают, будто вселенское тело Церкви сжалось до одного лишь папы римского, который не способен заблуждаться в вопросах веры и нравственности. Таким образом, папа наделяется достоинствами большими, нежели сам он готов признать за собой, хотя эти люди не медлят оспорить его суждение, коль оно затрагивает их кошелек или надежды. Разве это не раскрытая дверь к тирании, если подобная власть попадет в руки человека нечестивого и вредоносного? То же можно сказать и относительно обетов, десятин, реституций, отпущения грехов и исповедей, посредством которых обманывают людей простых и суеверных".

На протяжении тех лет, которые последовали за выступлением против индульгенций и предшествовали критике таинств, современники были настолько уверены, что Лютер и Эразм проповедуют одно и то же Евангелие, что автор первой изданной на немецком языке и выпущенной в 1519 году апологии Лютера, глава нюрнбергских гуманистов Лазарь Спенглер превозносил его как человека, освободившего христиан от четок, псалтири, паломничеств, святой воды, исповеди, ограничений, связанных с питанием и постом, от злоупотреблений отлучением от Церкви и от помпезности индульгенций. Эразм мог бы подписаться под каждым словом этого утверждения.

Но существовали и различия. Наиболее фундаментальное из них заключалось в том, что Эразм был, в конечном счете, человеком Ренессанса, исполненным стремления даже религию подчинить человеческому разуму. Для достижения этой цели он отказался от пути схоластов, воздвигавших искусственные теологические построения, пронизанные единой логикой. Вместо этого Эразм предлагал отложить до Судного дня все споры относительно трудных мест Писания и облечь христианское учение в форму, достаточно простую для понимания ацтеков, для которых переводились его религиозные трактаты. Из всех святых ему более всего импонировал раскаявшийся разбойник, поскольку для спасения тому оказалось достаточно самых минимальных познаний в богословии.

Была и еще одна причина, по которой Эразм воздерживался от безоговорочной поддержки Лютера. Эразма повергало в тоску уходящее единство Европы. Он мечтал, чтобы христианский гуманизм стал заслоном на пути национализма. Посвящая свои комментарии к четырем евангелиям четырем правителям новых независимых государств - Генриху Английскому, Франциску Французскому, Карлу Испанскому и Фердинанду Австрийскому, он выразил надежду на то, что их имена будут связываться с

евангелистами и Евангелие сплотит их сердца. Его страшила угроза расколов и войн, которую несла с собой Реформация.

Решающим же из всех разногласий была его внутренняя потребность. Столь превозносимая Эразмом незамысловатая философия Христа не избавляла от внутренних сомнений, а богословские исследования, которые, как он полагал, должны способствовать искуплению мира, не защищали от завистливых насмешек. Зачем изнурять себя, обрекать на преждевременную старость, болезни, потерю зрения, сочиняя книги, если мудрость, вполне возможно, дарована младенцам? Исполненный сомнений относительно полезности труда всей своей жизни, он нуждался в опоре - если не Лютера, то Рима.

Подобный человек просто не в состоянии был безоговорочно поддержать Лютера, не ломая при этом самого себя. Эразм осмотрительно избрал свою стратегию и придерживался ее с большей настойчивостью и смелостью, чем обычно принято считать. Он выступал в защиту человека вообще, но не конкретных мнений. Если он одобрял идею, то именно как идею, но не как идею Лютера. Он отстаивал право человека говорить и быть услышанным. Эразм делал вид, что ему вообще неведомо, о чем говорит Лютер. У него не было времени, как он утверждал, прочесть книги Лютера, за исключением, может быть, нескольких строк из работ, написанных по-латыни. Ничего из написанного по-немецки он не читал в силу незнания этого языка - хотя до нас дошли два письма Эразма Фридриху Мудрому, написанные по-немецки. После столь пылких высказываний он вновь и вновь отрицал свое знакомство даже с немецкими работами. Позиция его, однако, была вполне логичной. Он ограничил себя защитой гражданских и религиозных свобод. Лютер был человеком безупречной жизни. Он выражал готовность изменить свою позицию. Он просил назначить беспристрастных судей. Лютер жаждал, чтобы было назначено слушание, настоящее слушание, которое позволило бы определить, насколько здраво предложенное им истолкование Писания. Это была битва за свободу истолкования. Даже если Лютер и заблуждается, пусть его поправят по-братски, но не грозят карами Рима. В век нетерпимости к нейтралитету Эразм был по своим убеждениям нейтральным человеком.

Среди гуманистов были и те, кто безоговорочно перешел на сторону Лютера. Именно так поступил Меланхтон, который как богослов гуманистического направления был убежден в правильности предложенного Лютером истолкования посланий апостола Павла. В силу этого Меланхтон стал коллегой и союзником Лютера. В то же время он занимал позицию, которая порой представлялась столь неопределенной и двусмысленной, что вплоть до наших дней не стихают споры о том, был ли он защитником Евангелия Лютера или извращал его. Дело в том, что до самых своих последних дней Меланхтон сохранял прочные дружеские отношения с Эразмом. Само по себе это было бы не столь существенно, не проявляй он при этом постоянной готовности внедрить в учение Лютера чуждые ему элементы. После смерти Лютера Меланхтон перевел Аугсбургское исповедание на греческий язык для патриарха Константинопольского. В этом переводе он фактически подменил лютеровское учение об оправдании верой греческой концепцией обожествления человека через сакраментальное единство с неподкупным Христом. Гуманизм оказался сомнительным союзником.

Возникает вопрос: "А не был ли Лютер лучше всего понят тем немецким гуманистом, который в молодости являлся типичным представителем Возрождения"? Художник Альбрехт Дюрер прекрасно иллюстрировал концепцию homo universale. Он испробовал разные манеры письма, стремясь охватить все тайны эзотерическим символизмом. Иногда его работы имели оттенок некоторой легкомысленности, как, например, "Мадонна с чижом"; иногда же в них отражалось глубокое отчаяние и убежденность в тщете всех

человеческих устремлений. Жизнерадостные всадники Ренессанса остановились перед пропастью судьбы. Дюреровская "Меланхолия" особенно ярко отражает весь ужас их состояния. Перед нами крылатая женщина острого ума, которая в оцепенении сидит среди различных инструментов и символов человеческих занятий. Рядом с ней без дела лежат циркуль, чертежник, весы химика, плотницкий уровень, чернильница писателя; праздно висят на ее поясе ключи власти, кошелек богатства; нет применения стоящей рядом с ней строительной лестнице. Совершенная сфера и вырезанный ромб не побуждают к новым устремлениям. Над ее головой песочные часы и магический квадрат. Время в часах уже истекло, а магический квадрат, какие исчисления с ним ни производи, не даст большей суммы. Висящий наверху колокол вот-вот зазвонит. Но женщина пребывает в траурном бездействии, поскольку судьбы решаются на небесах. В небе изгибается радуга - символ данного Богом обещания Ною, что никогда более Он не обрушит на землю воды потопа. Но в радуге виден блеск кометы как предзнаменование грядущей катастрофы. Рядом с Меланхолией на жернове восседает херувим, который что-то пишет на бумаге - единственный активный персонаж, поскольку ему безразличны бушующие в мире силы. Не желает ли Дюрер, подобно Эразму, сказать, что мудрость заключена в простоте детства и человеку было бы лучше отложить в сторону все, чему он научился, пока боги не решат судьбоносные проблемы?

Насколько же это похоже - пусть даже в ином выражении - на мучительные поиски смысла жизни Лютером! Дюрер использует иной язык; он прибегает к иной символике, но Возрождение могло подразумевать и смену символов. Услышав, что человек спасается верою, Дюрер уловил, что комета находится во власти радуги. Он возжаждал с Божьей помощью познакомиться с Лютером и написать его портрет "как непреходящий памятник христианину, который помог мне разрешить великие тревоги". Впоследствии муза Дюрера, оставив темы светские, обратилась к Евангелию. От "искрящегося блеска" он перешел к "запретной, но при этом странно манящей суровости".

Германский национализм был вторым великим движением, имевшим множество точек соприкосновения с Реформацией. В дни Лютера это движение лишь зарождалось, поскольку в Германии объединение нации задерживалось в сравнении с Испанией, Францией и Англией. В Германии не было централизованного правительства. Священную Римскую империю лишь весьма относительно можно было считать германским национальным государством в силу того, что она была одновременно слишком велика - любой европейский принц мог претендовать на владычество ею и слишком мала, поскольку фактически в ней правила династия Габсбургов. Германия была раздроблена на небольшие княжества, территории которых зачастую перекрывали друг друга и находились под спорной юрисдикцией князей и епископов. В тумане и путанице союзов огоньками блестяли свободные города. Рыцари упрямо стремились удержать в своих руках ускользающую от них власть, крестьяне проявляли такое же упрямство, желая играть в политике роль, которая бы соответствовала их экономической значимости. Не было ни "правительства, ни класса, способного объединить Германию в единую нацию. Опустошенная и отсталая, она подвергалась насмешкам со стороны итальянцев и воспринималась папством как личная дойная корова. Неприязнь к Риму носила здесь более острый характер, чем в тех странах, где национальные правительства обуздывали папские притязания.

Ульрих фон Гуттен и Франц фон Зиккинген представляли германский национализм, на протяжении нескольких лет оказывавший определенное влияние на судьбу Лютера. Гуттен был одновременно и рыцарем, и гуманистом, любившим пощеголять как в доспехах, так и в лаврах. Его личность еще раз демонстрирует все разнообразие проявлений гуманизма, который был интернационален в Эразме и национален в Гуттене.

Гуттен сделал многое для оформления концепции германского национализма и создания представления об идеальном немце, который должен изгнать врагов фатерлянда и утвердить культуру, способную соперничать с итальянской.

Первым врагом, против которого надлежало развернуть борьбу, была Церковь, которая столь часто несла ответственность за раскол и раздробленность Германии. Гуттен обладал даром писателя-гуманиста, который он использовал для того, чтобы подвергнуть римскую курию самым оскорбительным поношениям. В памфлете под названием "Римская троица" разящими трехстишьями он перечислил все грехи Рима: "Три вещи продаются в Риме: Христос, священство и женщины. Три вещи ненавистны Риму: вселенский собор, реформация Церкви и прозрение немцев. О трех напастях на Рим я молюсь: о море, голоде и войне. Вот моя троица".

Написавший эти строки человек первоначально не симпатизировал Лютеру. На начальных стадиях схватки с Экком Гуттен воспринимал это противоборство как склоку между монахами, радуясь тому, что они пожирают друг друга. Но после Лейпцигского диспута он понял, что в словах Лютера многое перекликается с его собственными мыслями. Лютер также выступал против ограбления Германии, придинок и надменности итальянцев. Лютер предпочел бы видеть в руинах собор св. Петра, а не опустошенную Германию. Нарисованная Гуттенем картина романтического немца прекрасно дополнялась концепцией Лютера, согласно которой немцы обладали более глубокой и непостижимой душой в сравнении с другими народами. В 1516 году в руки Лютера попала анонимная рукопись из общества "Друзья Божьи". Лютер издал ее под названием "Германская теология", отметив в предисловии, что он почерпнул из этой рукописи больше, чем из какого-либо иного труда за исключением Библии и работ св. Августина. Эти слова никоим образом не отражали узконационалистических убеждений, поскольку св. Августин писал на родной для него латыни. Но при этом Лютер, безусловно, имел в виду, что немцы стоят выше тех, кто их презирает. Сходство между Гуттенем и Лютером проявилось с еще большей очевидностью, когда Гуттен утвердился в своих христианских взглядах и идеалы его переместились из Афин в Галилею.

Теперь перед Гуттенем встала проблема практического освобождения Германии. Изначально он питал надежду, что император Максимилиан обуздает Церковь и сплотит нацию, но Максимилиан умер. Затем Гуттен поверил в то, что Альбрехта Майнцского, примаса Германии, можно побудить стать главой истинной национальной Церкви, но Альбрехт слишком многим был обязан Риму.

Лишь один класс в Германии отозвался на воззвания Гуттена: его собственный - рыцари. Наиболее видной из них фигурой был Франц фон Зиккинген, во многом решивший исход выборов императора, сосредоточив свои войска вокруг Франкфурта. Зиккинген стремился предотвратить исчезновение своего класса, дав Германии справедливое правление по образцу Робин Гуда. Он провозгласил себя защитником угнетенных, а поскольку войско его было на содержании крестьян, он постоянно искал угнетенных, нуждавшихся в отмщении. Гуттен счел, что Зиккингена можно привлечь к защите как Германии, так и Лютера. В течение мирной зимы Гуттен жил в замке Зиккингена под названием Эбернбург. Там придворный поэт Германии читал неграмотным воинам германские работы виттенбергского пророка. Говоря о своей решимости защитить бедных и страдающих за Евангелие, Зиккинген подчеркивал наиболее выразительные места своей речи энергичными жестами, притопывая при этом ногой. Вскоре в популярных брошюрах его стали изображать отмстителем за крестьян и Мартина Лютера. В одной из этих историй речь идет о крестьянине, который, уплатив половину своей задолженности церкви, не в силах выплатить вторую. Зиккинген говорит, что ему не следовало платить и

первую половину долга, приводя обращенные к ученикам слова Христа, наставлявшего не брать с собою ни сумы, ни меди в поясе. Крестьянин спрашивает, где можно прочесть эти слова. Зиккинген отвечает: "В Евангелии от Матфея 10-я глава, а также у Марка, 6-я глава и у Луки 9-я и 10-я главы".

"Господин рыцарь, - восклицает изумленный крестьянин, - откуда вы так хорошо знаете Писание?"

Зиккинген отвечает, что научился он из книг Лютера, которые читал ему Гуттен в Эбернбурге.

Нельзя сказать, что образ Зиккингена - защитника угнетенных - был полностью вымышленным. Он действительно позволил Гуттену убедить себя в необходимости двинуться крестовым походом местного масштаба в защиту гуманизма и реформы. Таким образом Рейхлин получил возможность выплатить наложенный на него штраф, а гонимые за Евангелие получали убежище в Эбернбурге. Среди них был и тот молодой доминиканец, Мартин Бюцер, который так восхищался Лютером в Гейдельберге. Теперь же, оставив сутану, он бежал к рыцарям зеленого леса. Лютера известили о том, что и он будет желанным гостем там. Мы не знаем, каким был ответ Лютера, но можем догадаться об этом по его реакции на подобное же предложение со стороны рыцаря, сообщившего ему о том, что в случае, если курфюрст согласится выдать Лютера, сто рыцарей готовы выступить на его защиту, поскольку дело это не рассматривалось судьями безупречной репутации. Лютер отвечал на подобные предложения уклончиво. "Я не отклонял их, - доверительно сообщал он Спалатину, - но воспользуюсь ими лишь в том случае, если того пожелает Христос, мой Защитник, Который, как я могу полагать, вдохновил этого рыцаря".

При этом Лютер был готов использовать получаемые им письма в дипломатических целях. Он желал знать, не считает ли Спалатин разумным показать их кардиналу Риарио. Пусть курия знает, что если ее угрозы заставят Лютера покинуть Саксонию, он не отправится в Богемию, но найдет убежище в самой Германии, где может стать Для нее куда более опасен, чем под надзором князя, когда он всецело погружен в свои преподавательские обязанности. Общий тон письма достаточно резкий. "Для меня жребий брошен, - сказал Лютер. - Я равным образом презираю как ярость Рима, так и милость его. Меня не примирить с ними; наступил конец смирению. Они проклинают и сжигают мои книги. Я всенародно сожгу весь канонический закон, если только меня не оттащат от огня".

В августе 1520 года Лютер намекнул, что теперь, освобожденный этими рыцарями от страха перед людьми, он готов обличить папство как антихриста. В действительности Лютер уже сделал это; и хотя заверения в готовности встать на его защиту, несомненно, ободрили его и придали смелости, не в ощущении безнаказанности таился источник мужества Лютера. Один из его друзей высказал опасение, что Лютер отступит перед грозящей ему опасностью. Тот ответил:

"Вы интересуетесь, как обстоят мои дела. Затрудняюсь что-либо ответить. Никогда еще сатана не ополчался против меня с такой яростью. Могу лишь сказать, что никогда не искал я ни богатства, ни почестей, ни славы и посему не могу быть низвергнутым яростью толпы. Скажу даже, что чем более они негодуют, тем более я исполняюсь духом. Но - и это может удивить вас - я едва способен противостоять самой незначительной волне внутреннего отчаяния, вот почему малейшее подобное волнение переживается мною

больнее, нежели самые жестокие бури иного рода. Вам не следует опасаться того, что я отступлю от установленных мною мерил".

Наибольшей смелостью обладает тот революционер, в котором живет страх, превосходящий все, чем способны угрожать ему враги. Лютер, который так трепетал пред лицом Божиим, не испытывал никакого страха перед лицом человека.

По мере того как суть противостояния все более прояснялась, становилось очевидным: Лютер не желал, чтобы проливалась кровь за него или за Евангелие. В январе 1521 года он писал Спалатину:

"Вы понимаете, о чем просит Гуттен. Я не желаю воевать за Евангелие, проливая кровь. В подобном духе я и отвечал ему. Слово побеждается Словом. Именно Словом Божиим Церковь служит и преобразует. Антихрист поднялся без помощи рук человеческих, и падение его произойдет без содействия человека".

Глава восьмая

ДИКИЙ ВЕПРЬ В ВИНОГРАДНИКЕ

Полагаясь на помощь простертой с небес руки Господней, Лютер не пренебрегал при этом исполнением на земле всего, что было в его силах. Суд был отложен на полтора года, и это давало ему возможность более точно сформулировать свои взгляды и публично известить о тех выводах, к которым он пришел. Как мы уже видели, богословие Лютера было достаточно зрелым еще до того, как у него возникли разногласия с Римом по вопросам сущности природы Бога и Христа, а также относительно истинного пути к спасению. Лютер понял, что выводы, к которым он пришел в результате исследования этих доктрин, не вполне соответствуют позиции Церкви. Он, однако, еще не обдумывал, какие практические последствия будет иметь его теология для доктрины Церкви, ее обрядов, структуры и взаимоотношений с обществом. Не обращался он и к проблемам нравственного характера. Такую возможность предоставила Лютеру пауза, в течение которой его не тревожили, - она возникла после состоявшихся в октябре 1518 года бесед с Кайэтаном и продолжалась до прибытия в октябре 1520 года папской буллы. Лютер постарался взять все возможное из предоставленной ему передышки, не зная, сколько она продлится. В течение лета 1520 года он передал в типографию серию своих трактатов, которые по сей день рассматриваются как основные его труды: "Проповедь о добрых делах" - в мае, "Римское папство" - в июне, "Обращение к христианскому дворянству немецкой нации" - в августе, "Вавилонское пленение Церкви" - в сентябре и "О свободе христианина" - в ноябре. Последние три работы имеют непосредственное отношение к той борьбе, которую он вел, и мы кратко остановимся на них.

Наиболее радикальной из всех его работ в глазах современников Лютера был посвященный таинствам трактат, озаглавленный "Вавилонское пленение Церкви". Речь в нем шла о порабощении таинств Церковью. Это выступление против католического учения своей резкостью превосходило все; написанное им ранее. Прочитав трактат, Эразм воскликнул: "Это непримиримая ссора!" Дело в том, что притязания Римско-католической церкви основаны на вероучении о таинствах как единственном средстве обретения благодати и исключительных прерогативах священства, которое одно лишь обладает правом совершения таинств. Если будет подорвано вероучение о таинствах, это неизбежно приведет к крушению доктрины священства. Одним росчерком пера Лютер сократил число таинств с семи до двух. Из их числа он исключил конфирмацию, брак, рукоположение, исповедь и соборование. Были оставлены лишь Вечеря Господня и

крещение. Такое сокращение основывалось на следующем принципе: таинство должно быть непосредственно введено Христом и носить четко выраженный христианский характер.

Исключение из числа таинств конфирмации и соборования не имело принципиального характера, это лишь ослабляло контроль Церкви над молодежью и умершими. Более серьезным было выведение из числа таинств исповеди, поскольку это обряд отпущения грехов. В данном случае Лютер не отменял его полностью. Из трех элементов исповеди он, безусловно, признавал необходимость раскаяния, а исповедь рассматривал как элемент полезный, хотя и не носящий характер таинства. Главным же был его взгляд на отпущение грехов, которое, по мнению Лютера, есть лишь произносимое человеком извещение о том, что Бог уже повелел на небесах, но никак не утверждение Богом того, что повелел человек на земле.

Отрицание рукоположения как таинства подрывало корни кастовой системы клерикализма, формируя при этом логическую основу для положения о священстве всех верующих, поскольку, согласно Лютеру, рукоположение является обычным церковным обрядом, посредством которого священнослужитель получает полномочия для исполнения определенных обязанностей. При этом он не обретает новые черты характера, не выводится из-под юрисдикции гражданского суда и не наделяется через рукоположение правом совершения остальных таинств. В этом отношении совершаемое священником может совершать любой христианин, если ему это поручено общиной, поскольку все христиане есть священники. Миф о рукоположении как о таинстве "был сочинен для того, чтобы разверзлась неодолимая пропасть, чтобы между духовенством и мирянами возникало различие большее, нежели между небесами и землей, чтобы сокрушить учение об обретаемой при крещении благодати и привести в смущение евангельское братство. Он порождает отвратительный произвол, совершаемый над мирянами священниками, которые через внешнее помазание рук, тонзуру и особые одеяния не только возвышают себя над рядовыми, помазанными Святым Духом христианами, но и относятся к ним, как к псам, недостойным пребывать в одной Церкви с ними... На этом христианское братство завершается, а пастыри превращаются в волков. Все те, кто принял крещение, есть священники без какого бы то ни было различия. Те же, кого мы называем священниками, есть служители, избранные из нашего числа, дабы они совершали все от нашего имени, и в священстве их нет ничего, помимо служения. Таинство рукоположения, таким образом, не может восприниматься иначе, чем определенный ритуал избрания проповедника в Церкви".

Но даже отрицание Лютером пяти таинств можно было бы стерпеть, не произведи он решительной перемены в двух оставленных им таинствах. Его позиция о крещении неизбежно подрывала основу института монашества, поскольку постриг нельзя было более рассматривать как второе крещение и лишь один обет имеет силу - обет при совершении крещения.

Наиболее серьезным было сокращение Лютером таинства мессы до Вечери Господней. Месса занимает центральное место во всей системе католичества, поскольку, как полагается, она представляет собой повторение опыта воплощения и распятия. Во время пресуществления хлеба и вина Бог вновь становится плотью, а Христос вновь умирает на алтаре. Это чудо способны совершать лишь священники, наделенные такой силой посредством рукоположения. В силу того, что это получение благодати творится исключительно их руками, священники занимают совершенно особое место в Церкви, а поскольку Церковь есть хранитель тела Христова, она занимает совершенно особое место в обществе.

Выступая против мессы, Лютер не преследовал цели подорвать институт духовенства. Его заботили прежде всего проблемы религиозные и лишь опосредованно - эклезиологические или социальные. Он прежде всего настаивал на том, что таинство мессы должно быть не магическим, но мистическим - не совершением обряда, но опытом присутствия. Эта проблема среди других была темой спора Лютера с Кайэтаном. Кардинала удручало мнение Лютера, считавшего, что действенность таинства зависит от веры получающего его. Церковь же учит тому, что таинство не зависит от человеческих слабостей, будь то недостойность совершающего его или безразличие получающего. Таинство совершается посредством той силы, которую оно имеет в себе ex opere operato. С точки зрения Лютера, такая позиция делала таинство механическим и магическим. Равным же образом не был он склонен воспринимать его независимым от человеческих слабостей, не соглашаясь с тем, что именно к такому заключению подводит его позиция о необходимости иметь веру. Дело в том, что вера сама по себе является даром Божиим, но вера эта дается Богом всецело по Его воле и действительна она даже без совершения таинства; в то же время мы не можем утверждать обратное - что таинство действительно без веры. "Я могу заблуждаться в вопросе об индульгенциях, - провозгласил Лютер, - но скорее готов умереть, чем отступить в вопросе о необходимости веры в таинстве". Утверждение о необходимости веры для действительности таинств снижало роль священников, которые могли положить в рот просфору, но не в состоянии были вселить в сердце веру.

Далее Лютер утверждал, что священник не в силах совершать того, что, по утверждению Церкви, происходит во время мессы. Он не "творит Бога" и не "приносит в жертву Христа". Проще всего было бы выразить эту точку зрения, сказав, что Бог не присутствует в мессе, а Христос не приносится в жертву. Но Лютер был готов признать лишь последнее. Христос не приносится в жертву, поскольку Его жертва была совершена единожды и за всех на кресте, но Бог присутствует в хлебе и вине, поскольку Христос, будучи Богом, провозгласил: "Сие есть Тело Мое". Повторение этих слов священником, однако, не превращает хлеб и вино в тело и кровь Божьи, как учит католическая Церковь. Согласно учению о пресуществлении, хлеб и вино сохраняют свою форму, вкус, цвет и так далее, но утрачивают свою субстанцию, которая заменяется субстанцией Божьей. Отрицая это положение, Лютер в большей степени основывался на Писании, чем на логике. Перед ним как Эразм, так и Меланхтон указывали на то, что концепция субстанции основывается не на Библии, но выведена посредством схоластических умозаключений. По этой причине он вообще отказывался использовать ее, и его нельзя считать сторонником доктрины пресуществления. Для него таинство не было подобно падению тела Божьего с небес. Богу нет нужды низвергаться с небес, поскольку Он вездесущ и присутствует везде как поддерживающая и дарующая жизнь сила. Христос же, будучи Богом, также присутствует во всей Вселенной, но присутствие это скрыто от взора человеческого. По этой причине Бог избрал явить Себя человечеству на трех уровнях откровения. Первый из них - Христос, в Котором Слово стало плотью. Второй - Писание, где записано Слово произнесенное. Третье - таинство, в котором Слово являет Себя в еде и питье. Таинство не вызывает Бога подобно Аэндорской волшебнице, но являет Его там, где Он есть.

Прерогативы священника ограничивались в той же степени, в которой уменьшались и возможности, которыми он наделялся. Согласно католическому уложению, одно из различий между клиром и мирянами заключалось в том, что лишь священник причащается вином во время мессы. Ограничение это вызывалось опасением, что по своей неловкости мирянин может пролить Кровь Божью. Испытывая не меньшее благоговение по отношению к таинству, Лютер тем не менее не считал нужным оберегать его путем введения кастовой системы в Церкви. Несмотря на опасность, к чаше следовало допускать

всех верующих. В его дни подобное заявление звучало весьма дерзко, поскольку требование допустить мирян к чаше причащения было кличем богемских гуситов. Обосновывали они его ссылкой на слова Христа, сказавшего: "Пейте из нее все". Католические истолкователи объясняли, что слова эти адресованы одним лишь апостолам, которые все были священниками. Лютер соглашался с этим, но одновременно язвительно указывал, что все верующие - священники.

Подобная точка зрения была чревата далеко идущими последствиями для доктрины о Церкви, и собственные взгляды Лютера на Церковь проистекали из его теории таинств. Выводы его в этой области не отличались, однако, ясностью, поскольку точка зрения Лютера на Вечерю Господню несколько противоречила его взглядам на крещение. Вот почему он мог быть одновременно в некотором смысле отцом конгрегационализма анабаптистов и территориальной церкви более поздних лютеран.

Его позиция по Вечере Господней вела к Церкви, состоящей из одних лишь убежденных верующих, поскольку он заявил, что действительность таинства зависит от веры получающего его. В таком случае оно должно быть в высшей степени индивидуально, поскольку индивидуальна вера. Всякая душа, настаивал Лютер, предстает обнаженной перед Творцом. Никто не может умереть вместо другого человека. Каждый должен пройти смертные муки в одиночку. "И тогда меня не будет с вами, а вас со мной. Каждый должен отвечать за себя". И сходное с этим высказывание: "Месса есть Божественное обетование, которое не может никому помочь, не применимо ни к кому, не может считаться ходатайством за кого-либо и никто, кроме самого верующего, не может воспринять его. Кто способен принять или применить к другому обетование Божье, предполагающее индивидуальную веру?"

Здесь мы подходим к самой сути лютеровского индивидуализма. Это не индивидуализм Возрождения, который стремится реализовать способности каждого; это не индивидуализм поздних схоластов, на метафизическом основании заявлявших, что реальность состоит лишь из индивидуумов и что такие сообщества, как Церковь или государство, следует рассматривать не как реалии, но лишь как сумму составляющих их компонентов. Лютер не расположен был философствовать по поводу структуры Церкви и государства. Он просто утверждал, что всякий человек отвечает сам за себя перед Богом. Именно в этом и заключалась суть его индивидуализма. Чтобы таинство оказалось действенным, необходима личная вера. Из такой теории вполне логично следовал вывод, что Церковь должна состоять лишь из людей, обладающих горячей личной верой; поскольку же число таких людей всегда невелико, то Церковь должна быть сравнительно небольшим собранием. Лютер неоднократно и совершенно недвусмысленно об этом говорил. Особенно в ранних своих лекциях он настойчиво подчеркивал, что Церковь должна быть остатком, поскольку избранных немного. Так должно быть, утверждал он, поскольку Слово Божье противоречит всем желаниям человека природного, смиря гордыню, сокрушая высокомерие и превращая в прах все человеческие претензии. Подобный подход неприятен, и немногие готовы принять его. Тех же, кто пойдет на это, можно считать камнями, отвергнутыми строителями. Насмешки и гонения - вот их удел. Всякому Авелю суждено иметь своего Каина, а всякому Христу - своего Каиафу. Поэтому люди будут презирать и отвергать истинную Церковь, и ей предстоит пребывать в замкнутости посреди мира. Эти слова Лютера воспринимаются как попытка предложить разобщенному протестантскому сообществу что-то взамен католического монашества.

Но Лютер не желал идти этим путем, поскольку таинство крещения вело его в иную сторону. Лютер мог бы с достаточной легкостью приспособить свои взгляды на крещение к ранее высказанной позиции, пожелай он, как это сделали анабаптисты, рассматривать крещение в качестве внешнего знамения внутреннего опыта перерождения, который уместен лишь для взрослых, но никак не для младенцев. Но он не сделал этого. Лютер разделял точку зрения католицизма на крещение младенцев, которых необходимо сразу же после рождения вырвать из-под власти сатаны. Но что же в таком случае остается от его формулы, согласно которой действительность таинства зависит от веры получающего его? Он усиленно пытался примирить эти позиции, сочинив концепцию о скрытой в ребенке вере, которую можно сравнить с верой спящего человека. Но вновь Лютер от веры ребенка перешел к вере того попечителя, которому вверен младенец. Для него рождение не было столь же индивидуальным, как смерть. Умереть за другого невозможно, но можно в некотором смысле войти другим человеком в христианскую общину. По этой причине именно крещение, а не Вечеря Господня есть то таинство, которое образует связующее звено между Церковью и обществом. Это социальное таинство. Для средневекового общества всякий младенец вне гетто был по рождению гражданином и по крещению христианином. Независимо от своих личных убеждений одни и те же люди составляли как государство, так и Церковь. Связь двух институтов была поэтому естественной. Это была основа христианского общества. Величие и трагедия Лютера заключались в том, что ему так и не удалось отказаться ни от индивидуализма чаши причастия, ни от собирательного единства купели для крещения. В век спокойствия он был бы мятежным духом.

Гонения возобновляются

Но его время никак нельзя было назвать веком спокойствия. Рим не забыл о нем. Прекращение нападок на него оказалось лишь временной передышкой. К тому времени, когда всехристианнейший император должен был вернуться из Испании в Германию, папство готовилось возобновить гонения. Еще до публикации его работ с критикой системы таинств, делавших, по мнению Эразма, примирение невозможным, Лютер сказал достаточно много для того, чтобы побудить Рим к решительным действиям. За его высказываниями, положившими начало противоборству по проблеме индульгенций, последовали во время лейпцигского диспута более опасные нападки на божественность происхождения и правления папства. Брошенный им вызов был столь очевиден, что один из членов римской курии энергично возражал против необходимости дожидаться возвращения императора. Затем в Рим вернулся Экк, вооруженный не только записями лейпцигского диспута, но и осуждавшими Лютера решениями университетов Кельна и Левена. Когда Эрфурт отказался, а Париж не смог представить свое мнение по диспуту между Лютером и Экком, эти два университета добровольно вступили в борьбу. Решение Кельнского университета, где преобладали доминиканцы, было более суровым. Левен в определенной степени находился под влиянием взглядов Эразма. Оба университета единодушно осудили взгляды Лютера на испорченность человеческой природы, исповедь, чистилище и индульгенции. Левен не комментировал нападки Лютера на папство, Кельн же охарактеризовал как еретические высказывания Лютера по поводу примата папства и ограничения его власти.

- Лютер отвечал, что, возражая ему, ни один университет не привел каких-либо доказательств из Писания, которые подтверждали бы ошибочность его взглядов.

"Отчего бы нам не отменить Евангелие и вместо него прислушаться к их [университетов] мнению? Странно, что ремесленники высказывают суждения более здравые, нежели богословы! Насколько серьезно следует воспринимать тех, кто осудил Рейхлина? Если

они сожгут мои книги, я повторю сказанное мною. Столь тверд я в своих убеждениях, что ради них пойду и на смерть. Если Христос был исполнен негодования по отношению к фарисеям, а Павел был оскорблен слепотой афинян, как же, спрашиваю я вас, должно поступать мне?"

Мы не знаем о каких-либо новых гонениях вплоть до марта, когда была предпринята попытка незаметно разделаться с Лютером руками августинского братства. Глава ордена писал Штаупицу:

"Братство, никогда ранее не подозревавшееся в ереси, приобретает одиозную репутацию. Мы с любовью обращаемся к вам с просьбой удержать Лютера от высказываний против Святой Римской Церкви и ее индульгенций. Уговорите его прекратить писать. Попросите его спасти наше братство от бесчестия".

Штаупиц решил для себя этот вопрос, удалившись от обязанностей приходского священника.

Следующая попытка была предпринята через Фридриха Мудрого. Кардинал Риарио, позднее замешанный в покушении на жизнь папы и помилованный, писал Фридриху:

"Светлейший и благороднейший князь и брат, вспоминая величие вашего дома и благоговение, проявляемое как вашими подданными, так и вами к Святейшему престолу, я счел своей дружеской обязанностью написать вам ради общего блага христианского мира и поддержания вашей чести. Я уверен, что вы не пребываете в неведении относительно злобности, презрения и распушенности, с которыми Мартин Лютер выступает против папы римского и всей курии. Вследствии этого я увещаю вас призвать этого человека отказаться от своих заблуждений. Вы можете это сделать, если пожелаете, ведь одним лишь камешком крохотный Давид сразил могущественного Голиафа".

Фридрих отвечал, что дело передано его ближайшему другу, архиепископу Трирскому, курфюрсту Священной Римской империи, Рихарду Грейффенклаусскому.

В мае дипломатическим маневрам пришел конец. 21, 23, 26 мая и 1 июня состоялись четыре заседания церковного суда. Вечером двадцать второго папа удалился в свои охотничьи угодья в Маглиане - a soliti piacere. Кардиналы, канонисты и богословы продолжали заседать. Всего в работе суда принимало участие около сорока человек. Эрк был единственным немцем. Были представлены три крупнейших монашеских ордена - доминиканцы, францисканцы и августинцы. Распри между монахами были позабыты. Там был и глава ордена, к которому принадлежал и Лютер, не говоря уже о его противниках - Приериасе и Кайэтане. Надлежало решить три вопроса: что делать с учением Лютера, что делать с его книгами и что делать с ним самим. Высказывались самые различные мнения. На первом заседании кое-кто оспаривал целесообразность издания буллы, опасаясь всеобщего протеста в Германии. Богословы выступали за то, чтобы самым суровым образом осудить Лютера. Канонисты уговаривали разрешить высказаться, подобно Адаму, поскольку, хотя Бог и знает о его виновности. Он дал ему возможность защитить себя, воззвав: "Где ты?" Было принято компромиссное решение. Слушаний не будет, но Лютеру представят шестьдесят дней на то, чтобы отречься от своих взглядов.

Были споры и относительно его учения, хотя нам остается лишь догадываться, кто спорил и по каким вопросам. Полученные через вторые и третьи руки отчеты свидетельствуют о разногласиях в церковном суде. Говорят, что итальянский кардинал Аккольти назвал

Тецеля рогсассю и обрушился на Приериаса за то, что тот составил ответ Лютеру за три дня, в то время как лучше было бы затратить на его составление три месяца. Говорят, что, узнав о прибытии Экка в Рим, Кайэтан негодуяще фыркнул: "Кто впустил это животное?" Говорят, что член церковного суда испанский кардинал Карвахал энергично выступал против принятия каких-либо мер против Лютера. В конце концов было достигнуто единодушие по вопросу об осуждении сорока одного положения его учения. Ранее высказанные Кельнским и Левенским университетами мнения были объединены и упрощены.

Булла "Exsurge"

Всякий, кому известна зрелая позиция Лютера, увидит, насколько поверхностным было его осуждение буллой. Взгляды Лютера на мессу осуждались лишь в том, что касается допущения мирян к чаше причастия. Из семи таинств упомянуто лишь таинство исповеди. Ничего не сказано о монашеском обете, лишь осуждено желание Лютера, чтобы князья и прелаты положили конец паразитическому образу жизни нищенствующих монахов. Ничего в булле не сказано о священстве всех верующих. Все внимание сосредоточено на умалении Лютером способностей человека даже после крещения, власти папы налагать наказание и отпускать грехи, власти папы и церковных соборов провозглашать положения вероучения, а также примата папы и Римской церкви. В одном пункте осуждение Лютера противоречило недавнему заявлению папы по вопросу об индульгенциях. Лютер осуждался за то, что лишь за Богом он оставлял способность прощать наказания, наложенные Божественным судом, в то время как папа только что сам заявил, что в подобных случаях хранилищница заслуг может быть применена лишь посредством ходатайства, но не для судебного решения. Лютер прямо обвинялся в богемской ереси, поскольку в булле утверждалось, что он распространяет определенные взгляды Яна Гуса. Были сурово осуждены два принципа, носившие явный отпечаток воззрений Эразма, - что сожжение еретиков противоречит воле Духа и что война против турок есть противодействие вмешательству Божьему. Сорок одно положение учения Лютера не были однозначно названы еретическими. Их осудили как "еретические, или скандальные, или лживые, или оскорбительные для набожного уха, или смущающие простые умы, или противные католической истине, соответственно".

Кое-кто в то время полагал, что такая формула была принята вследствие того, что церковный суд не сумел однозначно определить, к какой категории те или иные пункты учения следует отнести, поэтому они поступили подобно триумвирам, объявлявшим вне закона врага каждого из них, хотя он вполне мог быть другом двух остальных. В этом, однако, можно усомниться, поскольку в булле была использована стандартная формула предания анафеме, которая уже прозвучала в отношении Яна Гуса.

Написанная булла была представлена папе для написания предисловия и послесловия. В соответствии с атмосферой своего охотничьего угодья в Маглиане он написал следующее:

"Восстань, о Господи, и защити дело Твое! Дикий вепрь ворвался в Твой виноградник. Восстань, о Петр, и защити дело Святой Римской Церкви, матери всех церквей, освященной кровию твоею. Восстань, о Павел, осветивший и озаряющий Церковь своим учением и смертью. Восстаньте, все святые, и вся вселенская Церковь, истолкование писания которой подвергнуто поруганию. Нет слов, чтобы выразить нашу скорбь по поводу возрождения в Германии древних ересей. Печаль наша усугубляется тем, что всегда она первой выступала против ереси. Наши пастырские обязанности не позволяют

более нам терпеть тлетворное зло, распространяемое нижеперечисленными сорока одной ересью. [Они перечисляются]. Мы не можем более в долготерпении нашем страдать от змеи, ползающей в винограднике Господнем. Книги Мартина Лютера, содержащие упомянутые ереси, должны быть исследованы и сожжены. Что же до самого Мартина, то, благий Боже, сколько же отеческой любви излили мы в стремлении отвратить его от заблуждений! Разве не предлагали мы дать ему охранную грамоту и деньги на путешествие? [Подобного предложения Лютер никогда не получал]. Он же в безрассудстве своем обратился к будущему собору, хотя предшественники наши, Пий II и Юлий II, установили за подобные обращения то же наказание, что и за ереси. Посему ныне мы даем Мартину шестьдесят дней на отречение от своих заблуждений, исчисляя их от времени издания сей буллы в его местности. На всякого, предполагающего посягнуть на наше отлучение от Церкви и анафему, обрушится гнев Бога Всевышнего и апостолов Петра и Павла.

Записано июня пятнадцатого дня 1520 года".

Булла эта известна по начальным словам, ее открывающим, - "Exsurge Domine".

Спустя несколько недель папа писал Фридриху Мудрому:

"Возлюбленный сын!

Радует нас, что никогда ты не выказывал благоволения сему сыну беззакония, Мартину Лютеру. Мы не знаем, отнести ли это за счет твоего благоразумия или набожности. Сей Лютер благоволит божемцам и туркам, скорбит о наказании еретиков, отвергает писания святых докторов, установления вселенских соборов и декреты епископов римских, придерживаясь мнений, никем, помимо него, не разделяемых, которых ранее не высказывал ни один еретик. Мы не можем более терпеть, чтобы одна паршивая овца портила все стадо. По таковой причине мы собрали совет из достойных братьев. Присутствовал и Дух Святой, ибо в подобных случаях Он не удаляется от Святейшего престола. Нами издана удостоверенная свинцовой печатью булла, в ней из бесчисленных заблуждений этого человека мы избрали те, которыми он извращает веру, соблазняет простые умы и ослабляет узы послушания, воздержания и смирения. Об оскорблениях, коими он осыпал Святейший престол, мы оставляем судить Богу. Мы увещаем тебя побудить его вернуться к благоразумию и воспользоваться нашей милостью. Если же он будет упорствовать в своем безумии, заключите его под стражу.

Запечатано печатью перстня Фишермана июля восьмого 1520 года и в восьмой год нашего понтификата".

Булла ищет Лютера

Булла достигла Лютера лишь через три месяца, но с самого начала уже распространялись слухи о том, что она в пути. Гуттен писал ему 4 июля 1520 года:

"Говорят, что вас отлучили от Церкви. Сколь же вы могущественны, если это верно. В вас исполнились слова псалма: "Толпою устремляются они на душу праведника, и осуждают кровь неповинную. Но Господь... обратит на них беззаконие их, и злодейством их истребит их". Это наше упование; так уверуем же в него. Против меня также плетутся заговоры. Коли они применяют силу, то будут силою же и встречены. Я желал бы, чтобы осудили меня. Стойте твердо, не колеблясь. Но зачем мне увещевать вас? Я буду рядом,

что бы ни случилось. Встанем же за общую свободу! Освободим угнетенную родину! Бог будет на нашей стороне; а если Бог с нами, то кто же может быть против нас?"

В это же время вновь была предложена помощь от Зиккингена, а также от ста рыцарей. Эти предложения не оставили Лютера равнодушным, однако он не знал, следует ли ему полагаться на помощь человеческую или единственно лишь на Господа. В течение лета 1520 года, пока булла искала его по всей Германии, Лютер пребывал в духовном смятении, то воспламеняясь, то ввергаясь в апокалиптический ужас. Во время одной из неконтролируемых вспышек он призывал к насилию. Новые нападки со стороны Приериаса вызвали ярость Лютера. В распространенном через типографию ответе он возвещал:

"Мне представляется, что если приверженцы Римской Церкви столь безумны, то императору, царям и князьям остается лишь силою оружия обрушиться на это мировое зло и воевать с ними не словами, но сталью. Если мы наказываем воров ярмом, разбойников - мечом, а еретиков - огнем, то отчего бы нам не обратить оружие против этих ненасытных чудовищ, этих кардиналов, этих пап и всей этой своры римского Содома, развращающей молодежь и Церковь Божью? Отчего бы не обрушиться на них с оружием в руках, омыв руки в их крови?"

Позднее Лютер пояснял, что он вовсе не имел в виду тех последствий, которые подразумевали эти слова.

"Я писал: "Если мы сжигаем еретиков, то отчего бы нам вместо этого не напасть на папу с его сторонниками и не омыть свои руки в их крови?" Я не оправдываю ни сжигания еретиков, ни убийство хотя бы одного христианина, поскольку хорошо знаю, что это не согласуется с Евангелием, - просто я хотел показать, чего они заслуживают, если еретики заслуживают огня. Нет никакой необходимости использовать меч против вас".

Несмотря на такого рода пояснения, Лютеру не давали забыть его зажигательную вспышку ярости. Его слова цитировались как обвинение против него в постановлении Вормсского сейма.

Лютер вполне искренне открекался от ранее сказанных им слов. Преобладающие его настроения хорошо выражены в письме к священнику, которого побуждали покинуть свой приход. Лютер писал:

"Наша война не против плоти и крови, но против духовного нечестия в святых местах, против мироправителей сей тьмы. Так будем же тверды и вострубим в трубу Господню. Сатана борется не с нами, но с пребывающим в нас Христом. Мы ведем битву на стороне Господа. Укрепимся же в этом. Если Бог за нас, кто же может быть против нас?"

Вас возмущает, что Экк издает столь жестокую буллу против Лютера, его книг и его сторонников. Что бы ни произошло, я пребываю в спокойствии, поскольку все происходящее может совершиться лишь по воле Восседающего на небесах и Повелевающего всем. Так не будем же тревожиться! Отцу известны ваши нужды еще до того, как вы попросите Его. Без Его ведома и лист не может пасть на землю. Сколь же невероятно, чтобы кто-то из нас мог пасть помимо Его воли!

Если в вас пребывает Дух, не оставляйте своего поста, ибо ваш венец достанется другому. Не страшно, если нам положено умереть с Господом, Который, пребывая в нашей плоти, жизнь Свою положил за нас. Мы восстанем в Нем и будем вечно пребывать с Ним.

Поэтому смотрите, чтобы вам не пренебречь священным призывом. Он грядет, Он не замедлит - Тот, Кто избавит нас от всякого зла. Благоденствия вам в Господе Иисусе, утешающем и поддерживающем разум и дух. Аминь".

Глава девятая

ОБРАЩЕНИЕ К КЕСАРЮ

Лютеру было совершенно ясно одно: кто бы ни помогал и кто бы ни противодействовал ему - он должен свидетельствовать. "Мой жребий брошен. Я равным образом презираю как ярость Рима, так и милость его. Меня не примирить с ними, наступил конец смирению. Они проклинают меня и сжигают мои книги. Я всенародно сожгу весь канонический закон, если только меня не оттащат от огня".

Не пренебрегал Лютер и своей защитой. Тщетно он апеллировал к папе и тщетно - к собору. Оставалось лишь одно - обратиться за защитой к императору. В августе Лютер направил к Карлу V следующее послание:

"Нет высокомерия в том, что вознесшийся посредством евангельской истины до престола Всевышнего обратится к престолу земного князя, как нет ничего непристойного для земного князя, который пребывает в образе небесном, чтобы наклониться, дабы поднять нищего из грязи. По этой причине я, будучи недостойным и нищим, простираюсь перед Вашим императорским величеством. Я издал книги, которые возбудили вражду ко мне со стороны многих, но сделал я это по побуждению других, поскольку не желал бы ничего большего, как пребывать в неизвестности. Три года я тщетно искал мира. Ныне же у меня осталось лишь одно средство, и я обращаюсь к кесарю. Я не стану искать Вашей защиты, если буду признан безбожником или еретиком. Прошу лишь одного - чтобы истина либо заблуждение не подверглись бы осуждению, не будучи выслушанными и доказанными".

Лютер, однако, просил у кесаря большего, нежели просто выслушать его. Император должен был также и оправдать его. Церковь отчаянно нуждалась в реформе; и инициатива, как настаивал Гуттен, должна была исходить от светских властей. В своем "Обращении к христианскому дворянству немецкой нации" Лютер очертил смелую программу реформации. Термин "дворянство" широко использовался в Германии для обозначения правящего класса, начиная от императора. Но по какому праву, вполне резонно может возразить современный читатель, обращался Лютер к дворянству с призывом реформировать Церковь? Вопрос этот представляет не просто исторический интерес, поскольку есть мнение, что в своем трактате Лютер отошел от ранее высказанной им точки зрения о Церкви как о гонимом остатке, заложив вместо этого основу для церкви, которая пребывает в союзе с государством и в подчинении ему. Лютер обосновывал свое обращение тремя причинами. Первая из них заключалась в том, что власть есть власть, и она предназначена Богом для наказания тех, кто творит зло. Все, чего Лютер требовал от власти, - поставить духовенство под юрисдикцию гражданских судов, защитить граждан от вымогательств со стороны церкви и подтвердить право государства исполнять свои гражданские функции без вмешательства духовенства. Именно в этом смысле Лютер часто утверждал, что никто за тысячу лет не защищал светское государство так, как он. Следовало дать отпор теократическим притязаниям Церкви.

"Обращение к христианскому дворянству", однако, выходит далеко за рамки просто призыва поставить Церковь на свое место. Лютера куда больше заботило очищение Церкви, нежели эмансипация государства. Избавление от мирской власти и неумеренного обогащения должно было освободить Церковь от мирских забот, с тем чтобы она могла

лучше исполнять свои духовные функции. Основание, на котором власть имущие имеют право пойти на такую реформу, изложено во втором доводе Лютера. Он звучит так: "Мирские начальствующие крещены тем же крещением, что и мы". Это язык христианского общества, построенного на социологическом таинстве, совершаемом над каждым рождающимся младенцем. В подобном обществе Церковь и государство несут взаимную ответственность за то, чтобы поддерживать и исправлять друг друга.

В третьем разделе своего трактата Лютер приводил дополнительные доводы, говоря о том, что городские судьи являются братьями-христианами, соучастующими в священстве всех верующих. Из этого положения некоторые современные историки делают вывод, что Лютер отводит мировому судье роль реформатора Церкви лишь в том случае, если он является убежденным христианином, и то лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Но в самом трактате такое условие не оговаривается. Священство верующих должно было основываться на низшем уровне веры, подразумеваемой в крещаемом младенце. Весь подход Лютера к реформаторской роли власти имущих носит ярко выраженный средневековый характер. Выделяет этот трактат из множества других попыток исправить сложившееся положение его глубоко религиозная направленность. Исправление ситуации в Германии увязывалось с реформой Церкви, а самой гражданской власти предписывалось более полагаться на руку Господа, чем на человеческие способности.

Изложение программы реформы начиналось с религиозных предпосылок. Три стены Рима должны пасть подобно стенам Иерихона. Первая предпосылка заключалась в том, что духовная власть выше светской. Это утверждение Лютер сбалансировал изложением доктрины о священстве всех верующих. "Мы все христиане и имеем крещение, веру, Духа и все подобное тому. Если убит приходской священник, то земля эта подлежит проклятию. Отчего же этого не делается, если убит крестьянин? Откуда столь огромное различие между называющими себя христианами?" Второй стеной было положение, согласно которому один лишь папа имел право толкования Писания. Падение ее обуславливалось не столько стремлением отстоять права гуманитарной школы богословов против папской некомпетентности, сколько правом рядовых христиан на постижение Христа. "Валаамова ослица оказалась мудрее самого пророка. Если тогда Бог использовал ослицу против пророка, отчего же теперь Он не может использовать праведника против папы?" Третья стена заключалась в исключительном праве папы созывать собор. И вновь положение о священстве всех верующих предоставляло такое право всякому, пребывающему в чрезвычайной ситуации, но прежде всего гражданской власти в силу важности ее положения.

Далее следует изложение всех тех реформ, которые должны быть одобрены собором. Папству следует вернуться к апостольской простоте. Папа не должен носить тиару, и верующие не должны целовать его стопы. Получая таинство, предлагаемое ему коленопреклоненным кардиналом через позолоченную соломинку, папа обязан стоять, подобно всякому иному "зловонному грешнику". Количество кардиналов должно быть уменьшено. Церкви надлежит отказаться от мирских владений и притязаний, чтобы папа мог всецело посвятить себя исключительно духовным заботам. Доходы Церкви должны быть урезаны - никаких более аннатов, пошлин, индульгенций, золотых лет, резерваций, налогов на крестовые походы и других трюков, с помощью которых обирались "пьяные немцы". Дела немцев должны рассматриваться церковными судами в Германии под руководством немецкого примаса. Это предложение вело к формированию национальной церкви. Оно совершенно определенно было рекомендовано для Богемии.

Предложения Лютера по вопросам монашества и брака священников превосходили все, сказанное им ранее. Монахам нищенствующих орденов следовало запретить

проповедовать и исповедовать. Количество орденов должно быть сокращено, равно как и отменено правило о необратимости монашеского обета. Священникам нужно дать разрешение вступать в брак, поскольку женщина им необходима в доме для ведения хозяйства, а поставить мужчину и женщину в такие обстоятельства равносильно тому, что поместить солому рядом с огнем и рассчитывать на то, что она не загорится.

Разнообразные рекомендации были высказаны относительно сокращения количества церковных праздников и контроля над паломничеством. Святые должны канонизировать друг друга сами. Государству необходимо провести реформу законодательства и принять законы, регулирующие налоги в пользу государства. Эта всеобъемлющая программа реформ в большей своей части была с ликованием воспринята в Германии.

Фоном для сложившейся ситуации служило глубокое возмущение коррумпированной Церковью. Вновь и вновь папу позорили сопоставлением его с Иисусом. Эта тема пользовалась популярностью еще у Гуса и Виклифа. В библиотеке Фридриха Мудрого хранился иллюстрированный труд на чешском языке о несоответствиях между Христом и папой. Подобная же работа была позднее издана в Виттенберге с примечаниями Меланхтона и гравюрами Кранаха. Та же идея высказывалась и в "Обращении к христианскому дворянству", где говорилось о том, что Христос ходил пешком, а папа путешествует в паланкине в сопровождении трех-четырёх тысяч погонщиков мулов; что Христос омывал ноги Своим ученикам, а папе целуют ноги; что Христос держал Свое слово даже в отношении врагов, а папа заявил, что по отношению к неверным сдерживать свои обещания необязательно и обязательства, данные еретикам, ничего не значат. Хуже того, по отношению к ним применялись меры принуждения. "Но с еретиками следует бороться с помощью книг, а не костров. О, Господи Христос, обрати взор Твой вниз. Да грянет день суда Твоего и уничтожит дьявольское гнездо в Риме!"

Публикация буллы

Между тем в Риме была составлена булла "Exsurge Domine". Книги Лютера сожгли в Пьяцца-Навона. Булла была отпечатана, заверена и скреплена печатью для дальнейшего распространения. Издание ее на севере поручили двум исполнителям, наделенным по этому случаю полномочиями папских нунциев и особых инквизиторов. Одним из них был Иоганн Экк. Другой - Иероним Алеандр - слыл известным гуманистом, знатоком трех языков: латыни, греческого и еврейского, в свое время он был ректором Парижского университета. Молодые годы свои он провел в Голландии, поэтому в определенной степени ему было известно положение дел в Германии. Его неразборчивость в вопросах нравственности не вызывала осуждения во времена нереформированного папства. Эти двое разделили сферы своей деятельности отчасти по географическому принципу. Экк должен был заняться восточными землями, Франконией и Баварией. Алеандру же поручались Нидерланды и Рейнская область. Распределение функций заключалось в том, что Алеандру предстояло взять на себя отношения с императором, его двором и с высшей знатью - как церковной, так и светской. Сфера деятельности Экка в основном ограничивалась епископами и университетами. Действовать им было предписано в полном согласии.

Инструкции обязывали Алеандра прежде всего доставить буллу "нашему возлюбленному сыну Карлу, императору Священной Римской империи и католическому королю Испании". В это время Карл находился в центре внимания всей Европы. Он был молод и еще не проявил себя. Папа рассчитывал на то, что Карл последует примеру своей бабушки, Изабеллы Католической. Немцы же видели в нем наследника своего деда, Максимилиана Германского. В случае, если Лютер потребует слушания своего дела перед

императорским судом, Алеандру предписывалось ответить, что решение этого дела находится исключительно в руках Рима. Впервые высказано предположение о том, что Лютер может попросить передать его дело светскому суду. Составлявший этот меморандум секретарь проявил необычайную проницательность, поскольку вырабатывались инструкции еще до апелляции Лютера к кесарю. Без ведома Алеандра Экку было дано тайное поручение подвергнуть отлучению, помимо Лютера, еще несколько человек по своему усмотрению.

Посланцы папы без энтузиазма восприняли поручение, угрожавшее их жизни. Экк существенно усложнил свою задачу, неразумно добавив имена шестерых человек - троих из Виттенберга, включая Карлштадта, и троих из Нюрнберга, включая Шпенглера и Пиркгеймера. Трудно было выбрать более неудачный момент для выступления против лидеров германского гуманизма, поскольку согласие между ними было сильно, как никогда. Алеандр также столкнулся в Нидерландах с многочисленными сочувствующими Лютеру. Там жил Эразм, который высказался так: "Жестокость этой буллы плохо согласуется с умеренностью Льва". И еще: "Папские буллы имеют большой вес, но богословы придают больше значения книгам, в которых аргументация выводится из свидетельства Священного Писания, которое не понуждает, но наставляет". В Антверпене марониты - испанцы и португальцы еврейского происхождения - печатали Лютера на испанском языке. Немецкие торговцы распространяли его идеи. Альбрехт Дюрер выполнял в Антверпене заказы, одновременно ожидая, что Лютер и Эразм очистят Церковь. По долине Рейна распространялись слухи о том, что Зиккинген может с оружием встать на защиту Лютера подобно тому, как он это сделал в случае с Рейхлином.

Экк столкнулся с совершенно неожиданным противодействием. Герцог Георг упрямо заявлял, что о его владениях в булле ничего не сказано. Ожидалось, что окажет сопротивление Фридрих Мудрый, но сделал он это совершенно неожиданным образом. Фридрих сообщил, что по сведениям, полученным им от Алеандра, Экк не имеет полномочий включать в перечень отлученных от Церкви кого-либо еще, помимо Лютера. Экк был вынужден обнародовать полученные им тайные инструкции. Под тем или иным предлогом даже епископы всячески затягивали, иногда до полугода, обнародование буллы. Венский университет отказался предпринимать какие-либо действия без епископа, а Виттенбергский университет выразил протест против того, что опубликование буллы поручено одной из противоборствующих сторон. "Нельзя поручать козлу быть огородником, волку - пастухом, а Иоганну Экку - нунцием". Не только Виттенбергский университет, но даже и герцог Баварский выразил опасение, что опубликование буллы вызовет беспорядки. Для подобных тревог были определенные основания. В Лейпциге Экку, опасавшемуся за свою жизнь, приходилось скрываться в монастыре. В Эрфурте, где печаталась булла, студенты обозвали ее "пустомельством" и пошвыряли все экземпляры в реку, чтобы посмотреть, не всплывут ли они. В Торгау буллу разорвали и втоптали в грязь. Легко удалось найти общий язык лишь с епископами Бранденбурга, Мейссена и Мерсебурга, которые разрешили опубликовать буллу 21, 25 и 29 сентября соответственно. В честь своего триумфа Экк прибил красноречивую табличку в Ингольштадтской церкви: "Иоганн Экк, professor ordinarius богословия и канцлер университета, папский нунций и апостольский протоно-тарий, издавший согласно повелению Льва X буллу против лютеранского вероучения в Саксонии и Мейссене, водружает эту табличку в благодарение за то, что вернулся домой живым".

Задача Алеандра осложнялась тем, что булла попала в Германию до ее публикации, причем текст отличался от оригинала. Алеандра, однако, любезно принял императорский двор в Антверпене, а его величество пообещал голову положить за защиту Церкви и чести папы и святейшего престола. Он выразил совершенную готовность исполнить

предписания буллы в подвластных ему землях, поэтому Алеандр смог организовать 8 октября в Левене аутодафе книг Лютера. Однако когда огонь разгорелся, студенты пошвыряли туда труды по схоластическому богословию и средневековое наставление для проповедников, озаглавленное "Спи спокойно". Подобный же акт сожжения был организован в Льеже семнадцатого числа. Монахи нищенствующих орденов и консервативно настроенные преподаватели Левенского университета были исполнены решимости сделать жизнь Эразма невыносимой. Уже начиналась контрреформация, поддержанная императорской властью.

В Рейнской области, однако, все обстояло совсем иначе. Правление императора было там чисто номинальным. Когда 12 ноября Алеандр попытался организовать в Кельне костер, палач, несмотря на то, что архиепископ дал свое согласие, отказался предать книги огню без императорского указа. Архиепископ применил всю свою власть, и книги все же были сожжены. В Майнце противодействие выразилось в более решительных формах. Перед тем как поднести факел к книгам, палач обернулся к собравшейся толпе и спросил, на законном ли основании осуждены эти книги. Когда же прогремело единодушное: "Нет!" - палач отступил, отказавшись поджигать костер. Алеандр обратился с жалобой к архиепископу Альбрехту и заручился его разрешением уничтожить несколько книг на следующий день. Приказ был выполнен 29 ноября, но не штатным палачом, а могильщиком, причем при этом присутствовало всего лишь несколько женщин, которые принесли гусей на рынок. Алеандра забросали камнями. Как он заявил позднее, не вмешайся аббат, ему пришлось бы расстаться с жизнью. Не имей мы других свидетелей, можно было бы усомниться в словах Алеандра, поскольку, выгораживая себя, он склонен преувеличивать опасность.

Но в данном случае его слова поддержаны независимым свидетельством. Ульрих фон Гуттен написал гневное стихотворение (и на латыни, и на немецком языке):

О Боже, книги Лютера они сжигают.

Твою святую истину распинают.

Прощение продается заранее,

А небесами торгуют за золото.

Германский народ совсем истек кровью,

И его совсем не просят раскаяться.

Зло творят с Мартином Лютером -

Твоим, о Боже, защитником.

Не пожалею для него я ничего,

Жизнь и кровь свою ему я отдаю.

10 октября булла достигла Лютера. На следующий день он писал Спалатину:

"Эта булла проклинает Самого Христа. Вместо того чтобы дать мне возможность высказаться, она требует от меня отречения. Я намерен действовать, исходя из того, что она подложна, хотя и уверен в ее истинности. Хорошо, если бы Карл оказался мужчиной и выступил на битву за Христа против этих бесов. Но я не страшусь. На все воля Божья. Князю, вероятно, не остается ничего другого, кроме как закрыть глаза на происходящее. Посылаю вам копию буллы, чтобы вы смогли убедиться, что за чудовище сидит в Риме. Решается вопрос о вере и Церкви. Радостно мне, что я могу пострадать за столь благородное дело. Я недостойн столь священного испытания. Я чувствую себя куда более уверенно сейчас, когда твердо знаю, что папа - антихрист. Эразм пишет, что монахи захватили власть над императорским двором и помощи от императора ожидать не приходится. Я отправляюсь в Лихтенберг на встречу с Мильтицем. Прощайте и молитесь за меня".

Игра в жмурки уже началась. Фридрих Мудрый, используя инструкции Алеандра и поручение Мильтица, играл против Иоганна Экка. Мильтиц не получал никаких известий от папы и поэтому совершенно откровенно заявил, что Экк не имел права издавать буллу, пока не прерваны проходящие в дружеской атмосфере переговоры. Фридрих, исполненный решимости продолжать их, организовал еще одну встречу Лютера с Мильтицем. Архиепископ Трирский, конечно же, также присутствовал в роли арбитра. По этой причине Лютер оспорил истинность буллы. Он утверждал, что Рим не стал бы выставлять двух курфюрстов дураками, изъяс дело из их рук. "Поэтому я не поверю в подлинность этой буллы, пока не увижу своими глазами настоящие свинец и воск, шнур, подпись и печать".

Какое-то время Лютер учитывал возможность того, что булла может быть как подлинной, так и поддельной. Исходя из этого, он со всем жаром бросился в наступление. Совершенно очевидно, что его поддерживал Спалатин, которому Лютер писал:

"Трудно выступать против всех этих епископов и князей, но нет иного пути избежать ада и гнева Божьего. Если бы вы не побуждали меня, я предоставил бы все Богу и не делал бы ничего сверх того, что уже сделано. Я составил ответ на буллу на латыни и направляю вам один экземпляр. Текст на немецком сейчас в типографии. Когда еще от начала мира сатана столь яростно выступал против Бога? Меня подавляет размах ужасающего богохульства этой буллы. Многочисленные и весомые доводы почти убедили меня в том, что последний день вот-вот грядет. Началось крушение царства антихриста. Я вижу, как эта булла порождает непобедимое восстание, которого заслуживает римская курия".

Против омерзительной буллы антихриста

Упомянутый Лютером ответ назывался "Против омерзительной буллы антихриста". Лютер писал:

"Я слышал, что направленная против меня булла прошла через всю землю прежде, чем достигла меня, поскольку, будучи дочерью тьмы, страшилась она света лица моего. По этой причине, равно как и в силу того, что осуждает она безусловные христианские положения вероучения, у меня есть сомнения: действительно ли она исходит из Рима, не является ли сочинением человека, искусного во лжи, распространении раздоров, заблуждений и ереси, чудовища, именуемого Иоганном Экком? Подозрения мои усилились еще более, когда я услышал, что Экк был апостолом буллы. Воистину нет ничего странного, если там, где Экк почитается апостолом, обнаружится и царство антихристово. Однако пока я буду действовать как если бы считал Льва непричастным - не потому, что чту римское имя, но потому, что не считаю себя достойным столь высоких

страданий ради истины Божьей. Ибо кто пред Богом был бы более счастлив, чем Лютер, коли осуждение его исходило из столь могущественного и высокого источника и за столь несомненную истину? Но дело истины требует более достойного мученика. Я, грешный, достоин другого. Но кто бы ни написал эту буллу, он есть антихрист. Я заявляю перед Богом, нашим Господом Иисусом, Его святыми ангелами и всем миром, что всем сердцем не согласен с выраженным в этой булле осуждением, что проклинаю ее как омерзительное осквернение и богохульство Христа, Сына Божьего и нашего Господа. Вот мое отречение, о булла, дочь булл.

Изложив свое свидетельство, я перехожу к булле. Петр сказал, что живущая в нас вера требует объяснения, но сия булла осуждает меня лишь собственными словами без каких бы то ни было подтверждений из Писания, в то время как свои доводы я черпаю из Библии. Я спрашиваю тебя, невежественный антихрист, неужели полагаешь ты, что одними лишь своими словами сможешь одолеть броню Писания? Этому ли ты научился в Кельне и Левене? Если достаточно лишь сказать: "Я отрицаю, я отвергаю", - то какого глупца, какого осла, какого крота, какую дубину нельзя было бы осудить? Неужели же лицемерная натура твоя не смущается того, что ты пытаешься закоптить сияющее Слово Божье? Отчего бы нам не поверить туркам? Почему бы нам не принять евреев? Отчего бы нам не славить еретиков, коли достаточно простого осуждения? Но Лютер, привыкший к bellum, не боится bullam¹. Я способен отличить пустой клочок бумаги от всемогущего Слова Божьего.

Используя наречие "соответственно", они показывают свое невежество и нечистую совесть. Относительно положений моего вероучения сказано, что "некоторые из них еретические, некоторые ошибочны, а некоторые скандальны, соответственно". Это все равно, что сказать: "Мы не знаем, которая из них какая". О, педантичное невежество! Мне хотелось бы, чтобы они ответили мне не "соответственно", но ясно и определенно. Я требую, чтобы они доказали не "соответственно", но определенно, внятно и разборчиво, с полной безусловностью, ясно и очевидно, пункт за пунктом, а не относительно моих взглядов вообще, что же в них еретического. Пусть покажут, в чем я еретик, или спрячут свое жало. Они говорят, что некоторые положения еретические, некоторые ошибочны, некоторые скандальны, а некоторые оскорбительны. Можно подразумевать, что еретические не являются ошибочными, ошибочные - не скандальны, а скандальные не оскорбительны. Но что же в таком случае значит, когда нечто нельзя считать ни еретическим, ни скандальным, ни ложным, но тем не менее оно оскорбительно? Поэтому, нечестивый и бездушный папист, коли ты желаешь нечто написать, то пиши доказательно.

1 Игра латинских слов. Буквально: привыкший к войне (bellum) не боится булл (bullam). - Прим. переводчика.

Написана ли эта булла Эком или папой, она есть средоточие всяческого нечестия, богохульства, невежества, наглости, лицемерия, лжи - одним словом, она есть сатана и его антихрист.

А о чем помышляете вы, светлейший император Карл, короли и христианские князья? Вы крещены были во имя Христово и соглашаетесь терпеть эти безбожные вопли антихриста? О чем помышляете вы, епископы? А вы доктора? О чем вы думаете, все исповедующие Христа? Горе живущим в эти времена. Гнев Божий грядет на папистов, врагов креста Христова, и всем должно противодействовать им. И тогда. Лев X, кардиналы и все вы там, в Риме, я брошу вам прямо в лицо: "Если сия булла исходила от вашего имени, то я использую власть, каковая дана мне крещением и каковою я стал сыном Божиим и сонаследником Христа, утвердившись на скале, против которой бессильны врата ада. Я

призываю вас отречься от дьявольского богохульства и высокомерного нечестия, а если вы не пожелаете сделать это, то мы низвергаем вас как одержимых сатаной и угнетаемых им, как проклятое семя антихристово во имя Иисуса Христа, которого вы гнали". Но я, однако, излишне увлекся. Я не имею пока положительных доказательств того, что булла эта написана папою, но не апостолом нечестия, Иоганном Экком".

Далее следует обсуждение положений вероучения. Трактат завершается так:

"Если же кто презирает мое братское предостережение, того я извещаю, что нет на мне его крови в последнем суде. Я скорее готов тысячу раз умереть, нежели изъять хотя бы один слог из подвергшихся осуждению положений. И равно, как они отлучают меня за святотатство ереси, так и я отлучаю их во имя святой истины Божьей. Христу судить, какому из этих отлучений должно исполниться. Аминь".

"О свободе христианина"

Спустя две недели после написания этого трактата появился другой, столь отличный от него, что возникало сомнение - написан ли он тем же человеком, а если автор все же один, то как может он претендовать хотя бы на какое-то подобие искренности. Эта работа называлась "О свободе христианина" и открывалась раболепным обращением к Льву X. Небольшой этот труд явился результатом беседы Лютера с Мильтицем, который, будучи верным своему принципу посредничества, попросил Лютера обратиться к папе, чтобы исповедать свою веру и разъяснить ложность мнимых призывов к мятежу, в которых его обвиняют. Лютер мог отвечать со всей искренностью. Он боролся не против человека, но против системы. В течение каких-то двух недель Лютер мог обличить папство как антихриста и в то же время обращаться к папе лично со всей почтительностью.

"Благословеннейший отец! Во всех противоборствах последних трех лет я помнил о вас, и хотя окружающие вас льстецы побудили меня обратиться к собору, оспаривая несостоятельные указы ваших предшественников, Пия и Юлия, их глупая тирания никогда не побуждала меня выказывать непочтение к Вашему Святейшеству. Да, я резко отзывался о нечестивом вероучении, но разве Христос не называл Своих противников порождениями ехидны, слепыми поводырями и лицемерами? А разве Павел не именовал своих противников псами, злыми деятелями и сыновьями сатаны? Кто мог сравниться в язвительности с пророками? Борьба моя направлена не против чьей-то жизни, но затрагивает исключительно Слово Истины. Ты, Лев, подобен для меня Даниилу во львином рву в Вавилоне. Среди твоих кардиналов есть, возможно, три или четыре человека ученых и безупречных, но что могут они среди такого множества? Римская курия достойна не вас, но самого сатаны. Можно ли найти под небесами что-либо более вредоносное, ненавистное и испорченное? В нечестии своем она превосходит турок. Но не думайте, брат Лев, что, обличая этот злостный вертеп, я поношу вас лично. Вспомните о сиренах, которые могли сделать человека наполовину золотым. Вы слуга слуг. Не слушайте тех, кто утверждает, будто невозможно стать христианином без вашего одобрения, и превозносит вас как господина над небесами, адом и чистилищем. Заблуждаются те, которые ставят вас над собором и вселенской Церковью. Заблуждаются полагающие, что лишь вам одному дано право истолковывать Писание. Направляю вам сей трактат как предзнаменование мира, дабы вы имели возможность увидеть, какого рода занятиям я мог бы с большей пользою себя посвятить, если окружающие вас льстецы оставят меня в покое".

Далее излагается написанный Лютером гимн о свободе христианина. Если Лютер полагал, что это письмо и трактат смягчат папу, то он был человеком исключительной наивности.

Уже в самом верноподданническом письме отвергался примат папы над соборами, а трактат утверждал священство всех верующих. Утверждение, будто его обличения направлены не против папы, но против курии, можно считать приемом, широко распространенным среди революционеров конституционной направленности, которые не желают признаться себе в том, что выступают против главы правительства. Подобным же образом английские пуритане того времени утверждали, что они ведут борьбу не с Карлом, но лишь с окружающими его "людьми злыми". По мере развития конфликта подобного рода выдумки становятся слишком очевидными, чтобы приносить пользу. Лютеру быстро пришлось отказаться от предположения, что существует различие между папой и его окружением, поскольку булла была издана от имени папы и не оспаривалась Ватиканом. Она требовала отречения. На это Лютер не мог пойти. 29 ноября он обнародовал работу под названием "Соображения по всем положениям вероучения, несправедливо осужденным в римской булле". О тоне этого трактата можно судить по двум отрывкам из него:

№ 18. Осуждалось предположение, что "индульгенции являются благочестивым надувательством верных". Лютер комментировал:

"Признаю, что был неправ, когда сказал, что индульгенции есть "благочестивое надувательство верных". Я отрекаюсь от своих слов и говорю: "Индульгенции следует рассматривать как нечестивейшее мошенничество и плутовство со стороны негодяев-пап, с помощью которого они обманывают души и лишают верных их добра"".

№. 29. Осуждалось предположение, что "определенные положения вероучения Яна Гуса, осужденные Констанцским собором, являются наихристианнейшими, истинными и евангельскими, которые вселенская Церковь осудить не может". Лютер комментировал:

"Я был неправ. Я отрекаюсь от своих слов, будто некоторые положения вероучения Яна Гуса соответствуют Евангелию. Ныне я говорю: "Не некоторые, но все положения вероучения Яна Гуса были осуждены антихристом и его апостолами в синагоге сатаны". А вам, святейший наместник Божий, я говорю прямо в лицо, что все осужденные положения вероучения Яна Гуса - христианские и соответствуют Евангелию, ваши же - самые что ни на есть нечестивые и дьявольские".

Этот трактат появился в тот день, когда книги Лютера были сожжены в Кельне. Распространялись слухи, что следующий костер будет устроен в Лейпциге. Шестидесять дней милости скоро истекут. Обычно срок исчислялся со дня фактического получения указа. Булла достигла Лютера 10 октября. 10 декабря Меланхтон от имени Лютера пригласил преподавателей и студентов университета собраться в десять часов у Эльстерских ворот, где в возмездие за сожжение благочестивых и евангельских книг Лютера будут преданы огню нечестивые папские уложения, канонический закон и труды богословов-схоластов. Свешая акт отмщения, Лютер собственноручно швырнул в пламя папскую буллу. Профессора разошлись по домам, студенты же запели *Te Deum* и строем прошли по городу с еще одной буллой, прибитой к шесту, и с индульгенцией, пронзенной мечом. Были сожжены труды Эка и других противников Лютера. Лютер публично оправдал соделанное им.

"Поскольку они сожгли мои книги, я сжег их. Канонический закон был включен в их число, поскольку именно он делает папу богом на земле. Доселе я не рассматривал всерьез эту сторону деятельности папы. Все осужденные антихристом положения моего

вероучения есть христианские. Редко доводилось папе одолевать кого-либо с помощью Писания и разума".

Фридрих Мудрый взялся оправдать поступок Лютера перед императором. Одному из канцлеров он писал:

"После того как я покинул Кельн, там были сожжены книги Лютера, что затем вновь повторилось в Майнце. Это весьма прискорбно, поскольку д-р Мартин торжественно выражал готовность поступать сообразно имени христианина, и я упорно настаивал на том, что не должно осуждать его, не выслушав, равно как и не должно сжигать его книги. И коль ныне он отвечает ударом на удар, я надеюсь, что Его Императорское Высочество милостиво оставит сие без внимания".

Фридрих еще никогда не заходил так далеко. Курфюрст утверждал, что за всю свою жизнь он не обменялся с Лютером и двумя десятками слов. Фридрих уверял, что он не выражал какого-либо мнения об учениях Лютера, но требовал только, чтобы им была дана беспристрастная оценка. И сейчас Фридрих мог сказать, что он не защищает взглядов Лютера, но лишь оправдывает его поступок. Он был совершен не по богословским, но по юридическим побуждениям. Книги Лютера сожгли незаконно. Да, действительно, он не должен был отплачивать тем же, однако императору следует закрыть глаза на эту выходку, поскольку Лютера на нее спровоцировали. Фридрих говорил о том, что немцу, с которым поступили не по закону, следует простить сожжение не только папской буллы, но и всего канонического закона - этого основного юридического кодекса, который в средние века составлял юридическую основу европейской цивилизации даже в большей степени, чем гражданский закон.

Глава десятая

НА СЕМ СТОЮ

Фридрих поступил разумно, обратившись к императору. В Риме вопрос был решен, и формальное отлучение оказывалось неизбежным. Вопрос заключался лишь в том, последует ли дополнительное наказание со стороны государства. Решить этот вопрос предстояло самому государству. Совершенно очевидно, что Лютеру оставалось лишь проповедовать, преподавать, молиться и ожидать, пока другие решат, какие действия им следует предпринять по его делу.

Ответ последовал через шесть месяцев. Если сопоставить их с четырьмя годами бездействия Церкви, то это немного. Можно было, однако, предположить, что воспитанный на ортодоксальных испанских взглядах император не потерпит никаких задержек. Но положение императора не позволяло ему поступать в соответствии со своими желаниями. Пышность церемонии коронации не избавляла его - от необходимости поставить свою подпись под имперской конституцией, кое-кто, однако, полагал, что два пункта этой конституции были включены туда Фридрихом Мудрым с целью уберечь Лютера. Согласно одному из них, никакой немец - независимо от своего положения - не мог быть вывезен для суда за пределы Германии. Другой же пункт гласил, что никто не может быть поставлен вне закона без причины и не будучи выслушанным. Чрезвычайно сомнительно, что эти положения были действительно направлены на защиту прав монаха, обвиненного в ереси, и ни в одном из сохранившихся документов ни Фридрих, ни Лютер на них не ссылаются. В то же время император был конституционным монархом, и независимо от своих личных убеждений он не мог позволить себе править Германией, основываясь на произвольных повелениях.

Карлу приходилось учитывать и раскол в общественном мнении. Одни выступали за Лютера, другие против, третьи стояли между ними. Сторонники Лютера были многочисленны, сильны и громкоголосы. Алеандр, папский нунций в Германии, сообщал, что девять десятых немцев кричат: "Лютер!" - одна же десятая: "Смерть папе!" Без сомнения, это преувеличение. В то же время считаться сторонником Лютера было весьма популярно. Франц фон Зиккинген из своей крепости в Эбернбурге контролировал долину Рейна и вполне мог воспрепятствовать прибывшему в Германию без испанских войск императору предпринять какие-либо действия. Кроме того, сторонники Лютера громко заявляли о себе, особенно Учърих фон Гуттен, который, презирая возможность смирения перед Римом ради того, чтобы избежать отлучения Лютера, обрушивал на курию громы и молнии из Эбернбурга, требуя в своих выходивших один за другим манифестах крови Алеандра. Булла *Exsurge* была перепечатана с язвительными комментариями, а Гуттен в своем трактате изобразил себя "буллоубийцей". Он просил императора стряхнуть с себя свору облепивших его священников. Альбрехту Майнцскому угрожали расправой. Папского нунция Алеандра призывали учесть страстное пожелание германского народа и рассмотреть дело Лютера в справедливом суде, право на который имеют даже отцеубийцы. "Неужели ты думаешь, - требовал Гуттен, - что вероломством побудив императора издать указ, ты сможешь разлучить Германию со свободой веры, религии и истины? Ты полагаешь, что сможешь напугать нас, сжигая книги? Вопрос этот решится не пером, но мечом".

Из всех сторонников Лютера наибольшим влиянием пользовался Фридрих Мудрый. Его поддержка простиралась до того, что он оправдывал сожжение папской буллы. На Вормском сейме он позволил Фрицу, своему придворному шуту, изображать кардиналов. Фридриха не удалось подкупить ни Золотой розой, ни наделением Замковой церкви правом выдавать индульгенции, ни дарованием земельных угодий его сыну. Наиболее откровенное его мнение о деле Лютера дошло до нас только через третьи руки. По словам Алеандра, он слышал от Иоахима Бранденбургского, что Фридрих сказал ему: "Наша вера давно уже нуждалась в том свете, который принес ей Мартин". Есть все основания усомниться в истинности этих слов, поскольку оба человека, передавшие их, страстно стремились запятнать Фридриха, приписав ему поддержку Лютера. Сам курфюрст неоднократно заявлял о том, что, не разделяя мнений д-ра Мартина, он просто требует справедливого слушания его дела. Если при справедливом рассмотрении дела монаха тот окажется осужден, Фридрих будет первым, кто исполнит по отношению к нему свой долг христианского князя. Однако требование справедливого суда со стороны Фридриха означало, что обвинения Лютера должны основываться на Писании. Зачастую Фридрих недостаточно ясно представлял себе, вокруг каких проблем идут споры, когда же это было ему понятно, он проявлял решимость и настойчивость.

Противоположную позицию занимали паписты, люди, подобные Экку, которые играли роли, назначенные им Римом. Курия раз за разом требовала искоренить плевел, изгнать паршивую овцу, отсечь разлагающийся член, швырнуть за борт того, кто раскачивает корабль св. Петра. На протяжении всех судебных заседаний Рим представлял Алеандр, цель которого состояла в том, чтобы побудить императора решить это дело по своему усмотрению, не принимая во внимание правивших Германией князей, мнения которых, как известно, разделились. И прежде всего нельзя было допустить слушания дела Лютера светским судом. Он уже был осужден Церковью, и мирянам следовало лишь исполнить решение Церкви, а не пересматривать заново основания для его осуждения.

Была и нейтральная сторона, которую возглавлял сам Эразм. Несмотря на свои слова о невозможности восстановить отношения между Лютером и Римом, Эразм не оставлял миротворческих усилий и даже сочинил меморандум, в котором предлагалось назначить императора и королей Англии и Венгрии в качестве членов беспристрастного суда. Любопытно, что именно в Ватикане это предложение встретило наиболее яростных своих противников, поскольку папа считал, что избрание Карла императором оправдало наихудшие его опасения, и теперь был исполнен решимости ограничить его власть, поддерживая Францию. Но какие бы действия ни предпринимались в этом направлении, Карл, несмотря на всю

свою ортодоксальность, намекал, что Лютера можно использовать в качестве орудия. Даже первые лица на сцене проявляли меньшую активность, чем можно было бы от них ожидать. Гуттена сдерживала надежда: он верил в то, что история неизбежно повторяется, и в свое время германский император - кем бы он ни был - окажет решительный отпор мирским притязаниям папы. Охваченный этими ожиданиями, Гуттен откладывал свою войну со священниками до тех пор, пока собратья-гуманисты не упрекнули его в том, что он только слова на ветер бросает. Но в то же время Алеандр был испуган производимым Гуттенем шумом. Поэтому, когда папа прислал буллу, в которой от Церкви отлучался как Лютер, так и Гуттен, Алеандр воздержался от ее опубликования и отослал буллу назад в Рим, чтобы из нее вычеркнули имя Гуттена. На одни лишь подобные пересылки уходили целые месяцы, поэтому по причине робости Алеандра Лютер фактически был поставлен вне закона до того, как Церковь официально отлучила его.

Обещанное слушание отменено

Где, каким образом и кем будет рассматриваться дело Лютера - вот проблема, которая стояла перед Карлом. Решение по этому вопросу было принято 4 ноября 1520 года, когда Карл после своей состоявшейся в Аахене коронации приехал посоветоваться с "дядюшкой Фридрихом", который из-за приступа подагры задерживался в Кельне. Все знали, что необходимо принять важные решения. Лютеране развесили по всему городу обращения к кесарю. Ради блага папистов Алеандр торопился организовать встречу с Фридрихом и побудить его передать это дело папе. Вместо этого Фридрих вызвал лидера умеренной партии Эразма и пожелал выслушать его мнение. Эразм поджал губы. Фридрих настойчиво стремился получить от него веский ответ. "Лютер действительно совершил два преступления, - прозвучал вердикт, - он покусился на папский венец и животы монахов". Фридрих расхохотался.

Ободренный таким образом, Фридрих встречался с императором и заручился обещанием, что Лютер не должен быть осужден, пока не будет рассмотрено его дело. Мы не знаем, какие доводы убедили Карла, не знаем и того, что именно он понимал под рассмотрением дела. Виттенбергский университет тут же подсказал, что уместно провести слушание дела на предстоящем сейме германского народа, который соберется в городе Вормсе. Фридрих передал это предложение императорским советникам. Вот ответ Его величества, датированный 28 ноября и адресованный "возлюбленному дядюшке Фридриху":

"Мы желаем, чтобы вы пригласили упомянутого выше Лютера в сейм, который соберется в Вормсе, дабы компетентные лица имели возможность тщательно исследовать его дело, чтобы не совершилась несправедливость или нечто, противное закону". Император не поясняет, о каком законе идет речь, кому предстоит разобраться в деле Лютера и будет ли иметь Лютер возможность свободно отстаивать свои взгляды. Лютер должен явиться - вот и все. Апелляция к кесарю была услышана. Это датированное 28 ноября приглашение знаменовало потрясающую перемену в ходе событий. Защитник веры, который сжигал

книги, теперь приглашал автора этих самых книг на некие слушания. Может быть, на императора повлияла дипломатия Эразма? Или тревожные политические известия в какой-то момент побудили его подразнить папу и ободрить немцев? А может быть, Карл страшился народного восстания? Нам неизвестны его мотивы. Знаем лишь одно - приглашение было послано.

Это было в ноябре, но фактически Лютер появился в сейме лишь в апреле следующего года. За это время приглашение было аннулировано и отозвано. На этом сконцентрировалась борьба всех сторон в конфликте: следует ли позволить Лютеру явиться перед гражданским судом, чтобы тот расследовал вопросы веры? Алеандр был настроен решительно: "Ни в коем случае".

"Что касается меня лично, я с радостью противостоял бы этому сатане, но не должно подрывать авторитет Святейшего престола, предоставляя суждение мирянам. Осужденного папою, кардиналами и прелатами должны слушать лишь в тюрьме. Миряне, включая и императора, не полномочны пересматривать сие дело. Лишь папу можно считать достаточно компетентным судьей. Как можно называть Церковь кораблем Петровым, коли у руля не Петр? Как может она считаться Ноевым ковчегом, если Ной не капитан? Если Лютер желает быть выслушанным, ему будет дана охранная грамота для поездки в Рим. Либо Его высочество может направить его в инквизицию в Испанию. Он имеет полную возможность отречься от своих взглядов, никуда не выезжая, а затем явиться в сейм, чтобы его простили. Он просит рассмотрения его дела в безопасном месте. Какое же место безопасно для него, помимо Германии? Каких судей готов он признать, помимо Гуттена и стихотворцев? Неужели Католическая Церковь мертва уже тысячу лет и возродить ее надобно лишь Мартину Лютеру? Неужели весь мир неправ, и один лишь Мартин имеет глаза, чтобы видеть?"

На императора это произвело впечатление. 17 декабря он аннулировал приглашение Лютера в сейм. Он объяснил это тем, что, поскольку шестьдесят дней, данных Лютеру, истекли, теперь, если он явится в Вормс, то город будет отлучен. Можно усомниться в искренности подобного объяснения. Мотивы, по которым император отменил приглашение, столь же неясны, как и причины, побудившие его прислать это приглашение, поскольку официально Лютер еще не был предан анафеме. И даже если бы это было так, он мог получить папское разрешение, выдаваемое в исключительных обстоятельствах. Вполне возможно, что Алеандр убедил Карла; что император был раздражен тем, что Лютер сжег буллу; что он был угнетен новостями из Испании и желал умиловить курию. Какие бы причины ни побуждали императора, он вполне мог бы избежать неприятной необходимости публично отменять свое решение, если бы подождал еще немного. Дело в том, что Фридрих отклонил присланное приглашение на том основании, что решение по делу представляется предрешенным в силу имевшего место сожжения книг Лютера, за которое, как он уверен, император не несет ответственности. У Фридриха были причины для подобных сомнений, поскольку император подписал приглашение Лютеру в тот самый день, когда в Майнце жгли его книги. Фридрих был исполнен решимости заставить Карла прояснить свою позицию и принять на себя всю полноту ответственности.

По этой причине курфюрст поинтересовался у Лютера, готов ли тот прибыть в сейм, если приглашение последует непосредственно от императора. Лютер ответил:

"Вы спрашиваете, что я намерен делать, если меня вызовет император. Я поеду, если даже по болезни окажусь неспособным стоять на ногах. Если кесарь зовет меня, значит, меня зовет Бог. Если же, что вполне вероятно, ко мне будет применено насилие, я предаю дело

свое в руки Божьи. Жив Тот, Кто спас трех юношей из печи огненной царя вавилонского, и если Он не спасет меня, значит, голова моя ничего не стоит в сравнении с Христом. Не время теперь думать о безопасности. Забота моя должна быть о том, чтобы не нанести бесчестия Евангелию нашим опасением засвидетельствовать и скрепить учение наше своею кровью".

Настроение Лютера в полной мере передают его письма к Штаупицу:

"Настало время не раболепствовать, но кричать во весь голос, когда Господа нашего Иисуса Христа проклинают, поносят и хулят. Если вы призываете меня к смирению, то я взываю к вашей гордости. Вопрос весьма серьезен. Перед нами страдающий Христос. Если доселе нам должно было молчать и смиряться, то, спрашиваю я вас, разве не должно нам встать на защиту благословенного Спасителя, когда Он подвергается осмеянию? Отец мой, опасность более велика, нежели вы можете себе представить. К сему времени применимы слова из Евангелия:

"Итак, всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным". Пишу вам об этом откровенно, поскольку опасюсь того, что вы будете колебаться между Христом и папою, хотя они и диаметрально противоположны. Будем же молиться за то, чтобы Пюподь Иисус духом уст Своих сокрушил сына погибели. Если не пойдете вы, позвольте идти дальше мне. Я весьма опечален вашей покорностью. Мне представляется, что сейчас вы совсем иной Штаупиц, нежели тот, который некогда проповедовал благодать и крест... Отец, помните ли, как в августе вы мне сказали: "Помни, брат, ты начал это во имя Господа Иисуса". Я об этом никогда не забывал и то же повторяю вам теперь. Вначале я сжигал папские книги со страхом и трепетом, теперь же у меня легко на сердце, как никогда доселе. Книги эти более вредоносны, чем я предполагал".

Император берет ответственность на себя

Не зная о новых подходах к Лютеру, Алеандр счел момент благоприятным для того, чтобы император издал указ, не советуясь с сеймом. Император отвечал ему, что не может действовать в одиночку. Архиепископ Майнцский еще не приехал, а по прибытии выступил против издания указа, хотя всего лишь месяцем ранее именно он дал указание о сожжении книг Лютера. Курфюрст Саксонский также еще не приехал. Его приезд совпал с праздником Трех царей, и он въехал в Вормс подобно одному из мудрецов, несущих дары молодому императору, от которого он добился еще одного резкого изменения в политике. Карл пообещал взять на себя ответственность за дело Лютера. Узнав об этом, Лютер ответил Фридриху: "Я сердечно радуюсь, что Его величество возьмет на себя это дело, которое касается не одного меня, но всего христианства и всего немецкого народа".

Но, давая свое обещание, Карл явно не подразумевал, что у Лютера будет возможность отвечать на публичных слушаниях перед сеймом. Вместо этого назначили комитет для рассмотрения дела, и Алеандру было позволено обратиться к нему. Алеандр с самого начала лишил себя предоставленного ему преимущества, стремясь продемонстрировать, что Лютер является мерзким еретиком, хотя ему следовало бы упорно настаивать на том, что мирской комитет не имеет полномочий на рассмотрение этого дела. Вместо этого он стремился на основании средневековых манускриптов доказать, что институт папства берет свое начало минимум от Карла Великого. Все это было бы вполне уместным на

Лейпцигских дебатах, но время для подобной дискуссии уже миновало. С тех пор уже высказался папа, и сейму предлагалось не утвердить, но лишь исполнить папский вердикт. Члены комитета выслушали Алеандра и сообщили, что им придется подождать.

Задержка должна была способствовать снижению опасности народных волнений в городе. Сообщения противоположных сторон, которыми мы располагаем, указывают на вполне реальную опасность религиозной войны. Алеандр писал, выдавая себя за мученика:

"Мартина изображают с нимбом и голубем над головой. Люди целуют эти изображения. Продано такое их количество, что мне не удалось заполучить ни одного. Появилась карикатура, на которой изображен Лютер с книгой в руке в сопровождении закованного в

броню Гуттена с надписью: "Защитники христианской свободы". Еще на одном листке изображены впереди Лютер, а за ним Гуттен. Они несут сундук, на котором стоят две чаши. Внизу подпись: "Ковчег истинной веры". На переднем плане Эразм, играющий на гуслях, подобно Давиду. На заднем плане виден Ян Гус, которого Лютер недавно провозгласил своим святым. На этой же карикатуре виден папа с кардиналами, которых вяжет вооруженная стража. Стоит мне лишь показаться на улице, как немцы хватаются за мечи, скрежеща зубами. Я уповаю на то, что папа выдаст мне всеобщую индульгенцию и позаботится о моих братьях и сестрах, если со мною что-либо случится".

Описание волнений, сделанное другой стороной, содержится в письме гуманиста из Вормса, адресованном Гуттену:

"Испанец разорвал написанную вами версию буллы и втоптал ногами в грязь. Императорский капеллан и двое испанцев поймали человека, у которого нашли шестьдесят экземпляров "Вавилонского пленения Церкви". На выручку ему бросился народ, и нападавшим пришлось укрыться в замке. Верховой испанец преследовал одного из наших людей, которому едва удалось проскользнуть в двери. Испанец столь резко натянул поводья, что свалился с лошади и не мог подняться, пока ему не помог немец. Ежедневно двое-трое испанцев скачут на своих мулах прямо через рынок, и народ вынужден давать им дорогу. Такова наша свобода".

К насилию открыто призывали и непрерывно распространяемые подстрекательские памфлеты. По утверждению Алеандра, даже повозка не могла бы вместить наводнившие Вормс сочинения непристойного содержания, такие, например, как пародия на апостольский символ веры:

"Верую в папу, который связывает и развязывает на небесах, земле и в аду, и в Симония, его единственного сына, нашего господина, который зачат был каноническим законом и рожден от Римской церкви. Под властью его истина страдала, была распята, умерщвлена и похоронена, и посредством анафемы опустилась в ад, восстала вновь через Евангелие и Павла, и была приведена к Карлу, восседая одесную его, и в будущем ей предстоит властвовать над всем духовным и мирским. Верую в канонический закон, в Римскую церковь, в сокрушение веры и сообщество святых, в индульгенции на отпущение грехов, равно как и наказания в чистилище, в воскрешение плоти в эпикурейской жизни, ибо дана она нам Святейшим отцом, папою. Аминь".

Император был раздражен. Когда 6 февраля ему передали прошение Лютера, Карл разорвал его и топтал ногами. Но душевное равновесие быстро вернулось к нему, и 13 февраля он созвал пленарную сессию сейма. Планировалось представить новый вариант эдикта, который надлежало издать именем императора, но с согласия сейма. Алеандру

представилась возможность трехчасовой речью соответственно настроить членов сейма. И вновь он упустил данный ему шанс. Теперь он мог исправить ту оплошность, которую допустил, обращаясь к членам комитета. Двумя днями ранее он получил папскую буллу об отлучении Лютера от Церкви. Стоило лишь предъявить ее, и отпало бы возражение, будто сейм просят поставить вне закона человека, который еще не отлучен Церковью. И здесь Алеандр замешкался, поскольку в булле упоминался не только Лютер, но и Гуттен. Документ не был представлен. Сейм продолжал изучение дела о ереси. Именно благодаря Алеандру, а не Лютеру светская ассамблея превратилась в церковный собор.

Нет сомнений в том, что Алеандр очень умело построил обвинения против Лютера - куда более умело, чем это сделано в булле, которая просто повторяла текст предыдущей *Exsurge Domine*, отлучавшей Лютера без какого бы то ни было анализа самых мятежных его трактатов, написанных летом 1520 года. Алеандр запоминал наизусть целые параграфы из них для доказательства того, что Лютер - "еретик, вызволяющий Яна Гуса из ада и одобряющий не некоторые, но все его учения. Соответственно он должен также разделять и учение Виклифа, отрицающее реальность присутствия [Лютер не разделял его], равно как и утверждение Виклифа о том, что христианин не может быть связан никаким иным законом. Подобное утверждение Лютер допустил в своем сочинении "О свободе христианина" [чего он не делал]. Он отвергает монашеский обет. Он отвергает обряды. Апеллируя к соборам, он отрицает авторитет соборов. Подобно всем еретикам, он апеллирует к Писанию, в то же время отрицая Писание, когда не может найти в нем подтверждения своим взглядам. Он готов исключить из Писания Послание Иакова, поскольку в нем содержится текст, дающий обоснование соборованию [мотивы Лютера, безусловно, были иными]. Он еретик, причем еретик упорствующий. Он просит слушания своего дела, но можно ли предоставить такое слушание тому, кто не внемлет ангелу небесному? Он еще и бунтовщик. Он утверждает, что немцам надобно омыть руки в крови папистов.

[Эти слова явно основаны на вспышке необузданного гнева, обрушенного Лютером на Приериаса.]"

Нельзя было выдвинуть более грозных обвинений против Лютера перед сеймом, который теперь должен был одобрить императорский указ, объявлявший Лютера богемским еретиком и бунтовщиком, который вскоре будет официально отлучен от Церкви папой. (Текст буллы, конечно, не оглашался.) Если обвинение подтвердится, то Лютера должны бросить в тюрьму, а книги его - уничтожить. Выступившие в защиту Лютера будут объявлены государственными изменниками. Подписание такого указа должно было ускорить надвигавшуюся бурю. Кардиналу Лангу пришлось разнимать в зале сейма курфюрстов Саксонского и Бранденбургского. Обычно сдержанный курфюрст Палатинат ревел, как бык. Собравшиеся имперские чины требовали времени на размышление, и 19-го числа дали ответ, что учение Лютера столь глубоко укоренилось в народе, что его осуждение без слушания дела влечет серьезную опасность восстания. Следует выдать Лютеру охранную грамоту, пригласить на заседание сейма, чтобы ученые люди могли рассмотреть его дело. Следует предупредить Лютера, что его вызвали отвечать, но не спорить. Если он отречется от всего, что было сказано им против веры, то можно перейти к обсуждению других вопросов. Если он откажется это сделать, то сейм одобрит эдикт.

Приглашение Лютеру возобновлено

В такой ситуации император вернулся к предыдущему своему решению о том, что Лютер должен приехать. Эдикт следовало видоизменить. Изъято было упоминание о государственной измене. Эдикт должен быть издан от имени курфюрстов, а не одного

лишь императора. Лютеру следовало прибыть на заседание сейма, который рассмотрит его дело. Затем император составил новое приглашение Лютеру. Оно было датировано 6-м числом, хотя отправлено лишь 11-го, поскольку за это время была предпринята еще одна попытка побудить Фридриха принять на себя ответственность за доставку обвиняемого. Но вновь курфюрст предоставил эту честь лично императору, который наконец-то направил официальное письмо, адресованное "нашему благородному, любезному и высокочтимому Мартину Лютеру". "Черт подери, - воскликнул, увидев его, Алеандр, - разве так обращаются к еретику!" Далее в письме говорилось: "Мы и сейм решили просить вас прибыть под охранной грамотой, для того чтобы дать ответ относительно ваших книг и учений. Для прибытия вам дается двадцать один день". В письме нет прямого упоминания о том, что дискуссии не будет. Приглашение было вручено лично в руки не обычным почтовым курьером, но имперским геральдом Каспаром Штурмом.

Следует ли Лютеру ехать? Он пребывал в сомнениях. Сплатину Лютер написал:

"Я отвечу императору, что если меня приглашают лишь для того, чтобы отречься, то я не поеду. Если от меня требуется только отречение, я могу превосходно сделать это и здесь. Если же он приглашает меня, чтобы убить, тогда я поеду. Я надеюсь, что никто, кроме папистов, не запятнает свои руки моею кровью. Антихрист правит. Да свершится воля Господня".

В другом письме он писал:

"Вот каковым будет мое отречение в Вормсе: "Ранее я говорил о том, что папа - наместник Христа. Я отрекаюсь от своих слов. Ныне я говорю, что он враг Христа и апостол дьявола"".

Лютер определенно решился ехать.

По дороге он узнал, что, согласно указу, на его книги наложен арест. Публикация эдикта задерживалась, возможно, из-за опасений, что тогда Лютер поймет, что дело его решено, и не приедет. Однако Лютер высказался так: "Если меня не удержат силою и если кесарь не отменит своего приглашения, я вступлю в Вормс под знаменем Христовым против врат ада". Он не питал иллюзий относительно вероятного исхода. После восторженного приема в Эрфурте он заметил: "Это было мое вербное воскресенье. Интересно, можно ли воспринимать эту шумиху единственно как искушение или это также и знамение грядущих мук?"

Пока в Вормсе ожидали приезда Лютера, там появился еще один памфлет под названием "Литания немцев":

"Услышь, Христос, немцев; услышь, Христос, немцев. От злых советников избави Карла, о Господи! От яда на пути в Вормс избави Мартина Лютера, сохрани Упъриха фон Гуттена, о Господи! Вычисти Алеандра, о Господи! Нунциев, выступающих против Лютера в Вормсе, сокруши с небес. О Господи Иисусе, услышь немцев!"

Умеренные католики, однако, желали, чтобы дело не дошло до суда. Эту партию возглавлял Глапион, исповедник императора. Не вполне ясно, был ли он искренним последователем Эразма или вел двойную игру, однако Глапион вполне определенно начал переговоры прежде, чем могло возникнуть подозрение, будто он пытается удержать Лютера вне Вормса до истечения срока действия охранной грамоты. Ранее Елапион

обращался к Фридриху Мудрому с весьма заманчивым предложением. Многие работы Лютера, утверждал Глапион, согревали его сердце. Он полностью согласен со всем, что Лютер говорит об индульгенциях. Он считает, что "О свободе христианина" исполнен чудесного христианского духа. "Вавилонское пленение Церкви", однако, просто поразило его ужасом. Он не мог поверить, что Лютер признает эту книгу своей: она весьма отличается по стилю от других его сочинений. Если ее все же написал Лютер, то сделал это он, находясь, должно быть, во власти необузданного порыва. В таком случае ему следует выразить готовность истолковать ее в духе, сообразующемся со взглядами Церкви. Тогда сторонников у него будет много. Вопрос следует решить, не прибегая к широкой огласке, иначе дьявол посеет раздоры, война и мятеж станут неизбежны. Народные волнения к добру не приведут, и один лишь дьявол выиграет от появления Лютера в Вормсе.

Предложение это было тем более привлекательным, что все в нем соответствовало истине. Если Лютер изъявит готовность отказаться от своей позиции относительно таинств, он может возглавить движение объединившегося германского народа, направленное к ограничению папской власти и прекращению его ограбления. Сейм вправе потребовать от папы уступок, подобных тем, которые уже были дарованы столь сильным государствам, как Франция, Испания и Англия. Можно будет избежать как раскола, так и гражданской войны. Для такого человека, как Фридрих Мудрый, подобное предложение могло бы показаться наиболее приемлемым, однако он твердо решил, что не будет делать никаких шагов, которые позволили бы императору избежать необходимости взять на себя ответственность.

Затем Елапион обратился к другой стороне. Почему бы не попробовать воздействовать через Зиккингена и Гуттена? Во-первых, следует даровать Гуттену содержание от императора. Затем пусть Зиккинген пригласит Лютера в свой замок в Эбернбурге для беседы. Глапион набрался мужества лично посетить Гуттена и Зиккингена в их орлином гнезде. Он выражал такое сочувствие Лютеру и представлял императора в столь благоприятном свете, что Гуттен принял императорское содержание (впоследствии он отказался от него), а Зиккинген поручил своему капеллану, Мартину Бюцеру,

встретить Лютера по дороге в Вормс и пригласить его в Эбернбург. Лютер, однако, был исполнен решимости, войти в Иерусалим, и удержать его не представлялось возможным. Он войдет в Вормс, даже если там столько же бесов, как черепицы на крышах. Гуттен был тронут: "Ясно как день,- писал он Пиркгеймеру, - что его направляет Господь. Решительно отбросив все человеческие соображения, он всецело положился на Бога". Лютеру же он писал: "Вот в чем между нами разница. Я смотрю на людей. Вы же, будучи уже ныне более совершенным, всецело полагаетесь на Бога".

Лютер перед сеймом

Шестнадцатого апреля Лютер въехал в Вормс на саксонской двуколке в сопровождении немногочисленных спутников. Перед ним ехал императорский геральд с изображением орла на своем одеянии. Хотя время было обеденное, две тысячи человек вышли, чтобы проводить Лютера к месту, где он остановился. На следующий день в четыре часа Лютера ожидали геральд и маршал императора, которые скрытно, избегая толпы, провели его на встречу с императором, курфюрстами и виднейшими дворянами Германии. Когда император увидел представшего перед ним монаха, он воскликнул: "Да он совсем не похож на еретика!"

Драматизм этой сцены лучше всего могла бы передать кисть художника. Вот Кард, наследник нескольких поколений католических монархов - романтика Максимилиана, Фердинанда Католика, ортодоксальной Изабеллы - отпрыск династии Габсбургов; повелитель Австрии, Бургундии, Нидерландов, Испании и Неаполя; император Священной Римской империи, чьи владения более обширны, чем у какого-либо христианского монарха, кроме Карла Великого; он олицетворяет собой средневековые союзы; это воплощение славного, хотя и уходящего наследия. А вот перед ним стоит простой монах, сын рудокопа, не имеющий иной защиты, кроме собственной веры в Слово Божье. Встреча прошлого с будущим. Встретились прошлое и будущее. Некоторые исследователи с этой встречи отсчитывают начало эпохи Нового времени. Контраст между основными действующими лицами бросался в глаза. Лютер и сам в определенной степени чувствовал его. Он прекрасно сознавал, что не был возвышен, подобно сыну дочери фараона. Более всего Лютера потрясло не то, что он оказался в присутствии императора, но что и он, и император равным образом призваны держать ответ перед Богом-Вседержителем.

Проверить дело Лютера было поручено представителю архиепископа Трирского по имени Экк - не тот, конечно, Экк, с которым Лютер встречался на лейпцигском диспуте. Лютеру продемонстрировали стопку книг и спросили, он ли их написал. Уже сам вопрос открывал возможность использовать уловку, которую предлагал Елапион. Лютер мог отказаться от "Вавилонского пленения Церкви", переведя беседу в русло обсуждения финансовых и политических претензий папства. Эта была возможность сплотить вокруг себя объединенную Германию. Едва слышным голосом Лютер ответил: "Эти книги мои, а кроме них я написал еще несколько".

Дверь захлопнулась, но Экк отворил ее вновь: "Вы защищаете все, что в них написано, или готовы от чего-то отречься?"

Лютер на первом слушании в Вормсе

Лютер размышлял вслух: "Все, написанное мною, затрагивает Бога и Его Слова. Оно касается спасения души. О сем Христос сказал: "Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим". Я поступил бы неосторожно, сказав слишком мало или слишком много. Я прошу вас дать мне время на обдумывание".

Император и сейм взвесили его слова. Экк пришел с ответом. Он выразил изумление, что профессор богословия может оказаться неподготовленным к тому, чтобы незамедлительно защитить свои взгляды, особенно если учитывать, что приехал он именно с этой целью. Тем не менее император милостиво разрешил ему подумать до завтра.

Некоторые из современных исследователей разделяют изумление Экка до такой степени, что высказывают предположение, будто просьба Лютера была продумана заранее и входила в избранную Фридрихом Мудрым тактику проволочек. Но вряд ли его замешательство истолкует подобным образом тот, кто помнит о потрясении, которое испытал Лютер во время своей первой мессы. Как тогда его обуревало стремление убежать от алтаря, так и теперь охвативший Лютера страх перед Богом был столь велик, что он не мог дать ответ императору. В то же время следует признать, что трепет Лютера перед Вседержителем фактически помог ему предстать перед сеймом. На следующий день, 18 апреля, избранный для заседания большой зал был настолько переполнен, что сесть не мог никто, исключая императора. Испытанный Лютером священный ужас способствовал тому, что он получил возможность выступить перед немецким народом.

Он должен был предстать перед сеймом в четыре часа пополудни, но различные дела задержали его выступление до шести. На сей раз голос его звенел. Экк вновь повторил вопрос, который был задан Лютеру днем ранее. Тот отвечал: "Ваше императорское величество, светлейшие князья, милостивые государи, прошу извинить меня, если я не упомянул какие-то из полагающихся вам титулов. Я не придворный, но простой монах. Вчера вы спросили меня, готов ли я отречься от своих книг. Все эти книги мои; что же касается, однако, второго вопроса, то в некотором роде не все они одинаковы".

Это был весьма искусный шаг. Проведя различие между своими трудами, Лютер получил возможность выступить, а не просто ответить утвердительно либо отрицательно.

Он продолжал: "Одни из них трактуют вопрос о вере и жизни столь просто и евангельски, что даже враги мои принуждены считать их достойными для изучения христианами. И в самой булле книги мои не рассматриваются как единообразные. Если я от них отрекусь, то буду единственным на земле человеком, который проклял истину, признаваемую как моими друзьями, так и моими врагами. Мои труды иного рода направлены против того запустения, которое принесено в христианский мир дурной жизнью и учением папистов. Кто способен отрицать это, когда со всех сторон мы слышим жалобы, которые свидетельствуют о том, что папские законы подвергают мучениям совесть человеческую?"

"Нет!" - перебил его император.

Не смущаясь этим вмешательством, Лютер говорил о "немыслимой тирании", которая губит германский народ. "Если ныне я публично отрекусь, то распахну двери для еще большего нечестия и тирании, и будет еще хуже, если скажут, что сделал я это по настоянию Священной Римской империи". Так Лютер весьма искусно апеллировал к немецкому национализму, который имел много сторонников в сейме. Даже герцог Георг Католический высказывал жалобы на притеснение немцев.

"Книги третьего рода, - продолжал Лютер, - обращены против отдельных лиц. Признаюсь, что я допустил язвительность, которая не вполне совместима с родом моих занятий, однако судят меня не по моей жизни, но за учение Христово, посему не могу я отречься и от этих трудов, не умножив тем самым нечестие и тиранию. На допросе у Анны Христос сказал: "Если Я сказал худо, то покажи, что худо". Если этого требовал наш Господь, Который не мог заблуждаться, отчего же сейм не желает, чтобы меня убедили в моих заблуждениях на основании пророков и Евангелия? Если мне покажут мои заблуждения, я первый брошу свои книги в костер. Мне напоминают о тех распрях, которыми грозит мое учение. Могу лишь ответить словами Господа: "Не мир пришел Я принести, но меч". Если Бог наш столь суров, бойтесь же, чтобы ваше желание восстановить мир не обернулось ужасами войны, чтобы не оказалось правление сего благородного юноши. Карла, в неблагоприятствии. Да будут предостережением вам примеры фараона, царя Вавилонского и царей Израильских. Бог посрамляет мудрых. Я должен ходить в страхе Господнем. Говорю об этом не в упрек, но поскольку не могу я уклониться от своего долга перед немцами. Предаю себя Вашему величеству в уверенности, что недоброжелатели не преуспеют в том, чтобы вызвать ваше нерасположение ко мне без должных к тому оснований. Я сказал все".

Экк отвечал: "Мартин, ты недостаточно разделил свои труды. Ранние были дурны, поздние же и того хуже. Твое прошение, чтобы тебя убедили на основании Писания, - одно из самых распространенных среди еретиков. Ты лишь повторяешь ереси Викилифа и Гуса. Как возликуют иудеи и турки, услышав, что христиане обсуждают, правильно ли

они веровали все эти годы! Как можешь ты, Мартин, полагать, что лишь тебе единственному дано понять смысл Писания? Неужели ты ставишь свое суждение над суждениями столь многочисленных знаменитостей, утверждая, будто знаешь больше, нежели все они? Кто дал тебе право возбуждать сомнения в истинности святейшей веры, утвержденной совершеннейшим Законодателем Христом, возвешенной всему миру апостолами, запечатленной кровью мучеников, подтвержденной священными соборами, определенной Церковью, в которую все наши отцы веровали до самой смерти и передали нам в наследие и которую ныне папа и император запретили нам обсуждать, дабы не возбудить бесконечные дебаты. Я спрашиваю тебя, Мартин, - отвечай искренне и без уверток - отрекаешься ты или нет от своих книг и содержащейся в них ереси?" Лютер отвечал: "Поскольку Ваше величество и вы, государи, желаете услышать простой ответ, я отвечу прямо и просто. Если я не буду убежден свидетельствами Священного Писания и ясными доводами разума - ибо я не признаю авторитета ни пап, ни соборов, поскольку они противоречат друг другу, - совесть моя Словом Божиим связана. Я не могу и не хочу ни от чего отречься, потому что нехорошо и небезопасно поступать против совести. Бог да поможет мне. Аминь".

В самых ранних изданиях его речи были добавлены слова: "На сем стою и не могу иначе". Эти слова, хотя их и нет в записях, сделанных непосредственно на заседании сейма, могут быть тем не менее истинными, поскольку те, кто записывал его речь, могли оказаться слишком взволнованными, чтобы точно изложить все сказанное.

Лютер говорил по-немецки. Его попросили повторить сказанное на латыни. Лютер затруднялся. Один из его друзей прокричал: "Если вы не можете этого сделать, доктор, то вы и так уже сказали достаточно". Лютер вновь подтвердил свое решение на латыни, жестом победоносного рыцаря вознес руки вверх, выскользнул из темного зала под негодующее шипение испанцев и удалился в свои покои. Фридрих Мудрый также отправился домой, где он заметил:

"Доктор Мартин говорил превосходно перед императором, князьями и законодателями как на латыни, так и по-немецки, но мне кажется, что он взял на себя слишком большую смелость". На следующий день Алеандр услышал новость, что все шесть курфюрстов готовы объявить Лютера еретиком. То есть в том числе и Фридрих Мудрый. По словам Спалатина, Фридрих Мудрый был весьма озабочен, действительно ли Лютер осужден на основании Писания.

Вормсский эдикт

Император вызвал к себе курфюрстов и многих из князей, чтобы узнать их мнение. Они попросили время на размышление. "Хорошо, - сказал император, - извольте выслушать мое мнение", - и прочел собственноручно написанный им по-французски документ. Это не была заранее заготовленная его советниками речь. Юный Габсбург исповедовал свою веру:

"Я потомок многовековой династии христианских императоров этого благородного германского народа, католических королей Испании, эрцгерцогов Австрийских и герцогов Бургундских. Все они до самой смерти сохраняли верность Римской Церкви и защищали католическую веру и честь Божию. Я исполнен решимости следовать их путем. Когда один монах выступает против всего тысячелетнего христианства, он не может быть прав. Посему я твердо намерен отвечать за свои действия моими землями, моими друзьями, моим телом, моей кровью, моей жизнью и моей душой. Не я один, но и все вы, представители благородного немецкого народа, навсегда запятнаете себя бесчестьем, если

мы по своему небрежению дозволим существовать не то чтобы ереси, но даже подозрению на ересь. Выслушав вчера все нечестивости, произнесенные Лютером в свою защиту, я сожалею, что столь долго медлил с принятием решительных мер против него и его лжеучения. Я не желаю более иметь с ним ничего общего. У него есть охранная грамота, он может возвратиться домой, но ему не дозволено проповедовать или сеять смуту каким-либо иным образом. Я намереваюсь предпринять действия против сего отвязленного еретика и посему прошу вас выразить свое решение, как вы мне и обещали".

Многие из тех, кто слышал императора, ощутили дыхание смерти. На следующий день курфюрсты объявили о своем полном согласии с императором - но лишь четверо из шести подписались под таким решением. Не согласились с ним Людвиг Палатинский и Фридрих Саксонский. Император совершенно недвусмысленно обозначил свою позицию.

Теперь император считал, что заручился достаточной поддержкой для издания эдикта, но за ночь на дверях ратуши и в других местах Вормса появились листовки с подписью: "Башмак!" Это был символ крестьянского бунта - деревянный башмак ремесленника против сапога знати. Уже целый век Германию сотрясали крестьянские волнения. Появившиеся в Вормсе листовки недвусмысленно намекали, что крестьяне восстанут, если Лютер будет осужден. Откуда возникли эти подметные письма, можно было лишь догадываться. Гуттен предположил, что их расклеивали паписты, чтобы дискредитировать лютеран, но Алендр ровным счетом ничего не знал об источнике их появления. Как бы там ни было, Альбрехт Майнцский заметался. На рассвете Альбрехт ворвался в опочивальню императора, который лишь посмеялся над его страхами. Но Альбрехт не успокоился, а заручился поддержкой своего брата Иоахима, наиболее яростного противника Лютера. По настоянию этих двоих законодатели обратились к императору с просьбой предоставить Лютеру еще одну возможность защитить себя. Император ответил, что он не желает более иметь никаких дел с Лютером, но им дает три дня.

Затем в более узком кругу были предприняты попытки сломить Лютера. Не будучи столь драматичным, это испытание имело ничуть не меньшую значимость, чем публичные слушания. Для того, кто способен открыто противопоставить свое мнение многочисленному собранию, может оказаться куда труднее - если он не утратил способность чувствовать - сопротивляться мягким увещаниям людей, стремящихся предотвратить раскол Германии и распри в Церкви. Во главе этой группы стоял Рихард Грейффенклаусский, архиепископ Трирский, хранитель цельноканых одежд Христовых. Фридрих Мудрый уже давно предлагал его кандидатуру на роль арбитра. Он был связан как с некоторыми друзьями Лютера, так и с некоторыми его недругами, например, с герцогом Георгом.

В несколько иной форме возобновились предпринятые ранее Глапионом попытки склонить Лютера к частичному отречению. Лютеру поведали, что можно только приветствовать его выступления против торговцев индульгенциями, а разоблачения Рима в коррумпированности буквально согревают сердце. Лютер прекрасно писал о добрых деяниях и десяти заповедях, но трактат "О свободе христианина" подстрекает народ к отрицанию всяческого авторитета. Можно заметить, что на этот раз речь шла в основном не об опасности, таящейся в ниспровержении системы таинств "Вавилонского плена", но о предполагаемой угрозе общественному спокойствию, которую якобы несет с собой трактат о христианской свободе. Лютер отвечал, что ни о чем подобном он не помышлял, а наставлял повиноваться даже дурным правителям. Трир упрашивал его не разрывать цельноканых одежд христианства. Лютер отвечал советом Гамалиила подождать и посмотреть - от Бога ли его учение или от человека. Лютеру напомнили, что его крушение повлечет за собой также и гибель Меланхтона. При этих словах глаза Лютера

наполнились слезами. Но когда его попросили назвать имя судьбы, решение которого он готов признать, Мартин, взяв себя в руки, отвечал, что он предпочел бы иметь судьей ребенка восьми-девяти лет от роду. "Папа, - заявил он, - не может быть судьей по вопросам, относящимся к Слову Божьему и вере. Христианин должен сам исследовать их и иметь собственное суждение". Комитет сообщил императору о постигшей его неудаче.

6 мая его высочество представил сократившемуся составу сейма последний проект Вормсского эдикта, который был подготовлен Алеандром. Лютер обвинялся в том, что, подобно проклятым Церковью богемцам, он отрицает семь таинств.

"Он опорочил брак, поносил исповедь и отверг тело и кровь нашего Господа. Согласно его учению, таинства зависят от веры принимающего их. Он язычник в своем провозглашении свободы воли. Этот дьявол в монашеском обличье собрал воедино древние ереси в одну зловонную лужу и присовокупил к ним еще и новые. Он отвергает власть ключей и подстрекает мирян омыться руки свои в крови духовенства. Его учение несет с собой бунт, раскол, войну, убийство, разбой, поджог и крушение христианства. Он живет, подобно зверю. Он сжег декреталии. Он равным образом презирает и отлучение от Церкви, и меч. Особенно он опасен гражданской, а не церковной власти. Мы всячески увещевали его, но он признает только авторитет Писания, которое истолковывает по своему усмотрению. Мы давали ему двадцать один день, исчисляя от 15 апреля. Ныне мы избрали законодателей. Лютера должно рассматривать как осужденного еретика [хотя булла о его отлучении от Церкви еще не была обнародована]. По истечении срока никто не имеет права укрывать его. Его последователи также должны быть осуждены. Книги его надлежит стереть из памяти человеческой".

Алеандр представил текст эдикта на подпись императору. Тот взялся за перо. "Я не имею ни малейшего представления о том, что побудило его к этому, - вспоминал Алеандр, - но он вдруг отложил перо и сказал, что должен согласовать эдикт с сеймом". Император знал, почему он так поступает. Члены сейма разъезжались по домам. Фридрих Мудрый уже уехал. Людвиг Палатинский также уехал. Оставались те, кто готов был осудить Лютера. Хотя эдикт и датировался 6 мая, но издан он был лишь 26-го. К этому времени остались лишь единодушные в своем мнении участники сейма. И тогда император подписал эдикт. Алеандр сообщал:

"Его высочество подписал своею собственной рукой как латинский, так и немецкий тексты эдикта и сказал, улыбаясь: "Теперь вы будете удовлетворены". "Да, - отвечал я, - но еще большим будет удовлетворение Его Святейшества и всего христианского мира". Мы славим Бога за то, что Он даровал нам столь глубоко верующего императора. Да хранит Господь во всех его праведных путях того, кто уже заслужил непреходящую славу и вечную награду от Него. Я намеревался процитировать строки из Овидия, но вспомнил, что мы присутствуем при событии глубокой религиозной значимости. Да благословит посему святая Троица императора за несказанную милость его".

Вормсский эдикт, принятый светским судом, которому доверено было рассмотреть дело о ереси по настоянию лютеран и невзирая на противодействие папистов, был тут же оспорен лютеранами на том основании, что принят он лишь частью участников и по настоянию папистов, поскольку подтверждал основы католической веры. Римская церковь, которая столь энергично пыталась предотвратить превращение Вормсского сейма в церковный собор, в свете его исхода предстала великим мстителем в решении светского суда о ереси.

Глава одиннадцатая

МОЙ ПАТМОС

В Вормсском судилище над Лютером современники усматривали повторение страстей Христовых. Альбрехт Дюрер 17 мая записал в свой дневник следующую молитву: "О, Боже, желаю, чтобы прежде, чем грянет суд Твой, подобно тому, как Сын Твой, Иисус Христос, пришел, чтобы умереть от рук священников и восстать из мертвых и вознестись на небеса, так и ученик Твой, Мартин Лютер, обрел бы утешение пред Ним". Для секуляризованного XX века такое сравнение звучит более шокирующе, чем для XVI, когда люди были участниками непрестанно разыгрывавшегося представления под названием "Отрасти". Какой-то анонимный автор памфлетов тут же описал вормсские слушания евангельским языком. Он уподобил Альбрехта Каиафе, Фридриха - Петру, а Карла - Пилату. Именно этот памфлет является единственным свидетельством о сожжении книг Лютера в Вормсе, которым мы располагаем. Вот что говорится в этом документе:

"Затем наместник [Карл в роли Пилата] доставил к ним книги Лютера для сожжения. Священники взяли их; когда же народ и князя удалились, сейм учинил великий костер перед дворцом первосвященника, где они сжигали книги, возложив наверх изображение Лютера с такою надписью: "Сей есть Мартин Лютер, доктор Евангелия". Многие паписты читали сей титул, поскольку то место, где сжигали книги Лютера, располагалось неподалеку от епископского дворца. И написан сей титул был по-французски, по-немецки и латынью.

Затем первосвященники и паписты сказали наместнику: "Напиши не "доктор евангельской истины", но так, как он сказал: "Я есть доктор евангельской истины"".

Но наместник отвечал: "Что написано мною, то написано".

И с ним двое других докторов были сожжены - Гуттен и Карлшпадт, один по правую руку от него, другой же - по левую. Изображение же Лютера не было сожжено, доколе не свернули его и не поместили в сосуд с дегтем, где оно и обратилось в пепел. Взирали граф на все совершаемое, немало дивился и сказал: "Воистину он христианин". И весь пребывавший там народ, видя все творившееся, расходился, бия себя в грудь.

На следующий день первосвященники и фарисеи вместе с папистами отправились к наместнику и сказали они: "Мы вспоминаем: сей саддукей сказал, что хотел бы впоследствии написать великое. Повели посему, чтобы по всей земле запретили его книги продавать, а иначе же последняя ересь будет хуже первой".

Но наместник сказал: "У вас есть своя стража. Идите, издавайте буллы по своему разумению, подобно изданному вами лжеотлучению". И ушли они, и издавали ужасные повеления от имени папы римского и императора, но до сего дня никто не повиновался им".

Подобное изображение Карла в роли Пилата, с неохотой подчиняющегося требованиям духовенства, безусловно, не соответствует истине. В его личных владениях уже начавшаяся контрреформация шла полным ходом и всерьез. Алеандр вернулся в Нидерланды, но сожжение книг продолжалось. Как-то один из стоящих у костра сказал надзирающему за сожжением монаху: "Ты бы стал лучше видеть, если бы пепел от книг Лютера попал тебе в глаза". Нужна была незаурядная смелость, чтобы сказать так много. В Левене Эразм начал понимать, что фактически ему предстоит выбрать между колом и

изгнанием. Горестно признавшись, что мученичество - не его удел, Эразм перебрался в Базель.

В Нидерландах Альбрехт Дюрер получил известие о том, что путь страстей Лютера завершен. В своем дневнике он записал:

"Не ведаю, жив он или убит, но в любом случае Лютер пострадал за христианскую истину. Если мы утратим этого человека, писавшего с большей ясностью, чем кто-либо за все прошедшие века, да дарует Бог дух его другому. Книгам его должно воздавать великие почести, а сжигать не их, как повелел император, но книги врагов его. О Боже, коли Лютер мертв, кто же будет отныне разъяснять нам Евангелие? Что бы мог он написать для нас за десять или двадцать лет?"

В Вартбурге Лютер не погиб. Его друзьям стали приходить письма, помеченные "Из пустыни", "С острова Патмос". Фридрих Мудрый решил укрыть Лютера. Он распорядился, чтобы придворные устроили все, однако не посвящая его в подробности. Это давало Фридриху право совершенно искренне говорить о своем неведении. Спалатину, однако, разрешено было сообщить правду. О плане был уведомлен Лютер и один из его спутников. Нельзя сказать, чтобы Лютеру он очень понравился. Он намеревался вернуться в Виттенберг, а там - будь что будет. Повозка с Лютером и несколькими его спутниками только въехала в лес близ деревушки Эйзенах, как тут же ее окружили вооруженные всадники. Изрыгая проклятья, они грубо стащили Лютера на землю. Посвященный в план инсценировки спутник Лютера прекрасно сыграл свою роль, понося похитителей последними словами. Те посадили Лютера на лошадь и целый день блуждали по извилистым лесным тропам, пока в сумерках перед ними не появились очертания Вартбургского замка. В одиннадцать вечера группа всадников остановила коней перед воротами.

Эта древняя крепость представляла собой символ той ушедшей эпохи, когда немецкое рыцарство находилось в самом расцвете, а причисление к лику святых, бесспорно, считалось вершиной человеческих заслуг. Здесь собирались монархи и менестрели, рыцари и шуты; здесь св. Елизавета оставила свидетельства своей святости. Но Лютера сейчас мало занимали воспоминания о прошедших днях. Он очутился в наименее пригодной для жилья башне замка, где во тьме над головой проносились совы и летучие мыши, и казалось ему, что сам дьявол швырял орехи в потолок и с грохотом катал бочонки по лестнице. Еще коварнее проделок князя тьмы были горестные вопросы: "Неужели один лишь ты мудр? Неужели столько веков все заблуждались? А что если в заблуждении пребываешь ты, обрекая вместе с собой на вечное проклятие многих людей?" Наутро, распахнув окно, он долго смотрел на прекрасные горы Тюрингии. В отдалении поднималось облако дыма. Это в ямах обжигаем получали древесный уголь. Порыв ветра взметнул и развеял дым. Точно так же развеялись его сомнения и укрепились вера.

Но лишь на одно мгновение. Он ощущал себя Илией на Хориве. Жрецы Ваала сражены, но Иезавель искала пророка, чтобы убить, и он воскликнул:

"Довольно! Возьми, Господи, жизнь мою!" Лютер возводил против себя одно обвинение за другим. Если он не заблуждался, то был ли достаточно тверд в защите истины? "Совесть тревожит меня, поскольку в Вормсе поддался я уговорам своих друзей и не выступил в роли нового Илии. Предстань я перед ними сейчас, иное услышали бы от

меня". Размышления о последствиях не прибавляли бодрости. "Что за омерзительное зрелище представляет собою царство римского антихриста, - писал он Меланхтону. - Спалатин сообщает, что против меня изданы жесточайшие указы".

Все внешние бедствия, однако, не могли сравниться со страданиями внутренней борьбы: "Могу поведать тебе, что в этом праздном одиночестве тысячу раз сражался я с сатаной. Куда легче сражаться против дьявола во плоти - то есть против людей, нежели против духовного нечестия в местах небесных. Часто падаю я, и десница Божья вновь поднимает меня". Тревога Лютера усиливалась его одиночеством и праздностью. Спалатину он писал: "Ныне настало время со всею силою молиться против сатаны. Он замышляет нападение на Германию, и я опасаюсь, что Бог допустит это за мою нерадивость в молитве. Я чрезвычайно недоволен собою - возможно, это следствие одиночества". Лютер не был совсем одинок. С ним находились комендант и двое слуг, но не те это были люди, перед которыми Лютер мог бы облегчить свою душу, как некогда перед Штаупицем. Мартина предупредили, что не следует искать общения и доверяться кому бы то ни было, иначе он выдаст себя. Исчезла монашеская сутана. Он одевался, как рыцарь, и отрастил длинную бороду. Стремясь развлечь Лютера, комендант пригласил его на охоту. Но тот воспротивился. "Еще есть какой-то смысл, - вспоминал он, - в охоте на медведей, волков, кабанов и лис, но отчего человек должен преследовать столь безобидное существо, как кролик?" Спасаясь от собак, крольчонок забрался Лютеру в штанину, но собаки, кусая сквозь ткань, убили его. "Точно так же обращаются с нами папа с дьяволом", - комментировал этот неисправимый богослов.

По словам Лютера, он пребывал в праздности. Как бы то ни было, он находился вдалеке от шума и раздоров. "Я не стремился оказаться здесь, - писал он. - Я хотел быть в гуще драки". И в другом письме: "Я предпочел бы жариться на углях, чем гнить здесь".

К одиночеству и невозможности участвовать в общественной деятельности прибавлялись физические недуги. Все это были старые болезни, но теперь в силу обстоятельств они предельно обострились. Еще в Вормсе он перенес тяжелый запор. Возможно, сказалось нервное истощение тех критических дней. Неподходящая пища и малоподвижный образ жизни в Вартбурге вновь вызвали болезнь, но в еще более тяжелой форме. Он готов был уже рискнуть жизнью, отказавшись от своего убежища, чтобы получить медицинскую помощь в Эрфурте. Запоры продолжались с мая по октябрь, пока Спалатин не смог передать слабительное.

Помимо этого Лютера преследовала бессонница. Началась она в 1520 году, когда он стремился возместить пропущенные часы положенных молитв. Несмотря на свое противоборство с Римом, он оставался монахом, которому положено стоять заутрени, терции, разнообразные вечерние службы. Но когда Лютер стал университетским профессором, приходским священником и настоятелем одиннадцати монастырей, он уже не успевал произносить все положенные молитвы. Неделю, две, а иногда и три накапливались непрочитанные молитвы, а затем Лютер выделял для них целое воскресенье; однажды он три дня не ел и не пил, пока "не вымолился". После одного из таких испытаний в 1520 году разум его не выдержал. В течение пяти суток Лютер не мог уснуть. Он пластом лежал в постели, пока врач не дал ему успокоительного. В период выздоровления он не мог взять в руки молитвенник и пропустил три месяца молений. Тут он сдался.

Лютер подобно Евангелисту Матфею переводит Писание

Это была одна из стадий отхода Лютера от монашества. Постоянным напоминанием об этом опыте стала бессонница.

Лютер нашел единственное лекарство, которое помогло ему одолеть приступы депрессии в Вартбурге, - то была работа. Посвящая написанный им трактат Зиккингену, он сказал: "Чтобы пребывание на моем Патмосе не было праздным времяпрепровождением, я написал труд по Откровению Иоанна". Написал он не одну работу, а почти дюжину. Своему другу из Страсбурга он пояснял:

"Посылать вам мои книги не вполне безопасно, но я попросил Спалатина проследить за этим. Мною написаны ответ Катарину, еще один - Латому, а на немецком - работа, посвященная исповеди, комментарии к псалмам 66 и 35, комментарий к Magnificat и перевод ответа Меланхтона Парижскому университету. Сейчас я тружусь над несколькими проповедями относительно тех уроков, которые можно извлечь из Посланий и Евангелий. Я выступаю против кардинала Майнцкого и пишу комментарий к истории о десяти прокаженных".

Помимо всего этого он перевел на свой родной язык весь Новый Завет. Таким был результат его годового труда. Вполне логично задаться вопросом о том, не были ли его депрессии просто чередованием работы и усталости.

Реформация в Виттенберге: монашество

Не стоял он, в сущности, и в стороне от борьбы. Реформация в Виттенберге разворачивалась с невиданной скоростью, и Лютер не отставал от событий, насколько это позволяли затруднения со связью и условия конспирации. Лютера постоянно просили высказаться, и ответы его способствовали успеху дела, хотя ситуация и не позволяла ему взять инициативу на себя. Бремя руководства легло на плечи университетского профессора греческого языка Меланхтона, профессора и архидиакона Замковой церкви Карлштадта, и Габриеля Цвиллинга, монаха августинского братства, к которому принадлежал также и Лютер. Под руководством этих людей реформация впервые приобрела свои характерные черты, легко различимые для глаза простого человека.

Все, чем занимался Лютер прежде, никоим образом не затрагивало жизнь народа, не считая, конечно, его выступлений против индульгенций, что, кстати, еще не принесло существенных результатов. Будучи в Вартбурге, Лютер узнал, что кардинал Альбрехт Майнцкий продолжает заниматься в Галле все той же торговлей отпущениями. 1 декабря Лютер сообщил его высокопреосвященству, что тот весьма заблуждается, считая его мертвецом.

"Вы можете считать меня выбывшим из борьбы, но я сделаю то, чего требует христианская любовь, и меня не остановят даже врата ада, не говоря уже о необразованных папах, кардиналах и епископах. Я призываю вас показать себя не волком, но епископом. Уже достаточно очевидно, что индульгенции - всего лишь мусор и ложь. Взгляните, какой пожар разгорелся от ничтожной искры! Пламя его опалило даже самого папу. Бог наш живой способен противостоять кардиналу Майнцкому, пусть даже того поддерживают четыре императора. Это Бог, сокрушающий кедр ливанский и смиряющий ожесточившихся сердцем фараонов. Вам не следует думать, что Лютер мертв. Я покажу вам разницу между епископом и волком. Я требую немедленного ответа. Если вы не ответите в течение двух недель, я опубликую направленный против вас трактат".

Кардинал отвечал, что злоупотребления уже исправлены. Он исповедался перед зловонным грешником, готовый принять наказание.

Это было уже кое-что. Но все же, пребывая в Вартбурге, Лютер не мог сказать, что распространение индульгенций в его собственном приходе - в Виттенберге - прекратилось. Затем в период его отсутствия в 1521 и 1522 гг. с невероятной быстротой одно нововведение следовало за другим. Женились священники, женились монахи, выходили замуж монахини. Заключали браки между собой даже монахи и монахини. Ходившие раньше с тонзурами отрастили волосы. Во время мессы вино предлагалось мирянам. Им позволялось своими руками брать хлеб и вино. Священники совершали таинство без специального облачения - в обычной одежде. Часть мессы читалась на немецком языке. Прекратился обычай служить мессы за умерших. Не стояли более уже всенощных, изменена была вечерня, сокрушены образы. Мясо ели и в постные дни. Патроны изымали свои пожертвования. Сокращалось число поступающих в университеты, поскольку студенты более не получали стипендии от Церкви. Все это не ускользало от взоров Ганса и Гретела. Они могли не замечать перемен в доктрине, но церковные обряды были частью их повседневной религиозной жизни. Теперь простые люди поняли, что реформация означает определенные практические перемены, и это стало тревожить Лютера. Нависла угроза, что славная свобода сынов Божьих превратится в вопрос об одежде, питании и стрижке волос. Но первоначально Лютер приветствовал перемены.

Первой из них стали браки священников. В работе "Вавилонское пленение Церкви" Лютер сказал, что законы человеческие не могут отменить заповеди Божьи; а поскольку Бог повелел жениться, то союз между священнослужителем и его женой является союзом истинным и неразделимым. В "Обращении к дворянству" он провозгласил, что священнику необходима служанка, а в такой ситуации поместить под одну крышу мужчину и женщину все равно, что поднести огонь к соломе и ожидать, что она не вспыхнет. Необходимо разрешить лицам духовным вступать в брак, пусть даже это приведет к тому, что рухнет весь канонический закон. Необходимо положить конец практике несправедливого целомудрия. Совет Лютера был осуществлен на практике. В 1521 году женились три священника, которых тут же схватили по приказу Альбрехта Майнцского. Лютер направил ему горячий протест. Альбрехт проконсультировался с Виттенбергским университетом. Карлштадт ответил трактатом, где, рассматривая проблему безбрачия, заявил, что священник не только может, но и должен жениться и иметь семью. Он ратовал за то, чтобы заменить обет безбрачия обязательной женитьбой и отцовством. И женился сам. Невеста его, как говорят, происходила из благородной семьи. Непримечательна была эта пятнадцатилетняя девушка ни красотой, ни богатством. Карлштадт направил курфюрсту извещение.

"Благороднейший князь! Должен отметить, что ни один институт не превозносится в Писании выше института брака. Отмечаю также, что брак духовенству разрешен, и по причине безбрачия многие бедные священники жестоко пострадали от козней дьявольских. Посему, с позволения Бога Всемогущего, я намереваюсь жениться на Анне Моху накануне дня св. Себастьяна и надеюсь на благоволение Вашей милости".

Лютер эту женитьбу благословил: "Я весьма рад женитьбе Карлштадта, - писал он. - Я знаю эту девицу".

Сам он, однако, не помышлял сделать то же самое, поскольку был не только священнослужителем, но и монахом. Первоначально Лютера охватил ужас, когда Карлштадт выступил также и против безбрачия монахов. "Боже мой, - писал Лютер, -

неужели наши виттенбержцы дадут жен и монахам? Но со мной у них этого не выйдет!" Но под воздействием пламенных проповедей Габриеля Цвиллинга монахи-августинцы стали покидать обитель. 30 ноября ушло пятнадцать иноков. Настоятель сообщал курфюрсту:

"Раздаются проповеди, будто бы ни один монах не спасется в рясе, будто все монастыри пребывают в тенетах дьявола, будто монахов следует изгнать, а монастыри разрушить. Я глубоко сомневаюсь, что подобное учение основано на Евангелии".

Но следует ли силой возвращать таких монахов обратно? А если нет, то следует ли им позволять жениться? Меланхтон обратился за советом к Лютеру. "Хотелось бы мне обсудить этот вопрос с вами", - отвечал тот.

"Мне представляется, что с монахами дело обстоит несколько иначе, чем со священниками. Монах добровольно принял обет. Вы утверждаете, что монах не может быть связан обетом в силу его неисполнимости. Но подобным предположением вы отменяете все Божественные предписания. Вы говорите, что обет ограничивает служение. Не обязательно. Св. Бернارد прожил счастливо, выполняя свои обеты. В сущности вопрос заключается не в том, выполнимы ли обеты, но в том, благоволит ли к ним Бог".

Чтобы найти ответ, Лютер обратился к Писанию. Понадобилось немного времени, чтобы определиться в этом вопросе, и вскоре он направил в Виттенберг несколько тезисов, касающихся обетов. Когда они были прочитаны в кругу виттенбергских священников и профессоров, Бугенхаген, священник Замковой церкви, огласил решение: "Эти тезисы вызовут в общественных институтах такое смятение, какого не вызывало доселе ни одно из лютеровских учений". За тезисами вскоре последовал трактат "О монашеских обетах". В предисловии, адресованном "моему возлюбленному отцу", Лютер известил, что ясно видит волю Провидения в том, что он стал монахом вопреки желанию своих родителей, поскольку таким образом он обрел возможность свидетельствовать против монашества, исходя из собственного опыта. Монашеский обет не основывается на Писании и противоречит таким понятиям, как любовь и свобода. "Женитьба хороша, целомудрие еще лучше, но лучше всего свобода". Монашеские обеты основываются на ложной предпосылке, будто существует особый призыв, призвание, посредством которого христианам более высокого сорта предлагается выполнять наставления, ведущие к совершенству, в то время как христианам обыкновенным надлежит выполнять лишь заповеди. Но, заявил Лютер, особого религиозного призвания просто не существует, поскольку призыв Божий обращен к каждому человеку в его повседневной жизни. "Именно этот труд, - сказал Йонас, - опустошил обители". Члены того братства, к которому принадлежал сам Лютер, - августинцы Виттенберга - на состоявшемся в январе собрании, вместо

того чтобы наказать монахов-отступников, постановили, что с этого времени всякий член братства волен оставаться в нем или покидать его по своему усмотрению.

Месса

Затем настала очередь реформы церковных обрядов, которая более непосредственным образом затрагивала простого человека, поскольку изменяла привычный ему ежедневный молитвенный ритуал. Теперь он мог во время таинства причащаться вином, брать хлеб и вино собственными руками, причащаться без предварительной исповеди, слушать сопутствующие совершению таинства слова на родном языке и активно участвовать в литургическом пении.

Теоретическую основу для наиболее значительных перемен заложил Лютер. Согласно его принципу, месса представляет собой не жертву, но вознесение хвалы Богу и совместное с верующими причащение. Это не жертва, приносимая для того, чтобы умиловать Бога, поскольку Он не нуждается в умиловании. Равным же образом это и не предложенное Ему приношение, поскольку человек ничего не в силах предложить Богу, а может лишь получать от Него. Как же в таком случае быть с формулами, применяемыми в мессе, - "эта святая жертва", "это приношение", "эти пожертвования"? В "Вавилонском плену" Лютер истолковывал их в фигуральном смысле, но в Вартбурге он выработал более решительную концепцию: "Слова канона совершенно ясны; слова Писания ясны. Так пусть канон смиритесь перед Евангелием". В таком случае литургию необходимо изменить.

Особая форма мессы основывалась исключительно на ее сакральном характере. Речь идет о приватной мессе, совершаемой ради ушедших душ, для которых священник приносит жертву; а поскольку присутствовать на мессе они никоим образом не могут, священник причащался в одиночку. Подобная форма мессы называлась приватной, поскольку заказывалась она индивидуально и совершалась в одиночестве. Первоначально Лютер выступил против принципа принесения жертвы, а затем против отсутствия во время мессы общины. В "Вавилонском плену" он соглашался терпеть подобного рода мессы, рассматривая их в качестве личных молитв, совершаемых священником, при условии, конечно, что совершались они в молитвенном духе, без суетливой поспешности, когда священник просто стремится побыстрее выполнить дневную норму. В Вартбурге он сформулировал свою позицию более определенно. 1 августа он писал Меланхтону: "Никогда более я не совершу приватную мессу в вечности". Свой трактат о несостоятельности обычая совершать приватные мессы Лютер завершил обращенным к Фридриху Мудрому призывом превзойти заслуги Фридриха Барбароссы, организовавшего крестовый поход ради освобождения гроба Господня. Пусть Фридрих Мудрый освободит Евангелие в Виттенберге, отменив совершение всех индивидуально заказываемых месс. Кстати, для совершения такого рода месс Замковая церковь содержала двадцать пять священников.

Относительно старого вопроса, поднятого гуситами, - следует ли причащать мирян и хлебом, и вином, мнение Лютера и виттенбержцев совпало: надо возродить апостольский обычай. К таким вопросам, как пост и исповедь перед причащением, Лютер был равнодушен. Существовали различные точки зрения относительно того, должен ли священник поднимать над головой хлеб и вино. Карлштадт рассматривал этот акт как предложение жертвы, поэтому его следует упразднить; Лютер же видел в нем лишь выражение благоговения, а поэтому считал, что его можно оставить.

Первые волнения

Вполне определенно, что существовавшего согласия было достаточно для того, чтобы начать действовать, и Меланхтон сделал первый шаг 29 сентября, отслужив оба вида мессы для нескольких студентов в приходской церкви. В августинском монастыре Цвиллинг горячо призывал братьев отказываться служить мессе, пока не будет видоизменен порядок ее проведения. Приор отвечал, что скорее он согласится не служить мессы вообще, чем допустить ее искажение. Соответственно, с 23 октября служение мессы в августинской обители прекратилось. В Замковой церкви в День всех святых - 1 ноября, в тот самый день, когда выставляются все реликвии и выдаются индульгенции, Юстус Йонас назвал индульгенции мусором и призывал отменить всенощные бдения и приватные мессы. В дальнейшем же он отказывается служить мессы в отсутствие причащающихся. Начались народные волнения. Студенты и горожане до такой степени напугали более пожилых верующих, что верные старым традициям августинцы стали

опасаться за собственную безопасность и за свою обитель. Курфюрст пребывал в тревоге. Как князь он отвечал за общественное спокойствие. Как христианин он тревожился о сохранении истинной веры. Фридрих пожелал просветиться относительно смысла Писания и назначил комитет. Но члены комитета не могли прийти к согласию. Нигде в Виттенберге не было согласия - ни в университете, ни среди августинцев, ни в капитуле Замковой церкви. "У нас полная неразбериха, - говорил Спалатин, - и каждый делает все что ему заблагорассудится".

Приверженцы старого утверждали: Бог не мог допустить, чтобы Его Церковь столь долго пребывала в заблуждении. С переменами лучше подождать хотя бы до тех пор, пока не будет достигнуто единодушие, а духовенство следует оставить в покое. Более того, Фридрих Мудрый указывал сторонникам перемен на то, что мессы заказываются за плату, а если прекратится служение месс, то прекратится и поступление денег. Он не представляет себе, как можно рассчитывать на то, что священник женится, прекратит служить мессы, но в то же время будет получать - средства на свое содержание. Изменение характера служения мессы затрагивает все христианство, утверждал он; а если такой небольшой городок, как Виттенберг, не может прийти к согласию, то вряд ли можно ожидать этого от остального мира. Но прежде всего нужно не допустить раздоров и беспорядков. Евангеликалы отвечали, приводя в пример Христа и апостолов, которые, будучи всего лишь немногочисленной группкой, не убоялись реформ из опасения беспорядков. Что же касается наших предков, которые заказывали мессы, то будь они живы и имей они наставление об истине, они бы с радостью истратили свои деньги на поддержание веры более правильным образом. Пожилые верующие возражали: "Не следует думать, что если вы в меньшинстве, то вы можете сравнивать себя с Христом и апостолами".

В данный момент симпатии Лютера были на стороне меньшинства. Его тревожило, что перемены идут слишком медленно. Он отослал Спалатину рукописи своих трудов "О монашеских обетах", "Об упразднении частных месс" и "Выступление против архиепископа Майнцского". Ни один из них не был напечатан. Лютер принял решение инкогнито вернуться в Виттенберг, чтобы выяснить причины этого.

Глава двенадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗГНАННИКА

Заросший бородой, так что его не узнала бы даже родная мать, изгнанник из Вартбурга появился на улицах Виттенберга 4 декабря 1521 года. Ему весьма понравилось все, сделанное для продвижения реформ его сподвижниками в последнее время, но в то же время вызывало раздражение, что трактаты его не были опубликованы. Если Спалатин изъясил их из типографии, так пусть знает, что на их месте появятся другие - и еще резче прежних. После этого Спалатин представил к изданию работы по обетам и частным мессам, но продолжал удерживать у себя трактат "Выступление против архиепископа Майнцского", который так и не был напечатан. Лютер распространил в Виттенберге известие о том, что он подумывает выступить также и против Фридриха, если тот не ликвидирует свою коллекцию реликвий и не отдаст в пользу бедных все золото и серебро, в которое эти реликвии оправлены. В тот период Лютер совершенно определенно стремился максимально ускорить реформацию.

Но не при помощи насилия. За день до его прибытия в Виттенберг там произошел бунт. Спрятав под одеждой ножи, студенты и горожане захватили приходскую церковь, взяли с алтаря все молитвенники и вывели из церкви священников. В тех, кто возносил молитвы

Деве Марии, швыряли камнями. На следующее утро, как раз в день прибытия Лютера, угрозы обрушились на францисканцев. Но это было еще не самое худшее. Возможно, что Лютер оправдал бы это выступление, объяснив его озорством студентов, но по дороге в Вартбург он явно ощутил, что в народе зреет дух восстания. Поэтому он поспешил предостеречь немцев, призывая их воздержаться от насилия. "Помните, - предостерегал он, - что, как сказал Даниил, антихрист будет повержен не человеческой рукой. Насилие лишь укрепит его. Проповедуйте, молитесь, но воздержитесь от войны. Я вовсе не хочу сказать, что следует исключить всяческий протест, но выражаться он должен через законные власти".

В Виттенберге тем временем законная власть склонялась к запретам. 19 декабря Фридрих издал указ, согласно которому обсуждение вопросов религии можно продолжать, но в порядке служения месс не может быть никаких изменений до достижения единодушия. Вследствие этого Карлштадт решил бросить вызов курфюрсту. Он заявил, что, когда настанет его очередь служить новогоднюю мессу, он причастит весь город "под обоими видами". Курфюрст пытался помешать этому, но Карлштадт обвел его вокруг пальца. Он поменялся со священником, который должен был служить мессу на Рождество, а публично пригласил всех желающих на свое служение лишь накануне вечером. В народе начались волнения, и канун Рождества ознаменовался бунтом. Толпа ворвалась в приходскую церковь, круша лампы, угрожая священникам и распевая на всю церковь: "Любушка моя потеряла туфельку". Затем на церковном дворе был устроен кошачий концерт, заглушавший пение хора. Наконец смутьяны направились к Замковой церкви и, когда священник произносил благословение, пожелали ему всяческого мора и адского огня.

Смута

На Рождество в Замковой церкви собрались две тысячи человек - "весь город", как выразился летописец этих событий. Карлштадт служил мессу без особого облачения - в простой черной рясе. В своей проповеди он поведал собравшимся, что для совершения таинства им нет нужды поститься или исповедаться. Если они считают, что прежде всего необходимо получить отпущение грехов, значит, эти люди недостаточно верят в само таинство. Нужна только вера - вера, сердечное стремление и глубокое раскаяние. "Вы ощутите, как Христос делает вас сопричастниками Своей благодати, если уверуете. Увидите, как Своим обетованием Он очищает и благословляет вас. Более того, вы узрите Христа рядом с собою. Он избавляет вас от всяческих мучений и сомнений, дабы вы узнали, что вы благословлены Его Словом".

Затем Карлштадт прочел мессу на латыни в весьма сокращенном виде, опуская все места, в которых речь идет о жертве. Во время освящения и раздачи символов - и хлеба, и вина - он перешел с латыни на немецкий. Впервые в своей жизни две тысячи собравшихся услышали на родном языке слова: "Сия есть чаша Моей крови нового и вечного завета дух и тайна веры, проливаемая за вас во отпущение грехов". Один из причастников так дрожал, что уронил хлеб. Карлштадт велел этому человеку поднять хлеб; но тот, у кого хватило мужества выйти вперед и собственной рукой взять сакральный хлеб с блюда, увидев его оскверненным на полу, был до такой степени уstraшен надругательством над телом Божьим, что так и не смог поднять хлеб с пола.

По инициативе Карлштадта городской совет Виттенберга издал первое постановление, связанное с реформацией. Месса должна служить примерно так, как ее отслужил Карлштадт. Были претворены в жизнь идеи Лютера, связанные с социальными реформами. Нищенствовать запрещалось. Действительно бедные обеспечивались

помощью из общественного фонда. Проституция должна быть запрещена. Далее следовал совершенно новый пункт: иконы должны быть удалены из церквей.

В предшествующие недели было много волнений вокруг вопроса об иконах, изображениях и статуях святых и Девы Марии, а также распятиях. Цвиллинг возглавил бунт против икон, во время которого переворачивались алтари, разбивались образа и иконы с изображениями святых. Сама идея принадлежала Карлштадту. Он твердо основывал свою позицию на Писании: "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли". Свидетельство Писания Карлштадт подкреплял собственным опытом. В свое время его приверженность к образам была столь велика, что это уводило его от истинного богопоклонения. "Бог есть дух", и поклоняться Ему надобно лишь в духе. Христос есть дух, но образы Христа есть дерево, серебро или золото. Размышляющий над распятием получает напоминание лишь о физических страданиях Христа, забывая о Его душевных муках.

Одновременно с этим наступлением на религиозное искусство развернулась также и борьба против музыки в храме. "Отдайте органы, трубы и флейты в театр", - сказал Карлштадт.

"Лучше одна идущая от сердца молитва, нежели тысячи исполняемых хором кантат. Сладострастные звуки органа пробуждают мирские мысли. В то время, когда надобно размышлять о страданиях Христовых, нам напоминают о Пираме и Тисбе. Но если уж без пения обойтись нельзя, пусть это будет соло".

В Виттенберге, сотрясаемом борьбой с иконами, появились трое мирян, пришедших из Цвиккау, что близ границы с Богемией. Они объявили себя пророками Господними, которые близко общались с Всемогущим. Библия им не нужна, поскольку откровение они получают от Духа. Будь Библия настолько необходима. Бог непосредственно дал бы ее человеку с небес. Они не признавали крещения во младенчестве и возвещали о скором наступлении царства народа Божьего - оно установится после избиения безбожников, которые погибнут либо от рук турок, либо от руки народа Божьего. Меланхтон выслушал их с изумлением. Он написал курфюрсту:

"Не могу выразить, сколь глубоко я был потрясен. Но кто способен судить и х, кроме Мартина, я не знаю. Поскольку речь идет о Евангелии, необходимо организовать встречу этих людей с ним. Они этого желают. Я не писал бы вам, не будь это дело столь огромной важности. Необходимо проявить осторожность, чтобы не выступить нам против Духа Божьего, но однако же и не оказаться одержимыми дьяволом".

Но подобного рода беседа с Мартином показалась курфюрсту опасной. Это грозило новыми беспорядками для Виттенберга. Городу уже досталось достаточно - таково было мнение Спалатина.

Лютер в своих письмах отвергал этих пророков, исходя из религиозных оснований, поскольку очень уж бойко они говорили.

"Те, кто знает о вещах духовных, прошли долиной теней. Когда эти люди говорят о сладости и о перенесении на третьи небеса, не верьте им. Всемогущий не говорит с людьми непосредственно. Бог есть всепоглощающее пламя, посему ужасны сны и видения святых... Проверьте духов; а если вы не можете этого сделать, то последуйте совету Гамалиила и ждите".

В другом письме он добавлял:

"Уверен, что мы можем справиться с этими подстрекателями, не прибегая к мечу. Надеюсь, что князь не запятнает руки свои их кровью. Не вижу никаких оснований из-за них возвращаться домой".

На Фридриха обрушивалось одно потрясение за другим. Следующим последовал удар справа. Отзвуки шумных событий в Виттенберге достигли слуха герцога Георга за границей, и конфессиональный раскол присоединился к старому соперничеству между двумя домами Саксонии. Вскоре Лютер мог назвать всю противостоящую ему троицу - это были папа, герцог Георг и дьявол. В данное время герцог был наиболее активным из троих. Он присутствовал на Нюрнбергском сейме и убедил его участников направить Фридриху Мудрому и епископу Мейссенскому, который осуществлял церковное руководство округом Виттенберга, следующее послание:

"Мы слышали, что священники служат мессу по мирскому обычаю, пропуская существенные ее части. Они освящают святое таинство на немецком языке. От причащающихся не требуют предварительной исповеди. Они берут символы в свои руки и в обоих видах. Кровь Господа нашего подается не в потире, но в кружке. К таинству допускаются дети. Священников изгоняют от алтаря силою. Священники и монахи женятся, а чернь подстрекается к безнравственности и бунту".

В ответ на это послание епископ Мейссенский испросил позволения Фридриха Мудрого совершить поездку по всем его владениям. Фридрих согласился, хотя и не дал никаких обещаний принять какие-либо меры к нарушителям установленного порядка. Затем 13 февраля Фридрих издал собственное повеление, адресовав его университету и церковному совету Замковой церкви.

"Мы зашли слишком далеко. Простой человек подстрекается к безнравственному поведению, а воспитание оставлено в пренебрежении. Нам должно помышлять о слабых. Образа необходимо оставить до последующего уведомления. Вопрос о нищенстве надобно закрыть. Не разрешается пропускать каких-либо важных частей мессы. Спорные вопросы нужно обсудить. Карлштадт более не должен проповедовать".

Едва ли этот документ можно посчитать полностью направленным на отмену реформ. Фридрих просто приказал остановиться, призвав обсудить положение, но он весьма подчеркнуто отменил январское постановление городских властей. Если реформам надлежит быть, он исполнен решимости проводить эти реформы не в масштабе города, но в целых областях, распространив их впоследствии на всю Германию. Карлштадт повиновался и согласился более не проповедовать. Цвиллинг покинул Виттенберг.

Приглашение вернуться

Но городской совет принял решение отвергнуть указ курфюрста, предложив Мартину Лютеру вернуться домой. Приглашение было послано ему от имени "Совета и всего города Виттенберга". Если курфюрст отменит постановление совета, то совет вернет домой вдохновителя всего этого движения. Возможно, они ожидали, что Лютер окажет умиротворяющее воздействие. Карлштадт и Цвиллинг разжигали пламя. Меланхтон пребывал в смятении, подумывая о том, чтобы уехать подальше от радикалов, и откровенно говорил: "Плотина прорвана, и я не в состоянии направлять течение вод". Совет не знал, где кроме Вартбурга искать руководителя и, не посоветовавшись с курфюрстом, даже не известив его о своих намерениях, пригласил Лютера вернуться.

Лютер хотел вернуться, поскольку еще в декабре говорил, что не собирается оставаться в своем убежище дольше, чем до Пасхи. Он останется там, пока не завершит том своих проповедей и перевод Нового Завета. Далее он предполагал обратиться к переводу Ветхого Завета и обосноваться где-нибудь неподалеку от Виттенберга, чтобы иметь возможность консультироваться с коллегами, более сведущими в еврейском языке, чем он.

Фридрих мудрый

В это время Лютер руководствовался больше академическими соображениями, чем желанием взять на себя руководство Виттенбергом. Но, получив прямое приглашение от городских властей и горожан, он воспринял это как зов Божий.

У Лютера хватило любезности известить курфюрста о своих намерениях. Фридрих ответил, что, наверное, сделал недостаточно. Но что ему надобно делать? Он не желает идти против воли Божьей, но равным же образом не желает провоцировать беспорядки. Нюрнбергский сейм и епископ Мейссенский угрожают вмешаться в его дела. Если Лютер вернется, а папа с императором вмешаются, чтобы помешать ему, курфюрст будет весьма опечален. Но если курфюрст воспротивится, то в его землях произойдут небывалые волнения. Что касается его лично, то курфюрст готов пострадать, но хотел бы знать - за что. Если он удостоверится, что этот крест от Бога, он понесет его: но в Виттенберге уже давно никто ничего не может понять. Вскоре произойдет новое заседание сейма. А тем временем Лютеру следует затаиться. Время может принести с собой огромные перемены.

Лютер отвечал:

"Я писал ради Вас, но не ради себя. Я был встревожен тем, что Евангелию выказывают неуважение в Виттенберге. Не будь я уверен, что Евангелие на нашей стороне, я бы сдался. Все доселе испытанные мною муки на могут сравниться с этой. Я бы с радостью заплатил за все это своею жизнью, ибо мы не можем ответить ни Богу, ни миру за все случившееся. Я явственно вижу здесь руку дьявола. Что же до меня, то Евангелие мое - не от человека. Уступки вызывают одно лишь презрение. Я ни пяди не уступлю дьяволу. Я уже достаточно сделал для Вашей милости, скрываясь на протяжении года. Я поступал так не из трусости. Дьяволу ведомо, что я отправился бы в Вормс, будь даже там бесы столь же многочисленны, как черепица на крышах, и отправился бы в Лейпциг сейчас, хотя герцог Георг там мок под дождем девять дней.

Извещаю вас, что возвращаюсь в Виттенберг, имея защиту более высокую, нежели княжеская. Я не прошу у вас защиты. Полагаю, что мог бы служить защитой для Вас в большей степени, чем Вы для меня. Если бы я полагал, что Вам придется меня защищать, то я не вернулся бы. Но ныне защита мне не от меча, а от Бога. Поскольку же Вы слабы в вере, то и не можете защитить меня. Вы спрашиваете, что надобно делать, и полагаете, что сделали недостаточно. Я же скажу, что сделали Вы слишком много, теперь же надобно не делать

ничего, а предоставить все Господу. Если меня схватят или убьют, Вашей вины в этом нет. Будучи князем. Вам должно повиноваться императору, не оказывая никакого сопротивления. Никому не дозволено прибегать к силе, помимо тех, кому это положено по закону. Иначе же это бунт против Бога. Но я надеюсь, что Вы не выступите моим обвинителем. Вполне достаточно, если вы оставите дверь открытой. Если они попытаются побудить Вас сделать более того, я скажу Вам, как надобно поступить. Если у Вашей милости есть глаза, то вы узрите славу Божью".

Возвращение в Виттенберг

Возвращение в Виттенберг было отчаянно смелым шагом. Никогда еще Лютеру не грозила такая опасность. Во время собеседований с Кайэтаном и на Вормсском сейме он еще не был отлучен от Церкви и империи, и Фридрих готов был предоставить ему убежище. На этот раз Лютера известили, что ему не следует рассчитывать на защиту в случае, если сейм или император потребуют его выдачи. В Вормсе Лютер имел вторую линию обороны в лице Зиккингена, Гуттена и рыцарей. Эта стена быстро рушилась. После Вормса Зиккинген неблагоразумно ввязался в авантюрное предприятие, направленное на то, чтобы задержать крушение германского рыцарства за счет территориальных князей и епископов. Основной удар был направлен против князя-епископа Рихарда Грейффенклаусского, курфюрста и архиепископа Трирского. К Зиккингену присоединились многие из тех рыцарей, которые ранее предлагали свою помощь Лютеру, но дело было обречено на провал с самого начала, поскольку жертвы предыдущих его набегов поспешили к Триру и загнали Зиккингена в один из его замков, где он и умер от ран. Гуттен не мог помочь Зиккингену - заболев сифилисом, он вынужден был оставаться в Эбернбурге. Но временами, когда болезнь отступала, Гуттен сам организовывал набеги. Он называл их войной против священников, а заключались они в основном в грабеже монастырей. После поражения Зиккингена Гуттен бежал в Швейцарию, где и завершил свою недолгую и яркую, как метеор, жизнь на острове на Цюрихском озере. Поместья тех рыцарей, которые примкнули к Зиккингену, были конфискованы. Если бы Лютер полагался на них, они ничем не смогли бы ему помочь. Но Лютер издавна определил для себя рассчитывать лишь на Господа воинств. Который всегда избавляет Своих детей из пасти льва.

Интересную подробность путешествия Лютера домой читаем мы в хрониках швейцарского автора, который самодовольно включил в изложение истории своего времени подробнейшее описание собственного путешествия в Виттенберг. Однажды ночью во время бури у одной из тюрингских деревушек он вместе со своим спутником остановился у таверны "Черный медведь". Хозяин проводил покрытых дорожной грязью путешественников в зал. Там они увидели рыцаря с окладистой черной бородой. Одетый в пурпурный камзол и шерстяные тесные штаны, рыцарь был погружен в чтение; руки же его покоились на эфесе меча. Рыцарь встал и гостеприимно пригласил заляпанных грязью странников присесть и разделить с ним чашу вина. Вошедшие заметили, что рыцарь читал книгу на иврите. Они спросили, не знает ли он - в Виттенберге ли Лютер. "Я совершенно точно могу сказать вам, что его там нет, но он там будет", - отвечал рыцарь, а затем поинтересовался, что швейцарцы думают о Лютере. Заметив, что путники сочувствуют Реформации, хозяин таверны доверительно сообщил одному из них, что рыцарь этот - не кто иной, как Лютер. Швейцарец не мог поверить своим ушам, предположив, что он ослышался и трактирщик сказал "Гуттен". Расставаясь наутро с рыцарем, они сообщили, что приняли его за Гуттена. "Нет, он Лютер", - вмешался хозяин. "Вы приняли меня за Гуттена. Хозяин принимает меня за Лютера. А в действительности я, может быть, дьявол". Через неделю им вновь предстояло встретиться в Виттенберге.

Первой заботой Лютера было восстановление спокойствия и порядка. Источая уверенность, он поднимался на кафедру и умиротворяющим голосом проповедовал терпение, любовь и заботу о слабых. Он напоминал слушателям о том, что ни один человек не может умереть за другого; ни один человек не может уверовать за другого; ни один человек не может отвечать за другого. Поэтому каждый должен утвердиться в вере собственным разумом. Невозможно угрозами заставить кого-либо поверить. Бесчинства людей, которые разрушают алтари, крушат образа и за волосы вытаскивают священников из церквей, явились для Лютера ударом более сильным, чем любой из тех, что нанесло

ему папство. Лютер начал сознавать, что, вполне возможно, он ближе к Риму, чем к тем, кто поддерживает его. Его глубоко ранило, что предсказания его оппонентов о том, что Лютер станет причиной "раскола, войны и восстания", получили более чем достаточное подтверждение. Он умолял:

"Дайте людям время. Мне понадобилось три года непрерывной учебы, размышлений и дискуссий, чтобы прийти к тому, на чем я стою ныне. Можно ли ожидать, что человек простой, неученый преодолет тот же путь за три месяца? Не думайте, что, разрушая идолов, вы тем самым уничтожаете идолопоклонство. Вино и женщины могут привести человека к падению. Значит ли это, что мы должны вылить вино на землю и убить женщин? Люди поклоняются Солнцу, Луне и звездам. Значит ли это, что надобно стереть их с неба? Поспешность и насилие - свидетельство недостаточной уверенности в Боге. Посмотрите, сколько Ему удалось добиться, используя меня, хотя я лишь молился и проповедовал. И все это сделало Слово. Но пока я покойно сидел, распивая пиво с Филиппом и Амсдорфом, Бог нанес папству могучий удар".

В ответ на эти увещевания Цвиллинг согласился не служить более Вечерю Господню в берете с перьями. Лютер сердечно рекомендовал его приходским священником в одну из деревень курфюрста Саксонского. Карлштадт возглавил общину неподалеку от Орламюнде. Порядок в Виттенберге был восстановлен.

Далее Лютеру следовало решить свои проблемы с курфюрстом. Тот желал, чтобы Лютер составил заявление, которое Фридрих мог бы зачитать на Нюрнбергском сейме и которое сняло бы с князя все возможные обвинения в пособничестве возвращению Лютера из Вартбурга. Лютер с готовностью это исполнил, но в своем послании заметил, что на небесах дела решаются иным образом, чем в Нюрнберге. Фридрих предложил вместо слов: "в Нюрнберге" поставить "на земле". Лютер согласился и на это.

Глава тринадцатая

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСНОВАНИЯ ИНОГО

С точки зрения внутреннего развития, Лютер достиг поворотной точки в своей судьбе. Лидера оппозиции пригласили взять власть, хотя и весьма ограниченную. Разрушителя попросили строить. Такую перемену нельзя, конечно, назвать радикальной, поскольку с самого начала все его труды носили созидательный характер и до самого конца он не переставал громить папство. Однако существовала огромная разница между выступлением против "гнусной буллы антихриста" и созданием новой модели Церкви, государства и общества, новой церковной организации, новой церковной обрядности и текста Писания на народном языке.

В основе выполнения этой задачи лежали два соображения. Первое было связано с конкретными принципами, которые Лютер стремился реализовать, а второе - с людьми, представлявшими собой то поле, на котором этим идеям предстояло претвориться в жизнь. Ко времени возвращения в Виттенберг взгляды Лютера уже по большей части сформировались. Борьба должна была лишь помочь более точно определить приоритеты. Практический опыт подсказывал, каким путем следует наступать или где занять оборону, а долгие годы, проведенные За кафедрой и в учебных аудиториях, изобиловали многочисленными примерами.

Необходимо постоянно принимать во внимание те принципы, которые Лютер исповедовал в религии и нравственности, иначе временами его побуждения могут показаться неясными

и даже поверхностными. В основе всех его действий лежал принцип приоритета религии. В общество, где интересы сословия менее привилегированного сводились в основном к картам, попойкам и женщинам - Вормсский сейм получил прозвище "истинного Венусберга", - в эпоху, когда сильные мира сего прославлялись в

свершениях человеческих, ворвался Лютер - человек, которого очаровывало пение ангелов, потрясал гнев Божий, лишало дара речи чудо творения, трогала милость Божья; который пылал огнем Божиим. С его точки зрения, лишь один вопрос был важен: "Каким предстану я пред Богом?" Лютер не чурался таких земных забот, как необходимость убедить курфюрста в неотложном ремонте городской стены, дабы крестьянские свиньи не посягали на огороды горожан, но, в сущности, его мало интересовали свиньи, огороды, стены, города, князья, равно как все и каждое из удовольствий и тягот этой земной жизни. Единственно важной для него проблемой всегда оставался Бог и отношение человека к Богу. По этой причине он был довольно равнодушен к вопросам политическим и социальным. Все, что содействовало уяснению, распространению и воплощению в жизнь Слова Божьего, следовало поощрять; всему же мешавшему этому следовало противодействовать. Вот почему представляется бессмысленным вопрос о том, был ли Лютер демократом, аристократом, автократом или кем-либо еще. Религия являлась для него основной составляющей человека, все же остальное - второстепенным.

И, конечно же, под религией он понимал христианскую религию. В его эпоху так сказал бы каждый, хотя в основном подобное восприятие диктовалось соображениями национальной или европейской гордости. Лютер же говорил так, поскольку испытал полную несостоятельность какого-либо иного подхода к Богу, помимо самораскрытия в Иисусе Христе. "Не может быть основания иного, нежели то, что заложено в Иисусе Христе, Господе нашем".

Природа, история и философия

Природа не способна явить нам Бога. Природа воистину неописуемо прекрасна, и всякая частичка творения раскрывает нам созидательные дела Божьи - только имей желание увидеть их. Но именно здесь и возникает сложность. Если человек верит в благодеяния Божьи, то его заставит трепетать от изумления и счастья пробуждающийся рассвет, когда ночь уже не ночь, а день еще не день, но свет незаметно рассеивает мглу. Сколь изумительны облака, воздвигаемые на небе без опор, и твердь небесная, держащаяся без помощи колонн! Как прекрасны птицы небесные и цветы полевые! "Если удастся вам понять одно-единственное зернышко пшеницы, то вы умрете от удивления". Во всем этом присутствует Бог. Он во всякой твари, как внутри, так и вовне, объемлет всю ее, пребывает над ней и под ней, перед ней и за ней; то есть не может быть ничего, более присущего внутренне всякой твари и скрытого в ней, чем Бог. "Ибо мы Им живем и движемся и существуем". Вне Его - только небытие. Бог наполняет всю Вселенную, но Он не ограничен Вселенной. "Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо. Ты там; сойду ли в преисподнюю и там Ты!" Но кто все это видит? Лишь вера и дух. Беда Эразма заключалась в том, что его не поражало чудо развития ребенка во чреве матери. Он не размышлял над браком в благоговейном удивлении, не восхвалял и не благодарил Бога за чудо цветка или за силу, дающую прорастающему зерну способность сокрушать камень. Он смотрит на эти чудеса подобно корове, взвизгивающей на новые ворота. Недостаточность веры подтверждается неспособностью удивляться, ибо природа являет откровение лишь тем, кто уже имеет откровение Божье.

Не лучше обстоит дело с историей, которая также неспособна явить Бога, ибо вся история с первого взгляда представляется лишь комментарием к тексту. "Он низвергает

могущественных со своих престолов и возвышает к могуществу людей низкого звания". Бог позволяет на какое-то время главенствовать на мировой сцене могучим империям - Ассирии, Вавилону, Персии, Греции и Риму. Затем, когда одна из них переполнит чашу терпения своей самонадеянностью, Бог помещает меч в руку следующей, позволяя ей повергнуть во прах хвастунью, чтобы, в свою очередь, самой быть поверженной, возгордившись от своего могущества в истории. И вновь мы встречаем тему, характерную для августинианства, поскольку для Августина история лишь иллюстрирует человеческую жажду власти и справедливость смирения высокомерия Богом. "Но, может быть. Бога развлекает этот театр марионеток?" - задается вопросом Лютер.

Еще большее смущение вызывает признание того, что очень уж часто Бог не низвергает могущественного и не возвышает к власти людей низкого звания. Вместо этого Он оставляет их существовать в мерзости запустения без должного воздаяния. Во всей истории мы видим святых, которых презирают и отвергают, отталкивают, оскорбляют и втоптывают в грязь. Иосиф, например, без достаточных на то причин был схвачен своими братьями, брошен в колодезь, продан измаильтянам и уведен в египетское рабство. И именно за свою честность он был вознагражден обвинением в прелюбодеянии и брошен в темницу. А Деве Марии, после того, как ангел Гавриил возвестил, что ей предстоит стать матерью Всевышнего, пришлось выносить подозрительность своего мужа. Иосифа можно понять, поскольку он еще не жил со своей женой, а она в течение трех месяцев отсутствовала вместе со своей двоюродной сестрой Елизаветой. И совершенно естественно, что он не мог верно понять ее положения до тех пор, пока ангел не посетил его во сне. Но отчего Богу надобно было наставить Иосифа лишь после того, как Мария претерпела позор?

Некоторые из бедствий, обрушившиеся на праведных, были, по мнению Лютера, работой дьявола, и в этом вопросе он следовал известной августианской концепции дуализма - извечного конфликта между градом Божиим и земным городом, которым правит сатана. Таким образом, Лютер мог смириться с беспорядками, поскольку дьявол обязан выступать против веры, а беспорядки есть доказательство того, что вера присутствует и подвергается нападению. Но не всегда ответственность за смуту несет дьявол. Бог проявляется и в противоречиях. Деве Марии надлежало пройти через позор, прежде чем быть прославленной. Иосиф должен пережить унижение ложного обвинения - лишь после этого он может стать первым лицом в Египте и спасителем страны. В подобных ситуациях Бог проявляет Себя косвенным образом. Иосифу предстояло пройти через ужасные душевные муки. Он восклицал: "О, если бы только я мог вернуться к своему отцу!" Но затем брал себя в руки и говорил: "Держись. Лишь бы вырваться из этой темницы. Держись. Лишь бы не умереть в бесчестье в тюрьме! Держись". Подобные сменяющие друг друга волны тревоги и спокойствия были обычным для него состоянием, пока он не увидел в происходящем руку Божию.

Нет спасения от ужасов тьмы, поскольку Бог "прежде, чем стать Богом, должен первоначально представиться дьяволом. Невозможно достигнуть небес, не спустившись сперва в ад. Невозможно стать детьми Божиими, не побывав сперва детьми дьявола. Равным же образом, прежде чем ложь мира будет распознана, она первоначально должна быть принята за истину".

Должно быть так. И все же Бог, в сущности, не оставил нас. Он просто скрылся, и напрямую мы не можем отыскать Его. Отчего Бог предпочел скрываться от нас, мы не знаем. Но знаем мы и то, что по природе своей неспособны пребывать в присутствии Его славы. "Давид не говорил с абсолютным Богом, встречи с Которым должно бояться, ибо она несет нам смерть, - ведь природа человеческая и абсолютный Бог несовместимы. И

совершенно определенно, что в присутствии славы Божьей природа человеческая неминуемо должна погибнуть. Поэтому Давид говорил не с абсолютным Богом, но с Богом, облеченным в Слово и скрытым в нем".

Не может явить Бога и философия. В этом утверждении Лютер отчасти повторял поздних схоластов, на чьих работах он взрастал. Оккамисты разрушили концепцию синтеза Фомы Аквинского, согласно которой природа и разум проходят неизменно установленными стадиями развития к благодати и откровению. Взамен эти богословы предложили существование огромного разрыва между природой и благодатью, между разумом и откровением. Столь огромного, что философия и теология вынуждены обращаться к двум отличным друг от друга типам логики и даже использовать две разновидности арифметики. Классической иллюстрацией этого является доктрина о Троице, предполагающая, что Три Личности есть единый Бог. Согласно человеческой арифметике, это представляется абсурдом, однако, согласно арифметике Божественной, этому следует верить. В данном вопросе Лютер пошел дальше своих учителей, высказав утверждение, что хотя согласно установлениям человеческой логики два плюс пять равняется семи, но если Бог объявит, что сумма равняется восьми, этому следует верить наперекор логике и наперекор чувствам. Во всем этом Лютер соглашался со своими учителями, однако подобные головоломки несколько тревожили его.

Несостоятельность философии представлялась ему наиболее очевидной и гнетущей в таких положениях, где его учитель, св. Августин, подчеркивал противоречия между человеком природным и человеком искупленным, углубляя при этом одновременно и ту пропасть, которая разделяет религию природную от религии, данной через откровение. Августин готов был допустить, что в чем-то человек все же подобен Богу, по образу Которого он сотворен. Грехопадение Адама стерло не все черты этого образа, но они ничего не говорили тому, кто не знаком с изначальным замыслом. Поздние схоласты утверждали, что подобно тому, как коровьи следы на лугу напоминают о корове лишь тому, кто ранее видел корову, так и троичная структура человека, обладающего разумом, памятью и волей, напоминает о троичной структуре Бога лишь тому, кто уже постиг эту доктрину. Лютер использовал всю эту систему логики целиком и применил ее куда более решительно и остро, поскольку для него данные проблемы носили не столько метафизический, сколько религиозный характер. Он обратился прежде всего не к структуре Бога, но к характеру Божьему. Структура Его остается неразрешимой тайной, и разумнее всего этой тайны не касаться. Но мы должны задаться следующими вопросами: Он благ? Он справедлив? Он благ по отношению ко мне? На сердце Августина снизошел покой после того, как он оказался под игом, ставшим благом для него. Лютер же так и не прекратил попыток разрешить эти старые и мучительные вопросы.

Христос как единственный Источник откровения

Стремление получить ответ привело Лютера к поискам Бога там, где Он явил Себя, а именно во плоти Иисуса Христа, нашего Господа, Который есть единственный Источник откровения о Боге.

"Пророк Исаия сказал: "Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий". Не полагаете ли вы, что это и есть тот свет невыразимый, каковым нам дозволено узреть сердце Божье и глубину Божественности? И что дозволено нам также понять и помыслы дьявола, и суть греха, и то, как освободить себя от него, и сущность смерти, и как нам спастись. И что есть человек, и что есть мир, и как надобно нам вести себя в нем. Ранее никто не знал в точности, что такое Бог и есть ли бесы; что такое грех и смерть, не говоря уже о том, как можно спастись. Все это дано нам Христом. В этом тексте Он назван Крепким и Чудным.

Он единственный способен избавить человека от рабства греха и от врат смерти. Он единственный - надежда всякого сообщества, способного существовать на земле. Где людям неведомо Вифлеемское Дитя, там раздоры, вражда и война. Ангелы провозгласили мир на земле, и так должно быть для знающих и приемлющих сию Библию. Ибо что там, где нет Иисуса Христа? Что являет собой мир, если не совершенный ад, где лишь ложь, воровство, обжорство, пьянство, разврат, ссоры и убийства. Это сам дьявол наяву. Нет ни доброты, ни чести. Никто никому не может верить. К друзьям следует относиться столь же недоверчиво, как к врагам, а то и еще недоверчивее. Вот царство мира, где дьявол властвует и правит. Но ангелы своею песнью извещают, что познавшие и принявшие Младенца Иисуса не только чтят Бога, но и к своим братьям относятся как к богам, пребывая в мирном расположении, являя готовность помочь любому и наставить его. Они свободны от зависти и раздоров, ибо христианский путь покоен и дружелюбен в мире и братской любви, где всякий с радостью сделает для другого все, что только может".

В таком случае все представлялось простым. "Уверуйте в Господа Иисуса Христа и спасены будете" - но вера во Христа далеко не столь проста и легка, ибо Он - удивительный царь, оставляющий Свой народ вместо того, чтобы защищать его. Прежде чем спасти, Он превращает человека в отчаявшегося грешника. Прежде чем даровать мудрость, Он превращает человека в глупца. Прежде чем даровать жизнь, Он убивает. Прежде чем даровать почести, Он ввергает человека в бесчестье. Это странный царь. Который ближе всего, когда Он далек, и дальше всего, когда Он рядом.

Попытка Эразма сделать христианство простым и легким никоим образом не устраивала Лютера по той причине, что Христос должен ввергать в глубочайший соблазн. Необходимо прежде продемонстрировать человеку его испорченность, и лишь затем станет возможным раскрыть ему глаза. Один из студентов Лютера вспоминал:

"В канун Рождества 1538 года доктор Мартин Лютер был необычайно весел. Все слова его, песни и помыслы были о воплощении Господа нашего. Затем, вздохнув, он сказал: "О, бедные мы люди, если мы столь холодны и безразличны к дарованной нам великой радости. Сие воистину есть величайший дар, далеко превосходящий все остальное из сотворенного Богом. А вера наша слаба, хотя ангелы провозглашают и проповедуют, и поют, и в праведной их песне вся сущность христианской религии, ибо в словах "слава в вышних Богу" заключена вся суть богопоклонения. Этого ангелы желают нам, и это принесено нам во Христе. Ибо мир от грехопадения Адама не знает ни Бога, ни Его творения. Сколь чудесны, праведны и счастливы были бы помыслы человека, не впави он во грех! Как мог бы он размышлять о проявлении Бога во всем Его творении и видел бы в самом малом и неприметном цветке всемогущую мудрость и благодать Божью! Всякое дерево и всякая ветвь должны цениться превыше золота или серебра. И при верном рассуждении всякое зеленое дерево, несомненно, прекраснее золота или серебра. Размышления о творении в целом и особенно об украшающих землю простейших полевых травах со всей очевидностью доказывают, что Господь Бог наш Своим созидательным талантом превосходит всякого художника. Адам и дети его могли бы прославиться во всем этом, но прискорбное грехопадение обесчестило Творца и оскорбило Его. Вот отчего прекраснейшие ангелы призывают падших людей вновь уверовать во Христа и возлюбить Его, чтобы одному лишь Богу воздавать почести и иметь возможность прожить эту жизнь в мире с Богом и друг с другом"".

Причина, по которой вера столь тяжела, а разум столь несостоятелен, далеко выходит за пределы разума. Лютер часто обрушивался на разум, отчего его изображали законченным иррационалистом в религии. Этим совершенно искажались его намерения. Он использовал все возможности разума в смысле логики. В Вормсе и других местах Лютер

часто просил, чтобы его наставили на основании Писания и разума. В этом смысле разум означал логические выводы из известных предпосылок; когда же Лютер обрушивался на разум-блудницу, он подразумевал нечто совсем иное. Лучше всего, наверное, назвать это здравым смыслом. Он подразумевал то, как человек обычно ведет себя, чувствует и думает. Недоступны для человека не слова Божьи - совершенно непостижимы Его деяния.

"Когда мне говорят, что Бог стал человеком, я могу согласиться с этим, но совершенно не понимаю, что это означает. Ибо какой человек, если дать ему возможность следовать своим естественным побуждениям, будь он Богом, способен смирить себя до того, чтобы лежать в яслях для осла или висеть на кресте? Бог возложил на Христа все наши беззакония.

Именно эту невыразимую и бесконечную милость Божью убогое человеческое сердце не способно уразуметь и уж тем более выразить - эту неизмеримую глубину и пылающий жар обращенной к нам любви Божьей. И воистину щедроты милосердия Божьего не только затрудняют нам веру, но и вызывают недоверие. Ибо я слышу не только о том, что Бог всемогущий, Творец и Создатель всего сущего, благ и милосерден, но также и то, что Всевышний столь равнодушен ко мне, падшему грешнику, сыну гнева, обреченному на погибель вечную, что, не пожалев Сына Своего единственного. Он послал Его на самую унижительную смерть, дабы, вися между двумя разбойниками, Он стал бы проклятием и грехом вместо меня, чтобы я стал праведным, благословенным, сыном и наследником Божьим. Кто способен в достаточной мере выразить столь необычайную в своем величии благодать Божью? Поэтому Священное Писание повествует никак не о вопросах философских или политических, но о совсем ином, а именно - о невыразимых и совершенных Божественных дарах, далеко выходящих за пределы способностей как людей, так и ангелов".

Лишь в Боге возможно обрести мир. Бога можно познать лишь через Христа, но как приблизиться ко Христу, когда пути Его столь же непостижимы? Ответ на это заключается не в том, что мы видим, но в вере, радостно ступающей во тьме. Но опять же как можно прийти к такой вере? Она - дар Божий. Ее невозможно приобрести каким-либо волевым актом.

Слово и таинства

Но человек не оставлен в совершенной беспомощности. Он может обратиться к тем Богом назначенным источникам, в которых Он раскрывает Себя. Все вместе они собраны в Слове. Его не следует приравнивать ни к Писанию, ни к таинствам, хотя действует оно через людей и пребывает в них. Слово - это не Библия, в смысле написанной книги, поскольку "Евангелие по сути своей не то, что содержится в книгах и записано буквами, но, скорее, устное проповедование и живое слово, голос, разносящийся по всему миру и обращенный к каждому". Это Слово должно быть услышано. Над Словом надо размышлять. "Не через мысли, мудрость или волю вера Христова приходит к нам, но через неизъяснимое и скрытое действие Духа, Который дается по вере во Христа лишь через слышание Слова и без свершения каких бы то ни было дел с нашей стороны". Требуется значительно больше, нежели просто чтение. "Никто не может постичь Слово лишь посредством усердного чтения и размышления. Есть высшая школа, где единственно возможно познать Слово Божье. Необходимо удалиться в пустыню. Тогда к человеку приходит Христос, благодаря чему такая личность обретает способность судить мир".

Вера дается также и тем, кто обращается к внешним ритуалам, которые также назначены Богом как способ откровения, - к таинствам.

"Ибо хотя Он повсюду и во всем сущем, и я могу найти Его в камне, огне, воде или веревке, поскольку Он, несомненно, в них присутствует, однако Он не желает, чтобы я искал Его вне Слова, чтобы я бросался в огонь или воду, или вешался на веревке. Он повсюду, но желает, чтобы вы искали Его не повсюду, но лишь там, где есть Слово. Там вы воистину найдете Бога, если ищите Его - в Слове. Говорящие, что нет смысла в том, чтобы Христос пребывал в хлебе и вине, не знают и не видят. Безусловно, Христос пребывает со мною в темнице и в мученической смерти, а иначе где бы я был? Он воистину присутствует там Словом, однако не в том смысле, что в таинстве, поскольку Он связан телом Своим и кровью со Словом, и в хлебе и вине телесно должен быть воспринимаем".

Вот религиозные принципы Лютера: религия должна занимать первостепенное место; христианство является единственной истинной религией, которая воспринимается верою, передаваемой посредством Писания, проповедования и таинств.

Практические выводы из подобной точки зрения очевидны. Религия должна иметь приоритет над всеми остальными институтами. Изучение Писания следует поощрять как в Церкви, так и в школе. В Церкви кафедра и алтарь должны дополнять друг друга.

Подразумевались и иные, не столь очевидные последствия. Если религия занимает центральное место, то все человеческие отношения должны быть ею обусловлены. Союзы, дружественные связи и партнерства будут прочными лишь в том случае, если они основаны на общей вере. Современники иногда негодовали по поводу того, что Лютер готов разрушить человеческие отношения и церковные союзы из-за разногласий в единственном пункте вероучения. На это он отвечал, что логики в подобном заявлении не больше, чем в утверждении, что неразумно разрывать дружеские отношения единственно из-за того, что ваш друг задушил свою жену или ребенка. Отвергать Бога в одном пункте значит восставать против Бога в целом.

И вновь та исключительность, которой Лютер наделял христианство, непременно выливалась в приговор отрицания других религий, таких, как иудаизм. Лютер мог быть снисходительным по отношению к тем, кто поклоняется ложным богам, или же не проявлять снисходительности, но простить им их заблуждения он был не в состоянии. Равным же образом не мог он терпимо относиться и к тем, кто неверно толкует Писание или таинства.

Угроза нравственности

Многие полагали, что излишняя погруженность Лютера в вопросы религии несет опасность для нравственности. В особенности это относилось к утверждению Лютера, что добродетельное поведение не приносит человеку никаких заслуг перед Богом. Утверждалось, что подобная концепция подрвет основополагающие побудительные мотивы к добропорядочности. Лютеру возражали теми же доводами, что и Павлу. Если мы спасаемся не заслугами, но благодатью, то "оставаться ли нам во грехе, чтобы умножилась благодать"? И Павел, и Лютер отвечали: "Боже избавь". Любому внимательному исследователю Лютера известно, что он был далеко не равнодушен к вопросам нравственности. Однако и обвинения имели под собой почву. Действительно, иногда слова Лютера воспринимались как явный подрыв морали. Классическим примером является речка fortiter:

"Трепшите в полную меру своих способностей. Бог может простить лишь закоренелого грешника". Но было бы в высшей степени несправедливо представлять дело так, будто это высказывание выражает взгляды Лютера на нравственность, поскольку слова эти он произнес, громогласно подшучивая над пребывавшим в смятении и угрызениях совести слабовольным Меланхтоном. По сути дела, Лютер посоветовал ему то же самое, что некогда Штаупиц - ему, сказав, что прежде, чем надоедать исповеднику, Лютеру следует пойти и совершить реальный грех, например, отцеубийство. Безусловно, Штаупиц никоим образом не советовал Лютеру убить своего отца. Также и Лютер прекрасно знал, что его шутка не побудит непоколебимого Меланхтона отказаться от соблюдения десяти заповедей. Лютер хотел лишь сказать, что, может быть, неплохо было бы Меланхтону несколько подпортить свою репутацию.

Лютер иногда повторял, что один грех бывает необходим в качестве лекарства для излечения другого. Безупречная репутация несет в себе угрозу наихудшего из всех грехов - гордыни. Следовательно, совершая иногда ошибки, вы вырабатываете в себе смирение. Но единственными грехами, которые Лютер рекомендовал для того, чтобы не выглядеть безупречным, были некоторые излишества в еде, питье и сне. Подобные контролируемые излишества можно использовать в качестве противоядия против высокомерия.

Однако действительно среди его высказываний было и такое, в котором можно услышать не вполне нравственные нотки. Имеются в виду слова Лютера о том, что добрые дела без веры "тщетны и подлежат осуждению как грех". Эразм ужаснулся, услышав такой выпад против честности и благопристойности. Но Лютер вовсе не хотел сказать, что с общественной точки зрения пристойное поведение ничуть не лучше непристойного. В действительности он имел в виду, что благопристойность человека, который ведет себя так лишь из страха за свою репутацию в глазах Божьих, "тщетна и подлежит осуждению как грех", и куда хуже, чем недостойное поведение человека, умышленно пренебрегающего нравственными нормами. Слова Лютера по сути своей есть лишь характерная для него парадоксальная интерпретация притчи о раскаявшемся мытаре.

Но, наверное, самая большая угроза, которую Лютер нес для нравственности, заключалась в том, что он предоставил нравственности свободу. Он не терпел даже малейшего ослабления жестких требований Нового Завета. Христос призвал отдать свою одежду, не думать о завтрашнем дне, ударившему вас по щеке подставить другую, покинуть отца и мать, жену и ребенка. Католическая Церковь средневековья изобрела несколько способов смягчить жесткость этих требований. Один из них заключался в том, что христиане как бы подразделялись на несколько категорий, и лишь героическим душам предписывалось выполнять наиболее тяжкие установления Евангелия. Применение наставлений о совершенстве ограничивалось монашеством. Лютер затворил эту лазейку, упразднив монашество. Другой способ заключался в том, что проводилось различие между непрекращающимся и обыденным. Ревностные христиане должны любить Бога и ближнего непрестанно, простые же христиане - лишь обычно. Лютер с презрением относился ко всей казуистике подобного рода. Когда же ему напоминали о том, что без подобного рода предписаний выполнение требований Евангелия становится невозможным, он отвечал: "Безусловно. Мы не в состоянии выполнить повеления Божьи". Но в таком случае всплывает все тот же старый вопрос: если цель недостижима, то зачем к ней стремиться?

Здесь необходимо совершенно ясно представлять себе, что именно Лютер имел в виду, называя цель недостижимой. Он, безусловно, подразумевал, что благороднейшие человеческие свершения мало что значат в глазах Божьих. Все люди грешники. Но по этой причине нельзя всех считать негодяями. Определенный уровень нравственности

вполне достигим. Даже евреи, турки и язычники способны соблюдать естественный закон, заключенный в десяти заповедях.

"Не укради" - мог бы начертать мельник на мешке с мукой, булочник на булке, сапожник на сапожной колодке, портной на материи, а плотник на своем топоре.

Искушений, конечно же, избежать невозможно, но если мы не можем удержать птиц от того, чтобы они летали над нашими головами, это вовсе не означает, что мы должны позволять им вить гнезда у нас в волосах.

Такой подход формировал прочную основу для истинно нравственного поведения даже вне христианства.

Но вновь опасность для нравственности возникает именно из-за того, что всего этого недостаточно. Бог требует не только определенных действий, но и определенного отношения. Он похож на мать, которая просит свою дочь приготовить обед или подоить корову. Соглашаясь, дочь может радоваться или ворчать. Бог требует

не только того, чтобы мы воздерживались от прелюбодеяния, но и настаивает на чистоте наших помыслов и сдержанности в браке. Этим стандартам соответствовать мы не в состоянии. "Лошадью можно править с помощью позолоченных поводьев, но кто способен управлять собой, когда дело заходит о самом насущном?" Даже само наше богоискательство представляет собой замаскированную форму поисков самого себя. Стремление к совершенству тем более безнадежно, что цель непрерывно ускользает от нас. Всякое доброе дело раскрывает двери для следующего; если мы не войдем в эти двери, значит, мы потерпим крах. Поэтому всякая нынешняя праведность является грехом по отношению к тому, что прибавляется к нашей цели в следующий момент. Еще большее уныние вызывает открытие, что мы повинны даже в тех грехах, о которых не знаем. Исповедуясь, Лютер познал, насколько сложно помнить или распознать все свои прегрешения. Само признание своей греховности есть акт веры. "Одной лишь верою должно утверждаться в том, что мы грешники, и воистину чаще всего не ведаем о своих прегрешениях. По этой причине мы должны готовиться к суду Божьему, уверовав в Его слова, коими Он называет нас неправедными".

Основа для добра

И вновь критики Лютера поднимают вопрос: если человек в конце концов не может соответствовать требованиям Бога, то зачем ему стремиться к добру? Ответ Лютера заключается в том, что основа нравственности должна лежать не в самопомощи и стремлении к вознаграждению. Парадокс состоит в том, что Бог должен уничтожить в нас все иллюзии относительно нашей праведности прежде, чем Он сделает нас праведными. Прежде всего нам следует отказаться от всех претензий на благодать. Избавиться от чувства вины можно, лишь признав вину. Тогда для нас есть какая-то надежда. "Мы грешники и в то же время праведники", - то есть какими бы плохими мы ни были, в нас действует сила, которая способна нас изменить, и делает это.

"Чудесная весть - уверовать в то, что спасение лежит вне нас. Я оправдан и принят Богом, хотя живут во мне грех, неправедность и ужас смерти. Однако я должен взирать в иное направление и видеть безгрешность. Прекрасно не видеть того, что я вижу, и не чувствовать того, что я чувствую. Перед моим взором гульден или меч, или огонь, а я должен говорить: "Это не гульден, не меч и не огонь". Вот так обстоит дело и с прощением грехов".

В результате прощенный и смиренный грешник в принципе может получить куда больше, чем гордый святой.

Праведность грешника - не иллюзия. Она должна привести и она приведет к добрым делам, но они не могут быть добрыми, если совершаются ради себя. Они должны исходить из нового человека. "Не добрые дела делают человека благим, но благой человек творит добрые дела". Лютер по-разному излагал основы для благодати. Иногда он говорил, что всякая нравственность есть благодарность. Это неодолимое стремление выразить признательность за пищу и одежду, за землю и небо, за неоценимый дар искупления. Иногда же он говорил, что нравственность является плодом Духа, пребывающего в сердце христианина. Или нравственность можно рассматривать как поведение, ставшее природой человека, который соединился со Христом, подобно тому как жених соединяется с невестой. Нет нужды подсказывать любящим друг друга, что им делать и что говорить, нет и необходимости в каких-либо правилах для любящих Христа. Единственное, что объемлет все, - вера. Она устраняет любые запреты, порожденные тревогой, и ставит человека в такие отношения с Богом и Христом, что все остальное приходит само собой.

Нигде не выразил Лютер свои взгляды более сильными и яркими словами, чем в трактате "О свободе христианина":

"Душа, в твердой вере приверженная обетованиям Божиим, соединяется с ними, поглощается ими, проникаясь, пропитываясь и упиваясь их силою. Если исцеляющим было прикосновение Христа, то куда больше способно сделать нежное прикосновение в духе - так погруженность в Слово передает душе все качества Слова, и они делают душу надежной, покойной, свободной, исполненной всяческого блага - истинным дитем Божиим. Из этого мы весьма легко усваиваем, отчего вера способна сделать так много, и никакие добрые дела не способны сравниться с ней, ибо никакие добрые дела не истекают, подобно вере, из Божьего Слова. Никакое доброе дело не способно пребывать в душе, но Слово и вера царят там. Душа уподобляется Слову, подобно тому как железо становится огненно-красным под действием огня. Тогда очевидно, что веры достаточно для христианина. Он не нуждается в добрых делах, чтобы обрести праведность. Тогда он свободен от закона.

Но от этого он не должен впадать в леность либо распущенность. Не добрые дела делают человека благим, но благой человек творит добрые дела. Епископ есть епископ не потому, что он освящает церковь, но он освящает церковь потому, что он епископ. Доколе человек не стал верующим и христианином, его дела не имеют никакой ценности вовсе. Они неразумны, тщетны, греховны, ибо когда добрые дела преподносятся как основание для оправдания, они не являются более добрыми. Поймите, что мы не отвергаем добрые дела, но высоко славим их. Апостол Павел сказал: "Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе; Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба; смирил Себя, быв послушным даже до смерти". Павел желает сказать, что когда Христос всецело пребывал в образе Божьем, преизобилуя во всем сущем, так что не нуждался ни в делах, ни в страдании для спасения, Он не возгордился, не обрел высокомерия во власти Своей, но в страдании, труде, лишениях и смерти уподобился всем людям, как если бы Он испытывал нужду во всем и не был образом Бога. Все это Он сделал в служении нам. Когда Бог единственно из милости Своей и без каких бы то ни было моих заслуг даровал мне столь невыразимые богатства, разве не должен я свободно, радостно и от всего сердца безо всякого напоминания делать все возможное, чтобы отблагодарить Его? Я отдам себя ради своего ближнего подобно Христу, как Христос отдал Себя за меня".

Вот слова, которые можно было бы назвать сущностью этики Лютера, - христианин должен быть Христом для ближнего своего. Далее Лютер поясняет, что из этого вытекает:

"Я даже должен взять на себя чужие грехи, как Христос взял на Себя мои. Таким образом, мы видим, что христианин живет не для себя, но для Христа и своего ближнего посредством любви. Верую он возвышается к Богу и от Бога нисходит в любви, оставаясь всегда в Боге и любви".

Где можно увидеть более благородное возрождение нравственности и где можно увидеть что-либо, более разрушительное для нравственности? Христианин до такой степени отождествляет себя со своим ближним, что готов взять на себя грехи, которые он не совершал лично. Родители берут на себя грехи детей, граждане - грехи государства. Сарказм Лютера был обращен против стремления сделать основным побудительным мотивом человека чистую репутацию. Христианин, подобно Христу, должен в определенном смысле стать грехом - вместе с грешником и за него - и подобно Христу, разделить одиночество тех, кто через грех отчуждаются от Бога.

Глава четырнадцатая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТЕН

Восстановление стен Иерусалима Ездрой и Неемией искусно проиллюстрировано в немецкой Библии Лютера гравюрой, тема которой взята из Ветхого Завета, а пейзаж напоминает Саксонию. Стену восстанавливают вернувшиеся из Вавилона евреи. Камни, раствор, бревна, пилы, тачки, шерхебели и подъемные устройства в точности соответствуют тем, что использовались для ремонта стен Виттенберга. Весьма похожим было применение Лютером христианских принципов для восстановления общества. Первостепенность религии, вседостаточность христианства, обязанность христианина быть Христом для своего ближнего - все это были принципы. Применение их отличалось консервативностью. Лютер пришел не разрушить, но исполнить и в противовес всем неверным истолкованиям его учения разъяснить, что традиционная христианская этика остается неизменной. "Проповедь о добрых делах" построена не вокруг Заповедей блаженств, но вокруг Десяти заповедей. Сущность закона Моисея приравнивается в ней к закону природы. Подобно своим предшественникам, Лютер расширил толкование заповедей о почтении к родителям, включив в нее уважение ко всем облеченным властью - епископам, учителям и городским властям. Его семейная этика соответствовала взглядам Павла и была патриархальной, экономическая этика отражала влияние Фомы Аквинского и была в основном аграрной, политическая же этика несла на себе отпечаток взглядов Августина, основой теории которого был маленький город.

Призвания

В одном отношении Лютер был более консервативным, чем католики, - он упразднил монашество, ликвидировав таким образом приют для избранных, где можно действительно достигнуть более высокого уровня праведности. Следовательно, принципы Евангелия могут претворяться в жизнь лишь среди призванных мирян - хотя Лютер никогда не называл их мирянами. Подобно тому как Лютер расширил концепцию священства, распространив его на всех верующих, он расширил и концепцию Божественного призвания, или профессии, распространив его на все достойные занятия.

Наше выражение "профессиональное призвание" берет свое начало непосредственно от Лютера. Бог призывает людей трудиться, поскольку трудится Он. Он выполняет самые

обыденные работы. Бог - это и портной, сшивший оленю одежду, которой хватит на тысячи лет. Он и сапожник, давший оленю башмаки, которых ему не износить за всю жизнь. Бог самый лучший повар, поскольку солнечный жар дает все то тепло, которое необходимо для приготовления пищи. Бог и лавочник, Который накрывает стол для ласточек и ежегодно затрачивает на них больше, чем составляет общий годовой доход короля Франции. Христос работал плотником. "Я представляю себе, - говорил Лютер с кафедры, - жителей Назарета в судный день. Они придут ко Всевышнему и скажут: "Господи, не Ты ли строил мой дом? Как возвысился Ты до такой чести?" Трудилась и Дева Мария - вот нагляднейший пример ее смирения; извещенная о том, что ей предстоит стать матерью Искупителя, она не возгордилась, но продолжала доить коров, начищать чайники и мести полы, подобно всякой иной домохозяйке. Петр был рыбаком и гордился своим умением, хотя и не настолько, чтобы отвергнуть совет Всевышнего, когда Тот предложил ему бросить сети в другую сторону. Лютер пояснял:

"Я бы сказал: "Но послушай. Всевышний. Ты проповедник, и я не намереваюсь указывать Тебе, как проповедовать. А я рыбак, и не следует говорить мне, как ловить рыбу". Но Петр проявил смирение, и посему Господь сделал его ловцом человеков".

Трудились пастухи. Присматривать за стадами ночью - дело неблагодарное, но, взглянув на Младенца, они вернулись к своей работе.

"Наверное, все было не так. Нужно исправить этот текст и читать его следующим образом: "Пошли они и обрили свои головы, постились, и взяли четки, и надели сутаны". Но мы читаем: "И возвратились пастухи". Куда? К своим овцам. Если бы они этого не сделали, овцам пришлось бы плохо".

Если трудились Бог, Христос, Дева Мария, первый среди апостолов и пастухи, значит и нам следует трудиться на том поприще, на которое мы призваны. У Бога нет Своих рук и ног. Он должен продолжать Свои труды посредством людей. Чем обыденнее дело, тем лучше. Молочник и работник, вывозящий навоз, делают работу, которая более угодна Богу, чем псалмопения монаха-картезианца. Лютер без устали защищал призвания, которые по тем или иным причинам воспринимались с пренебрежением. Мать считалась ниже девственницы. Лютер отвечал, что мать являет собой образец любви Божьей, которая преодолевает грех, подобно тому как любовь матери преодолевает нежелание возиться с грязными пеленками.

"Работающие руками склонны презирать тех, кто работает головой, например, городских писарей и школьных учителей. Солдат утверждает, что скакать в доспехах, терпеть жару, холод, пыль и жажду - тяжелый труд. Но хотелось бы мне посмотреть на всадника, который смог бы весь день просидеть, глядя в книгу. Невелика штука - сидеть, свесив ноги с лошади. Они говорят, что писать книги - напрасная трата перьев, но я замечаю, что они вешают мечи на бедра, а перья на шляпы, воздавая им высокую честь. Не следует думать, что у пишущего человека заняты только руки, а остальные части тела могут отдыхать, - это занятие поглощает его целиком. Что же касается учительства, то работа эта требует такого напряжения сил, что никто не должен выполнять ее более десяти лет".

Лютер предпочитал строить свои социальные теории вокруг призваний и рассматривать людей в рамках их профессий, но он не мог анализировать все человеческие занятия исключительно индивидуально, не принимая во внимание более широкий контекст. Лютер выделял три общие сферы человеческих отношений. Каждую из них он считал благом, поскольку она была установлена Богом во время творения еще до грехопадения человека. Вот эти три сферы: экклезиологическая, политическая и домашняя, куда Лютер

включал и экономику, рассматривая ее прежде всего в рамках содержания семьи. Из этих трех сфер лишь эклезиологическая отражена подробно

в его теоретическом мышлении. Государство Лютер обычно воспринимал просто как городскую управу, хотя он и рисовал картину государства как сообщества, в котором все трудятся ради взаимного блага. Падшее состояние человека вынуждало его видеть в государстве институт, который в особой степени наделен силой принуждения. В сфере экономики он реже обращался к абстрактным законам спроса и предложения, а чаще - к конкретным отношениям, существующим между покупателем и продавцом, должником и кредитором. Взгляды Лютера на брак и семью мы рассмотрим позже.

Экономика

В экономической сфере взгляды Лютера были, в определенном смысле, столь же консервативными, как в богословии. И там, и там он призывал Церковь к нововведениям, побуждая своих современников вернуться к Новому Завету и раннему средневековью. После нашествия варваров новая Европа была аграрной, и Церковь наделяла высочайшими достоинствами прежде всего земледелие, затем следовали ремесла и уж потом торговля. Такова была и шкала ценностей Лютера. Он неодобрительно относился к переменам, произведенным крестоносцами, которые вновь сделали Средиземное море открытым для христианских торговцев, дав таким образом мощнейший стимул развитию коммерции. Изменившаяся ситуация в значительной степени изменила и условия займа под проценты. Когда в раннем средневековье занимали в голодные годы еду, то всякое возмещение, превышающее потребленные продукты, представлялось вымогательством. Иначе обстояло дело в коммерческом предприятии, нацеленном на получение прибыли. Св. Фома понимал это и установил, что кредитор должен соучаствовать и в доходах - при условии, что он будет делить и убытки. Договор о совместном риске был приемлемым, чего нельзя сказать о договоре, который подразумевал возврат определенной суммы, что приносило Шейлоку его дукаты, пусть даже корабли Антонио сели на скалы. В эпоху Возрождения, однако, искатели приключений предпочитали более высокие ставки, а банкиры - более гарантированные, пусть даже и при меньшем доходе. Церковь готова была принять оба подхода, поскольку сама оказалась тесно связана с процессом становления капитализма в целом с его банковской системой, бухгалтерией, кредитами и займами. Фуггеры не пренебрегли услугами богослова Иоганна Экка, которому надлежало защитить за вознаграждение все казуистические приемы, позволявшие обойти средневековые и томистские ограничения на взимание процентов.

Лютер же, напротив, был сторонником докапиталистической экономики. Наглядный пример того, насколько аграрным было его мышление, дает карикатура на первой странице его трактата о ростовщичестве, на которой изображен крестьянин, возвращающий не только гуся, которого он занимал, но также и яйца. Свою позицию Лютер обосновывал изложенным во Второзаконии запретом ростовщичества, а также теорией Аристотеля о непродуктивности денег. Один гульден, говорил Лютер, не может произвести другой. Единственным способом зарабатывания денег является труд. Монашеская праздность отвратительна. Если бы Адам не впал в грех, он до сих пор трудился бы, обрабатывая землю и охотясь. Нищенство следует запретить. Общество должно поддерживать тех, кто не способен прокормить себя, остальные же должны трудиться. Есть единственное исключение. Располагающие средствами пожилые люди могут давать в долг, но их доход не должен превышать пяти процентов или менее, этого, в зависимости от успеха предприятия. То есть Лютер восстановил договор о взаимном

риске. Все остальные займы, с его точки зрения, должны были осуществляться на благотворительной основе. Не приемля францисканского обета нищеты, Лютер сам был францисканцем в расточительности своего дара.

Лютеру явно был чужд дух капитализма, и он наивно объяснял рост цен ненасытной алчностью капиталистов. В то же время, сам того не подозревая, он вносил свою лепту в развитие тех тенденций, которые считал предосудительными. Упразднение монашества и экспроприация церковного имущества, порицание нищеты, которую он считал грехом или, по крайней мере, несчастьем, если не позором, возвышение роли труда как подражания Богу - все это, несомненно, способствовало утверждению духа экономического предпринимательства.

Политика

Говоря об отношении Лютера к государству, следует помнить, что он никогда не проявлял особого интереса к политике. Возникали конкретные ситуации, которые требовали от него немедленной реакции. Император Карл запретил его перевод Нового Завета - нетерпимо! Курфюрст Фридрих защитил его лично и его дело - приемлемо! Папство свергало правителей-еретиков - узурпация! Церковь подталкивала к крестовым походам - мерзость! Сектанты отвергали всякое правительство - сам дьявол! Формулируя свою теорию правительства, Лютер, как и в богословии, опирался на Павла и Августина.

Отправной точкой для всего христианского политического мышления была 13-я глава Послания к Римлянам, наставлявшая повиноваться высшим властям, поскольку они от Бога. Делающие же зло пусть остерегаются, ибо начальствующие, будучи слугами Божиими, не напрасно носят меч и могут обрушить свой гнев на творящих зло. Лютер совершенно ясно говорил о том, что принуждение не может быть упразднено, поскольку общество никогда не сумеет стать совершенно христианским.

"Мир и массы есть и всегда будут нехристианскими, хотя они крещены и называют себя христианами. Следовательно, человек, который дерзнет управлять всем обществом или миром с Евангелием в руках, уподобится пастуху, которому надобно собрать в одно стадо волков, львов, орлов и овец. Овцы не нарушают покоя, но их хватит ненадолго. Невозможно править миром с помощью четок".

Упоминаемый Лютером меч означал для него использование ограничений для сохранения мира как внутри государства, так и вне его. Политическая власть в его время не отделяла себя от военной, поэтому солдат выполнял две функции.

Используя меч, правитель и его люди выступали в роли орудия Божьего. "Сидящие в городской управе восседают на месте Бога, и суд их подобен тому, как если бы Бог судил с небес". "Если император призывает меня, - сказал Лютер, получив приглашение прибыть в Вормс, - значит, меня призывает Бог". Казалось бы, в свете этого не возникает вопроса о том, что исполнять функции гражданской власти может лишь христианин, но это вовсе не обязательно, поскольку Бог может использовать в качестве Своего орудия и самого последнего грешника, как, например. Он использовал ассирийцев в роли жезла Своего гнева. В любом случае принадлежность к христианству вовсе не обязательна для разумного политического управления, поскольку политика относится к сфере природы. В Лютере соединялись отрицание способности человека к совершенствованию и здравая вера в исходное человеческое благородство. Несомненно, что, если снять с людей все ограничения, они пожрут друг друга, подобно рыбам; но столь же несомненно, что светом разума все люди понимают недозволенность убийства, воровства и прелюбодеяния.

Разумность классового неравенства в обществе также представлялась Лютеру несомненной. "Мне не требуется помощь Святого Духа для того, чтобы понять, что архиепископ Майнцский восседает выше епископа Бранденбургского". Здравому смыслу вполне достаточно, чтобы подсказать человеку, как доить коров, строить дома и управлять государством. Даже "сообщают, что нет лучшего правления на земле, как под турками, которые не имеют никакого гражданского либо канонического закона, помимо Корана". Человеку природному можно доверить определять и осуществлять правосудие при условии, что он действует в рамках закона и правительства и не пытается оправдать себя. В подобном случае доверять ему нельзя. "Если управитель города позволяет себе руководствоваться личными чувствами, то он сам дьявол. Он обладает правом стремиться к восстановлению порядка законным образом, но никак не мстить за себя, используя свое положение".

Но если при таких условиях нехристианин может прекрасно управлять государством, зачем вообще христианину быть государственным деятелем? И если государство установлено Богом вследствие греха, то отчего не позволить грешникам управлять им, а святые смогут принять монашеский устав, отказавшись вообще от применения меча? Отвечая на эти вопросы, Лютер утверждал, что если дело касается самого христианина, то он должен смириться с ограблением, но у него нет такого права, если речь идет о его ближнем. Лютер как бы говорит, что нравственный кодекс христианского общества должен быть ориентирован на самых слабых его членов. Христианин, который отказался бы защищать самого себя, должен обеспечить правосудие другим. Если христианин воздерживается от этого, то государство может оказаться недостаточно сильным для того, чтобы обеспечить необходимую защиту. В таком случае христианин принимает и поддерживает власть меча - не для себя, но из любви к ближнему.

Не использует ли он в таком случае двойные стандарты нравственности? Лютера обвиняли в том, что он ограничивает применение христианской этики личной жизнью, отдавая государство во власть дьявола. Это полное непонимание его позиции. Лютер проводил разграничение не между личным и общественным, но между индивидуальным и корпоративным. Суть дела заключается в том, что если на человеке лежит ответственность за жену, ребенка, учеников, прихожан и подданных, он не может пребывать в такой же счастливой беспечности, как если бы дело касалось лишь его одного. Он не имеет права отказываться от прав, если это права других людей. Разграничительная линия пролегает между государством и всеми другими институтами, поскольку Лютер помещал семью в ту же категорию, что и государство, наделяя отца правами мирового судьи и обязывая его проявлять суровость, сколь различны ни были бы применяемые методы. Можно сказать, что Лютер призывал к буквальному соблюдению принципов Нагорной проповеди в личных отношениях. Он не наделял индивидуума правом защищать себя. Возможно, что поистине бескорыстный человек может сделать это каким-то чудом, но такой путь весьма опасен. Далее следует уяснить себе, что предложенная Лютером шкала не исчерпывается различием между индивидуальным и корпоративным. Церковнослужитель также не имеет права использовать меч ни ради себя, ни ради другого человека, поскольку у него иные обязанности. Городской управитель использует меч, отец использует кулак, служитель использует язык. Иными словами, существуют различные кодексы поведения в зависимости от призваний. Лютер использовал, упростив, взгляды св. Августина, который в своей этике войны различал четыре категории: в одну из них входит правитель, который определяет справедливость дела и объявляет войну; в другую - отдельный гражданин, который обнажает меч лишь по повелению правителя; третью категорию составляет священнослужитель, который воздерживается от использования меча, поскольку служит у алтаря; четвертая категория -

монах, который воздерживается от меча, поскольку его жизнь строится в соответствии с идеалами совершенства. Лютер использовал эти категории, исключив из них монаха.

Но все эти кодексы должны иметь единую основу. Таким объединяющим фактором является христианская любовь. Именно в этом смысле положения Нагорной проповеди применимы ко всем явлениям, даже к войне, поскольку убийство физическое в глазах Августина и Лютера нельзя воспринимать как несовместимое с любовью. Убийства и грабежи во время войны следует уподоблять ампутации члена, совершаемой ради спасения жизни. Поскольку использование меча необходимо для поддержания мира, войну следует рассматривать как меньшее бедствие, предназначенное предотвратить большее. Но далее Лютер перекладывает проблему с управителя на Бога.

"Когда управитель осуждает на смерть человека, который не принес ему никакого вреда, он не враг его. Он делает это по повелению Божьему. В сердце человека не должно быть места гневу или горечи, поскольку здесь действуют лишь гнев и меч Божьи. Также и в войне, где, обороняясь, необходимо рубить, колоть и сжигать, мы видим один лишь гнев и мщение, но исходят они не из сердца человеческого, но по суду и повелению Божьему".

Таким образом, перед Лютером стояла в конечном счете богословская проблема. Он верил в то, что Бог погубил род человеческий во время потопа, что Он уничтожил огнем Содом, что Он стирал с лица земли страны, народы и империи. Поведение Бога заставляет считать Его всемогущим и вселяющим страх. Но Он - сокрытый Бог, и вера предполагает, что в конечном счете Его жестокость оборачивается милостью. "Посему гражданский меч из великой милости должен быть безжалостным, и во имя благости он должен нести гнев и суровость". Дуализм лежит не в какой-либо из внешних сфер, но в сердце Бога и человека. Поэтому деятельность управителя неизбежно должна преисполнить его скорбью.

"Благочестивого управителя печалит осуждение виновных, а смерть, которую обрушивает на них правосудие, приносит ему истинную скорбь". "Палач скажет: "Боже мой, я убиваю человека не по своему желанию, ибо в Твоих глазах я ничем не лучше его"".

Церковь и государство

Что касается взаимоотношений между Церковью и государством, то здесь дело осложнялось тем, что Лютер ввел два новых и неравнозначных понятия. Он назвал их царством Христа и царством мира. Ни одно из них реально на земле не существует. Они являют собой противопоставленные друг другу принципы, подобно граду Божьему и граду земному св. Августина. Царство Христа - это поступки людей, побуждаемых Духом Христа, и в этом случае они не нуждаются ни в законах, ни в мече. Подобного общества, однако, никто еще не наблюдал, даже в самой Церкви, в которой наряду с пшеницей есть и плевелы. Царство же мира - это поведение людей, не ограниченных законом и государством. Но фактически такие ограничения присутствуют. Церковь и государство в таком случае нельзя отождествлять с царством Христа и царством мира. И Церковь, и государство раздираются борьбой между демоническим и Божественным.

Граница между сферами церковной и государственной соответствует, грубо говоря, дуализму, характеризующему природу Бога и человека. В Боге сочетаются гнев и милосердие. Государство является орудием Его гнева, а Церковь - Его милосердия. В человеке присутствуют обе сферы - внешняя и внутренняя. Преступление относится к сфере внешней и является компетенцией государства. Грех относится к сфере внутренней и является компетенцией Церкви. Все, что принадлежит человеку, есть внешнее и относится к сфере государственной. Вера же есть состояние внутреннее и относится к сфере церковной, поскольку "вера есть свободный труд, к которому никто принужден

быть не может. Ересь суть вопрос духовный, и предотвратить ее принуждением нельзя. Сила может быть применена либо для укрепления равным образом веры и ереси, либо для сокрушения искренности и превращения еретика в лицемера, исповедующего устами то, во что он не верует своим сердцем. Лучше позволить человеку заблуждаться, нежели подтолкнуть его ко лжи".

Наиболее важное в политическом мышлении Лютера разграничение пролегалось между низшими и высшими способностями человека, что соответствовало отношениям между природой и разумом, с одной стороны, и между благодатью и откровением - с другой. Человек природный, если он не побуждаем эгоистическими мотивами, обладает достаточными честностью и умом для того, чтобы управлять государством в соответствии с принципами правосудия, справедливости и даже великодушия. Это гражданские добродетели. Церковь же утверждает кротость, смирение, долготерпение и любовь - христианские добродетели, достигнуть которых, пусть даже и в относительной степени, способны лишь те, кто наделен благодатью, и, соответственно, от масс этих добродетелей ожидать нельзя. Вот почему обществом невозможно править согласно Евангелию. И вот почему вопрос об установлении теократии неактуален. Далее вновь возникают различные уровни. Бог государства - это Бог-Вседержитель, возвышающий низких и смиряющий гордых. Бог Церкви - Бог Гефсимании, Который страдал от рук людей, не пытаясь отомстить, не обвиняя и не позволив поднять меч в Свою защиту.

Все эти разграничения указывают и на разделение Церкви и государства. Но, с другой стороны, Лютер не делил Бога и не делил человека. И, не помышляя о христианизированном обществе, он в то же время не был приверженцем секуляризированной культуры. Лучше Церкви пойти на риск утраты своего единства, чем оставить государству лишь холодный свет разума, не смягчаемый любовью. Конечно, если управитель не христианин, то результатом скорее всего будет разделение. Но если он верный член Церкви, то Церковь не должна отказываться от его помощи, открывая доступ к благам религии всем людям. Управитель должен быть отцом-попечителем для Церкви. Такой параллелизм напоминает сон Данте, который никогда фактически не стал явью, поскольку там, где государство и Церковь выступали как союзники, кто-то из них обязательно занимал главенствующую роль, в результате чего устанавливалась либо теократия, либо цезарепапизм. Лютер возражал против отделения Церкви и государства, выступал против теократии и поэтому оставил открытой дверь для цезарепапизма, сколь бы ни были далеки от этого его намерения.

Лютера обвиняли в том, что он способствовал установлению политического абсолютизма, оставил граждан без защиты от тирании, подчинил совесть государству и сделал Церковь служанкой любой политической власти. Во всех этих обвинениях есть толика истины, поскольку Лютер действительно насаждал почитание государства и порицал выступления против него. Он утверждал свою позицию с особой эмоциональностью, поскольку паписты обвиняли его в подрыве государственной власти. Лютер реагировал на это обвинение с характерной для него чрезмерной остротой, что сразу же сделало его уязвимым для другой стороны, обвинявшей Лютера в раболепстве. "Никто еще со времен апостолов не восхвалял гражданские власти так, как это делаю я". Говоря это, Лютер подразумевал, что никто столь последовательно не выступал против светских посягательств Церкви. Сам Христос, по утверждению Лютера, отверг все теократические притязания, позволив Себе родиться в то время, когда вышел указ императора Августа. В самых решительных выражениях Лютер отвергал восстание, поскольку если вы позволите разразиться народному бунту, то вместо одного тирана получите сотню. В этом вопросе он разделял точку зрения св. Фомы, согласно которой тирания может завершиться

восстанием лишь в том случае, если ущерб от насилия будет предположительно меньшим, нежели то зло, против которого оно направлено.

Все это вовсе не говорит о том, что Лютер не предполагал никакой защиты для угнетенных. Им оставалась молитва, которую Лютер ставил чрезвычайно высоко, и у них оставалось право на жалобу. Феодалное общество имело жесткую иерархию, и над каждым господином стоял свой сюзерен. Если с простым человеком поступили несправедливо, он мог обратиться с жалобой на своего господина к его сюзерену, и так вплоть до самого императора. Когда, например, герцог Ульрих Виттенбергский убил члена семейства Гуттенов и захватил его жену, клан Гуттенов обратился с жалобой к императору, и герцог был изгнан. Император, в свою очередь, находился под контролем курфюрстов. Если у кого-то возникает вопрос об отношении Лютера к демократии, то следует вспомнить, что демократия представляет собой сложную концепцию. Расширение льгот практически не коснулось кого-либо из современников Лютера, затронув лишь Швейцарию, в то же время заботу государства о благосостоянии своих граждан и его готовность откликнуться на выражение воли граждан лучше демонстрировать на примере неформальной патриархальности феодалного общества, чем неуклюжих современных демократий.

Не было властно государство и над совестью. Объявление мятежа вне закона не касалось гражданского неповиновения. Оно становилось не правом, но обязанностью при двух обстоятельствах: "В случае, если управитель нарушает первые три из десяти заповедей, касающиеся религии, скажи ему: "Любезный господин мой, я обязан повиноваться тебе своей жизнью и имуществом. Повелевай мною в пределах своей власти на земле, и я повинуюсь. Но если ты говоришь мне убрать долой книги - речь идет о Новом Завете в переводе Лютера, - я не повинуюсь, ибо в этом ты тиран". Во-вторых, князю не следует повиноваться, если он требует служить ему в войне, очевидно несправедливой, как было, когда Иоахим Бранденбургский набрал войско, объявив, что пойдет против турок, а в действительности против лютеран. Солдаты дезертировали с сердечного одобрения Лютера: "Поскольку Бог повелевает нам оставить отца с матерью ради Него, то уж, безусловно, Он призывает нас оставить господ ради Него"".

Лютер возражал против подчиненности Церкви гражданским властям. Священнослужитель должен быть наставником управителя.

"Мы должны омыть одежды управителя и очистить уста его, смеется ли он или пребывает в ярости. Христос наставляет нас, проповедников, не утаивать истину от господствующих, но увещевать их и обличать в несправедливостях их. Христос не говорил Пилату: "Нет у тебя власти надо Мною". Он сказал, что есть у Пилата власть, но добавил: "Не ты источник этой власти. Она дана тебе от Бога". Посему Он укорял Пилата. Так должно поступать и нам. Мы признаем властвующих, но мы должны укорять своих Пилатов в их преступлениях и самоуверенности. Тогда они скажут нам: "Вы оскорбляете величие Божье" - на что ответим: "Мы снесем те страдания, которые вы причиняете нам. Но молчать и притворяться, будто вы творите добро, когда вы творите зло, мы не можем и не будем". Нам должно исповедовать истину и осуждать зло. В этом суть огромного различия между тем, чтобы переносить страдания и чтобы хранить молчание. Мы должны страдать. Молчать мы не должны. Христианину надлежит нести свидетельство об истине и умирать за истину. Но как может умереть за истину тот, кто прежде не исповедовал истину? Таким образом, Христос показал, что Пилат действительно наделен властью от Бога, и в то же время обличил его за дурные дела".

Здесь Лютер вновь вернулся к вопросу о призваниях. У правителя свое призвание; у служителя - свое. Каждый должен служить Богу в соответствии со своим положением. Одно призвание ничем не лучше другого. Для каждого характерны свои искушения. Мужа искушает похоть, торговца - алчность, правителя - высокомерие. Даже если человек верно исполняет свой долг, все равно впереди его ждет крест.

"Если бургомистр исполняет свой долг, то навряд ли сыскать четырех человек, которым он был бы по душе. Если отец наказывает своего сына, отрок будет таить обиду на него. Так обстоит дело повсеместно. Князь не получает никакого вознаграждения за свои труды. Появляется искушение сказать: "Пусть черт им будет бургомистром. Пусть Люцифер проповедует. Я отправлюсь в пустыню и буду служить Господу там". Это нелегкая задача - любить своего ближнего как самого себя. Чем дольше я живу, тем больше испытываю огорчений. Но не ропщу. Доколе есть у меня моя работа, я буду говорить: "Я начал ее не ради себя, и не оставлю ее. Труд мой для Бога и желающих слышать Евангелие, и я не пройду по другой стороне"".

Но не следует делать работу в мрачном расположении духа. И давайте учиться у птиц.

"Если вы скажете: "Эй, птаха, отчего ты столь весела? У тебя нет ни стряпчего, ни кладовых", - она ответит: "Я не сею, не жну и не собираю в житницы. Но у меня есть стряпчий. Отец Небесный имя Ему. Стыдись, глупец. Ты не поешь. Ты работаешь весь день, а ночь не можешь спать от забот. Я же распеваю во все горло"".

Резюмируя, можно сказать, что в определенных аспектах мнение Лютера по экономическим и политическим проблемам можно было предсказать заранее. Он не терпел произвольного потрясения проверенных временем основ. Бунт представлялся ему нетерпимым; но поскольку одна лишь религия представляет собой первостепенную значимость для человека, формы внешней жизни не имеют значения, и тут можно довериться обстоятельствам.

Глава пятнадцатая

СЕРЕДИНА ПУТИ

Для осуществления намеченной Лютером программы совершенно необходимы были люди, приверженные его идеалам. Какое-то время вполне реальной казалась надежда на то, что Реформацию удастся распространить на всю Европу. Лютер наивно полагал, что папа сам незамедлительно устранит все злоупотребления, как только узнает о них. Когда растаяла эта надежда, взоры обратились к дворянству немецкой нации, в том числе и к ее императору. Но и эта мечта оказалась призрачной, и когда Лютер вернулся в Виттенберг, он уже был объявлен вне закона как Церковью, так и империей.

Однако даже при таких обстоятельствах надежда на широкую реформу не казалась совершенной химерой, ведь сущность папства явственно изменилась. Легкомысленных пап Ренессанса сменил один из суровых пап контрреформации, папа, который в той же мере, что и Лютер, озабочен искоренением нравственных и финансовых злоупотреблений. Этим папой был Адриан VI, голландец, воспитанный в традициях братства совместной жизни. Если бы во время своего краткого пребывания на папском престоле он не удовлетворился чисткой авгиевых конюшен папства, его могло бы оказаться достаточным для начала новой политики в отношении Лютера. Борьба же, напротив, лишь обострилась. По мнению Лютера, все шло так, как и должно было идти. Он во всеуслышание заявил, что спор ведется вокруг вопроса о вере, но не о жизни и что если даже изменится

нравственность, учение все равно останется несостоятельным. Вынесенный Эразмом вердикт о невозможности преодолеть разногласия оставался в силе, поскольку даже если папы-реформаторы и уступили в вопросе о праве священника на брак, как это делает Церковь в отношении униатов; в вопросе о совершении причащения под обоими видами, как это временно было сделано для гуситов; в вопросе о национальной церкви под главенством Рима, как в Испании и Франции; даже в вопросе об оправдании верою, что было сделано в Тренте, - при всем этом вряд ли смогли бы они стерпеть уменьшение числа таинств, выхолащивание мессы, доктрину о священстве всех верующих, не говоря уже об отрицании непогрешимости папы, хотя этот тезис еще и не был формально провозглашен.

Схватка с реформированным папством

И Лютер ничего не предпринимал для его умиротворения. Он начал перестройку с еще большего разрушения. В Виттенберге по-прежнему распространялись индульгенции. Лютер обратился к курфюрсту с требованием прекратить их хождение на подвластной ему территории. Убедить Фридриха оказалось несложно - возможно, потому, что индульгенции приобрели столь одиозную репутацию, и тот самый священник, который продавал их, в День всех святых в 1522 году объявил индульгенции обыкновенной бумагой, а толпа встретила реликвии негодующим свистом. В День всех святых 1523 года Фридрих уже своей попытки не повторил.

На вопрос, не желает ли Фридрих в таком случае провести ежегодную демонстрацию реликвий, он ответил отрицательно. Вся цель этой демонстрации состояла в том, чтобы привлечь внимание к индульгенциям. В то же время Фридрих не мог решиться на то, чтобы уничтожить или раздать эту коллекцию, пока он жив. Некоторые из самых ценных реликвий выставлялись на алтаре, остальные же хранились в ризнице и демонстрировались по просьбе иностранных гостей. Курфюрст, который добирался даже до Китая, где вел переговоры с монархами и высшими церковными сановниками в стремлении прибавить еще одну кость к своей коллекции, забросил любимейшее свое детище, отказавшись от источника самых больших доходов Замковой церкви и университета.

Следующий удар Лютер обратил против заказных месс в Замковой церкви, где двадцать пять священников занимались лишь тем, что служили мессы за души покойных членов Саксонского дома. Подобные индивидуальные приношения в глазах Лютера уже воспринимались как идолопоклонство, святотатство и богохульство. Отчасти возмущение его было вызвано безнравственностью священников, поскольку, по его наблюдениям, минимум трое из них имели любовные связи с женщинами. Но не в этом состояла основная причина его выступления. Лютер постоянно подчеркивал основное свое отличие от прежних реформаторов: они выступали против уклада жизни, а он - против вероучения. Конечно, Фридриху как патрону церкви следовало погасить скандал, но сделать это можно было, уволив провинившихся и набрав на их место служителей получше. Такой выход не мог удовлетворить Лютера. Служение мессы должно быть отменено. Совершенно очевидно, что придется уговаривать Фридриха. Желательно, чтобы священнослужители также согласились с таким решением. В любом случае Лютер был исполнен решимости сделать то, что он решил, невзирая на то, согласятся ли курфюрст и церковники или нет. Самым важным для него всегда было продвижение реформы, независимо от того, князь ли делал какой-то шаг, не посоветовавшись с церковнослужителями, или церковнослужители, не посоветовавшись с князем. Всеобщее согласие было желательным, но не обязательным. Жалоба на слабость могла оказаться прикрытием для нечестия. "Не все священники Ваала при Иосии считали свои ритуалы

нечестивыми, но Иосия не принял это во внимание. Одно дело - терпеть слабость в делах второстепенных; терпеть же ее в делах очевидно нечестивых есть нечестие само по себе". Толпа побила стекла в доме настоятеля. Когда упорствующих осталось лишь трое, Лютер обратился к ним с упреком, сказав, что они проявляют сектантский дух, выступая против единства вселенской Церкви, - как будто Виттенберг и христианский мир одно и то же. Конечно же, это звучит невероятно наивно, но Лютер не думал ни о датах, ни о веках. Его забота была лишь о том, чтобы Церковь основывалась на Слове Божьем, как он его понимал. Городской совет был более краток. Он известил священников о том, что служение мессы рассматривается как преступление, достойное смерти. В конечном счете все церковнослужители единодушно заявили, что эти доводы их убедили. К началу 1525 года месса в Виттенберге более не служилась. Нельзя с полным основанием сказать, что ее упразднили силой, но давление, безусловно, было жестким, хотя оказывалось оно и без особой поспешности. После возвращения Лютера в Виттенберг мессу служили там еще два с половиной года.

Подобного рода перемены вызывали у папистов жгучую ненависть, и папа Адриан обратился к Фридриху Мудрому со знаменитым манифестом контрреформации: "Возлюбленный во Христе!

Мы терпели достаточно, и более чем достаточно. Предшественники наши увещевали тебя прекратить осквернение христианской веры, совершаемое через Мартина Лютера, но тщетно звучал призыв. Движимые милосердием и родительской любовью, мы обращаемся к тебе с отеческим предостережением. Саксонцы всегда были защитниками веры. Кто же ныне околдовал вас? Кто привел в запустение виноградник Господа? Кто же, кроме дикого вепря? Благодаря вам церкви опустели, народ пребывает без священников, священники в бесчестье, а христиане - без Христа. Разодралась завеса храма. Пусть тебя не обманывает то, что Мартин Лютер ссылается на Писание. Так поступает всякий еретик, но Писание есть книга, запечатанная семью печатями, и открыть ее дано не одному плотскому человеку, но лишь всем блаженным святым. Плоды сего зла очевидны. Ибо этот разоритель церквей побуждает народ крушить образы и ломать кресты. Он призывает мирян омыть руки свои в крови священников. Он отказался от таинств либо извратил их, отрицает избавление от грехов посредством поста и отвергает ежедневное служение мессы. Он предал огню декреталии святых отцов. Христос или антихрист действует тут, как ты думаешь? Отстранись от Мартина Лютера и затвори нечестивые уста его. Если ты это сделаешь, мы возрадуемся вместе с ангелами небесными еще одному спасенному грешнику. Если же ты откажешься, тогда во имя Бога Всемогущего и Иисуса Христа, Которого мы представляем на земле, мы извещаем тебя, что тебе не избежать наказания на земле и вечного огня в жизни иной. Писано Папою Адрианом и императором Карлом в согласии. Посему покайся прежде, нежели почувствуешь два меча". Фридрих отвечал:

"Святой отец!

Никогда ранее, равно как и теперь, я не поступал иначе, как христианин и послушный сын святой христианской Церкви. Я верую в то, что Бог Всевышний дарует мне Свою - благодать, дабы на оставшиеся мне годы мог я укрепить Его святое Слово, служение, мир и веру".

Князь Георг

Но судьба Лютера и его реформы зависела не только от папы, императора и курфюрста, но и от германского сейма, заседавшего в Нюрнберге. Как и на Вормсском сейме, мнения разделились. Католическую партию возглавлял папский легат, который, не упорствуя,

соглашался со всеми обвинениями в злоупотреблениях, но вину на них сваливал всецело на покойного Льва, призывая слушать его благородного преемника. В отсутствие императора мирянами руководил его брат, Фердинанд Австрийский. Побыв на заседании сейма всего неделю, он уже попытался своей властью ввести в действие Вормсский эдикт, но тут же натолкнулся на сопротивление собравшихся. Вследствие этого католические князья, объединившись, образовали ядро будущей лиги. Среди них был Иоахим Бранденбургский, который ненавидел Лютера столь сильно, что готов был простить императору голосование против его избрания. Среди них был и кардинал Ланг, представлявший интересы Габсбургов. Баварцы являлись убежденными католиками, палатинат же заколебался. Такая расстановка сил, безусловно, не была постоянной.

Фридрих Мудрый с его мягкими попытками замять дело, безусловно, не выражал общее мнение мирян-католиков. Некоторые князья с готовностью учли предостережение папы. Возглавлял эту группу герцог Георг, ненависть которого к еретикам была столь сильна, что способна была поджечь Рейн. Лютер испытывал некоторую неловкость, вспоминая свои выпады против герцога. Но сделанный им жест примирения был отвергнут. Георг писал:

"Пишу тебе не в ненависти, не для того, чтобы поставить на место. Как мирянин я не могу облечься в броню Савла и обсуждать с тобою Писание, но вижу я твои поношения против ближнего. Ты оскорбил не только меня, но и императора. Ты превратил Виттенберг в прибежище для беглых монахов и монахинь. Плод Евангелия твоего есть богохульство против Бога и таинства и бунт против власти. Когда мы видели большую испорченность в обителях? Нет, Лютер, оставь свое Евангелие при себе. Я же останусь с Евангелием Христовым телом и душою, имуществом и честью. Бог милостив. Он простит тебя, если ты одумаешься, и тогда я постараюсь испросить для тебя помилование от императора".

Еще одним католическим князем, схватившимся с Лютером, был Генрих VII. И вряд ли его гнев смягчил ответ, в котором Мартин Лютер именовал себя "служителем в Виттенберге милостью Божьей", а его - "Генрихом, королем Англии, к стыду Божьему". Хотя впоследствии Лютер и попытался сделать примирительный жест, Генрих упорно считал его проповедником "ненасытной свободы". Явными "папистами" были санбаллаты - церковники ли или миряне, которые препятствовали возведению стен.

Изменение позиции умеренных католиков: Эразм

Совершенно очевидно, что иной могла быть реакция умеренных католиков - Эразма, гуманистов, составлявших в Вормсе партию центра. Действительно, все могло быть по-другому, не будь давление столь мощным, не оставлявшим им возможности занять нейтральную позицию. Преодолевая свое нежелание, посредники вынуждены были примкнуть либо к одной, либо к другой стороне. Движение шло в обоих направлениях. Некоторые выдающиеся личности повернулись к Риму, среди них был Пиркгеймер Нюрнбергский. Сильнейшим ударом для Лютера явилась позиция, занятая Эразмом Роттердамским.

В сущности, ему не пришлось основательно пересматривать свои взгляды. Он продолжал считать, что Лютер сделал много хорошего и что он не еретик. Об этом Эразм открыто заявлял в своем письме, опубликованном уже в 1524 году. Но он сожалел о расколе христианского мира. Мечта Эразма о европейском согласии рухнула с началом войны между Францией и империей, вспыхнувшей незадолго до завершения Вормсского сейма. Случилось так, что в то же время раскол в Церкви разорвал цельные одежды Христа. Эразм предпочитал роль посредника, но весьма уважаемые им высокопоставленные

персоны - короли, кардиналы и его старый друг, папа Адриан, неустанно оказывали давление на Эразма, требуя, чтобы он заявил о своей позиции. В конце концов Эразм сдался и согласился обнародовать свои разногласия с Лютером. Дело было не в индульгенциях. И не в мессе. Дело было в вероучении о человеке. Эразм написал трактат "О свободе воли".

Лютер выразил благодарность за то, что Эразм поставил этот вопрос во главу угла. "Лишь вы один обратились к сути проблемы, вместо того чтобы спорить о папстве, индульгенциях, чистилище и подобных тому пустяках. Лишь вы один обратились к основам, за что я благодарен вам". В основе расхождений Лютера с католической церковью лежал вопрос о природе и судьбе человека, и более о его судьбе, чем о природе. Вот почему между Лютером и Эразмом не произошло полного разрыва. Эразм прежде всего занимался проблемами нравственности, в то время как для Лютера первостепенным был вопрос о том, способен ли человек повлиять на свою судьбу добрыми делами, даже если он на таковые способен. Эразму удалось увести Лютера в сторону от этой проблемы, спросив, есть ли смысл в нравственных предписаниях Евангелия, если они невыполнимы. Лютер отвечал в характерной для него утрированной манере. Он сказал, что человек подобен ослу - сейчас им управляет Бог, а в следующую минуту - дьявол. Эта позиция, несомненно, предполагала, что человек совершенно не способен отличать добро от зла. Безусловно, по сути своей позиция Лютера была иной. Он заявлял о том, что человек природный может обладать гражданскими добродетелями, позволяющими ему быть ответственным мужем, нежным отцом, добропорядочным гражданином и достойным управителем. Человек способен проявлять честность и доблесть, подтверждением чего является пример древних римлян или современных турок. Человек способен к внешнему соблюдению большинства предписаний Евангелия. Но в глазах Божьих "нет праведника, ни одного". Побуждения никогда не бывают чистыми. Самые благородные поступки мотивируются высокомерием, эгоизмом, суетными желаниями и жаждой власти. С религиозной точки зрения, человек есть грешник. Поэтому он не может иметь притязаний перед Богом. Если он не погиб безвозвратно, то лишь потому, что Бог по милости Своей благоволит к нему, хотя человек того и не заслуживает.

Тогда проблема переходит с человека на Бога. Эразма занимал вопрос о нравственности как в Боге, так и в человеке. Несправедливо, что Бог создал человека, не наделив его способностью выполнить те условия, которые необходимы для спасения. В таком случае, как же можно его спасать или осуждать за то, что он не в состоянии сделать? "Это, безусловно, камень преткновения", - отвечал Лютер.

"Здравый смысл и природный разум в высшей степени искушаемы тем, что Бог единственно лишь по Своей воле оставляет, ожесточает и осуждает, как бы находя удовольствие в грехах и в подобных тому вечных мучениях, - Бог, Которому должно быть столь милостивым и благим. Такое понимание Бога представляется нечестивым, жестоким и нетерпимым, и против него во все века выступало множество людей. Сам я некогда был соблазнен до таких глубин пропасти отчаяния, что сожалел о своем появлении на свет. Невозможно отделаться от подобных мыслей, проводя наивные разграничения. Природный разум, сколь бы ни был велик соблазн, должен признать последствия, истекающие от всеведения и всемогущества Божьего".

Но именно этого-то и не готов был допустить природный разум Эразма. Он полагал, что конфликт пролегает между силой Божьей и Его благостью; Лютер же - наоборот. В любом случае Эразм был сдержан в своих утверждениях. Он признавал сложности - некоторые люди, например, рождены слабоумными, и Бог несет ответственность за их состояние, но зачем же переносить эти головоломки нашей жизни в вечность и превращать парадоксы в

догмы? "Это не мои парадоксы, - возражал Лютер. - Это парадоксы Божьи". На вопрос Эразма о том, откуда это ему известно, Лютер отвечал, цитируя! апостола Павла, говорившего, что судьбы Иакова и Исава были определены еще до того, как они появились из материнского чрева, В качестве контраргумента Эразм приводил другие тексты из Писания" имевшие иной смысл, поэтому вопрос так и остался невыясненным, Если бы это удалось сделать, то зачем продолжать в течение столетий дебаты вокруг него? Писание требует истолкования, и утверждения лютеран о том, что им дан Дух, Которым следует Писание толковать, не подтверждаются плодами Духа в их поведении.

Ответ Лютера Эразму приписывал ему дух скептицизма, легкомыслия и непочтительности к Богу. Бесстрастное обсуждение человеческой судьбы само по себе выдает равнодушие к величию Божьему. Стремление Эразма ограничиться вопросами ясными было для Лютера равносильно уходу от христианства по той причине, что христианство не может быть простым и очевидным для человека природного.

"Покажите мне хоть одного смертного во всей вселенной, сколь угодно праведного и святого, которому могло бы хотя бы единожды прийти на ум, что путь спасения для него заключается в вере в Того, Который одновременно и Бог, и человек, Который умер за грехи, Который восстал и восседает одесную Отца. Какой философ мог подобное вообразить? Какой пророк? Крест есть позор для евреев и безумие для язычников.... Если трудно уверовать в милосердие и благодать Божьи, когда Он проклинает тех, кто этого не заслуживает, то следует признать, что будь справедливость Божья признана таковой человеческим пониманием, она не была бы Божьей. Поскольку Бог истинен, поскольку Он - единственный, Он совершенно непостижим и недостижим для человеческого разума. Посему и справедливость Его должна быть совершенно непостижимой. "О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы суды Его!"

Они скрыты от природного света и раскрываются лишь для света славы. "Эразм, не претупающий границ природного света, - говорил Лютер, - может, подобно Моисею, умереть на равнинах Моавских, так и не взойдя в пределы земли обетованной наивысших исследований, которые принадлежат к набожности".

Вот как формулировал свою позицию Эразм: "Мудрый кормчий будет править между Сциллою и Харибдою. Я избрал быть зрителем этой трагедии". Подобная роль не была ему позволена, и его модель мировосприятия оказалась сокрушена, попав под конфессиональные жернова. Где встречаем мы вновь именно его тип просвещенного католического ученого - терпимого, либерального, радеющего о возрождении классического наследия в единстве христианского мира? Руководство протестантизмом перейдет к неосхоластам, а католицизмом - к иезуитам.

Несмотря на все свои громогласные заявления, Лютер не остался равнодушен к упрекам в том, что его язвительность плохо согласуется с духом апостолов. Он обидел Генриха УШ, вызвал ярость герцога Георга и отчуждение Эразма. Может быть, он задел также и старого доктора Штаупица, который уже какое-то время не писал? Лютер спросил об этом и получил такой ответ от Штаупица:

"Любовь моя к вам неизменна, превосходя собою любовь женскую... но, как мне кажется, вы осуждаете излишне много явлений внешних и не затрагивающих оправдание. Отчего сутана зловонна для обоняния вашего, когда столь многие прожили в ней святую жизнь? Ничто не может быть безупречным. Мой любезный друг, я умоляю вас помнить о слабых. Не обличайте вопросы второстепенные, которых можно придерживаться в искренности, хотя в вопросах веры нельзя хранить молчание. Мы многим вам обязаны, Мартин. Вы

выпустили нас из хлева на пастбища жизни. Ах, если бы только мы с вами могли побеседовать всего лишь один час и поделиться тайнами сердца! Уповаю на то, что вы вырастили добрый плод в Виттенберге. Молитвы мои с вами".

Вскоре после получения этого письма Лютер узнал о смерти Штаупица. Так обстояли дела тогда в католическом лагере - папа непримирим, Генрих УШ поносит его, герцог Георг в гнев, Эразм опровергает его, Штаупиц мертв.

Отступничество пуритан: Карлшпадт

В таком случае совершенно очевидно, что стены можно восстановить лишь руками тех, кто со всей определенностью порвал с Римом. И здесь последовал следующий удар, куда более жестокий, чем первый. Между самими порвавшими с Римом не было единства. Разногласия проявлялись частично отступничеством от лютеранства, отчасти же возникновением различных форм протестантизма, отчуждавших от лютеранства. Лютер терзался. Первые беспорядки в Виттенберге явились для него травмой куда более тяжелой, чем все, что ему пришлось перенести от папства. Лютер уже начал осознавать, что он куда ближе к Риму, чем к радикалам. Во всяком случае он находится между этими двумя лагерями. "Я избираю средний путь", - говорил он. Теперь он оказался в том же положении, что и Эразм в Вормсе. Будучи прижатыми к стене, лютеране оказались посередине: справа от них были паписты, слева же - сектанты.

Любопытнее всего во всей этой ситуации было то, что во многих отношениях радикалы являлись наследниками Эразма, который видел величайшее зло католицизма не в возвеличении человека, как Лютер, но в придании излишнего значения внешней стороне религии. Особое внимание, которое сектанты уделяли внутренней и духовной ее стороне, имело огромные последствия как для теории, так и для жизни Церкви. Дух противопоставлялся букве Писания, о чем заявляли уже пророки из Цвикау. Считалось, что Дух не нуждается в каком бы то ни было внешнем содействии, будь то искусство или музыка, как думал Карлшпадт, или даже таинства как внешние пути получения невидимой благодати. Для членства в Церкви необходимо пребывать в Духе. Соответственно крещение в младенчестве - если не крещение вообще - отвергалось на том основании, что внешнее омовение "ни о чем не пророчествует". Идея национальной или территориальной Церкви также отменялась, поскольку жители в целом любой данной местности не могут соответствовать столь высоким требованиям, необходимым для членства в Церкви. По необходимости церковь Духа может быть только сектой, которая либо стремится сохранить чистоту своих воззрений, отделившись от общества, либо может попытаться взять власть над миром через правление святых. Такова концепция всех протестантских теократий. Внутри религиозной общины власть возлагается на исполненных Духом, будь они священнослужители или миряне, что, вполне вероятно, может привести к упразднению профессионального служения.

Другой, хотя и не совсем согласующейся с первой, идеей Эразма было стремление к восстановлению изначального христианства. Для такого восстановления использовались в основном концепции, согласующиеся с религией Духа, но уже первая попытка подобного восстановления очень быстро привела к новой вполне показной религиозности и законничеству.

Уже сама по себе подобная модель мышления была чуждой Лютеру. Он не мог разделять дух и плоть, поскольку человек неделим. Поэтому искусство, музыка и таинство являются вполне уместными способами выражения религии. Попытка создания Церкви на основе избирательности не привлекала его, а яростное неприятие Лютером сектантов в

значительной степени усиливалось той борьбой, которая бушевала в нем самом. Но идея протестантской теократии была для него столь же отвратительна, как и папская монархия. Попытка восстановить в миниатюре обычаи новозаветного времени несла в себе, с его точки зрения, опасность нового законничества и показной религиозности, против чего он использовал те же лозунги, что и радикалы, и сам стал провозвестником верховенства духа над буквой.

Первая попытка придать конкретные формы этой модели произошла в среде близких Лютеру людей и могла быть воспринята как проявление отступничества в его рядах. Произошло это в Виттенберге, а возглавил такое движение все тот же Андреас Карлштадт вместе с Томасом Мюнцером. Об этом можно лишь сожалеть, поскольку, будучи людьми тонкими и одаренными, оба они не отличались уравновешенностью и последовательностью. Если бы Лютер впервые услышал подобные мысли от Цвингли и трезвых анабаптистов, он, вполне вероятно, проявил бы определенное понимание и не был столь непримирим в противодействии им.

Крайние взгляды в полной мере сформировались у Карлштадта после того, как он удалился в приход в Орламюнде.. Там к предпринятым ранее выступлениям против икон и церковной музыки он добавил отрицание реального присутствия Божьего в таинстве алтаря. Во всех трех случаях Карлштадт выступал против использования чего бы то ни было материального как средства приобщения к Божественному. Бог есть дух, и Он не может пребывать в хлебе и вине. Христос сказал лишь следующее: "Сие творите в Мое воспоминание". Поскольку хлеб и вино лишь напоминают, не будучи даже символами, не говоря уже о путях, Карлштадт истолковывал слова Христа: "Сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя" в следующем значении: "Сие есть тело Мое, которое будет сломлено. Сие есть кровь Моя, которая будет пролита". Лютер возражал, говоря, что если даже в этом тексте имеется какая-либо возможность для иного толкования, то есть другой текст, гласящий: "Чаша... не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб... не есть ли приобщение Тела Христова" (1 Кор. 10:16). "Это решающий довод, опровергнуть который нет никакой возможности. Если бы пять лет тому назад меня убедили в правоте Карлштадта, я был бы лишь благодарен столь могучему оружию в борьбе против папства, но Писание слишком сильный довод для меня". Можно задаться вопросом, действительно ли Писание так решительно определило его позицию. Роли Лютера и Карлштадта поменялись, когда они перешли от образов к Вечере Господней. Карлштадт буквально понимал слова Моисея: "Не делай себе кумира и никакого изображения", а Лютер - слова Христа: "Сие есть Тело Мое". В сущности, вопрос заключался в том, является ли физическая реальность препятствием для религии. Об авторитете Библии для Карлштадта свидетельствует, главным образом, то, что он не отверг идею Вечери Господней в целом, как это сделали квакеры. Карлштадт не возражал против ритуала, поскольку Христос сказал: "Сие творите в Мое воспоминание".

Подобным же образом он отрицал и крещение во младенчестве. До него об этом же говорили пророки из Цвиккау, а анабаптисты сделали это положение одним из основных в своей секте. Главным аргументом была необходимость иметь взрослый опыт религиозной веры. Помимо этого Карлштадт еще утверждал, что вода как таковая не оказывает никакого воздействия, а может даже быть и средством уничтожения, как то случилось с войском фараона, которое поглотили воды Красного моря. И вновь возникает вопрос о том, отчего же он не отвергал крещение полностью. Карлштадт особо подчеркивал значение субботы, которая предназначена дать человеку отдых от повседневных дел, чтобы он мог иметь время покоя для своего внутреннего развития.

В глазах Лютера самой неприемлемой из крайностей Карлштадта была его попытка утвердить мирских служителей. Лютер провозгласил принцип священства всех верующих. Из этого можно было сделать вывод - а квакеры его претворили в жизнь, - что в профессиональных церковнослужителях нет необходимости вовсе. Карлштадт не зашел так далеко, однако он выражал желание, чтобы служитель никоим образом не выделялся среди своих собратьев. Прихожане должны обращаться к нему не "Heir Doktor" или "Herr Pfaffer", но "любезный брат" или "брат Андреас". Он отказался от какого бы то ни было отличительного одеяния и носил обыкновенную мирскую серую одежду. Возражал он и против того, чтобы община ему платила, зарабатывая себе на жизнь земледелием.

Лютер ни в коей мере не сочувствовал подобным веяниям. В сущности, он был совершенно равнодушен к таким мелочам, как ученые степени, но проявлял огромный интерес к профессиональному служению. Поэтому он понял, что, увенчавшись планы Карлштадта успехом, и результат, конечно же, проявится не в том, что крестьянин будет знать так же много, как проповедник, но что проповедник будет знать не больше крестьянина. Он упрекал Карлштадта, что тот, облачившись в блузу крестьянина, бегло цитирует на еврейском. Что же касается мирской одежды и "брата Андреаса", то Лютеру это представлялось если не бравадой, то неомонашеской попыткой добиться благоволения небес броскими отречениями. Что же до того, чтобы зарабатывать себе на хлеб земледелием, то Лютер и сам желал бы содержать себя физическим трудом, если его отстранят от служения, но уйти добровольно из прихода для того, чтобы пахать, было для него равносильно уклонению от своих обязанностей. "Я и сам отдал бы все, что угодно, чтобы уйти от придирчивых взглядов общины и смотреть в добрые глаза животных".

Другие положения программы Карлштадта - такие, как субботничество, обязательность брака для священников и отказ от образов - представлялись Лютеру новым законничеством. Карлштадт, по его утверждению, поменял местами внутреннее и внешнее. Приняв абсолютные правила, касающиеся распорядка, одежды и статуса, он в целом придал излишнюю значимость внешним факторам. Здесь решать должен дух. Совершенно очевидно, что религия Карлштадта не ограничивалась вниманием к духовной сфере. В своем стремлении добиться определенной степени социального равенства он был охвачен страстью к святости и заботой об устранении привилегий. В этих пунктах Лютер проявлял больше терпимости. Может быть, он распространил бы эту терпимость также и на Карлштадта, не появившись на горизонте более зловещая фигура.

Святой революционер: Мюнцер

Томас Мюнцер прибыл из Цвикау и возродил некоторые идеи пророков из этого города. В силу учености, одаренности и пылкого энтузиазма Мюнцера в его устах эти идеи звучали куда прельстительней. Мюнцер с гораздо большей решительностью, чем Карлштадт, противопоставлял дух и плоть, отвергая не только крещение во младенчестве, но и всякое крещение вообще и применяя этот дуализм к взаимоотношениям между духом и буквой в Писании. Те, кто опираются на букву, говорил он, есть книжники, против которых резко выступал Христос. Писание как книга - это просто бумага и чернила. "Библия, Вавилон, обман!" - восклицал он. За этой злостью стояли неразрешенные религиозные проблемы.

Мюнцера тревожило не то, как добиться правильных отношений с Богом (что более всего занимало Лютера), но есть ли Бог вообще. Священное Писание как письменный источник не давало ему такой уверенности, поскольку, как он заметил, оно убеждает лишь

убежденных. Турки были знакомы с Библией, но это совершенно не повлияло на них. Люди, писавшие Библию, не имели Библии в то время, когда они писали. Откуда же в таком случае они черпали свою уверенность? Единственный возможный ответ состоит в том, что Бог обращался к ним непосредственно, и таким же образом Он должен говорить с нами, чтобы мы могли подняться до понимания Библии. Как и католическая церковь, Мюнцер полагал, что Библия не может быть достаточной, если нет богодухновенного истолкователя. Но истолкователем этим должны быть не Церковь и не папа, но пророк, новый Илия, новый Даниил, которому вручен ключ Давида, чтобы открыть книгу, запечатанную семью печатями.

Действительно, Мюнцеру удалось найти обоснование своей точки зрения на дух в самом Писании, где сказано, что "буква убивает, а дух животворит" (2 Кор. 3:6). Лютер отвечал, что, конечно же, буква без духа мертва, но они отделены друг от друга ничуть не больше, чем душа отделена от тела. Реальная опасность взглядов Мюнцера заключалась, с точки зрения Лютера, в том, что он уничтожал уникальность христианского откровения в прошлом, возвышая откровение в настоящем. Сам Лютер не имел абсолютно никакого опыта относительно современного откровения, и в периоды депрессии совет положиться на Духа повергал его в отчаяние, поскольку внутри себя он видел лишь непроглядную мглу.

В подобные моменты он должен иметь опору, выраженную в осязаемой форме письменного свидетельства о чрезвычайной важности акте, совершенном Богом во Христе. Лютер с готовностью допускал свою слабость и свою потребность иметь историческое откровение. Поэтому он не слушал Мюнцера, хотя и "принял Святого Духа целиком". В этом-то и заключается кардинальное различие не только между Мюнцером и Лютером, но также и между современным либеральным протестантизмом и религией отцов-основателей.

Если бы Мюнцер не делал практических выводов из своих взглядов, он не вызвал бы такой ярости Лютера, но Мюнцер намеревался использовать дар Духа в качестве основы для образования Церкви. Он является прародителем протестантских теократий, основанных прежде всего не на крови и земле, как иудаизм, и не на сакральности, как католичество, но на внутреннем опыте принятия Духа. Рожденные таким образом вторично могут распознать друг друга и объединиться в завете избранных, миссия которого состоит в утверждении Царства Божьего. Согласно взглядам Лютера, подобная роль для Церкви совершенно неуместна. Мюнцер не рассчитывал на то, что избранные смогут вступить во владение своим наследием без борьбы. Им придется истребить безбожников. Такой подход приводил в ужас Лютера, поскольку меч дан светскому правителю, но не церковнослужителю, не говоря уже о святых. Мюнцер хорошо понимал, что в этой борьбе падут многие из благочестивых, и он непрестанно воспевал страдания и необходимость нести крест как признак избранности. Лютера он называл "доктор Мягкое Кресло и доктор Осторожность", который радуется благоволению князей. Лютер отвечал, что ко кресту внешнему не следует стремиться, как не следует и уклоняться от него. Внутреннее страдание - вот тот крест, который мы несем непрестанно. Роли вновь переменились, и Лютер предстал апологетом внутреннего.

Изгнание смутьянов

В 1523 году Мюнцер добился того, что его избрали служителем в саксонском городе Альшпадте. На его проповеди собиралось около двух тысяч человек. Вскоре у Мюнцера было уже до тридцати военных отрядов, готовых приступить к избиению нечестивцев.

Единственным публичным актом, однако, было сожжение часовни Девы Марии. Это произошло в марте 1524 года.

В этой связи Лютер обратился к саксонским князьям:

"Сии альшпгадтцы поносят Библию и горячечно пекутся о духе, но где же выказывают они плоды духа - любовь, радость, мир и терпение? Не препятствуйте им, доколе они ограничиваются пределами Слова. Пусть духи решат это дело. Но когда обнажен меч, вы должны вмешаться, возьмемся ли за меч мы или они. Вам должно изгнать преступника из наших земель. Долг наш состоит лишь в том, чтобы служить и страдать. Христос и апостолы не сокрушали ни образов, ни церквей, но завоевывали сердца Словом Божиим. Не следует стремиться к повторению ветхозаветного избиения нечестивцев. Коль сии альшпгадтцы стремятся изничтожить нечестивцев, нам придется купаться в крови. Но Бог поручил вам хранить мир, и не должно вам спать".

Молодой князь Иоганн-Фридрих, племянник и ближайший наследник Фридриха Мудрого, уже принимал участие в управлении Саксонией вместе со своим дядей и отцом. В августе 1524 года он писал одному из своих подданных:

"Сатана из Альшпгадта причиняет мне ужасное беспокойство. Доброта и письма не помогают. Необходимо решительно использовать меч, которым Бог повелел наказывать зло. Карлшпгадт также что-то замышляет, и дьявол стремится стать Господом".

В этом письме Карлшпгадт и Мюнцер связаны воедино. Для Карлшпгадта это было и несправедливостью, и несчастьем. Он писал Мюнцеру о том, что не желает иметь ничего общего ни с его заветом, ни с кровопролитием. Создавалось, однако, впечатление, будто происшедшие выступления против икон в Орламюнде и Альшпгадте - события одного ряда. Карлшпгадт был вызван в Йену для беседы с Лютером, где убедил того в несправедливости обвинения в мятеже. Когда, однако, Лютер сам посетил Орламюнде и увидел мятежный дух общины, он усомнился в искренности заявлений Карлшпгадта и настоял на его изгнании. Карлшпгадт был вынужден покинуть Саксонию, оставив беременную жену и ребенка, которые присоединятся к нему позже. Он уехал с теми же словами, которые Лютер произнес, покидая Вормс, - что он осужден, "не будучи выслушанным и убежденным", и что он изгнан своим бывшим коллегой - дважды папистом и двоюродным братом антихриста.

Мюнцер, которого попросили произнести проповедь в Веймаре в присутствии Фридриха Мудрого и его брата, герцога Иоганна, опрометчиво вознамерился привлечь их на свою сторону. Для своей проповеди он избрал текст из Книги Даниила, где пророк истолковывает сон царю Навуходоносору. Он начал со слов о том, что Церковь была чистой девой до тех пор, пока ее не осквернили книжники, убившие Духа. Далее Мюнцер сообщил, что Бог более не открывает Себя, как в древности. Он заявил:

"Бог раскрывает Себя во внутреннем мире в бездне души. Не получивший живого свидетельства Божьего воистину ничего не знает о Боге, пусть даже он проштудировал 100 тысяч Библий. Бог приходит в видениях к своим возлюбленным, как это было с патриархами, пророками и апостолами. С особой готовностью Он посещает нас в несчастье. Поэтому брат Мягкое Кресло отвергает Его. Бог изливает Своего Духа на всякую плоть, и ныне Дух открывает избранному грядущее наступление могущественной и непоборимой реформации. Это исполнение предсказания Даниила о пятом царстве. Вам, князья Саксонии, нужен новый Даниил, который раскрыл бы для вас сие откровение, показав, что надлежит вам делать. Не думайте, что воля Божья восторжествует, если мечи

ваши будут ржаветь в ножнах. Христос сказал, что Он пришел, чтобы принести не мир, но меч, и Второзаконие говорит: "Вы народ святой. Не щадите идолопоклонников, жертвенники их разрушьте, изображения их сокрушите и сожгите огнем". Вам дан меч, чтобы уничтожить нечестивцев. Если вы откажетесь, он будет отнят у вас. Сопrotивляющися уничтожат без милости, подобно тому как Илия сокрушил жрецов Вааловых. Священников и монахов, насмехающихся над Евангелием, следует убивать. Безбожники не имеют права жить. Так назначьте же, подобно Навуходоносору, Даниила, чтобы он извещал вас о намерениях Духа".

Саксонские князья не имели никакого желания предоставлять Мюнцеру такую должность. Вместо этого они передали дело комитету. Мюнцер не стал дожидаться решения. Ночью он перебрался через городскую стену Альштадта и бежал из Саксонии. Терпимость восторжествовала за счет свободы. Режим Карлштадта был бы жестким, а правление святых Мюнцера отличала бы нетерпимость к нечестивцам. Однако не следует упускать из вида тот факт, что агитаторы были изгнаны мечом светской власти. С мрачным юмором Лютер подумал, что вместо того, чтобы стать мучеником, он мучеников создает.

Глава шестнадцатая

БЕГЕМОТ, ЛЕВИАФАН И ВЕЛИКИЕ ВОДЫ

Возможности для восстановления стен еще более ограничивались тем, что независимо от Лютера появились соперничающие формы протестантизма, а именно цвинглианство и анабаптизм. Они были бегемотом и левиафаном Лютера. Затем религиозный фермент соединился с широким социальным взрывом, когда забурили великие воды крестьянской войны. Результатом этого было немедленное ограничение сферы деятельности Лютера и ослабление его веры в человечество.

В целом новые движения возникли самостоятельно, но нельзя сказать, что недавние волнения в Виттенберге не сыграли здесь никакой роли. Изгнанный из Саксонии, Карлштадт отправился в города юга Германии. Вскоре после этого Лютер получил письмо от служителей Страсбурга: "Карлштадт еще не убедил нас, но многие из доводов его достаточно весомы. Мы встревожены, поскольку вы изгнали своего старого коллегу с такой безжалостностью. В Базеле и Цюрихе многие соглашаются с ним". "Из Вечери Господней, символа любви, восстают подобные ненавистники".

В Базеле проживал Эразм, он одновременно отрекался от тех выводов, которые делались из его гипотез нетерпеливыми учениками, и поощрял их. Он не допускал того, что, поскольку плоть Христова в таинстве не пользуется нимало, это означает, что она там не присутствует. В то же время в частной беседе Эразм признался своему другу, что если бы не авторитет Церкви, он согласился бы с носителями новых идей.

Соперники: Цвингли и анабаптисты

Цюрих стал местом возникновения новой разновидности Реформации. Ее будут противопоставлять реформации виттенбергской и называть реформированной. Во главе нового движения стоял Ульрих Цвингли. Он получил гуманитарное образование, а будучи католическим священником, разделил свой дом на две половины - на первом этаже помещался пасторат, а на втором - библиотека классики. После появления Нового Завета Эразма Цвингли выучил наизусть послания на греческом языке, и это дало ему основание утверждать, что Лютер оказался неспособным растолковать ему Павла. При этом особое внимание Цвингли привлек текст из писаний Павла:

"Буква убивает, а дух животворит". К нему он присовокупил слова из Евангелия от Иоанна: "Дух животворит, плоть не пользует ни мало". Плоть воспринималась Цвингли в платоновском значении тела, в то время как Лютер понимал ее в еврейском смысле недоброго сердца, которое может быть физическим, а может быть и нет. Из своего пренебрежения телом Цвингли сделал типичный вывод: искусство и музыка неуместны в роли инструментов содействия религии - и это несмотря на то, что сам он был искусным музыкантом и играл на шести инструментах! Следующий его шаг был совершенно логичен: Цвингли отверг реальное присутствие в таинстве, которое было низведено до воспоминания смерти Христа, подобно тому как Пасха была праздником воспоминания об избавлении Израиля из Египта. Когда Лютер напомнил о словах: "Сие есть Тело Мое", Цвингли парировал этот довод тем, что в арамейском языке, на котором говорил Христос, опущен связующий глагол, поэтому он сказал просто: "это - Мое Тело". (В греческом оригинале Евангелия от Луки далее следует стих: "Сие есть чаша нового завета"). И в этом предложении с полным правом слово "есть" можно заменить глаголом "знаменует". Лютер сразу же уловил схожесть между теми взглядами, которые высказывал Цвингли, и точкой зрения Карлштадта (с которым тот не был связан), а также воззрениями Эразма, на которых Цвингли сформировался. Он обратил к Цвингли тот же упрек, что и к Эразму - мол, он не принимает религию всерьез. "Откуда ему ведомо, - возражал Цвингли, - неужели он способен читать тайны нашего сердца?"

Поразило Лютера во взглядах Цвингли и схожесть с Мюнценом - будучи человеком политического склада ума, Цвингли вовсе не страшился использования меча. Он всегда был швейцарским патриотом. В переводе 22-го псалма он цитировал второй стих следующим образом: "Он покоит меня на альпийских лугах". Но не мог он там отыскать вод тихих. Религиозные разногласия грозили расколоть его любимую конфедерацию. Ибо католики склонялись к традиционному врагу Швейцарии - дому Габсбургов. Фердинанд Австрийский с готовностью созвал Баденскую ассамблею, чтобы обсудить теорию Цвингли о таинствах. Это был его "Вормсский сейм", и результат его убедил Цвингли в том, что в Швейцарии можно спасти Евангелие и сохранить конфедерацию лишь в том случае, если союзу католиков с Австрией противопоставить союз евангеликалов с лютеранами Германии, будучи готовым при этом использовать меч, если возникнет такая необходимость. Но сама идея военного союза для защиты Евангелия напоминала Лютеру о Томасе Мюнцере.

Затем в близких к Цвингли кругах сложилась группа, которая придерживалась другой крайности во взглядах на решение политического вопроса. Это были анабаптисты. В качестве отправного пункта своей программы они избрали другой аспект философии Эразма, также близкий и Цвингли. Он касался восстановления изначального христианства, что, с их точки зрения, означало принятие Нагорной проповеди в качестве буквального закона для всех христиан, которым следует воздерживаться от клятв; от использования меча - будь то на войне или в светском правлении; от личного имущества; от бранных слов и пьянства. Их общины отличались пацифизмом, религиозным коммунизмом, простотой и умеренностью. Церковь должна состоять только из дважды рожденных, приверженных завету дисциплины. Здесь мы вновь встречаем концепцию избранных, выявить которых можно по наличию зрелого духовного опыта и стремлению к нравственному совершенству. Церковь должна основываться не на крещении, совершаемом во младенчестве, но на возрождении, в качестве символа которого выступает крещение в зрелом возрасте. Каждый член Церкви должен быть священником и миссионером, готовым к совершению миссионерских путешествий. Такая Церковь, несмотря на свое стремление обратить мир, не может включать в себя необращенных. И если государство включает всех жителей, то Церковь должна отделиться от него. В любом случае религии надлежит быть свободной от любых ограничений. Цвингли в ужасе

наблюдал за распадом средневекового единства и, объятый смятением, воззвал к государству. В 1525 году анабаптисты в Цюрихе были приговорены к смертной казни. Лютер еще не был готов к таким жестокостям. Но и его ужасали взгляды, которые, с его точки зрения, были видоизмененным вариантом попытки монашества Достигнуть более высокого уровня праведности. Уход от семьи в миссионерские странствия был, по мнению Лютера, не чем иным, как пренебрежением своими семейными обязанностями, а отказ от применения меча побудил его вновь объявить призванием Божьим как исполнение гражданских обязанностей, так и воинскую службу.

Религия и социальные потрясения

Затем произошло слияние мощного социального подъема с ферментом Реформации, в результате чего принципы Лютера были, по его мнению, извращены, а крайние взгляды сектантов способствовали разгулу анархии. На решение Лютера воздержаться от бесповоротного разрыва со средневековым укладом сильнее всего повлияла Крестьянская война.

Начало Крестьянской войны не было непосредственным образом связано с религиозными проблемами XVI века, поскольку недовольство крестьян накапливалось на протяжении целого столетия. Восстания вспыхивали по всей Европе, но чаще всего они происходили на юге Германии, где крестьяне особенно сильно страдали от тех перемен, которые в конечном счете должны были обеспечить им безопасность и процветание. Феодалную анархию сменила консолидация власти. В Испании, Англии и Франции это произошло в общенациональном масштабе, в Германии же - лишь на территориальной основе. И в каждом из политических образований князья стремились взять в свои руки всю полноту власти с помощью бюрократии получавших жалование судебных чиновников. Расходы покрывались за счет увеличения налогов на землю. За все расплачивались крестьяне. Происходила унификация законов, в ходе которой разнообразные местные уложения вытеснялись римским правом. И вновь страдали от этого крестьяне, поскольку римское право признавало лишь частную собственность и поэтому ставило под угрозу общинные владения - леса, ручьи и луга, которые, согласно старогерманской традиции, принадлежали всей общине. Римское право признавало лишь свободного человека, освобожденного человека и раба. В него не укладывалась такая категория, как средневековый крепостной.

Еще одной переменной, связанной с возрождением городской торговли после крестовых походов, был переход от натурального обмена к денежному. Повысившийся спрос на драгоценные металлы поднимал их стоимость. И вскоре крестьяне, которым первоначально было выгодно получать не часть произведенной продукции, но определенную сумму в деньгах, оказались в незавидном положении в результате дефляции. Те, кто не мог выплачивать налог, превращались из свободных землевладельцев в арендаторов, а из арендаторов - в крепостных. Первая реакция крестьян заключалась в том, чтобы просто оказывать сопротивление происходившим переменам, пытаясь вернуться к доброму старому укладу. Вначале они не добивались отмены крепостного права, а желали лишь остановить дальнейшее закабаление. Прежде всего крестьяне громогласно требовали права бесплатно пользоваться, как и ранее, лесами, водами и лугами, а также уменьшения налогов и восстановления древнегерманского закона и местных обычаев. Первоначально для достижения этих требований они использовали консервативные методы. В особо серьезных случаях крестьяне стихийно собирались тысячными толпами, чтобы подать своим господам прошение о справедливом суде. Довольно часто, в соответствии с доброй старой традицией, такое прошение

принималось, бремя в какой-то степени облегчалось, хотя и недостаточно для того, чтобы предотвратить повторение подобных случаев.

С другой стороны, нельзя сказать, что все крестьянство было обездолено. Восстановить справедливость требовали не бедняки, но наоборот - наиболее процветающие и предприимчивые крестьяне, которые сами были землевладельцами и пользовались уважением как крепкие хозяева. Их притязания неизбежно стали выходить за рамки экономических улучшений, приобретая формы политических программ, предназначенных наделить эту прослойку крестьян влиянием, сопоставимым с их экономической значимостью и даже превосходящим ее. Эти требования видоизменялись по мере распространения крестьянского движения на север, в район большой излучины Рейна, где крестьяне были одновременно и горожанами, поскольку ремесленники были также и землепашцами. В этом регионе интересы села и города слились. Еще ниже по течению Рейна в результате борьбы оказались захвачены почти исключительно города. Политическая программа в этой части Германии призывала к более демократичному формированию городских советов, устранению ряда ограничений для вступления в гильдии, распространению гражданского налогообложения на священников и отмены каких бы то ни было запретов для горожан на занятие пивоварением.

Многие из этих тенденций вылились в движение, возникшее в Эльзасе перед самым началом Реформации. Это восстание использовало знаменитый символ великой Крестьянской войны 1525 года - Bundschuh (башмак). Происхождением своим это слово обязано кожаному крестьянскому башмаку. Длинная кожаная лента, которым он завязывался, называлась "Bund". Слово это имело двойной смысл, поскольку Bund означало также "завет" или "союз". Мюнцер использовал его, говоря о завете избранных. До него крестьяне придали этому слову значение договора о начале восстания. Основные задачи движения Bundschuh были не столько экономическими, сколько политическими. Топор должен был подрубить дерево под самый корень, упразднив всякую государственную власть, кроме папы и императора. Эти фигуры традиционно были двумя мечами христианства - правителями, совместно управляющими вселенским сообществом. Именно к ним простые люди неизменно обращались за защитой против своих сюзеренов, епископов, митрополитов, рыцарей и князей. Bundschuh предлагал упростить процесс, ликвидировав все промежуточные ступени и оставив лишь двух наивысших господ - кесаря и Петра.

До начала Крестьянской войны 1525 года это движение зачастую носило характер антиклерикальный, не выступая при этом против католицизма. Епископы и аббаты осуждались как эксплуататоры, но лозунг "Долой епископа!" вовсе не означал: "Долой папу!" или "Долой Церковь!" На знаменах Bundschuh наряду с изображением башмака были и религиозные символы - такие, как изображения Марии, распятия или папской тиары. На гравюре того времени можно увидеть распятие, изображенное на фоне черного башмака. Справа группа крестьян дает клятву верности. Над ними другие крестьяне пахут землю, и Авраам приносит в жертву Исаака, что должно символизировать ту цену, которую предстоит уплатить участникам Bund.

Лютер и крестьяне

Столь религиозно окрашенное движение не могло избежать влияния Реформации. Лютеровская свобода христианина была чисто религиозным понятием, но ей очень легко было придать социальный смысл. Для Лютера священство верующих не означало всеобщего равенства, но именно так истолковал его Карлштадт. Лютер неизменно выступал против поборов, в 1524 году он написал еще один трактат по данному вопросу.

В нем он обрушился также на уловку ежегодной ренты как на ухищрение, посредством которого капитал ссужался на неопределенное время за ежегодные проценты. Его отношение к монашеству также идеально соответствовало крестьянской скупости,

которой ненавистны были монастырские поборы. Идеи Лютера выглядели чрезвычайно привлекательными для здравомыслящих крестьян.

Карикатура того времени изображает Лютера, который в окружении крестьян истолковывает Слово Божье церковникам. Когда же в 1524-1525 годах грянуло великое восстание, католики ответили на эту карикатуру, изобразив Лютера, который восседает в доспехах перед костром, начищая башмак. Католические князья всегда возлагали на Лютера вину за восстание, а современный католический историк Янсен попытался доказать, что Лютер фактически породил движение, от которого он столь страстно отрекался. Подобное объяснение практически не учитывает целый век крестьянских волнений, предшествовавший Реформации.

Мышлению Лютера был совершенно чужд такой неосязаемый фактор воздействия на события, как астрология. Меланхтон занимался астрологией, Лютер же - никогда. Астрологические выкладки способны объяснить, почему так много крестьянских бунтов приходилось на осень 1524 и на весну 1525 года. Именно в 1524 году все планеты находились в созвездии Рыбы. Еще два десятилетия назад была предсказана эта ситуация, как и великие волнения, которым предстоит вспыхнуть в этот год. По мере приближения назначенного срока нарастало и количество зловещих предсказаний. В 1523 году на эту тему был написан пятьдесят один трактат. Гравюры, наподобие приведенной ниже, изображали Рыбу на небесах и великие потрясения на земле. С одной стороны мы видим крестьян со знаменами и цепями; по другую сторону стоят император, папа и церковники. Кое-кого в 1524 году сдерживала надежда на то, что император созовёт сейм и устраним все несправедливости. Сейм созван не был, и великая Рыба сняла все заслоны перед бушующими водами.

Пророчество о потрясениях 1524 года

Со всем этим Реформация не имела ничего общего. В то же время совершенно неоправданно было бы полагать, что реформа и Крестьянская война абсолютно никак не связаны друг с другом.

Попытка провести в жизнь Вормсский эдикт арестами лютеранских служителей не раз служила непосредственным поводом к созыву собраний крестьянских союзов, которые требовали освобождения служителей, рассматривая Лютера как своего друга. Порой, когда крестьян просили назвать имя человека, которого они желали бы видеть арбитром при разборе их дел, первым в списке стояло имя Мартина Лютера. Официальный состав судов никогда не назначался, и никакого юридического судебного разбирательства никогда не проводилось. Но Лютер действительно вынес вердикт по поводу тех требований, которые выдвигали крестьяне в наиболее популярном из своих манифестов - "Двенадцать статей". Открывался он словами, напоминавшими сочинения самого Лютера: "Христианскому читателю мир и благодать Божья через Христа.... Не Евангелие вызывает мятеж и возмущение". Возмутителями являются те, кто отказывается удовлетворить столь разумные требования. "Если Бог по Своему благоволению выслушает крестьян, кто выступит против Всевышнего? Может ли Он не услышать детей Израиля и не избавить их от руки фараона?"

Первые пункты манифеста затрагивали и Церковь. Община должна иметь право назначать и снимать служителя, который обязан "проповедовать Святое Евангелие, ничего не добавляя от себя". Такая формулировка полностью согласовывалась со взглядами Лютера. Община должна выплачивать служителю скромное содержание из так называемой большой десятины, взимаемой с произведенной продукции. Остальная сумма предназначалась для помощи бедным и выплаты чрезвычайного налога в случае войны. Так называемая малая десятина, взимаемая со скота, должна быть упразднена, "ибо Господь Бог сотворил скот для того, чтобы люди бесплатно пользовались им". Основные пункты отражали известную старую аграрную программу об общем пользовании полями, лесами и водами. Земледелец должен иметь право свободно охотиться, ловить рыбу и защищать свои земли от диких зверей. По соответствующему разрешению он имел право рубить лес, заготавливая древесину для строительства и на дрова. Удушающие налоги, ввергавшие в нищету вдову и сироту, у которых отнималась лучшая одежда или лучшая корова, должны быть упразднены. Рента подлежит пересмотру в зависимости от урожайности земли. Новые законы не должны отменять старые, а общинные луга не должны переходить в частное владение. Единственным пунктом, выходящим за рамки старых требований, был призыв полностью упразднить крепостничество. Землевладение должно основываться на аренде с заранее оговоренными условиями. Если господин желает дать работу, выходящую за рамки соглашения, эта работа должна выполняться за соответствующую плату. "Двенадцать статей" допускали, что любое требование, которое не согласуется со Словом Божиим, должно быть аннулировано. В целом программа была консервативна и выдержана в духе старого феодального экономического уклада. Интересно отметить, что она не содержала нападок на правящую власть.

Лютеру нравилась общая евангелическая направленность положений манифеста, но, обращаясь к крестьянам, он выразил сомнение в разумности большинства их требований. Что касается права общины выбирать себе служителя, то это зависит от того, будет ли она платить ему. Даже если община платит служителю, но князь не согласен с ее выбором, крестьянам лучше не бунтовать, а переселиться в другое место. Упразднение десятины - открытый грабёж, а отмена крепостничества превращает христианскую свободу в понятие плотское. Раскритиковав подобным образом программу, Лютер затем рассмотрел те средства, которые используются для ее реализации. Ни при каких обстоятельствах не должен обычный человек поднимать меч ради себя. Если каждый человек присвоит себе право вершить справедливость собственными руками, то не будет "ни авторитета, ни власти, ни порядка, ни земли, но одно лишь убийство и кровопролитие". Но это говорится вовсе не с намерением оправдать те вопиющие несправедливости, которые творят власть предержащие. К князьям Лютер обратился с призывом, оправдывая значительно большее число требований крестьян, чем он это сделал, обращаясь к самим крестьянам. При выборе служителя следует проявить уважение к воле общины. Требования крестьян об исправлении допущенных по отношению к ним злоупотреблений оправданы и справедливы. Князьям некого винить за вспыхнувшие беспорядки, кроме себя, поскольку они лишь предавались пышным забавам и при этом грабили своих подданных, сдирая с них последнюю шкуру. Истинное решение мог вынести лишь гражданский суд.

Но ни одна из сторон не была расположена к этому, и предсказание Лютера о том, что все это принесет с собой лишь убийство и кровопролитие, исполнилось с избыточной щедростью. Лютер давно уже заявил, что не окажет никакой поддержки вооруженным частным гражданам, сколь бы справедливым ни было их дело, поскольку подобные средства неминуемо влекут за собой беды для невинных. Он не мог предвидеть, что разразится настоящая революция. Да и трудно представить себе, как такое могло случиться в XVI веке, поскольку ни убеждением, ни силой в то время еще невозможно было сплотить людей воедино. В ту эпоху меньшинство еще не могло захватить

государственную власть, используя военную технику для навязывания своей воли обществу. Отсутствовали также и современные средства пропаганды.

Крестьянской войне недоставало сплоченности пуританской революции, поскольку у нее не было ни ясной программы, ни единства в руководстве. Одни выступали за диктатуру крестьянства, другие - за бесклассовое общество, третьи - за возврат к феодализму, четвертые - за упразднение всех правителей, кроме папы и императора. Иногда во главе восставших стояли крестьяне, иногда писари, а иногда даже рыцари. Отдельные группы никак не координировали свои действия между собой. Не было даже религиозного единства, поскольку с обеих сторон выступали как католики, так и реформаты. В Эльзасе, где одним из требований восставших было упразднение папской власти, борьба приняла окраску религиозной войны. Герцог и его брат-кардинал развернули охоту на крестьян, именуя их "неверующими, вышедшими из повиновения лютеранами-раскольниками, которые сеют разрушение, подобно гуннам и вандалам". Нет сомнения в том, что толпы восставших не признавали никакой дисциплины. Прежде всего они желали грабить замки и монастыри, охотиться на дичь и опустошать рыбные пруды.

На рисунке вы видите типичную для Крестьянской войны сцену разграбления монастыря. Обратите внимание на изображенную вверху слева группу людей, закинувших сеть в пруд. Другие в это время выносят из монастыря припасы. Большого кровопролития не было. Лишь один человек потерял руку. Тут и там видны пьянствующие и блюющие крестьяне, подтверждая кем-то сказанные слова, что это была не столько крестьянская, сколько пьяная война.

Еще один штрих к поведению крестьян добавляет письмо аббатиссы, которая сообщает о том, что обитель ее подвергалась грабежам до тех пор, пока в ней не осталось ни одного яйца и ни одного горшка масла. Через окна монастыря послушницы могли видеть избиение мирных жителей и дым, поднимающийся от горящих замков. Когда война закончилась, в Тюрингии оказались разрушенными 70 монастырей, а во Франконии - 270 замков и 52 монастыря. Когда палатинат не устоял перед крестьянами, беспорядки достигли таких масштабов, что их собственные предводители вынуждены были пригласить прежние власти вернуться, чтобы помочь в восстановлении порядка. Но те предпочли выждать, пока крестьяне не будут разгромлены.

Могло ли быть иначе? Существовал ли человек, который сумел бы предложить разумный план приспособления крестьян к новому политическому и экономическому порядку и выполнить этот план? Центральной фигурой был император, но император никогда не взял бы на себя такую роль. Из всех других людей лишь один пользовался в Германии достаточной известностью и доверием, чтобы выполнить эту задачу. Таким человеком был Мартин Лютер - и он отказался. Для него, служителя церкви, взять в руки меч и возглавить крестьян было равносильно отступничеству от своего долга, как Лютер понимал его. Не для того он разрушал папскую теократию, чтобы на ее месте утвердить новую теократию святых или крестьян. Власти должны поддерживать мир. Власти должны распоряжаться мечом. Лютеру не подходила роль предводителя гуситского воинства Жижки или Кромвеля, ведущего в бой своих "железнобоких".

Мюнцер раздувает мятеж

В то же время Лютер никогда бы не осудил крестьян столь резко, не возьми на себя другой человек ту самую роль, которая была ненавистна ему. Не будь Томаса Мюнцера, в Саксонии не вспыхнула бы крестьянская война. Изгнанный, он перебрался в Богемию, затем вернулся, постепенно обосновался в одной саксонской деревушке, взял в свои руки

власть и теперь, наконец, обнаружил в крестьянах под знаменем Bund тех избранных, которым надлежит уничтожить нечестивцев и утвердить царство святых. Цель заключалась не в том, чтобы устранить экономические несправедливости. В Саксонии они не были ярко выражены, поскольку крепостное право там давно упразднили. Мюнцер ратовал за экономические перемены только в интересах религии. У него хватило ума понять то, чего не заметил никто другой из его современников, - вера не может процветать в условиях физической эксплуатации. Он восклицал:

"Лютер заявляет, будто беднякам достаточно одной лишь веры. Разве не видит он, что поборы и налоги препятствуют принятию веры? Он утверждает, будто Слова Божьего достаточно. Разве не понимает он, что люди, всякий момент жизни которых поглощен заботами о хлебе насущном, не имеют времени для чтения Слова Божьего? Князя обескровили народ поборами. Они считают своими рыбу в воде, птицу в воздухе и траву в поле, а доктор Обманщик говорит: "Аминь!" Где же мужество у доктора Осторожного, у нового папы из Виттенберга, у доктора Мягкое Кресло, у лизоблюда-отступника? Он говорит, что бунтовать воспрещено, поскольку Бог вверил меч властителю, но сила меча принадлежит всему обществу. В добрые старые времена правосудие вершилось принародно, чтобы правитель не мог его извратить, и вот правители извратили правосудие. Они будут низвергнуты со своих престолов. Воронье уже собирается в стаи, чтобы пожрать их трупы".

В подобном настроении Мюнцер прибыл в Мюльхаузен. Именно на нем лежит ответственность за разжигание там крестьянской войны. Перед алтарем он развернул огромное шелковое знамя с изображением радуги и девиза: "Слово Божье пребывает вовек". "Пора! Настало время! - вскричал он. - Будь вас даже всего лишь трое, посвященных Богу, вам нечего бояться ста тысяч! Вперед! Вперед! Вперед! Никакой жалости! Не жалейте нечестивцев, когда они рыдают. Помните, что Бог повелел Моисею уничтожать нечестивых полностью и без жалости. Поднялись все крестьяне. Бейте! Крушите! Крушите! Вперед! Вперед!"

Деревня действительно пребывала в волнении. Крестьяне поднимались повсюду. А утомленный Фридрих Мудрый ожидал смерти. Своему брату Иоганну он писал: "Возможно, крестьянам предоставили долгожданный повод к восстанию как раз помехи, чинимые Слову Божьему. Многократно бывал бедный народ обманут своими господами, и ныне Бог ниспосылает гнев Свой на нас. Если будет на то Его воля, к власти придет простой человек. Если не будет на то Его воли, конец вскоре будет иным. Будем же молить Бога простить наши грехи, вверяя исход в Его руки. Он благоустроит все в Свое благоволение и прославление". Брат Иоганн уступил крестьянам принадлежавшее власти право сбора налогов. Фридриху он писал: "Как князья мы разгромлены".

Лютер пытался перегородить хлынувший поток плотинной, отправившись в гущу крестьян, чтобы обратиться к ним с увещанием. Они встретили его насмешками и ненавистью. Тогда он написал трактат "Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян". По его разумению, ад опустел, поскольку все бесы подались к крестьянам, а сатана пребывает в Томасе Мюнцере, "который лишь подстрекает к грабежу, убийству и кровопролитию". Христианский правитель, подобный Фридриху Мудрому, должен воистину обратиться к своему сердцу и смиренно молиться о помощи против дьявола, поскольку наша "война не с плотью и кровью, но с духовным нечестием". Кроме того, князю надлежит выйти за рамки своего долга и предложить условия мира обезумевшим крестьянам. Если же они эти условия отвергнут, ему следует незамедлительно взяться за меч. Лютер никоим образом не приветствовал намерение Фридриха Мудрого ничего не предпринимать, предоставив решать исход событий Господу. Ему больше импонировал Филипп

Гессенский, который сказал: "Если бы не моя решительность, вся смута в моей местности вышла бы из берегов через четыре дня".

Лютер сказал:

"Если поселянин пошел на открытый бунт, он поставил себя вне Закона Божьего, ибо бунт есть не просто убийство, но подобен огромному пожару, который охватывает всю землю, оставляя за собой пепелище. Так и бунт приносит с собой убийства и кровопролитие, он оставляет вдов и сирот, переворачивая все вверх дном, подобно великому бедствию. Посему пусть всякий, кто способен, колет, рубит и поражает, будь то тайно или открыто, памятуя, что не может быть ничего более пагубного, вредоносного и дьявольского, чем бунт. Представьте, будто перед вами взбесившийся пес, и если вы не убьете его, он погубит вас и с вами всю землю".

Некоторые из князей выказали излишнюю готовность колоть, рубить и поражать, а Томас Мюнцер тут же предоставил им повод для этого. Герцог Георг, ландграф Филипп и некоторые другие проявили достаточную быстроту. Мюнцер с крестьянским войском сосредоточился близ Франкенхаузена. Крестьяне известили князей, что не ищут ничего, кроме праведности Божьей, и желают избежать кровопролития. Князья отвечали: "Выдайте нам Томаса Мюнцера. Остальных пощадим". Предложение было заманчивым, но Мюнцер пустил в ход все свое красноречие: "Не бойтесь. Гидеон с малой горсткой сокрушил мадиамян, а Давид поразил Голиафа". И в этот момент на небе появилась радуга - тот самый символ, что был изображен на знамени Мюнцера. Крестьяне сплотили ряды. Но князья воспользовались перемирием для того, чтобы окружить их. Лишь шестьсот человек попали в плен. Пять тысяч были изрублены.

Мюнцер бежал, но был схвачен и обезглавлен после пыток. Затем князья принялись за расправу.

Разгром и его влияние на Реформацию

Не лучше обстояло дело у крестьян и в других местах. Во главе Швабской Лиги стоял полководец, который, столкнувшись с превосходящими силами, обращался к дипломатии, двуличию, уловкам и лишь в крайнем случае вступал в бой. Ему удалось раздробить крестьянские войска и уничтожить их поодиночке. Крестьян заманили в западню и в конце концов одолели числом. Утверждается, что было убито 100 тысяч человек. В день торжественного въезда епископа Конрада в Вюрцбург это событие было отпраздновано казнью 64 горожан и крестьян. Когда епископ объезжал свою епархию, его сопровождал личный палач, казнивший за это время 272 человека. На крестьян наложили огромную контрибуцию, и все же крестьянство как класс уничтожено не было. Знать еще не могла позволить себе стереть с лица земли землепашцев. Не были они и разорены, так как смогли выплатить наложенную на них дань. Но надежде крестьянства непосредственно участвовать в политической жизни Германии был положен конец. На три столетия крестьяне превратились в безрогих быков.

К сожалению, свирепый трактат Лютера задержался в типографии и появился как раз во время расправы с крестьянами. Лютер пытался смягчить его звучание, написав другой памфлет, в котором он продолжал утверждать, что уши бунтовщиков следует прочистить пулями. Но при этом Лютер добавлял, что у него нет намерения лишать пленников милости. Вместо того чтобы, покинув крестьян, воротиться в ад, все бесы, - утверждал Лютер, - ныне вошли в викариев, которые теперь просто мстили.

Но этот трактат остался незамеченным, а печально знаменитые слова Лютера - "колите, рубите и душийте" - навлекли на него несмыслимый позор. Крестьяне обвиняли Лютера в предательстве их дела, а князья-католики в то же время возлагали на него ответственность за все беспорядки. Как следствие, крестьяне теперь стремились обрести религиозное утешение в анабаптизме, хотя не следует и переоценивать эту тенденцию. Общую аграрную окраску анабаптистского движения ни в коем случае нельзя считать исключительно результатом Крестьянской войны. В большей степени она была вызвана теми гонениями, в ходе которых города избавлялись от анабаптизма быстрее, чем деревня. Не произошло и массового отхода крестьян от своей веры, и до конца жизни Лютера его община в большинстве своем состояла из крестьян, проживавших близ Виттенберга. Тем не менее позиция Лютера во многом объяснялась отчужденностью крестьян.

Одновременно католические князья возлагали на Лютера ответственность за все восстание в целом. Особую окраску этому обвинению придавало выступление на стороне крестьян сотен лютеранских священнослужителей - как добровольно, так и по принуждению. Впоследствии католические правители проявили величайшее усердие, отлучая евангелических проповедников. Тем, что католицизм сохранился в Баварии и Австрии, он обязан не столько контрреформации, сколько Крестьянской войне.

Наибольшие страдания доставлял Лютеру он сам. Лютер начал страшиться - но не Бога, не дьявола, не себя самого, а хаоса. Иногда страх превращал его в человека черствого и неразборчивого, готового простить угнетение безвинных из опасения, что среди них могут скрываться начинающие Томасы Мюнцеры.

Это привело к тому, что сфера деятельности Лютера непрерывно сокращалась. Среди католиков - как церковников, так и мирян - царил дух ожесточения. В Швейцарии, в южногерманских протестантских городах и среди анабаптистов появились различные формы протестантизма. Даже в Виттенберге одно время тайно действовали приверженцы сект, и нельзя было с уверенностью сказать, что подобные проникновения не повторятся. Но в оставшихся под его влиянием районах Лютер был решительно настроен созидать.

Глава семнадцатая

ШКОЛА ХАРАКТЕРА

Смятенный, отброшенный назад, ограниченный в своих возможностях, гонимый, Лютер делал все, что мог. Наиболее неожиданным и ярким подтверждением его принципов была его собственная женитьба. Если он не имел возможности реформировать весь христианский мир, то уж пасторскую семью он создать мог и сделал это. Сам он ни о чем подобном не помышлял, и когда во время его пребывания в Вартбурге монахи стали жениться, Лютер воскликнул: "Боже благий! Уж. меня-то им не женить!" После того, как это произошло, Лютер заметил, что если бы в Вормсе ему сказали, что спустя шесть лет он женится, он бы этому не поверил.

Но реальная ситуация оказалась порождена его учением, которое вызывало перемену убеждений. Из монастырей уходили не только монахи, но и монахини. Несколько сестер из близлежащей деревни обратились к нему за советом. Монашки не знали, как им быть после того, как они приняли евангельскую веру. Лютер взялся организовать их бегство.

Это был дерзкий поступок, поскольку похищение монахинь рассматривалось как преступление, каравшееся смертной казнью, и герцог Георг в точности следовал этому закону. Фридрих Мудрый, может быть, и не столь жестокий, также не приветствовал открытого нарушения закона. Лютер тайно заручился поддержкой уважаемого бюргера из Торгау по имени Леонард Копп. Шестидесятилетний Копп был торговцем и время от времени привозил в обитель бочки с селедкой. Накануне праздника Воскресения Христа в 1523 году он спрятал двенадцать монашек в своем крытом фургоне. Копп накрыл их мешковиной и обвязал веревкой, будто то были пустые бочки. Три монахини вернулись в свои дома. Остальные девять приехали в Виттенберг. Один студент так написал об этом своему приятелю: "Только что в город прибыл полный фургон монашек-девственниц, и все они больше всего на свете мечтают выйти замуж. Так дарует же им Бог мужей, иначе дело будет худо".

Лютер считал своей обязанностью подыскать им всем жилье, мужей или какое-нибудь занятие. Само собой напрашивалось решение, что уж об одной из них он может позаботиться, женившись сам. Так кто-то ему и сказал. На это 30 ноября 1524 года Лютер ответил, что у него нет намерения вступать в брак - не потому, что он камень бесчувственный, и не потому, что ему чужда сама идея женитьбы, но из-за ежедневного ожидания того, что его казнят как еретика. Спустя пять месяцев Спалатин намеренно повторил предложение о женитьбе. Лютер ответил:

"Касательно того, что вы пишете о моей женитьбе, то не следует удивляться, что я еще не сочетался браком, даже если и прославился как любовник. Вам следует более удивляться тому, что, уделяя столь много места в своих писаниях вопросу о браке и будучи вынужденным посему так много иметь дело с женщинами, я сам еще не превратился в женщину, не говоря уже о женитьбе на одной из них. Хотя, если вам требуется мой пример, вы имеете его в преизобилии, поскольку некогда у меня было трое жен и любил я их столь горячо, что две из них ушли к другим мужьям. Третью я едва удерживаю левою рукой, не то и ее у меня вот-вот похитят. Вы же, воистину, любовник робкий, коли не осмеливаетесь жениться даже на одной".

Шутливые слова о трех женах, безусловно, относятся к трем монашкам, которых ему еще оставалось пристроить.

В конце концов все были устроены, за исключением одной - Катарины фон Бора. Спустя два года после своего бегства она все еще занималась домашним хозяйством Лютера, что, кстати, дало ей возможность получить великолепное образование. Но Катарина мечтала о лучшей доле, надеясь связать свою судьбу с молодым дворянином из Нюрнберга, который учился в Виттенберге. Однако когда молодой человек вернулся домой, его семья решительно выступила против такого брака. Безутешная Катарина попросила Лютера разузнать, как обстоят дела. Дела же обстояли так, что нюрнбержец женился на другой. Лютер нашел для Катарины подходящего жениха, некоего доктора Елатца, но она о нем и слышать не хотела. Как бы то ни было, положение Катарины было весьма деликатным. Она понимала, что для Лютера история с монашками является серьезным испытанием, тем более что все это происходило в разгар Крестьянской войны. Ей дольше всех не удавалось устроить свои дела. В те времена ранних браков двадцатилетняя девушка имела все основания полагать, что время, отпущенное ей для устройства своего семейного положения, вот-вот истечет. В отчаянии она обратилась к гостившему в Виттенберге доктору Амсдорфу из Магдебурга. Не согласится ли он сказать Лютеру, что Елатц ей просто ненавистен? Ведь он поймет Катарину. Она согласна выйти замуж за Амсдорфа

или за Лютера. Этих двоих она, возможно, назвала потому, что оба они уже вышли из возраста, когда обычно вступают в брак, и такое предложение ей ничем не грозило. Лютеру было сорок два года.

Лютер не задумывался над этим предложением всерьез до тех пор, пока не отправился домой навестить своих родителей. То, что сам Лютер расценил как невероятную шутку, его отец воспринял как вполне разумный вариант. Он хотел, чтобы сын продолжил их род. Предложение Катарины начало казаться Лютеру привлекательным еще и по другой причине. Если ему предстоит до конца года сгореть на костре, то вряд ли есть смысл обзаводиться семьей. Но, женившись, он узаконит статус Катарины и засвидетельствует свою веру. В мае 1525 года в частном разговоре Лютер по секрету рассказал, что прежде чем умрет, он женится на Кати. А в начале июня, когда Альбрехт Майнцский подумывал о том, чтобы придать несколько мирской оттенок своему епископству, последовав примеру своего кузена в Бранденбурге, Лютер писал: "Если моя женитьба укрепит его, то я готов. Я верю в брак и намерен жениться прежде, чем умру, пусть даже это будет помолвка, подобная женитьбе Иосифа". О страстной любви речи не было. "Нельзя сказать, что я потерял голову, - говорил Лютер, - хотя я и обожаю свою жену". В другой раз он заявил: "Я не променял бы Кати ни на Францию, ни на Венецию, поскольку Бог дал ее мне, а другие женщины обладают худшими недостатками". Решение жениться он объяснял тремя причинами: чтобы доставить удовольствие своему отцу, чтобы позлить папу и дьявола и чтобы запечатлеть свое свидетельство перед мученической смертью.

За принятым решением женитьба последовала быстро, чтобы предотвратить сплетни и возражения. "Все добрые мои друзья, - рассказывал Лютер, - вскричали: "Ради Бога, только не это!" Судья предрекал, что "мир и дьявол будут потешаться, и труд Лютера останется незавершенным". Любопытно, что именно в такой ситуации

Спалатин поинтересовался мнением Лютера о длительных помолвках. Тот отвечал: "Не откладывайте на завтра! Промедлив, Ганнибал потерял Рим. Промедлив, Исаа лишился прав, положенных ему по первородству. Христос сказал: "Будете искать Меня, и не найдете". Таким образом. Писание, опыт и все творение свидетельствуют о том, что дары Божьи следует принимать без промедления". Это было написано 10 июня. А 13-го состоялась публичная помолвка Лютера и Катарины, и в глазах закона он стал, таким образом, женатым человеком.

Последовавшая за обручением публичная церемония представляла собой скромное торжество, на котором объявили о заключении брачного союза.

Это было праздничное событие. Свадьбу назначили на 27 июня. Лютер разослал приглашения. Спалатину он написал: "Вы должны приехать на мою свадьбу. Я заставил ангелов смеяться, а бесов рыдать". Другому приглашенному: "Несомненно, до вас дошли слухи о моей женитьбе. Мне самому трудно в это поверить, но доказательства тому слишком весомы. Свадьба состоится в следующий четверг в присутствии моих родителей. Надеюсь, что вы сможете приехать". Амсдорфу, который выступил в роли свата Катарины: "Слухи о моей женитьбе верны. Я не могу лишать своего отца надежды на продолжение рода и должен подтвердить свое учение в то время, когда многих обуяла робость. Надеюсь, что вы пришлете дичи и приедете сами". Нюрнбержцу: "В целом мой трактат был отвергнут крестьянами. Я сожалел бы, если бы вышло иначе. Когда я размышлял об иных делах. Бог неожиданно наставил меня жениться на Катарине. Я приглашаю вас и освобождаю от всяческих помыслов о настоящем". Леонарду Коппу/организовавшему побег монашек: "Я намереваюсь жениться. Бог любит творить чудеса и удивлять мир. Вы должны приехать на мою свадьбу". Любопытно, что есть и

другое приглашение Коппу. Редактор писем в веймарском издании сомневается в его истинности. Оно гласит: "Свадьба моя состоится в четверг. Мы с госпожой Кати приглашаем вас прислать бочку наилучшего пива из Торгау, а если оно окажется нехорошим, вам самому придется выпить всю бочку".

В назначенный день в десять утра Лютер под колокольный звон провел Катарину по улицам Виттенберга к приходской церкви, в портале которой на глазах у всех состоялась религиозная церемония. Затем последовал обед в августинской обители, а за ним вечер с танцами в ратуше. Вечером был дан еще один банкет. В одиннадцать все гости разошлись под угрозой того, что обязанность отправить их по домам возьмут на себя судебные исправники.

Семейная жизнь

Женитьба принесла множество перемен в образ жизни Лютера. "До того, как я женился, постель моя не перестилалась целый год и пропиталась потом. Но я так много трудился и так уставал, что падал в нее, ничего не замечая". Кати навела порядок в доме. Требовалось произвести и другие перемены. "В первый год семейной жизни ко многому надобно привыкнуть, - вспоминал Лютер. - Просыпаешься утром и видишь на подушке пару косичек, которых там раньше не было". Вскоре он обнаружил, что муж должен считаться с пожеланиями жены. Страхи и слезы Кати удержали его от поездки на свадьбу Спалатина, поскольку по пути вполне можно было подвергнуться нападению крестьян. Если Мартин шутливо называл жену "мое ребро", то так же часто он именовал ее "госпожа моя". Иногда он даже менял имя Кати так, что оно звучало Луюеу, что по-немецки означает "цепь";

Женитьба принесла и новые финансовые обязанности, поскольку супруги не имели за душой ни гроша. Мать Катарины умерла, когда та была совсем малышкой. Отец отдал ее в монастырь и женился вновь. Ничего для нее он не сделал и теперь. Все богатство Лютера составляли его книги и одежда. Он не имел права претендовать на финансовую помощь от монастыря, поскольку снял сутану. За свои сочинения Лютер не получал ничего, а университетского жалованья было недостаточно для содержания семьи. В 1526 году он обзавелся токарным станком и научился резьбе по дереву, чтобы в случае нужды иметь возможность прокормить свою семью. Можно, правда, усомниться в серьезности таких планов. Лютер был намерен всецело посвятить себя служению Слову, и он верил в то, что Отец Небесный позаботится о нем. Архангелу Гавриилу пришлось, должно быть, много похлопотать, уговаривая близких к Лютеру влиятельных особ. Ему удалось расположить августинский монастырь к Лютеру и его жене. Фридрих удвоил жалование Лютеру и часто посылал ему дичь, одежду и вино. А архиепископ Майнцский Альбрехт Бранденбургский прислал Кати двадцать золотых гульденов - подарок, который ее муж намеревался отклонить.

Если брак принес с собой новые обязанности для Лютера, то для Кати тем более. Нелегкая это задача - вести хозяйство столь расточительного мужа. Вносимые им жертвования отличались такой щедростью, что Лукас Кранах, художник и банкир, отказался оплатить его чек. Вот как на это отозвался Лютер: "Я не могу себе позволить прослыть скрягой". Он был раздражающе весел. "Долги меня не тревожат, - сказал он, - ведь как только Кати оплачивает один из них, тут же появляется другой". Она не спускала с него глаз, и не зря. В письме одному из своих друзей Лютер писал: "В качестве свадебного подарка посылаю вам вазу. P.S. Кати спрятала ее". Но кое в чем он был

незаменимым помощником. Он ухаживал за огородом, где росли салат, капуста, горох, фасоль, дыни и огурцы. Кати же присматривала за садом. Он располагался за городом и снабжал их яблоками, виноградом, грушами, орехами и персиками. Она же взяла на себя заботу о пруде, в котором разводили форелей, карпов, щук и окуней. На плечи жены легла также обязанность смотреть за животными. Лютеры держали кур, уток, свиней и коров. Кати сама забивала скот. В письме, написанном в 1535 году, Лютер упоминает о ее трудах: "Госпожа моя, Кати, приветствует вас. Она засаживает наши поля, пасет скотину, продает коров, et cetera [можно только догадываться, сколько еще дел входило в это et cetera]. В промежутках она начала читать Библию. Я обещал ей 50 гульденов [где он надеялся их достать?], если Кати завершит ее к Пасхе. Она усердно читает и уже заканчивает пятую книгу Моисея". Несколько лет спустя Лютер приобрел хутор в Зюльсдорфе. Хозяйничала там Кати, которая проводила на хуторе несколько недель в году. Во время одного из таких визитов Лютер писал ей: "Богатой владелице Зюльсдорфа, госпоже Катарине Лютер, живущей во плоти в Виттенберге, но духом пребывающей в Зюльсдорфе." И далее: "Возлюбленной жене моей Катарине, госпоже Лютер, повелительнице свинарника, госпоже Зюльсдорфа и обладательнице всяческих иных титулов, которые соблаговолит избрать ваша милость".

Смотреть за Лютером было тем более сложно, что он очень часто болел. Его непрестанно мучали подагра или бессонница, катар или геморрой, запор или камни, головокружения или звон в ушах. Кати хорошо умела лечить травами, припарками и массажем. Сын Лютеров Пауль, ставший впоследствии врачом, говорил, что матушка наполовину доктор. Кати удерживала Лютера от употребления вина и давала ему пиво, которое служило успокоительным во время бессонницы и облегчало каменную болезнь. Пиво она варила сама. С какой благодарностью вспоминал Лютер заботу жены, пребывая вдали от дома! Прожив год в браке, он писал своему другу: "Моя Кати так любезна и так старается угодить мне, что я не променял бы свою нищету на все богатства Креза". Дань своего высочайшего уважения Кати Лютер отдал, посвятив свой комментарий к Посланию Павла Галатам "моей Катарине фон Бора". Его порой даже беспокоила столь сильная привязанность: "Я благодарен Кати более, чем Христу, сделавшему для меня куда больше".

Дети и застольные беседы

Вскоре Кати принесла Лютеру радости, о которых он и не помышлял. 21 октября 1525 года Лютер написал своему другу: "Моя Катарина исполняет напутствие, о котором повествует Бытие 1:28". 26 мая 1526 года он писал в другом письме: "Скоро родится дитя монаха и монахини. Крестным отцом у такого ребенка должно быть очень важное лицо. Посему я приглашаю вас. Пока не могу в точности назвать время рождения". 8 июня Лютер известил о долгожданном событии: "Вчера в два часа Божьей милостью драгоценная моя Кати подарила миру крохотного сына, Ганса Лютера. Прекращаю писать. Кати нездорова и зовет меня". Когда малыша запеленали, Лютер сказал: "Дерись, малыш. Вот так и меня спеленал папа, но я освободился". Вот следующая запись, касающаяся Ганса: "У Ганса режутся зубки. Он уже веселый проказник. Вот те радости женитьбы, которых недостойн папа". Когда родилась дочь, Лютер писал ее предполагаемой крестной: "Любезная госпожа! Нас с моей женой Кати Господь одарил маленькой язычницей. Выражаем надежду, что вы не откажетесь быть ее духовной матерью и поможете малышке стать христианкой". Всего у них родилось шестеро детей. Вот их имена и даты рождения: Ганс, 7 июня 1526; Елизавета, 10 декабря 1527; Магдалена, 17 декабря 1529; Мартин, 9 ноября 1531; Пауль, 28 января 1533; Маргарет, 17 декабря 1534.

Семья для Лютеров - это не только дети, но и те, кого они приняли под свой кров. В ночь их свадьбы, когда к одиннадцати часам все приглашенные разошлись, появился еще один гость, о котором не знали городские власти. Это был Карлшпигт. Он бежал от Крестьянской войны и просил убежища. И Лютер, сделавший столь много для того, чтобы изгнать Карлшпигта из Саксонии, принял его в собственном доме в ночь своей свадьбы. Конечно, Карлшпигт не остался в доме Лютера навсегда, зато появились другие. А поскольку монастырь был велик и вполне подходил для больницы,

туда помещали также и больных. Впоследствии Лютеры, помимо шестерых собственных детей, вырастили и четырех осиротевших детей своих родственников. Чтобы как-то поправить материальное положение, Лютеры прибегли к хорошо известному в учительских семьях приему: они открыли пансион для студентов. Иногда в доме проживало до двадцати пяти человек.

Конечно, Кати не в состоянии была управляться с таким хозяйством одна. В доме были служанки и слуги, но следить за всем, конечно, приходилось ей. Наверное, основная трудность заключалась в том, что она всегда оставалась незамеченной в тени своего знаменитого мужа. Катарина к такой ситуации была готова и не противилась ей. Она всегда обращалась к Мартину на "вы", называя его "доктор". Но, наверное, временами ей бывало чуть-чуть обидно, поскольку он неизменно находился в центре любого разговора. И нельзя сказать, что в этом полностью был виноват сам Лютер. Столовавшие у Лютеров студенты воспринимали обеденное время как возможность пополнить свои знания. Они приходили на обед с тетрадями, в которые записывали все, что Лютер говорил. Кати подумывала о том, чтобы побудить Лютера брать с них за это плату.

Хотя иногда такое положение дел вызывало раздражение и у Лютера, он ничего не делал, чтобы изменить его. Однажды студенты даже указали Лютеру, что он заслоняет им свет. Он много рассказывал о своих встречах с сатаной, которые продолжались до тех пор, пока он, желая их прекратить, не стал относиться к сатане с некоторым пренебрежением. Кати же была просто великолепна. Однажды, почувствовав себя плохо, она встала из-за стола и удалилась в свою комнату. Там она потеряла сознание, а очнувшись, вернулась и сообщила - причем по-латыни, - что пережила *multa periculis* [страшную опасность]. С тех пор ее компетенция не подвергалась сомнению.

Лютеровская книга "Застольные речи", заслуживает внимания хотя бы из-за своих размеров. В томе содержится 6596 записей. Эта книга - одна из наиболее известных его работ, поскольку после смерти Лютера его студенты тщательно собрали и рассортировали свои записи, составившие прекрасную книгу, украшенную гравюрой, которая изображала Лютера, сидящего за столом со своей семьей. Однако издание не дает полного представления о пышном богатстве и непредсказуемом разнообразии оригинала. Затрагиваемые Лютером темы простирались от неопишуемого величия Бога Вседержителя до жизни лягушек на берегах Эльбы. Беседа перескакивала от свиней к папам, от беременности к политике и пословицам. Какое-то отдаленное представление могут дать наугад взятые примеры:

"Монахи - это вши на шубе Господа Бога".

Когда Лютера спросили, откуда в нем столько неистовства, он ответил: "Прутик можно перерезать хлебным ножом, но для дуба вам потребуется топор".

Бог использует похоть, чтобы побудить человека к браку, честолюбие - чтобы заставить его стремиться к высокому положению, алчность - для заработка, а страх - для веры.

Из всех частей тела человеческого папа оставил без внимания одну лишь заднюю.

Книгопечатание - это последнее и наилучшее из всего, что сделал Бог для распространения Евангелия по всему миру.

Меня можно назвать опорой для папы. Без меня ему будет куда хуже.

Птицам недостает веры. Они улетают всякий раз, когда я захожу в сад, хотя я и не умышляю ничего дурного. Точно так же и нам недостает веры в Бога.

Носятся слухи, что конец света наступит в 1532 году. Надеюсь, что ждать осталось недолго. Последнее десятилетие тянется подобно веку.

Появилась карикатура, на которой меня изображают в виде чудовища с семью головами. Должно быть, я непобедим, поскольку меня невозможно одолеть, хотя у меня всего лишь одна голова.

Собаки - самые верные животные, и, не будь они столь многочисленны, их следовало бы ценить более высоко.

Умалишенный утверждал, будто он петух, и несколько дней расхаживал, кукарекая. Врач сказал, что он тоже петух, и несколько дней кукарекал вместе с ним. Потом он сказал: "Я больше не петух, и ты изменился тоже". Это помогло.

Германия - папская свинья. Вот почему мы должны давать ей столько окороков и колбас.

Сколько же лжи вокруг реликвий! Одну из них выдают за перо из крыла архангела Гавриила, а епископ Майнцский утверждает, будто у него есть уголек от неопалимой купины, из которой Господь говорил с Моисеем. А как случилось, что в Германии похоронены восемнадцать апостолов, когда у Христа было всего двенадцать учеников?

"Не представляю себе, что мы будем делать на небесах, - размышлял Лютер. - Ничего не происходит, ни работы, ни еды, ни питья, и делать нечего. Зато, я думаю, там есть на что посмотреть". "Да, - отвечал Меланхтон. - Господь, яви нам Отца, и этого будет достаточно". "Ну, конечно, - отвечал Лютер, - тогда нам не придется скучать".

Ноев ковчег имел 300 локтей в длину, 50 - в ширину и 30 - в высоту. Не будь так сказано в Писании, я бы не поверил. Окажись я в ковчеге, я бы умер. Он был в три раза больше моего дома, а внутри темно и полно животных.

Меня пытаются превратить в недвижимую звезду. Я - неправильная планета.

В турецкую войну один из начальников сказал своим воинам, что если они погибнут, то ужинать будут вместе со Христом в раю. Начальник этот бежал с поля боя. На вопрос, отчего он не пожелал ужинать с Христом, он ответил, что в этот день у него пост.

26 мая 1538 года шел сильный дождь. Лютер сказал: "Славьте Бога. То, что Он дарует нам, ценнее ста тысяч гульденов. С дождем к нам приходит урожай кукурузы, пшеницы, ячменя, винограда, капуста, лука, приходит обилие трав и молока. Все свое добро мы

получаем бесплатно. А Бог посылает к нам Своего едиnorodного Сына, и мы распинаем Его".

"Я крестьянский сын, - сказал Лютер, - и внук, и правнук. Батюшка хотел, чтобы я стал бургомистром. Он отправился в Мансфельд и работал рудокопом. Я выучился на бакалавра и магистра. Затем я стал монахом и снял свой коричневый берет. Батюшке это не понравилось, а я впоследствии позлил папу римского, женившись на бывшей монашке. Какие звезды предсказали эти события?"

Приведенные выше выдержки убедительно говорят сами за себя, но необходимо все же сказать несколько слов относительно вульгарности Лютера, поскольку зачастую его представляют необычайно грубым, цитируя в качестве подтверждения "Застольные речи". Его никак не назовешь человеком утонченным, как нельзя этого сказать обо всем его поколении. Дурно пахла сама жизнь. Невозможно было пройтись по улочкам Виттенберга, не ощутив запахов хлева, отбросов и бойни. И даже самые утонченные натуры не могли игнорировать реалии повседневной жизни. Однажды Лютер не смог присутствовать на богослужении в церкви и спросил Кати, как оно проходило. "В церкви было столько народу, что там воняло". "Да, - сказал Лютер, - у них навоз на башмаках". Эразм без всякого смущения пишет рассказ, в котором мясник и торговец рыбой спорят, чей товар более вонючий. Лютер прибегал к грубым выражениям реже, чем другие, образованные люди его времени. Если же он позволял себе такое удовольствие, то и это делал столь же мастерски, как и все остальное. В сравнении, однако, со всем, им сказанным, объем грубостей будет совсем невелик.

Клеветники из всего многоцветия девяноста томов его сочинений избрали лишь несколько страниц, наполненных вульгарностью. Но есть целые тома, в которых самое грубое - цитата из Павла, который "отказался от всего" и почитает это за навоз [в Синодальном переводе русской Библии здесь (Флп. 3:8) использовано слово "мусор". - Примечание переводчика], чтобы приобрести Христа.

Здесь же уместно сказать несколько слов и о пьянстве Лютера. Он мог много выпить и гордился этой своей способностью. Под рукой у Лютера всегда была мерная кружка с тремя кольцами. Первое, по его словам, олицетворяло Десять заповедей, второе - апостольский символ, а третье - молитву "Отче наш". Лютеру доставляло огромное удовольствие то, что он способен был осушить кружку вина вплоть до молитвы "Отче наш", в то время как Агрикола не мог преодолеть Десять заповедей. Однако нигде не упоминается, что его хотя бы раз видели пьяным.

Взгляды на брак

Но вернемся к браку. Женившись, чтобы засвидетельствовать свою веру, Лютер воистину обрел семейное счастье. Больше чем кто-либо другой он определил характер отношений в немецкой семье на последующие четыре века. И здесь уместно остановиться на его взглядах на брак. В этом, как и во многих других вопросах, он следовал путем Павла и Августина. Его взгляды на семью были сугубо патриархальными. По Лютеру, муж главенствует над женой, поскольку он был сотворен первым. Ей же следует не только любить мужа, но также чтить его и повиноваться. Супруг должен править ею с нежностью, но тем не менее править. У жены есть свои обязанности. В воспитании детей ее возможности несравненно больше, чем у мужа. Но жене следует заниматься тем, что ей положено. Хотя Лютер и не говорил, что жена должна ограничиваться детьми, церковью и кухней, он утверждал, что Бог сотворил женщину с широким задом для того, чтобы она сидела на нем, оставаясь дома. Дети обязаны повиноваться родителям, особенно отцу,

который наделен в семье такой же властью, как правитель в государстве. Неуважение к родителям есть нарушение Десяти заповедей. Однажды Лютер, несмотря на заступничество Кати и других членов семьи, в течение трех дней отказывался простить своего сына, хотя тот умолял об этом. Провинность сына состояла в том, что он проявил непослушание отцу и оскорбил, таким образом, Всевышнего. Лютер был бы куда более добрым отцом, если бы мог хоть иногда забывать о Боге. Не следует, однако, упускать из виду, что, по его мнению, пряник всегда должен лежать рядом с кнутом.

Институт брака Лютер рассматривал исключительно через призму семейных отношений. Для проявлений неограниченного индивидуализма места не оставлялось. Выбор партнера по браку должна делать семья. И хотя родители не должны понуждать детей к браку с теми, кто им неприятен, детям, в свою очередь, не следует отвергать благоразумный выбор старших, исходя из своих сердечных влечений. Подобная структура отношений заимствована непосредственно из средних веков, когда католическая церковь и сугубо земледельческое устройство общества способствовали превращению брака в институт, цель которого заключается в продолжении рода и сохранении имущества. Романтическая революция во Франции - изменение взглядов на любовь и ухаживание - первоначально не затронула семейных отношений. Любовь и брак соединились лишь в эпоху Ренессанса.

Все эти течения были абсолютно чужды Лютеру. Его идеалом оставалась Ревекка, принявшая того мужа, которого назначила ей семья. Что же до Иакова, то в глазах Лютера он подлежал осуждению, поскольку, приняв Лию, которая родила ему детей, Иаков тем не менее служил Лавану еще семь лет, побуждаемый любовью к ее сестре, Рахили. Такая судьба Иакова, однако, радовала Лютера, поскольку доказывала, что он был спасен по вере, а не по делам. Но если в этом Лютер сохранял средневековые представления, то в другом он отошел от них. Примечательно, что он отрицал обязательность сохранения девственности до замужества. Такая его позиция открывала путь для романтической любви и более полноценного семейного счастья. Но непосредственные ее последствия были прямо противоположными. В своей ранней полемике Лютер низводил брак до самого примитивного физиологического уровня. Противодействуя церковному вмешательству в институт брака, он утверждал, что интимная близость столь же необходима человеку и неизбежна, как еда или питье. Не имеющие дара целомудрия должны получать удовольствие. Отказывать им в этом праве все равно, что предпочесть семейным узам блуд. К истолкованию этих слов следует, однако, подходить с осторожностью. Лютер вовсе не подразумевал невозможность сохранения физиологической непорочности. Он лишь желал сказать, что не имеющих сексуального удовлетворения будет терзать желание, и по этой причине брак является состоянием более чистым, чем монашество. Написанные Лютером до 1525 года противоречивые трактаты, однако, способны создать впечатление, будто единственное назначение брака состоит в том, чтобы служить лекарством от греха.

После того как Лютер женился, акценты в его трудах сместились, и теперь уже он изображает брак как школу формирования характера. В этом смысле он заменяет монастырь, который Церковь воспринимала в качестве инструмента формирования добродетели и надежнейшего пути на небеса. Отвергая всякую возможность делами заслужить спасение, Лютер в то же время вовсе не отрицал возможность воспитать в себе крепость характера, терпение, любовь и смирение. Семейная жизнь многого требует от человека. Главу семьи всю жизнь не оставляет тревога о хлебе насущном. Жена рождает детей. Во время беременности ее мучают головокружения, головные боли, тошнота, зубная боль и отеки ног. Муж способен облегчить ее родовые муки, сказав: "Милая Грета, подумай о том, что ты женщина и труд твой угоден Богу. Радуйся, ибо ты исполняешь Его волю. Рожай дитя. Если тебе суждено умереть, то это будет смерть в благородном труде и

послушании Богу. Не будь ты женщиной, ты пожелала бы стать ею, чтобы иметь возможность страдать и умереть, выполняя столь драгоценную и благородную работу Божью". Воспитание детей - испытание для обоих родителей. Одному из своих малышек Лютер сказал: "Дитя! Что ты сделал для того, чтобы я тебя так любил? Своим ревом ты уже поднял на ноги весь дом". Младенец орал уже целый час, и силы родителей были на исходе. Лютер вздохнул: "Именно это и побуждало Отцов Церкви всячески поносить брак. Но перед последним днем Бог восстановил истинную ценность брака и магистратуры". Основные заботы ложились на плечи матери. Но и отцу приходилось развешивать пеленки, что доставляло немало веселых минут соседям. "Пусть смеются. Бог и ангелы тоже улыбаются на небесах".

Между супругами случались и ссоры. "Боже мой, - восклицал тогда Лютер, - эта семейная жизнь - одни лишь неприятности! Адам испортил нашу природу.. Подумайте только, сколько ссор довелось пережить Адаму с Евой за девятьсот лет семейной жизни! Ева, наверное, попрекала Адама: "Ты ведь яблоко-то съел". - А тот отвечал: "А дала его мне - ты"".

Однажды за столом Лютер без умолку говорил, отвечая на вопросы студентов. Когда он на секунду остановился, вмешалась Кати: "Доктор, отчего бы вам не помолчать и не поесть?"

"Я мечтаю лишь о том, - взорвался Лютер, - чтобы женщины, прежде чем открыть рот, повторяли про себя "Отче наш". Студенты попытались вернуть его в прежнее состояние духа, но Лютер, насупившись, так и промолчал до конца обеда.

Временами у Кати были все основания ответить Лютеру его же словами. Однажды, когда она громко молилась о том, чтобы пошел дождь, Лютер вмешался: "Воистину, отчего бы и нет. Господи? Мы преследовали Слово Твое и убивали святых. Мы заслужили Твое благоволение".

Жизнь семьи осложняло еще и то, что время работы и отдыха у Лютера и его жены не совпадало. Занимаясь весь день детьми, скотиной и слугами. Кати хотелось вечером поговорить с мужем на равных. Он же, после четырех проповедей, лекций и бесед со студентами во время обеда, больше всего хотел сесть в кресло и погрузиться в чтение. И тут вмешивалась Кати: "Господин доктор, а что, глава Пруссии действительно брат герцога?"

"Вся жизнь моя требует терпения, - говаривал Лютер. - Терпения требуют мои отношения с папой, с еретиками, с семьей и с Кати". При этом Лютер сознавал, что ему повезло.

В то же время ни в коем случае нельзя полагать, будто он исключал из брака любовь. Конечно же, христианин непременно должен любить свою жену, говорил Лютер. Он обязан любить ближнего как самого себя. А жена - самый близкий его ближний. Следовательно, она должна быть его самым дорогим другом. Свои письма к Кати Лютер завершал так: "Dir Lieb und treu". Если любовь сохранилась за годы семейной жизни, это свидетельство величайшей милости Божьей. "Первая любовь есть опьянение. Когда же оно проходит, наступает время для истинной любви в браке". Супруги должны научиться доставлять радость друг другу. В старые времена невесте давали такой совет: "Дорогая, пусть для мужа будет радостью переступить вечером порог своего дома". А жениху говорили: "Пусть жена скорбит всякий раз, когда тебе нужно уходить". "Самое большее, что можно пожелать человеку, - это прожить свою жизнь в покое и союзе с благочестивой,

любезной и послушной женой". "Союз плоти - ничто. Должен быть также и союз разума и привычек". "Кати, у тебя есть любящий супруг. Императрицей же пусть будет другая".

Когда Кати болела, Лютер восклицал: "О, Кати, только не умирай и не оставляй меня!"

Когда же Лютер болел и помышлял о смерти, он обращался к своей жене: "Любезнейшая моя Кати, прими свою участь, если на то Божья воля. Ты моя. Уверенность в том пусть дарует тебе покой. Держись Слова Божьего. Я желал написать книгу о крещении, но пусть все будет по воле Божьей. Да не оставит Он тебя и Ганса Своей заботой".

Кати отвечала: "Любезный мой доктор, если на то Божья воля, лучше вам пребывать с нашим Господом, нежели здесь. Но я размышляю не только о нас с Гансом. Так много людей нуждаются в вас. О нас же не печальтесь. Бог о нас позаботится".

Домашние радости

Лютер глубоко любил свою семью. Когда его коллега Йонас упомянул, что в плодах видит благословение Божье и поэтому повесил над своим столом вишневую ветвь, Лютер сказал: "А отчего вы не думаете о своих детях? Они перед вами непрестанно, и от них вы научитесь куда большему, чем от вишневой ветки". И в этих словах Лютера не было ничего сентиментального. "Боже благий, как, должно быть, Адам любил Каина, а тот, однако же, оказался убийцей брата своего". В 1538 году Лютер, окинув взглядом свою семью, заметил:

"Христос сказал, что, дабы войти в Царство Небесное, мы должны уподобиться малым детям. Боже благий. Он слишком многого требует от нас. Ужели мы должны стать такими недоумками?" Остается открытым вопрос, не приходилось ли и детям задумываться о том, кто же все-таки недоумок, - ведь однажды Лютер разрезал штаны Ганса, чтобы залатать свои собственные. Какой ребенок, однако, не простит с готовностью отца, который пишет ему такие письма? 22 августа 1530 года Лютер писал Гансу, которому тогда было четыре года:

"Любезный мой сын!

Радуюсь я известию о том, что ты многому научился и усерден в молитве. Так и продолжай, сынок, а когда я вернусь, то привезу тебе всю ярмарку.

Я знаю чудесный сад, где множество детей в золоченых платьях собирают под деревьями румяные яблоки, а также груши, вишни и сливы. Они весело играют и поют. У них есть чудесные пони с золочеными уздечками и серебряными седлами. Спросил я садовника, кто эти дети, и он отвечал мне: "Это дети, которые в послушании и с усердием молятся и учатся". И я сказал: "Добрый человек, у меня тоже есть сын, зовут его Ганс Лютер. Можно, и он придет в сад, и будет есть румяные яблоки и груши, и будет ездить на чудесном пони, и играть с этими детишками?" И человек тот отвечал мне:

"Если он любит молиться и учиться, и послушен, он тоже может прийти в сад, а с ним Липпус и Йост [сыновья Меланхтона и Йонаса]. Когда они все придут, то получают золоченые свистульки и барабаны, и чудесные серебряные арбалеты". Но было рано, и детишки еще не завтракали, а я не мог ждать, пока они начнут танцевать. И я сказал этому человеку: "Я сейчас же пойду и напишу все это своему дорогому сыну Гансу, чтобы он усердно трудился, хорошо молился и был послушен, чтобы и он мог прийти в этот садик.

Но у него есть тетушка Лена, которую ему тоже нужно взять с собой". "Хорошо, - отвечал он мне, - пойди и напиши ему".

Посему, любезный мой сын, усердно учись и молись. Скажи Липпусу и Йосту, чтобы и они так делали, чтобы всем вам пойти в сей садик. Да охранит тебя Господь. Передай от меня привет тетушке Лене и поцелуй ее за меня.

Твой любящий отец

Мартин Лютер".

Лютер всегда руководил семейными праздниками. Вполне возможно, что именно он написал для Ганса и Магдалены радостную, исполненную детского обаяния рождественскую сценку Vom Himmel Hoch. Столь же прелестна эта песенка:

Наш маленький Господь, возносим мы тебе хвалу

За то, что Ты соблаговолил спуститься к нам.

Рожденный от девы, чтоб стать человеком,

И все ангелы поют Тебе.

Сын вечного Отца, лежит Он .

В яслях на охапке сена.

Вечный Бог является в мир

В нашей хрупкой плоти, в крови и слезах.

Кого мир весь не мог объять,

Лежит, спеленатый, на коленях у Марии.

Просто младенец, совсем крохотный,

И все же Он Господь всего мира.

Четырнадцатилетняя Магдалена была при смерти. Лютер молился: "Боже мой! Я так ее люблю, но да будет воля Твоя!" И, повернувшись к ней: "Magdalenen, девочка моя. Ты хотела бы остаться здесь со своим батюшкой или тебе больше хочется быть с Отцом твоим на небесах?"

Она отвечала: "Как Бог пожелает, батюшка".

Лютер корил себя. Бог благословил его, как не был благодетельствован ни один епископ за тысячу лет, и все же он не может найти в своем сердце слов, чтобы вознести Богу хвалу. Поодаль стояла охваченная скорбью Кати, Лютер же держал на руках умирающего ребенка. А когда девочка умерла, он промолвил: "Du liebes Lenchen! Ты восстанешь и воссияешь, подобно звездам и солнцу. Как странно - я знаю, что она пребывает в покое и ей хорошо, и все же - какая скорбь!"

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ

Сколько бы ни препятствовало работе Лютера отступничество его друзей, он тем не менее основал Церковь. В результате активной миссионерской работы большая часть северной Германии за десять лет обратилась в лютеранство. Успех этот в значительной степени был обусловлен дотоле невиданного масштаба пропагандистской кампанией, которая в такой форме не повторялась более никогда. Основными ее орудиями были трактат и карикатура. Количество брошюр, напечатанных в Германии за четыре года - с 1521-го по 1524-й, превосходит объем литературы, изданной в течение любых других четырех лет германской истории вплоть до настоящего времени. Безусловно, это вовсе не означает, что в то время люди имели больше материалов для чтения, чем после появления газет и журналов. Речь идет лишь о количестве издаваемых трактатов. Среди авторов на первом месте был Лютер. Количество написанных им на родном языке трудов исчисляется сотнями. Но в этом ему содействовало множество людей, а печатники, издававшие эти в высшей степени полемические материалы, были воистину мужественными людьми, которые рисковали как своим благополучием, так и своей жизнью. Наглядным примером сплоченности и искусности этого подполья служит пример типографии, напечатавшей, ничем себя не выдав, брошюру, которая была направлена против епископа Констанцкого за проявляемую им терпимость к незаконнорожденным детям священников и обложение их налогом. По бумаге и типу используемого шрифта можно выявить двести других работ, отпечатанных в этой типографии, однако она так и не была раскрыта. Католики, конечно, отвечали тем же, но в несравненно меньшем объеме.

Распространение реформы

Краткий обзор содержания этих брошюр позволяет многое сказать как о методах, так и о выборе тем для пропаганды реформы в народе. Легко было писать работы, содержащие прямые оскорбления Римской церкви. Часто использовался известный мотив противопоставления Христа и папы. В одной из пародий Христос говорит: "Не знаю, куда бы Мне приклонить голову". Папа отвечает: "Сицилия моя. Корсика моя. Ассизи мой". Христос: "Кто верует и примет крещение, тот спасется". Папа: "Кто вносит пожертвования и приобретает индульгенции, получит отпущение грехов". Христос: "Пасите овец Моих". Папа: "Своих я стрижу". Христос: "Вложи меч твой в ножны". Папа: "Папа Юлий за один день убил тысячу шестьсот человек". На карикатуре сопровождаемый дьяволом папа, в доспехах и на боевом коне, роняет свое копьё, увидев Христа на осле и с большим крестом в руках.

Особенно много колкостей вызывали монашество, иконы и чудеса. "Трое зябликов в клетке радостнее славят Бога, чем сто монахов в монастыре". Автор памфлета пишет об иконе с изображением девы Марии, в глазах которой были проделаны крошечные отверстия. Через них можно было разбрызгивать воду, создавая впечатление, будто икона плачет. Одна католичка из Швабии послала своему сыну-студенту в Виттенберг маленькую восковую фигурку ягненка, на которой было написано: *Agnus Dei*. Предполагалось, что фигурка защитит его от несчастий. Его ответ матери был напечатан в 1523 году.

"Дорогая матушка!

Не беспокойтесь по поводу учения доктора Мартина Лютера и не тревожьтесь обо мне. Здесь безопаснее, чем в Швабии. Спасибо за то, что вы прислали мне фигурку Agnus Dei, которая должна защитить меня от пули, ножа и от падения, но, честно говоря, никакой пользы она мне не принесет. Я не могу верить в нее, поскольку Слово Божье учит меня полагаться лишь на Иисуса Христа. Посылаю ее вам обратно. Давайте испытаем ее и посмотрим, способна ли она защитить себя от кражи. Благодарность моя вам ничуть не иссякла, но молю Бога, чтобы Он наставил вас не верить более в святую соль и святую воду, и во все остальное, чем дьявол дурачит вас. Надеюсь, что вы не отдадите эту фигурку моему брату. Любезная моя матушка, я надеюсь также, что батюшка позволит мне еще остаться в Виттенберге. Прочтите Новый Завет доктора Мартина Лютера. Он продается в Лейпциге. Я собираюсь купить себе в Виттенберге коричневую шапку. Горячий привет моему дорогому батюшке, моему брату и сестрам".

Не забывали трактаты и превозносить Лютера. В одном из памфлетов рассказывается о том, как крестьянину довелось повстречать сияющего великолепия незнакомца. Крестьянин спрашивает, не Бог ли он. "Нет, - отвечает тот. - Я ловец человеков. Зовут меня Петром, и я только что пришел из Виттенберга, где по великому благоволению Божьему собрат мой, апостол Мартин Лютер, восстал, чтобы поведать людям истину о том, что никогда я не был епископом Рима, никогда не пил крови бедняков и не имел ни серебра, ни золота".

Обе стороны широко использовали имя дьявола. На одной из католических карикатур изображен дьявол, нашептывающий что-то на ухо своему ближайшему сподвижнику, Мартину Лютеру. С другой стороны, на гравюре реформатов изображен сидящий за своим рабочим столом Лютер, к которому врывается дьявол с посланием следующего содержания:

"Мы, Люцифер, господин вечной тьмы и правитель царств мира сего, извещаем тебя, Мартин Лютер, о нашем гневе и неудовольствии. От легатов наших, кардиналов Кампеджио и Ланга, провели мы о том ущербе, который нанес ты, возродив Библию, которой, благодаря трудам нашим, мало кто пользовался в последние четыреста лет. Ты побуждаешь монахов и монахинь оставлять монастыри, в которых они ранее служили нам верою и правдою, да и сам ты отступился от служения нам. Посему мы будем преследовать тебя сожжением, утоплением и обезглавливанием. Сие есть формальное объявление войны, и никакого иного уведомления ты не получишь. Скреплено нашей адскою печатью в граде Проклятия сентября последнего дня 1524 года".

Печатные сочинения дополняло искусство. В одной из пьес рассказывалось о заговоре с целью низвергнуть царство Христово и утвердить папство. Заговор этот имел такой успех, что сатана пригласил папу с его приближенными на званый обед. Когда подали зажаренных князей и колбасы из крови бедняков, ворвался посланец с известием о том, что в Виттенберге проповедуется оправдание по вере. Ад был посрамлен, а Христос восторжествовал.

Эти примеры наглядно показывают, какие методы использовали реформаты в своих нападениях на злоупотребления Римской церкви.

Лютеровское же учение как таковое было не столь наглядным, и популяризировать его было сложнее. Но Ганс Сакс, поэт-сапожник из Нюрнберга, сочинил совсем неплохие куплеты о Лютере, назвав его "нюрнбергским соловьем":

Лютер учит, что все мы

Соучастники Адамова грехопадения.

Если человек пребывает в нем,

Он ощущает шипы и проклятие греха.

Когда жуть, отчаяние и ужас охватывают его,

В раскаянии он падает на колени.

Тогда открывается ему свет дня.

Тогда Евангелие может открыться ему.

Тогда увидит он Христа, Сына Божьего,

Который позаботился о нас.

Закон исполнен, долг оплачен,

Смерть побеждена, проклятие ослабело,

Ад сокрушен, дьявол связан,

Открыта для нас благодать Божья.

Христос, Агнец, искупает всякий грех.

Одной лишь верою Христовой мы побеждаем".

Основы лютеровского учения, изложенные столь просто и кратко, оказывались доступны простым людям самых разных занятий. Когда Лютеру поставили в упрек то, что он апеллирует к мирянам, один из авторов памфлетов ответил так:

"Глупцы вы изощренные, извещаю вас о том, что ныне в Нюрнберге, Аугсбурге, Ульме, в Швейцарии и Саксонии есть жены, девы, студенты, ремесленники, портные, сапожники, булочники, рыцари, дворяне и такие князья, как курфюрст Саксонский, сведущие в Библии больше, чем все университеты Парижа и Кельна и все паписты мира".

Практические церковные проблемы

Но уже само распространение Евангелия рождало множество практических проблем, связанных с организацией Церкви. Лютер никогда особенно не выступал по этому вопросу с разъяснением своей позиции. Для него истинная Церковь всегда была Церковью искупленных, ведомой одному лишь Богу. Она проявляет себя в разных местах земли, немногочисленна, подвергается гонениям, зачастую пребывает в подполье, и в любом случае она рассеяна и

объединена лишь узами Духа. Подобные воззрения могли привести лишь к созданию мистического братства, не имеющего никаких конкретных форм. Вот что подразумевал Лютер под Царством Христовым. Он никогда не заявлял, что оно может быть реализовано. В то же время Лютер не готов был и лишить Церковь всякой организации.

Оставалась лишь возможность собрать вместе верные души, которые можно объединить в данной местности. К формированию такой организации Лютер подошел вплотную в 1522 году, когда он наставлял тех, кто желает причащаться под обоими видами, получать причастие отдельно от других. И даже после того, как такая форма принятия причастия стала обычной, он все же стремился объединить истинно верующих в духовное братство. Но при этом Лютер вовсе не желал упразднения церковной общины. Скорее он стремился сформировать своего рода ячейки внутри общецерковной структуры. Лютер, однако, пришел к заключению, что практические сложности непреодолимы, и к 1526 году объявил, что осуществить его мечту невозможно. На этот счет он заблуждался, поскольку анабаптистам удалось решить данную проблему, но добились они этого путем полного отказа от территориальной церкви. Дилемма Лютера заключалась в том, что он желал иметь как конфессиональную церковь, основанную на опыте личной веры, так и церковь территориальную, которая объединяла бы всех жителей данной местности. Если бы его побудили сделать выбор, решение Лютера было бы в пользу массовой церкви. Именно в таком направлении он и двигался.

Реализация этой задачи требовала определенной организационной работы. К 1527 году можно было сказать, что все княжество Саксонское находится во власти реформатов. Отход от старого во многом приводил к неразберихе. Особенно это касалось вопросов, связанных с церковным имуществом и финансовыми выплатами. Монастыри были покинуты. Что в таком случае должно произойти с хранящимися в них пожертвованиями и монастырскими доходами? В некоторых случаях жертвователи умерли много лет назад, а установить наследников было невозможно. Землям угрожала опасность захвата со стороны могущественных соседей, на монастырские же доходы рассчитывать в любом случае не приходилось, поскольку после того, как ситуация изменилась, крестьяне вовсе не намеревались и далее платить монастырям оброк. Во-вторых, церковная реформа угрожала хаосом из-за неприязни Лютера к единообразию. Каждая деревня и даже каждая церковь имела какие-то свои отличия. Скоро даже в одном городе можно было заметить отличие между церквями. Мало того - даже в одной и той же церкви обряды могли совершаться по-разному. Людей, чье ощущение религиозной безопасности в значительной мере зависело от стабильности и неизменности ритуалов, такое разнообразие и непредсказуемость всерьез выбивали из колеи. Лютер стал сознавать необходимость добиваться единообразия хотя бы в пределах одного города.

Но хуже всего было то, что доктринальные различия угрожали общественному спокойствию. В княжестве католицизм сохранил кое-где свои позиции. Кроме того, в Саксонию проникали цвинглианство и анабаптизм. В бурлящем обществе развернулась настоящая война идей. Единственное решение этой проблемы Лютер видел в том, чтобы лишь одна конфессия наделялась правом публичного служения в определенной местности. Возможности для практической реализации этого положения он представлял себе смутно, поскольку его одолевали противоречивые идеи. Он рассматривал мессу как идолопоклонство и богохульство, но при этом не желал никого принуждать к вере. Лютер постепенно приходил к мысли о необходимости признания прав соперничающих конфессий. Напрашивалось решение об утверждении территориальной церкви, направленность которой определялась бы преобладающими в данной местности убеждениями. Меньшинству же предоставлялась возможность переселиться в места, более благоприятные для исповедания их веры. Другой вопрос - следует ли применять этот принцип к одним лишь католикам или также и к сектантам.

Но кто должен взять на себя ответственность и прекратить разброд? До сих пор Лютер склонялся к конгрегационализму и решительно возражал против изгнания Цвиллинга из Альтенбурга, невзирая на волю народа. Но независимые поместные общины не обладали

никакими возможностями решать такие проблемы, которые затрагивают сразу несколько районов. Решать их могли епископы, но епископы враждебно относились к реформе. Но будь даже ситуация иной, Лютер никогда не наделил бы их прежними функциями, поскольку пришел к убеждению, что в Новом Завете всякий пастор был епископом. Поэтому, когда он обращался к своим коллегам, называя их "епископ Лохаусский" или "епископ Торгаусский", это не было просто жестом. В таком случае должность епископа следовало чем-то заменить. Необходимо создать должность регионального руководителя, но как и кем должен он избираться? Если церквами, то кто соберет их вместе?

Благочестивый князь

Пока единственный ответ на все эти вопросы Лютер видел в том, чтобы обратиться к князю. Он должен выступать не в роли правителя, но как христианский брат, положение которого благоприятствует тому, чтобы в такой чрезвычайной ситуации взять на себя задачу епископа. Все церковное имущество - по крайней мере временно - переходило под управление курфюрста, чтобы он имел возможность распределять церковные доходы, направляя их на содержание служителей, преподавателей и бедных. Что же касается единообразия в обрядах и вере, то необходимо провести опрос, если воспринимать волю большинства как решающий фактор. Следует изучить мнение саксонцев. В старые времена подобные инспекции проводили епископы. Теперь же пусть курфюрст созывает для этой цели комиссию. Так и сделали. Были назначены инспекторы, в число которых вошли и богословы во главе с Лютером. Кроме того, в комиссию были включены юристы для распоряжения финансовыми вопросами. Меланхтон составил вопросы, на которые предстояло ответить инспекции. Вопросы эти необходимо было выдавать на руки в печатном виде каждому из опрашиваемых служителей. В предисловии Лютер подчеркивал временный характер всего этого мероприятия, однако курфюрст именовал членов комиссии "моими инспекторами", а инструкции Меланхтона представляли собой не столько вопросник, сколько программу, выдвинутую на утверждение. Сам того не подозревая, Лютер вступил на путь, который приведет его к созданию территориальной церкви под управлением курфюрста.

За два месяца инспекторы обследовали тридцать восемь приходов. Их интересовали финансы, поведение людей и служителей, формы богослужения и вероисповедные вопросы. В финансовых делах, как обнаружила инспекция, царила полная неразбериха и развал. Пастораты пребывали в плачевном состоянии. Один из служителей жаловался, что из-за протекающей крыши пропали книги стоимостью четыре гульдена. Инспекторы приняли решение возложить ответственность за ремонт на прихожан. Нравственное состояние особых опасений не вызывало. Церковная служба требовала определенного единообразия. Что же касается веры, то решающим фактором оказалось сочувствие Реформации, проявляемое всей Саксонией. Поэтому претворение в жизнь реформы нельзя было воспринимать как насильственное распространение вероучения среди большинства граждан. Но имелись и несогласные, а в интересах общественного спокойствия нельзя было позволить двум вероисповеданиям существовать бок о бок. По этой причине все остатки католицизма должны исчезнуть. Священников, отказывавшихся принять реформу, увольняли. Те, кто помоложе, должны были обеспечивать себя сами. Пожилым назначалась пенсия. Один из служителей женился на своей поварихе как раз в то время, когда приехали инспекторы. Священника спросили, отчего он не сделал этого раньше. Тот ответил, что, по его мнению, повариха должна скоро умереть, и тогда он мог бы найти себе жену помоложе. Он был уличен в пособничестве папистам и отстранен от служения. Однажды комиссия выявила священника, который служил в двух приходах сразу. Один из них находился на территории католиков, другой же - на территории реформатов. В

каждом из этих приходов священник служил в соответствии с положенным для данной конфессии обрядом. Подобную практику сочли неприемлемой.

"За сектантами - как за цвинглианцами, так и анабаптистами - внимательно следили. Лютер пока еще не склонен был относиться к анабаптистам так, как это сделали цвинглианцы, вынеся им смертный приговор. В июне 1528 года Лютер следующим образом ответил на сделанный ему запрос:

"Вы спрашиваете, могут ли городские власти убивать лжепророков. Я не склонен к поспешному вынесению смертных приговоров, даже если они и заслуженны. Меня страшит в этом вопросе пример папистов, а также евреев дохристианских времен, ибо, когда действовал закон о казни лжепророков и еретиков, выходило так, что убивали-то как раз святых и невинных.... Не могу согласиться с тем, что лжеучителей должно умерщвлять. Вполне достаточно отлучить их от Церкви".

Но даже отлучение требовало определенного изменения в вероучении. Лютер все еще упрямо возражал против какого бы то ни было понуждения к вере. Это однако вовсе не мешало ограничивать публичное исповедание веры. Внешние проявления веры, по его мнению, можно регулировать в интересах соблюдения благопристойности и спокойствия. При этом Лютеру вовсе не приходило в голову то, что он подчиняет Церковь государству. Едва ли ему пришлось бы по душе введенная позднее в Англии система, согласно которой король является главой Церкви. Христианские же князья, с точки зрения Лютера, несомненно, обязаны укреплять истинную религию. Лютера прежде всего заботила беспрепятственность выражения веры. Любой может содействовать в этом; мешать же не дозволено никому. Если князь может оказать помощь, ее нужно принимать. Если он вмешивается в дела веры, не следует ему повиноваться. Этому принципу Лютер оставался верен до конца своей жизни. Однако та четкая грань, которую он провел между сферами церковной и государственной в своем трактате 1523 года "О гражданском государстве", уже начинала стираться.

Протест

Особенно этому способствовало то, что в сфере политики над протестантизмом нависла угроза, и защита его неизбежно ложилась на плечи мирских властей. Отныне именно курфюрстам, князьям и посланцам свободных городов, а не богословам надобно было сказать: "На сем стою". Сам Лютер был не столько духовником, сколько наставником духовников. Ему надлежало ободрять, укорять, направлять, наставлять и предостерегать относительно нежелательных уступок и недостойных средств.

Судьба лютеранства зависела от тех решений, которые будут принимать германские сеймы совместно с императором или с Фердинандом - вторым после него лицом в империи. Мы вкратце рассмотрим ход борьбы лютеранства за свое признание и роль, которую сыграл Лютер в событиях, происходивших в период между Вормским и Аугсбургским сеймами.

После Вормса каждый последующий сейм германских земель вынужден был заниматься вопросом о лютеранстве. Первым из них был Нюрнбергский сейм 1522 года. От Вормского он отличался тем, что умеренной партии больше не существовало, а разногласия сторон приняли непримиримый характер. Католическая партия стала приобретать черты политического союза. Самым воинственным был герцог Георг. Чтобы побудить своих сторонников к действию, он взял на себя труд переписать наиболее

оскорбительные для католицизма места из выходящих одна за другой работ Лютера. Основу этой партии составляли Иоахим Бранденбургский, Габсбурги и баварцы.

С другой стороны, свободные имперские города твердо стояли за реформу. Несмотря на все усилия своих епископов, Аугсбург и Страсбург были поражены ересью. В Нюрнберге, где проходила сессия сейма, было сделано заявление, что, даже имея папа еще три короны на своей тиаре, ему не удастся заставить их отречься от Слова Божьего. Фридрих Мудрый по-прежнему был осторожен. Он отказался изменять порядок проведения мессы в Замковой церкви Виттенберга до окончания сейма, но в то же время отказался и изгнать Лютера.

Каждая из сторон переоценивала своего противника. Фердинанд извещал императора, что из тысячи немцев не найдешь и одного, не зараженного лютеранством. Посланец же Фридриха сообщал ему, что Саксонии угрожает опасность экономических санкций. При равенстве сил сторон, даже при отсутствии умеренной партии единственным возможным решением представлялся компромисс. Католики в большей мере были готовы к уступкам, поскольку они не могли игнорировать сказанные делегатом Фридриха слова о том, что Лютер фактически стал заслоном от бунта, что без Лютера сторонников его сдержать не удастся, и что возвращение Лютера в Виттенберг против воли своего князя было действительно необходимо для предотвращения хаоса.

На состоявшейся 6 марта 1523 года сессии сейм ограничился не вполне вразумительной формулировкой, согласно которой до созыва собора Лютер и его последователи должны воздерживаться от публикации своих сочинений, а проповедовать можно лишь Святое Евангелие, согласно его толкованию, записанному и утвержденному христианской Церковью. Когда на следующий год в Нюрнберге вновь состоялось заседание сейма, восшествие на папский престол Клементя VII - столь же светского представителя семейства Медичи, что и Лев X, - в силу сложившихся обстоятельств не внесло никаких перемен в позиции сторон. 18 апреля 1524 года сейм принял следующую формулировку: "Евангелие должно проповедоваться в согласии с истолкованием вселенской Церкви. Каждый князь на подвластных ему землях должен по мере своих сил исполнять Вормсский эдикт". Здесь мы уже видим начатки принципа *cuius regio eius religio*, согласно которому каждый регион должен исповедовать христианство в своем толковании.

Всем было понятно, что это лишь передышка. Крестьянская война 1525 года обострила конфликт, поскольку католические князья вешали лютеранских проповедников целыми группами. Это вызвало появление новой ветви лютеранства, имевшей политическую окраску. Во главе нового движения стоял незадолго до этого обратившийся в лютеранство Филипп Гессенский. Он был молод, импульсивен и полон энергии. Именно он проявил чрезвычайную активность в Крестьянской войне, когда саксонские князья предпочитали положиться на Бога в ее исходе. Филипп руководствовался тремя принципами: он никого не станет понуждать к вере; если же его попытаются принудить, он будет сражаться, но не смирится; он заключит союз с верующими других конфессий. Теперь Филипп жаждал продемонстрировать свою верность Евангелию. Когда в 1526 году в Шпейере состоялось заседание имперского сейма, Филипп появился там в сопровождении двух сотен всадников. С ним были и лютеранские проповедники, которые, будучи лишены доступа к алтарям, вышли на балконы гостиниц и обратились к четырехтысячной толпе. Филипп засвидетельствовал свою веру, приказав в пятницу подать к обеду говядину. Представитель Страсбурга отметил, что было бы уместнее, если бы Филипп подтвердил свою веру каким-либо более значимым образом, вместо того чтобы устраивать пирушку в постный день. Император никогда не потерпел бы столь вызывающего нарушения древних обычаев, будь у него свободны руки. Но, нанеся в 1525 году поражение Франции,

он затем поссорился с папой и не мог присутствовать на заседании сейма. В итоге было принято еще одно компромиссное решение. В религиозных вопросах каждый был волен поступать так, "как если бы он отвечал пред Богом и императором". Практически это было признанием территориального принципа.

Такая передышка продолжалась три года, в течение которых большая часть северной Германии стала лютеранской. На юге же к Лютеру примкнули такие города, как Страсбург, Аугсбург, Упм и Нюрнберг. Констанц принял реформу, порвал отношения с Габсбургами и присоединился к швейцарцам. Базель перешел на сторону реформатов в 1529 году.

То был год второго Шпейерского сейма. Значимость этой ассамблеи состояла в том, что она четко разграничила конфессии и разделила Германию на два лагеря. Перед сеймом ситуация была совсем иной. Реформаты расходились в вопросах как веры, так и способа действий. Филипп Гессенский, которого убедили, что католики вот-вот перейдут в наступление, вел переговоры с Францией и Богемией - традиционными врагами дома Габсбургов. Это вызывало ужас у саксонских князей, даже и не помышлявших о выходе из империи. Католики никак не могли определиться в выборе политики. Император выступал за мягкость, его брат, Фердинанд, - за твердый кулак. Ясность принес Шпейерский сейм. Фердинанд решил пренебречь инструкциями своего брата Карла, который вновь отсутствовал, и потребовал вырвать ересь с корнем. Его позиция, не получившая особой поддержки, сплотила реформатов. Казалось, наступило весьма благоприятное время для того, чтобы разделаться с реформатами, поскольку Франция, папа и турки были в данный момент либо под контролем, либо не представляли собой большой угрозы. Но сейм не проявил особого желания считаться с мнением Фердинанда, и в результате его решение оказалось далеко не столь суровым, как можно было бы ожидать. Вормсский эдикт был подтвержден лишь для католических территорий. Временно, до созыва вселенского собора, лютеранство надлежало терпеть в тех регионах, где его нельзя было подавить, не вызвав при этом восстания. В лютеранских землях должен соблюдаться принцип религиозной свободы для католиков. В то же время на католических землях лютеране такой свободой не наделялись. Реформаты протестовали против столь дискриминационного подхода. Отсюда и появился термин "протестанты". Они считали, что большинство одного сейма не может пересматривать решения, принятые единогласно на предшествовавшей ассамблее. Лютеране выразили сомнение в том, что намерение императора было именно таковым, и в этом оказались совершенно правы. Они подтвердили, что две религии не могут сосуществовать на одной территории, не угрожая при этом общественному миру. Реформаты сообщили, что если их призыв не будет услышан, им "придется протестовать и публично свидетельствовать перед Богом, что они не согласятся ни с чем, что противоречит Его Слову".

Их взгляды получили немало ложных толкований. В протестантском лагере излишнее внимание уделялось первому слову - "протестовать" и упускалось при этом второе - "свидетельствовать". Они же прежде всего исповедовали свою веру. Католическая сторона допускала куда более грубые искажения протестантской позиции. Историк Янсен утверждал, будто реформаты протестовали против религиозной свободы. В каком-то смысле это верно. Ни одна из сторон не проявляла терпимости, однако реформаты протестовали против очевидного неравноправия, которое требовало свободы для католиков, отрицая ее для протестантов. В этом протесте цвинглианцы и лютеране объединились.

Протестантский союз: Марбургский диспут

Филипп Гессенский считал, что настало время двигаться дальше. Решение последнего сейма также носило лишь временный характер. В таком случае протестантам необходимо защитить себя общим исповеданием и общей конфедерацией. Он надеялся объединить лютеран, швейцарцев и страсбургцев, занимавших промежуточную позицию в вопросе о Вечере Господней. Но Лютер не стремился к политической конфедерации. "Мы не можем, - сказал он, - сознательно одобрить подобную лигу, поскольку это грозит кровопролитием и иными бедствиями. И тогда мы до такой степени увязнем во всем этом, что не сможем устранимся, если даже того пожелаем. Лучше десять раз умереть, нежели отяготить совесть свою невыносимым бременем подобного бедствия и соделать Евангелие наше причиною кровопролития в то время, когда нам должно не мстить и не защищать себя, но, напротив, - уподобиться овцам, ведомым на заклание".

Иное дело - общее исповедание веры. Хотя и с некоторыми опасениями, Лютер принял приглашение собраться вместе с другими немецкими и швейцарскими богословами в живописном замке Филиппа. Расположенный на склоне горы, этот замок возвышался над башнями Марбурга и нешироким Ланом. Собралась весьма примечательная компания. Лютер и Меланхтон представляли Саксонию, Цвингли прибыл из Цюриха, Эколампадиус из Базеля, Буцер из Страсбурга. Мы назвали лишь самые известные имена. Все искренне стремились к союзу. С радостью вглядываясь в лица Лютера и Меланхтона, Цвингли со слезами на глазах объявил, что он почитает наибольшим счастьем для себя находиться рядом с такими людьми. Лютер также призывал к единству. Начало дискуссии, однако, было не самым удачным. Лютер взял в руки мел, начертил на столе круг и внутри написал следующие слова: "Сие есть Мое тело". Эколампадиус настаивал на том, что слова эти следует понимать метафорически, поскольку плоть не пользуется нимало, а Тело Христово вознеслось на небеса. Лютер спросил, отчего бы и вознесение не воспринять метафорически. Цвингли обратился к сути вопроса, сказав, что плоть и дух несовместимы. Следовательно, присутствие Христово может быть только духовным. Лютер на это отвечал, что плоть и дух могут соединяться, и духовное, которого никто не отрицает, вовсе не исключает физического. Казалось, дискуссия зашла в тупик, фактически же, однако, был сделан существенный шаг вперед, поскольку Цвингли не настаивал на своем утверждении, будто Вечеря Господня есть лишь обряд воспоминания, и согласился с тем, что духовно Христос присутствует на ней. Лютер же допустил, что, какова бы ни была природа физического присутствия, она не несет никакой пользы без веры. Следовательно, исключается магическое истолкование Вечери.

Такое сближение позиций открывало надежду на согласие, и лютеране первыми предложили формулу согласительного договора. Они признавали, что до этого времени неверно воспринимали позицию швейцарцев. Формулируя свои взгляды, они выступали за то, "что Христос воистину присутствует, то есть субстанционально и достаточно, хотя присутствие это никак не выражается количественно, качественно или непосредственно". Швейцарцы возражали против подобной формулировки, считая, что она недостаточно ясно выражает духовный характер Вечери Господней, поскольку непонятно, как что-то может присутствовать, но при этом не присутствовать непосредственно. Лютер пояснил, что геометрические категории неприменимы для описания присутствия Божьего.

Общего исповедания веры сформулировать не удалось. Тогда швейцарцы предложили действовать сообща на практике, оставив в стороне разногласия. На это Лютер "согласился тотчас же". По свидетельству Буцера, так было до тех пор, "пока не вмешался Меланхтон, говоря об уважении к Фердинанду и императору". Это чрезвычайно важное свидетельство. Оно означает, что Лютер не выступал с позиции полной непримиримости, которую ему часто приписывают, а был расположен к союзу со швейцарцами до тех пор, пока Меланхтон не побудил его вспомнить о том, что, объединившись с левыми, он

подставляет себя под удар справа. Меланхтон все еще питал надежды на реформу всего христианского мира и сохранение сложившихся в период средневековья союзов посредством примирения лютеран с католиками. Решения Шпейерского сейма он не считал окончательными. Меланхтон полагал, что ценой примирения может быть отказ от сотрудничества с сектантами. Лютер не испытывал особого оптимизма относительно католиков, предпочитая консолидацию всех протестантских сил. Однако он уступил Меланхтону - единственному другу, который мог убедить его оставить позицию непримиримости. В конечном счете победила точка зрения Лютера, а когда все усилия Меланхтона добиться примирения с католиками не увенчались успехом, лютеране вновь вернулись к тому курсу, который впервые наметился в Марбурге, подтвердив его в Виттенбергском соглашении.

Сформулировать общее исповедание веры не удалось. Добиться соглашения о совместных действиях не удалось. Тем не менее, утверждал Филипп Гессенский, конфедерация возможна. Люди способны объединиться для защиты права каждого верить в соответствии со своими убеждениями, даже если они и не во всем согласны друг с другом. Призывы его звучали весьма громко. Они были переданы на рассмотрение не только богословам, но также и светским правителям Саксонии. Когда Лютера упрекают в готовности принять широкую помощь со стороны государства, следует вспомнить о том, что государственные деятели того времени были христианами, готовыми пойти на все ради своих убеждений. При этом им было что терять, причем куда больше, чем самому Лютеру. Филиппу Гессенскому ответил канцлер Саксонии. Канцлер не чуждался, подобно Лютеру, политических союзов. Не был он и равнодушен, как Филипп, к конфессиональной основе. Аргументы обеих сторон были внимательно рассмотрены. В пользу конфедерации могло свидетельствовать то, что среди цвинглианцев, несомненно, находилось много добрых христиан, не соглашавшихся с самим Цвингли. Как бы то ни было, политический союз можно заключать хоть с язычниками. Против подобной позиции можно возразить, что союз с язычниками более оправдан, чем соглашение с отступниками. Вера превыше всего. Поэтому необходимо отказаться от той значительной помощи, которую способны оказать швейцарцы, и предоставить Богу решать исход всей борьбы.

Таким образом, швейцарцы оказались предоставлены сами себе. Во второй Каппельской войне Цвингли пал с мечом в руке на поле брани в 1531 году. Лютер воспринял его гибель как суд Божий, поскольку, будучи служителем, Цвингли взял в руки меч.

Аугсбургское исповедание

Лютеране также остались в одиночестве. В 1530 году император Карл смог, наконец, приехать в Германию. Усмирив Францию и папу, он обратился к Германии с милостивым предложением, чтобы каждый высказался о своей позиции в религии. При этом император был полон решимости принять самые жесткие меры, если мягких окажется недостаточно. Лютеру не разрешили присутствовать на сейме. На протяжении шести месяцев он вновь "пребывает в пустыне", как некогда в Вартбурге. На этот раз он поселился в другом замке под названием Фесте Кобург. Сейчас Лютер не испытывал полного одиночества, поскольку с ним был его секретарь. Из письма, написанного рукой секретаря жене Лютера, мы можем получить определенное представление о пребывании доктора в замке: "Любезная и достопочтимая фрау Лютер! Заверяю вас в том, что ваш господин и все мы Божьей милостью пребываем в благополучии и добром здравии. Вы поступили разумно, послав доктору портрет [его дочери Магдалены], ибо это отвлекает его от тревог. Он повесил портрет на противоположной от обеденного стола стене в покоях курфюрста. Вначале он посчитал, что на портрете она не слишком похожа на себя. "Боже мой, - сказал

он, - Лина слишком смуглая". Теперь же ему нравится картина, и он все более и более утверждает в мысли, что это истинно Лина. Она поразительно похожа на Ганса ртом, глазами, носом, а в общем-то всем лицом. А будет походить на него еще больше. Я просто обязан вам написать это.

Не тревожьтесь о докторе. Он, слава Богу, пребывает в добром здравии. Известие о смерти отца вначале потрясло его, но спустя два дня он вернулся в обычное состояние. Когда пришло письмо, он сказал: "Умер мой отец". Он взял Псалтирь, удалился в свою комнату и рыдал так, что два дня ничего не мог делать, но сейчас он опять в порядке. Да пребудет Господь с Гансом и Линой, и всем семейством".

Как и в Вартбурге, Лютер занялся исследованиями Библии. Одновременно он обращался с увещаниями и наставлениями к защитникам дела Реформации в Аугсбурге. Его отсутствие и их успехи наглядно подтверждали то, что движение способно выжить и без Лютера. Великое свидетельство прозвучало в эти дни из уст не виттенбергского монаха и даже не священнослужителей и богословов, но светских князей, перед которыми стояла опасность потерять свои владения и жизнь. Когда император Священной Римской империи Карл V приблизился к Аугсбургу, встретить его вышли представители высшей знати. Дворяне, обнажив головы, преклонили колени, чтобы принять благословение от кардинала Кампеджио, но курфюрст Саксонии остался стоять. На следующий день состоялась одна из самых блистательных и великолепных процессий за всю историю средневековья. В шелках и дамате, блистая золотом парчи, в одеяниях, свидетельствующих об их родовитости, выступали курфюрсты империи. За ними шел самый высокородный из их числа, Иоганн Саксонский, неся в руках, согласно древнему обычаю, блистающий обнаженный меч императора. За ним шествовали Альбрехт, архиепископ Майнцский; епископ Кельнский; король Фердинанд Австрийский и его брат - император. Они прошли к собору, где император и все собравшиеся склонили колени перед высоким алтарем. Но курфюрст Иоганн Саксонский и ландграф Филипп Гессенский остались стоять. На следующий день император собрал лютеранских князей. Среди них были, конечно, Иоганн и Филипп, а также престарелый Георг, маркграф Бранденбургский. Император предложил, чтобы лютеранские служители не проповедовали в Аугсбурге. Князья отказались согласиться с этим. Император настаивал, что служители по крайней мере не должны произносить полемических проповедей. Князья вновь отказались. Император сообщил, что на следующий день состоится шествие Corpus Christi, и он рассчитывает увидеть князей в числе участников процессии. Князья отказались вновь. Император продолжал настаивать. Тогда маркграф выступил вперед и сказал: "Если кто-то вознамерился отобрать у меня Слово Божье или заставить меня отказаться от моего Господа, я скорее встану на колени, и пусть мне отсекут голову".

Несмотря на такой отпор, император желал, чтобы протестанты изложили свои жалобы. Сделать это было поручено Меланхтону. Он все еще надеялся на императора и на умеренных в католическом лагере. Во главе их стоял сейчас Альбрехт, архиепископ Майнцский, некогда пославший Лютеру свадебный подарок. Конечно же, Экк и Кампеджио в ярости будут сеять ложь и распространять самые неблагоприятные слухи, но они в конце концов еще не вся католическая Церковь.

Сам Меланхтон находился под сильным влиянием Эразма. Он не желал отказаться от веры Мартина Лютера, но одновременно не хотел стать тем человеком, который разрушит краеугольный камень, вызвав, таким образом, обвал всего здания христианства. Часто он запирался в своей комнате и рыдал. В то же время Меланхтон изучал все возможности для примирения. При этом он отваживался утверждать, будто различия между лютеранами и

католиками не выходят за рамки вопроса об употреблении немецкого языка во время мессы.

Тревога Лютера все возрастала. Он писал Меланхтону, что разница между ними заключается в том, что в личных спорах Меланхтон упрям, а Лютер склонен к уступчивости, но в публичных

же дебатах дело обстоит наоборот. Лютер вспоминал диспут в Марбурге, когда он уступал, а Меланхтон проявлял упрямство. Теперь Меланхтон готов был признать даже папу, Лютер же полагал, что не может быть никакого мира с папой до тех пор, пока тот не упразднит папство. Суть противоречий заключалась не в тех позициях, которые занимали Лютер и Меланхтон в частных и публичных дискуссиях, но в представлениях каждого из них об истине и о возможности компромисса. В своем стремлении найти пути примирения с католиками Меланхтон мог выхолостить самую суть реформы.

Но этого не произошло. Аугсбургское исповедание было составлено им, и в конечном счете исповедание это оказалось столь же непреклонным, как и любое из тех, что произносились князьями. Лютер был чрезвычайно доволен. Он считал, что исповедание было выдержано в умеренном тоне, которого ему вряд ли удалось бы добиться. В своем первом варианте Аугсбургское исповедание звучало лишь от имени княжества Саксония, в конечном же своем варианте оно выражало исповедание веры объединенного лютеранства. Подписался даже Филипп Гессенский, несмотря на свои симпатии к швейцарцам. Пункт о Вечере Господней, однако, был сформулирован так, что швейцарцы отвергли его, представив собственную формулировку. Страсбургцы отказались подписать этот документ и составили собственное исповедание. Всего же в Аугсбурге были представлены три протестантских символа веры. Анабаптистам, конечно, слова никто не давал. Несмотря, однако, на все разногласия в рядах реформатов, Аугсбургское исповедание сыграло большую роль в сплочении протестантов и их борьбе против католицизма. Можно сказать, что 25 июня 1530 года - день, когда Аугсбургское исповедание было впервые публично оглашено, - стал днем кончины Священной Римской империи. Начиная с этого времени, друг другу противостояли две конфессии. Карл V дал протестантам срок до апреля 1531 года. В течение этого времени они должны были отречься от своих убеждений. Затем же в ход будет пущен острый меч.

В ответ на эту угрозу Лютер обратился с призывом к сдержанности к предводителю партии умеренных в католическом лагере, своему старому оппоненту и другу, архиепископу Майнцкому Альбрехту. Вот что он писал: "Поскольку ныне нет надежды на единодушие в вере, я смиренно прошу Ваше преосвященство попытаться убедить другую сторону сохранять мир, веруя согласно своим убеждениям и позволяя нам веровать в ту истину, которая исповедана и найдена безупречной. Доподлинно известно, что никто, будь он папой или императором, не должен и не может заставить уверовать силою, ибо Сам Бог не почитал разумным понуждать к вере силою. Как же ныне жалкие Его твари предполагают принудить людей не только к вере, но и к тому, что сами они должны разуметь ложью? Пусть же Ваше преосвященство или кто-либо иной предстанет пред Богом новым Гамалиилом, выступив с сим наставлением мира".

Совет Лютера был принят не из принципиальных соображений, но по необходимости, поскольку в последующие пятнадцать лет императору не представилось возможности вмешаться в религиозную жизнь.

Глава девятнадцатая

ЦЕРКОВЬ НАСТАВЛЯЮЩАЯ

Проведенная инспекция позволила установить формальные церковные порядки, но Лютер прекрасно осознавал, что силой светской власти невозможно утвердить дух Церкви. Истинно христианская Церковь есть воздействие Слова, которое передается всеми доступными средствами. Еще в прежние годы Лютер ощутил необходимость перевести Писание с языков оригинала на разговорный немецкий. Необходимо было также составить материалы для обучения молодежи. Следовало пересмотреть церковную службу, чтобы после устранения католических искажений она содействовала просвещению народа. Надлежало поощрять общинное пение - как для вдохновения, так и для обучения. Таким образом, налицо была нужда в переводе Библии, новых катехизисе, литургии и сборнике гимнов. И все это предстояло сделать Лютеру.

Перевод Библии

Для перевода Библии Лютер использовал свое вынужденное пребывание в Вартбурге. Тогда за три месяца он перевел весь Новый Завет. Очередь Ветхого Завета настала позднее. Перевод Библии на немецкий язык можно считать величайшим из всех достижений Лютера. К сожалению, лютеровская Библия знакома только тем, кто знает немецкий язык, поскольку каждый народ имеет собственный прямой перевод Библии. Невозможно переоценить значение лютеровского перевода для немцев. Он одним махом перечеркнул тысячелетнюю традицию. Переводы Писания на немецкий язык делались и до Лютера. Свое начало они берут от самых ранних переводов на готский, сделанных Ульфиласом. Некоторые части Библии переводились даже не с латинской Вульгаты, а с еврейского или греческого. Но ни один из этих переводов не мог сравниться с лютеровским по величественности и богатству языка, естественности и религиозной глубине. "Я попытался, - говорил Лютер, - сделать Моисея до такой степени немцем, чтобы никто и заподозрить не мог, что он еврей".

В качестве основы был избран диалект немецкого языка, который использовался в качестве юридического в княжестве Саксонском. Лютер обогатил его заимствованиями из многих других немецких диалектов, с которыми он познакомился во время своих путешествий. Перевод продвигался необычайно трудно. Первый вариант не удовлетворил Лютера. Впервые перевод Нового Завета был издан в сентябре 1522 года, но редактировал его Лютер вплоть до своей смерти в 1546 году. Последней печатной страницей, на которую он смотрел, была правка последней редакции Нового Завета. К переводу Ветхого Завета Лютер приступил после возвращения из Вартбурга. Полный перевод всей Библии появился лишь в 1534 году. И вновь Лютер постоянно исправлял и улучшал его, работая вместе со своими сподвижниками.

Порой Лютеру удавалось добиться наиболее точного перевода с первого раза. Иногда же приемлемый результат достигался лишь с огромным трудом. В таком случае вначале Лютер делал буквальный перевод, сохраняя при этом порядок слов оригинала. Далее он рассматривал каждое слово отдельно, подыскивая для него все возможные синонимы. Из них Лютер отбирал те, которые не только наилучшим образом передавали смысл, но и сохраняли при этом ритм оригинала. Затем он откладывал то, что у него получилось, в сторону и переводил текст заново, на этот раз стремясь наилучшим образом передать его дух. И, наконец, требовалось свести воедино наиболее точный и наиболее свободный варианты. Иногда ему не хватало терминов, и тогда Лютер занимался поисками слов. Для того чтобы подыскать названия для драгоценных камней в 21-й главе Откровения, он исследовал дворцовые сокровища Саксонского княжества. Чтобы найти названия для упоминаемых в Библии монет, он обратился к нумизматическим коллекциям Виттенберга.

Когда настала очередь описать жертвоприношения, о которых повествует Книга Левит, и Лютеру понадобились термины для обозначения внутренностей козлов и тельцов, он не раз ходил на бойню, чтобы расспросить мясников. Большие трудности возникли с переводом названий птиц и зверей, упоминаемых в Ветхом Завете. Лютер писал Спалатину:

"У меня не возникает сложностей относительно ночных птиц - совы, ворона, филина, неясыти, совки, а также хищников - ястреба, сокола, коршуна и пустельги. Я вполне способен совладать с волком, косулей и серной, но как мне быть, черт меня подери, с тарагелафусом, пигаргусом, ориксом и камелопардом [названия животных в Вульгате]?"

Другой сложностью был перевод идиом. Лютер твердо придерживался точки зрения, что идиому одного языка необходимо переводить аналогичной идиомой другого. Он презрительно отзывался о переводе Вульгаты: "Приветствую тебя, Мария, полная благодати?" - "Какой немец поймет это в буквальном переводе? Он знает, что такое кошелек, полный золота, или что такое полный пива бочонок, но как ему представить себе девушку, полную благодати? Я предпочел бы сказать просто: "LiebeMaria". Какое слово может быть богаче слова "liebe"?"

Это, несомненно, звучное слово, но значение его не совсем то же самое, что "наделенная благодатью", и Лютер не использовал *liebe* в своем окончательном варианте перевода. Перед переводчиком возникает проблема: должен ли он всегда искать свое, национальное слово, которое может иметь особый, местный оттенок значения? Если француз назовет центуриона жандармом, а немец сделает из прокуратора бургомистра, то Палестина сразу же сместится на запад. Именно это отчасти и произошло в переводе Лютера. Иудея была перенесена в Саксонию, а дорога из Иерихона в Иерусалим проходила тюрингскими лесами. Используя нюансы и оттенки значений, Лютер придавал тексту особый местный колорит. Когда Лютер читал: "Вот река, и потоки ее веселят град Божий", перед взором его возникал средневековый город с его стенами и башнями, окруженный рвом, по которому, конечно же, весело бежит ручей, оживляя мрачные берега.

То, что невозможно было передать словом, дополняли иллюстрации. Лютеровские Библии были щедро иллюстрированы. Особенно это относится к началу Ветхого Завета и к книге Откровения в Новом Завете. В Германии сложилась традиция иллюстрировать лишь эти части Библии. Евангелия и Послания украшаются лишь начальными буквами. Причины этого непонятны. Безусловно, не было никаких препятствий к тому, чтобы проиллюстрировать Евангелия. Достаточно лишь взглянуть на дюреровскую "Жизнь Марии", или на гравюры, изображающие страсти Господни, или на картины Христа-младенца Шонгауэра. В рамках упомянутых ограничений Библия Лютера была иллюстрирована щедро. В различных прижизненных ее изданиях насчитывается около пятиста гравюр. Нельзя сказать, что это были лучшие образцы искусства, но они действительно германизировали Библию. Моисея и Давида вполне можно было спутать с Фридрихом Мудрым и Иоганном Фридрихом.

Иллюстрации следующих друг за другом изданий лютеровской Библии, которые сделаны разными художниками - от Кранаха до Лембергера, интересны своим развитием. Можно сказать, что мы наблюдаем переход от Ренессанса к барокко. Сравните, как художники трактуют борьбу Иакова с Ангелом. У Кранаха гармонично использовано пространство. Персонажи изображены на красочном фоне. Лембергер же подчеркивает динамику и напряжение борьбы - даже деревья у него участвуют в схватке.

К сожалению, иллюстрации к Откровению оказались излишне злободневны. Слишком велико было искушение отождествить папу с антихристом. В первом издании Нового Завета, которое вышло в сентябре 1522 года, женщина в пурпуре, восседающая на семи холмах, изображена в папской тиаре. В тиаре же предстает и великий дракон. Зверь, восстающий из бездны, облачен в монашескую сутану. В падшем Вавилоне можно легко узнать Рим. Безошибочно различаются Бельведер, Пантеон и Кастело де Сан-Антонио. Герцога Георга эти гравюры привели в такую ярость, что он направил бурный протест Фридриху Мудрому. Как следствие, в издании, вышедшем в декабре 1522 года, тиары на гравюрах превратились в безобидные венцы с одной короной, остальные же детали не подверглись изменениям. Фактически они остались незамеченными, так что Эмсер, католический оппонент Лютера, заимствовал фрагменты гравюр Кранаха для иллюстрации собственного издания Библии. В Новый Завет издания 1530 года Лютер включил пояснение относительно того, что жабы, выходящие из уст дракона, - это его противники, Фабер, Экк и Эмсер. В полном издании Библии, которое вышло в 1534 году, после смерти Фридриха Мудрого, гравюры были переделаны и папские тиары восстановлены.

Доктринальные проблемы перевода

Наибольшая трудность при переводе заключалась не в том, чтобы сделать библейские сцены наглядными, но в том, чтобы передать дух и идеи Библии. "Искусством перевода наделен не всякий. Оно требует истинно набожного, верного, усердного, богобоязненного, опытного и мудрого сердца". Лютер не считал нужным добавить, что искусство перевода требует также немалых познаний. Однако Лютер по-своему понимал Библию, и это в определенной степени влияло на все, что он сделал и что оставил незавершенным. Он не пытался хоть в какой-то степени сгладить расхождения, поскольку встречающиеся в Писании обычные ошибки не тревожили его. Иногда он говорил о том, что каждая йота Священного Писания священна, иногда же демонстрировал полное равнодушие к таким серьезным огрехам, как неверное цитирование Ветхого Завета в Новом Завете. Для него Библия и Слово Божье не были понятиями строго тождественными. Слово Божье - это искупительная работа Христова, которая обрела конкретные формы в Писании, когда Бог во Христе облекся в человеческую плоть. Поскольку же, воплотившись в человека, Христос обрел все особенности человеческого характера, то Писание, будучи средством передачи Слова, не избавлено от всех присущих человеку недостатков. Поэтому Лютер не испытывал ни малейшего искушения исправлять цитаты из пророков в Евангелии для того, чтобы они соответствовали тексту Ветхого Завета. Точно так же не пытался он согласовать и предсказания об отречении Петра с рассказом о фактическом отречении.

Когда же речь шла о вопросах вероучения, дело обстояло совсем иначе. Лютер прочитывал Новый Завет в свете слов Павла о том, что праведный жив будет верою, но не делами закона. От Лютера не ускользнуло то, что мысль эта звучит в Новом Завете по-разному, а в Послании Иакова даже как бы и отрицается. Поэтому в своем предисловии к изданию 1522 года Лютер называет Послание Иакова "соломенным посланием". Однажды Лютер заметил, что отдал бы свой докторский берет тому человеку, который сумеет примирить Иакова с Павлом. Но при этом он не пытался изъять Послание Иакова из канона Писания. В конце концов он сам заслужил собственный берет, найдя решение этой проблемы. "Вера, - писал он, - дело живое и беспокойное. Она не может быть застывшей. Не делами мы спасаемся; однако же, если дел нет, значит, что-то неладно с верою". Таким образом, он просто истолковал Иакова, применив к нему идеи Павла. Результатом этого было возникновение в Новом Завете иерархии ценностей.. На первое место Лютер поставил Евангелие от Иоанна, за ним следовали послания Павла и Первое послание Петра, затем три остальных Евангелия, а Послание к Евреям, послания Иакова, Иуды и

Откровение занимали второстепенное место. Лютер с сомнением относился к Откровению из-за неясности этой книги. "Откровение должно открывать", - говорил он.

Подобные взгляды влияли на перевод, но незначительно. Кое-где, однако, явно просматривается чрезмерное увлечение Павлом. Можно привести известный пример, когда Лютер перевел "оправдание верой" как "оправдание одною лишь верой". Когда его попрекнули подобной вольностью, он ответил, что переводил не слова, но идеи и что дополнительное слово необходимо в немецком переводе для того, чтобы в полной мере передать смысл оригинала. Ни в одной из тех редакций своего перевода, которые Лютер сделал при жизни, он не отказался от этого слова - "одною". В другом случае Лютер проявил большую гибкость. В 1522 году он перевел греческое выражение "делами закона" как "заслугами дел". В 1527 году Лютер восстановил изначальное значение. Сделать ему это было, вероятно, нелегко. Лютер был честным тружеником, и все последующие редакции Нового Завета отличает все большая и большая близость к оригиналу. В то же время встречались места, где особые взгляды Лютера приводили не то чтобы к неточности, но к появлению специфических нюансов в переводе. Благословение: "И мир Божий, который превыше всякого разума" Лютер перевел так: "И мир Божий, который превосходит всякий разум". В сущности, ставить под сомнение точность перевода здесь нет оснований. Лучше было бы сказать: "который выходит за пределы всякого разума", но убежденность Лютера в неспособности человеческого разума исследовать небесное была столь велика, что в этом тексте он видел лишь подтверждение своей точки зрения.

Если Новый Завет был для Лютера книгой Павла, то Ветхий Завет представлялся ему книгой христианской. Отменен был лишь церемониальный закон евреев. Нравственный закон сохранил свою ценность, поскольку он соответствует закону природы. Однако куда важнее этики было богословие. Ветхий Завет предвосхитил драму искупления. Адам явил пример оставленного человека. Ной ощутил силу гнева Божьего, Авраам был спасен верою, а Давид испытал покаяние. Предсущий Христос осуществлял Свою миссию через Ветхий Завет, говоря устами пророков и псалмопевцев. Наглядное свидетельство христологического истолкования Ветхого Завета во времена Лютера обнаруживают иллюстрации к его Библии. Из сотен гравюр единственная, изображающая рождение Христа, встречается не в евангелиях, что естественно было бы ожидать, но на титульной странице Книги Иезекииля. Прочитывая Ветхий Завет таким образом, Лютер не мог избежать христианизации оттенков значения слов. "Милость Господня" превратилась в "благодать"; "Избавитель Израиля" стал "Спасителем"; "жизнь" переводилась как "жизнь вечная". Вот почему Бах имел причины считать 15-й псалом Пасхальным гимном.

Наибольшие вольности при переводе Лютер позволял себе в Псалтири, поскольку здесь он чувствовал себя совершенно свободно. Псалмы отражали ту духовную борьбу, которую он испытывал непрестанно. Невозможно было исключить знаменитые слова его *Anfechtungen* [искушения]. Там, где английский перевод псалма 89 говорит о "тайных грехах", у Лютера мы читаем "нераспознанные грехи". Лютер размышлял о том, как, пребывая в монастыре, он тщетно пытался припомнить каждое свое дурное деяние, чтобы можно было покаяться в нем и получить прощение. Там, где английский перевод гласит: "Научи нас так исчислять дни наши, чтобы нам обрести сердце мудрое", Лютер без всяких оговорок переводит: "Научи нас так размышлять о смерти, дабы могли мы обрести мудрость".

Лютер настолько глубоко прочувствовал псалмы, что даже улучшил их. Иногда в оригинале переходы резки, а смысл не всегда очевиден. Лютер упрощал и прояснял. Работая над текстом, который отражал его духовные метания во время ночных бдений,

Лютер почувствовал, что имеет право перефразировать его. Вот как он трактует псалом 72:

"Сердце мое поражено, и кости мои изнемогают, глупец я и невежда, зверю я подобен пред Тобою. Но я навек пребуду с Тобою. Ты удержишь меня десницею Своею и руководишь мною советом Своим. В конце Ты увенчаешь меня славою. Если бы имел я это, не просил бы я ничего ни на небе, ни на земле. Когда плоть и душа моя изменяют мне. Ты остаешься навеки Богом моим, утешением сердца моего и частью моей".

Библия в переводе Лютера представляла собой великий инструмент обучения. Но одной ее было недостаточно ни для детей, ни для взрослых, почти повсеместно крайне невежественных. Детей следовало учить в церкви, в школе и дома. А для этого пасторы, учителя и родители должны предварительно получить образование сами. Этим объясняется стремление Лютера заменить католическую школу муниципальной, которая давала бы всестороннее образование, включая и религиозное. "Писание невозможно понять, не зная языков, - утверждал Лютер, - учить же языки можно лишь в школе. Если родители не могут отпускать детей на целый день, пусть дети проводят в школе хотя бы несколько часов. Готов биться об заклад, что в половине Германии можно насчитать не более четырех тысяч школьников. Хотелось бы знать, откуда мы будем брать пасторов и учителей через три года?"

Катехизис

Однако недостаточно было дать образование родителям и подготовить пасторов и учителей. Они, в свою очередь, также должны иметь под рукой религиозную литературу, предназначенную для детей. Опыт средневековья в этом отношении помогал мало, поскольку катехизисы писались лишь для взрослых. Гуманисты положили начало становлению детской религиозной литературы такими трудами, как "Диспуты Эразма". У богемских братьев также имелся детский вопросник. Но этого было недостаточно, и без всякого преувеличения можно сказать, что именно Реформация впервые создала модель религиозной литературы для молодежи. Будучи чрезвычайно занят, Лютер пытался поручить это дело своим сподвижникам, и они ревностно взялись за его выполнение. За те семь лет, которые прошли между возвращением Лютера в Виттенберг и появлением его катехизиса, сподвижники Мартина написали столько, что в современных репринтных изданиях эта литература составляет пять объемных фолиантов.

Подход их, по большей части, отличался примитивной простотой. В сжатом виде их сочинения строились по такой схеме: "Ты плохой ребенок. Ты заслуживаешь вечного наказания в аду. Но поскольку Бог наказал вместо тебя Своего Сына Иисуса Христа, тебя можно простить, если ты будешь чтить Бога, любить Его и слушаться Его". Это "если" вызывало тревогу у Лютера, поскольку таким образом возрождалось католическое понимание сущности наказания и прощения, восстанавливалась роль заслуг человека. Даже Меланхтон перебарщивал с нравоучениями, поскольку его наставление было компиляцией, соединявшей этические наставления Нового Завета с сентенциями языческой мудрости. Одни катехизисы противопоставляли внутреннее содержание Писания внешнему его выражению, другие даже спиритуализировали таинства. Иными словами, составление катехизиса взяли в свои руки радикалы! Настала пора Лютеру приняться самому за выполнение этой задачи.

В 1529 году он написал два катехизиса: "Большой катехизис" для взрослых, в котором много внимания уделялось вопросам брака, что делало его мало подходящим для детей; и "Малый катехизис" для детей. В основу обоих были положены пять основных положений

вероучения: Десять заповедей как зеркало греха; Апостольский символ веры как возвешение о прощении; молитва "Отче наш" как выражение принятия милости и два таинства - крещения и Вечери Господней как способы приобщения к благодати.

В "Большом катехизисе" все вопросы излагались достаточно полно, а повествование иногда приобретало полемическую тональность. Повеление поклоняться только Господу предоставляло возможность осудить католический культ святых. Разделы, посвященные таинствам, позволяли опровергнуть позиции религиозных экстремистов. "Малый катехизис" лишен какой бы то ни было полемичности и представляет собой непревзойденное свидетельство веры. Повествуя о смерти Христа, Лютер подчеркивает не заместительное наказание, но победу над силами тьмы.

"Я верую в Иисуса Христа... Который, когда я пал и был осужден, спас меня от всякого греха, от смерти и от власти дьявола - не золотом или серебром, но Своею собственной драгоценной святой кровью, Своим безгрешным страданием и Своею смертью, дабы я мог пребывать с Ним и жить в Его Царстве, и служить Ему вовеки в благодати, безгрешности и счастье, как и Сам Он восстал из мертвых, и живет, и властвует вовеки. Сие есть истина".

По словам Лютера, он бы только радовался, если бы исчезли все его труды, за исключением ответа Эразму и катехизиса.

"Не следует думать, что катехизис есть нечто незначительное, что можно наспех прочесть и отложить в сторону. Даже будучи доктором, я должен поступать подобно ребенку, повторяя слово за словом каждое утро и всякий раз, когда есть время, "Отче наш", и Десять заповедей, и Символ веры, и псалмы. Умники же, о которых я упоминал, желают, прочтя все это один лишь раз, стать докторами из докторов. Поэтому страстно хочу я убедить сих мудрецов, что не такие уж великие они ученые, как о себе помышляют. Углубленность в Слово Божье помогает противостоять миру, плоти, дьяволу и всяким дурным помыслам. Вот та истинная святая вода, которой надобно изгонять дьявола".

Лютер стремился к тому, чтобы использовать катехизис в церкви в качестве основы для проповедей. Прежде всего, однако, он предназначался для домашнего чтения. Глава семьи должен проверять знание катехизиса у детей, а также слуг не реже одного раза в неделю. Если дети не выучили положенного, их следует оставить без обеда; если нерадивость в изучении проявили слуги, их надобно уволить.

Катехизисы были иллюстрированы затейливыми гравюрами, изображавшими соответствующие библейские сцены. Слова: "Я верую в Бога Всемогущего", конечно же, уместно сопроводить картиной, изображающей творение. "Да святится имя Твое" сопровождалось изображением проповеди. "Помни день субботний" - группа верующих в церкви, а поодаль человек собирает хворост. Лютер, однако, не был твердым субботником. Кстати говоря, и гравюры подбирал не он. Чрезвычайно скромной была гравюра, сопровождавшая шестую заповедь, - Давид с гуслими засмотрелся на Вирсавию, омывающую ноги. Завершать час изучения катехизиса Лютер рекомендовал пением псалма или гимна.

Литургия

Другим огромным вкладом Лютера был пересмотр порядка церковного служения. Первоначально он сделал это с целью восстановления чистоты богослужения, а затем - чтобы использовать служение для обучения членов общины. Еще в Вартбурге Лютер осознал, что порядок церковного служения нуждается в срочных изменениях. Он всецело

одобрял первые инициативы Карлштадта. В то же время сам Лютер был в этих вопросах весьма консервативен. Он стремился, чтобы изменения в мессе, которую он так любил, были минимальны, явное заключалось в том, чтобы исключить всякие упования на человеческие заслуги. В 1523 году Лютер взял на себя задачу произвести минимально возможные изменения, которые насуточно необходимы с точки зрения реформаторского вероучения. Свою работу *Formula Missae* он написал по-латыни. Канон о мессе исчез, поскольку в нем был раздел, в котором шла речь о приношениях. Лютер вновь восстановил первостепенную значимость, которую придавала ранняя Церковь Вечере Господней как акту выражения благодарности Богу и единения через Христа с Богом и друг с другом. Эта первая лютеранская месса была исключительно актом богопоклонения, в котором истинные христиане совместно участвовали в восхвалении и молитве, укрепляясь духовно.

Но очень скоро Лютер пришел к пониманию того, что акт богопоклонения для многих христиан невозможен без дополнительного объяснения. Церковь объединяла верующих в общину, а община состояла из жителей Виттенберга и крестьян близлежащих деревень. Что могут понять эти крестьяне из его ревизии латинской мессы? Безусловно, перемена была очевидной, когда прихожанам стали давать вино и хлеб. Они могли заподозрить, что произошли какие-то изменения, когда из мессы были убраны непонятные эпизоды. Но поскольку служение все так же совершалось на чужом для верующих языке, то вряд ли они ощутили, что из обряда исчезла идея приношения. Поэтому месса должна совершаться на немецком языке. Другие реформаты пришли к этому выводу раньше Лютера, и Мюнцер подготовил немецкий вариант, который полностью устраивал Лютера до тех пор, пока он не узнал, что его автором является

Мюнцер. Постепенно Лютер пришел к заключению, что пересмотром порядка церковного служения ему придется заняться самому. В 1526 году он предложил текст мессы на немецком языке.

Вся месса была переведена на немецкий язык, за исключением рефрена на греческом: "Кири элейсон". Основные элементы служения остались без изменений. Когда в 1536 году Виттенберг посетил привыкший к у прощенному порядку служения швейцарец, у него сложилось впечатление, будто лютеране сохранили многие элементы католичества: коленопреклонение, одеяния, повороты поочередно то к алтарю, то к общине, расположение аналоя и алтаря в противоположных углах. Даже обряд поднятия символов сохранялся вплоть до 1542 года. Для Лютера все это представлялось несущественным. Он не стремился заменить старую обрядность новой, допуская в вопросах литургики широту и значительное разнообразие. Главное заключалось в устранении канона мессы как из немецкого, так и из латинского ее вариантов. Его заменило простое приглашение к причащению. С устранением канона более важное место заняли Евангелие и Послание; слова установления произносились по-немецки; проповедь приобрела большую значимость; объявления зачастую занимали столько же времени, сколько и проповедь. Церковь, таким образом, превращалась не только в дом молитвы и восхваления, но и в учебную аудиторию.

Музыка

Наиболее значительные перемены в литургии были связаны с музыкой. Перемены коснулись трех элементов: пения с запевом священника; хоралов, исполняемых хором, и исполнения гимнов общиной. Лютер намеревался изменить все три. Не считая себя искусным исполнителем, Лютер все же полагал, что способен вести и вдохновлять, поскольку умел играть на лютне и петь, хотя, с его точки зрения, и не так хорошо, как

сочинять. В наше время среди специалистов нет единого мнения относительно того, к скольким своим гимнам Лютер написал музыку. Обычно ему приписывают десять гимнов. Безусловно, он умел сочинять простые мелодии, гармонизировать их и аранжировать. Но, помимо всего прочего, любовь Лютера к музыке была столь велика, что он умел вдохновлять. Он говорил:

"Музыка есть прекрасный и дивный дар Божий, который зачастую пробуждал меня и подвигал к радостям проповедования. Св. Августин испытывал угрызения совести всякий раз, когда замечал, что находит удовольствие в музыке, считая это грехом. Августин обладал изощренным умом, и, живи он в наше время, он согласился бы с нами. Я не люблю чудаков, не приемлющих музыку, поскольку она есть дар Божий. Музыка отгоняет дьявола и веселит людей; через нее они забывают всяческий гнев, непристойность, высокомерие и тому подобное. После богословия я поставил бы музыку на самое возвышенное место, воздавая ей высочайшие почести. Я не соглашусь променять свои скромные познания в музыке ни на что более великое. Опыт показывает, что после Слова Божьего одна лишь музыка достойна того, чтобы ее превозносили как хозяйку и повелительницу чувств человеческого сердца. Нам ведомо, что для дьявола музыка неприятна и невыносима. Сердце мое вскипает и переполняется, слыша музыку, столь часто освежавшую меня и избавлявшую от тяжких недугов".

Возможно, тот факт, что Дюрер был стар, а Лютер молод, когда каждый из них зажегся идеей реформы, в какой-то мере объясняет, отчего в немецком лютеранстве изобразительное искусство сыграло существенно меньшую роль в сравнении с выражением веры посредством музыки.

Перемены в музыкальной части литургии первыми затронули песнопение с запевом священника, в том числе Послание и Евангелие. Можно удивляться тому, что Лютер, с его страстным желанием сделать каждое слово Писания ясно слышимым и понятным, вовсе не упразднил музыку и не заменил ее обычным чтением. Ответ на этот вопрос дает архитектура церквей, в которых пропетые слова звучали более отчетливо, чем обычная речь. Но Лютер действительно сделал все возможное для того, чтобы слушающие понимали смысл. Для каждого слога использовалась лишь одна нота, а органное сопровождение не должно было заглушать слова. На протяжении всей службы орган использовался лишь антифонально. Нельзя было объединять слова из разных евангельских текстов, а семь слов, произнесенных Христом на кресте, нельзя было заимствовать из всех четырех Евангелий. Зная лютеранскую традицию, понимаешь, почему Бах написал "Страсти по св. Матфею". Драматическая окраска должна подчеркивать содержание. Григорианские хоралы, сопровождавшие Послание и Евангелие, отличались монотонностью, которую нарушало лишь понижение мелодии в конце. Лютер также ввел использование разных регистров для повествования евангелиста, для слов Христа и слов апостолов. Средний регистр он установил достаточно высоким, поскольку у него самого был тенор. Но при этом Лютер пояснил, что лишь дает рекомендации и что каждый служащий мессе священник должен изменить музыкальное сопровождение в соответствии со своими возможностями. Лады необходимо варьировать: шестой должен использоваться для Евангелия, поскольку Христос был исполнен радости; восьмой же - для Послания, так как Павел пребывал в более строгом состоянии духа. Эта терминология требует определенного пояснения. В наши дни существует множество тональностей и лишь два лада - мажор и минор. Интервалы во всех тональностях используются в строе С и сохраняются использованием стройных звуков альтерации в транспозиции. В XVI веке восемь ладов широко использовались с различными интервалами, образованными началом на каждой ноте октавы и подъемом без стройных

звуков альтерации. Внимание, которое уделял Лютер всем этим аспектам музыкального сопровождения чтения из Писания на национальном языке проложило дорогу ораториям.

О той помощи, которую он получал при выполнении своей задачи, можно судить из рассказа его сподвижника Вальтера:

"Когда сорок лет назад Лютер исполнился стремления написать мессу на немецком языке, он обратился к курфюрсту Саксонии и герцогу Иоганну с просьбой направить в Виттенберг меня и Конрада Румпфа, дабы иметь возможность обсуждать с нами музыку и природу восьми ладов григорианского псалмопения. Он написал музыку для Посланий и Евангелий, равно как и слова установления истинного тела и крови Христовых. Пропев их мне, Лютер попросил высказать свое мнение о результатах его трудов. К этому времени я провел в Виттенберге уже три недели, которые прошли в обсуждении музыкального оформления Посланий и Евангелия. Много приятных часов мы наслаждались с ним совместным пением. Казалось, что пение не только не утомляет его, но он просто не может насытиться им. Кроме того, он всегда готов был красноречиво обсуждать проблемы музыки".

Вторым элементом, требовавшим перемен, были хоралы. Огромным подспорьем в этой работе стала традиция голландской полифонической религиозной музыки, которую Лютер ценил превыше всех других. В основу положена мелодия григорианского хора, над которой три, четыре или более голосов взвивались затейливыми руладами в контрапункте. Сам Лютер в 1538 году в предисловии к посвященному музыке труду собрал воедино все похвалы музыке вместе с самым выразительным описанием голландского полифонического хора из всех, когда-либо написанных: "Всем ценителям свободного музыкального искусства доктор Мартин Лютер желает благодати и мира от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа. Всем сердцем своим готов я превознести драгоценный Божий дар благородного музыкального искусства, однако не ведаю, с чего начать. Нет на земле ничего такого, что не имело бы своего звучания. Даже воздух невидимый производит звук, будучи рассекаемым плотным телом. Еще большее удивление рождает то пение, которое мы слышим среди зверей и птиц. Давид, будучи и сам музыкантом, с изумлением и радостью свидетельствовал о птичьем пении. Что же в таком случае сказать о голосе человеческом, с которым не может сравниться ничто? Тщетно пытались языческие философы объяснить, каким образом язык человеческий выражает помыслы сердца речью и пением, смехом и плачем. После Слова Божьего музыка достойна наибольшей хвалы, ибо она способна передавать все чувствования. Ничто на земле не обладает большей силой, которая может возвеселить печального и опечалить веселого, ободрить впавшего в уныние, смирить высокомерного, умерить безудержного или смягчить жестокого. Сам Дух Святой отдает дань музыке, когда свидетельствует о том, что злой дух удален от Саула, когда Давид заиграл на своих гуслях. Отцы желали, чтобы музыка всегда преизобиловала в Церкви. Вот отчего в ней так много песен и псалмов. Сей драгоценный дар дан одним лишь людям, чтобы напоминать им, что сотворены они для того, чтобы восхвалять и возвеличивать Господа. Когда же музыка природная совершенствуется и обостряется искусством, мы с изумлением начинаем постигать великую и совершенную мудрость Божью, явленную в чудесном даре музыки, где один голос исполняет простую партию, а вокруг него поют три, четыре или пять других голосов, взвиваясь, кружась и чудесно украшая простую партию. Они подобны кадрили, исполняемой в небесах с дружескими поклонами, объятьями и кружением партнеров. Кто не видит в том невыразимого чуда Господня, воистину глупец и недостойн почитаться человеком".

По мнению Лютера, далеко не последним из всех достоинств музыки является отсутствие в ней противоречий. В пении он никогда не ощущал противоборства. Знаменитые полифонические хоралы Нидерландов были сочинены для католической церкви, однако это не мешало Лютеру любить их и заимствовать из них. Опять-таки, когда герцоги Баварии возненавидели Лютера до такой степени, что лишь факт получения письма от него грозил бедами человеку, находившемуся на их территории, Лютер тем не менее осмелился написать баварскому композитору Сенфлу: "Любовь, которую я испытываю к музыке, позволяет мне также надеяться, что письмо мое никоим образом не поставит вас под угрозу, ибо даже в Турции кто способен упрекнуть человека, любящего искусство и восхваляющего художника? Как бы то ни было, я возношу хвалу вашим баварским герцогам. Хотя они меня и не любят, но я чту их превыше всех других за то, что они ценят и поощряют музыку". Эразм стремился сохранить те европейские союзы, которые сложились в политике. Лютер стремился к тому же самому в музыке.

Для исполнения полифонического хорала необходим хор. Лютер с чрезвычайным усердием занимался подготовкой хоров. Георг Рау, регент герцога Георга и дирижер двенадцатиголосного хора, певшего во время Лейпцигского диспута, был приглашен в Виттенберг регентом и дворцового, и церковного хоров. Следует упомянуть также, что многие немецкие князья сами содержали хоры - они-то и были источником профессионально подготовленных певцов. Лютер весьма опечалился, когда Иоганн Фридрих из соображений экономии распустил хор, который издавна содержался щедрым Фридрихом Мудрым. Чтобы восполнить эту утрату, в городах были образованы хоровые общества и - что самое главное - организовано глубокое изучение музыки в школах.

Последняя и самая важная из музыкальных реформ касалась общинного пения. В средние века исполнение литургии почти полностью ограничивалось священником и хором. Участие общины состояло лишь в нескольких репликах на национальном языке. Лютер развил этот элемент до такой степени, что его можно считать родоначальником общинного пения. Именно в этой области его учение о священстве всех верующих обрело самые конкретные формы. Это был тот самый - единственный - аспект, в котором лютеранство явилось образцом демократии. Пели все. Определенные части литургии подверглись изменениям, превратившись в гимны, "Символ веры" и Sanctus. Вместо "Я верую" община пела "Мы веруем в Бога единого". Община пела о том, как пророк Исаия увидел превознесенного Господа, и возвысился, и услышал серафимов, говорящих: "Свят, свят, свят, Господь".

Сборник гимнов

Помимо всего прочего в 1524 году Лютер выпустил сборник из двадцати трех гимнов. Он был автором текстов, а отчасти, возможно, и композитором. Двенадцать из этих гимнов представляли собой свободное переложение латинских песнопений. Шесть гимнов были вариациями библейских псалмов. Собственные терзания Лютера и избавление от них вдохновили его на вольную трактовку псалмов, что позволило выразить в них сугубо личные переживания. Псалом "Из глубины взываю" превратился в песнопение "В нужде жестокой". Величайший гимн Реформации - "Могучая крепость" появился в более позднем издании песенника. Это чуть ли не единственный гимн, о котором достоверно известно, что его слова и музыка написаны Лютером. В нем ярче всего отразилась религиозность Лютера. В основу этого гимна положен латинский перевод 45-го псалма из Вульгаты. Нужно сказать, что в своей личной молитвенной жизни Лютер продолжал пользоваться латынью, на которой он взрастал. Еврейский текст этого псалма гласит: "Бог нам прибежище", в латинском варианте мы читаем: "Наш Бог - прибежище". Поэтому и Лютер начинает: "Могучая крепость есть наш Бог". Хотя 45-й псалом прост, необычайно

свободная лютеровская переработка насыщает его многочисленными иллюзиями на Послания Павла и Апокалипсис. Очень точные сильные слова выражают все торжественное величие зрелища готового к битве воинства небесного. До самого конца гимна обертоны передают напряжение космической борьбы, в которой Господь Бог Саваоф поражает князя тьмы и отмщает святых мучеников.

Лютеровский народ учился петь. В течение недели проводились репетиции для всей общины. Дома семье также рекомендовалось петь вместе после окончания часа изучения катехизиса. По свидетельству некоего иезуита, "своими гимнами Лютер погубил больше душ, нежели проповедями". О том, как гимны распространялись в народе, говорят следующие выдержки из хроник города Магдебурга:

"В день св. Иоанна между Пасхой и Пятидесятницей в городе появился старый ткач. Через городские ворота он прошел к памятнику кайзеру Отто, где принялся продавать гимны, одновременно при этом распевая их для народа. Возвращавшийся с ранней мессы бургомистр, узрев толпу, спросил у одного из своих слуг, что происходит. "Вон там стоит старый плут, который поет и продает гимны еретика Лютера", - отвечал тот. Бургомистр приказал схватить старика и бросить в тюрьму, но вмешались, двести граждан, и тот был освобожден".

Среди гимнов, которые распевал старик на улицах Магдебурга, был и лютеровский Aus tiefer Not:

К Тебе взываю в жестокой нужде.

О, Боже, внимли мне.

В тревоге своей я молю о заботе.

Приди ко мне. Отец мой.

Если пожелаешь Ты взглянуть

На сотворенные мною беззакония,

Как смогу я устоять пред Тобою?

Лишь у Тебя благодать несказанная,

Прощение вечное.

Не можем мы предстать пред лицом Твоим,

И добрые дела не помогут нам.

Нет человека, что мог бы с похвальбой приблизиться к Тебе.

Все живое трепещет в страхе.

Лишь благодатью Твоей спасаются они.

А посему на Бога лишь я уповаю,

Свои притязанья оставив.

В Него, единственно в Него я должен веровать,

И лишь на благодать Его надежды возлагать.

Он мне дает Свое обетованье

И утешенье в том, что слышал я.

На сем стоять я буду вечно.

Глава двадцатая

ЦЕРКОВЬ В СЛУЖЕНИИ

Прославившийся переводом Библии и составлением катехизиса, реформой литургии и составлением сборника гимнов, Лютер был столь же велик в искусстве проповеди, чтении лекций в учебной аудитории и вознесении молитв в верхней комнате. Универсальность этого человека действительно изумляет. Никто из современников Лютера не мог сравниться с ним.

Проповедование

Реформация выдвинула проповедь на первостепенное место. Кафедра стала выше алтаря, поскольку, с точки зрения Лютера, спасение достигается через Слово. Без Слова хлеб и вино лишаются священной значимости, но Слово может быть действенным лишь тогда, когда оно провозглашается. Это вовсе не означает, что проповедь была изобретением Реформации. На протяжении предшествовавшего века для одной лишь провинции Вестфалии печатается десять тысяч проповедей. Хотя сохранились лишь тексты на латыни, читались они на немецком. Однако Реформация действительно возвысила проповедь. Все средства обращения к Богу, которые описаны в предыдущей главе, обрели свое наивысшее применение на кафедре. Виттенбергские реформаторы провели широкую кампанию по религиозному обучению, используя проповедь. В воскресенье звучали три проповеди: с пяти до шести утра - по посланиям Павла, с девяти до десяти - по Евангелиям и в какое-то время после обеда произносилась еще одна проповедь, которая либо продолжала тему утренней, либо рассматривала вопросы катехизиса. Не бездействовала церковь и в течение недели. По понедельникам и вторникам читались проповеди по катехизису, по средам - по Евангелию от Матфея, по четвергам и пятницам исследовались апостольские послания, вечером в субботу читалась проповедь по Евангелию от Иоанна. Одному человеку такая нагрузка была не под силу. Церковь держала целый штат священнослужителей, однако и при этом Лютер оказывался непомерно загружен. Если считать и семейные богослужения, то по воскресеньям он зачастую проповедовал четыре раза. Раз в три месяца он проводил двухнедельные кампании, четыре дня в неделю читая проповеди по катехизису. Всего до наших дней дошло 2300 его проповедей. Самым насыщенным был 1528 год, когда Лютер за 145 дней произнес 195 проповедей.

Та высочайшая роль, которую Лютер отводил кафедре, объясняется отчасти серьезностью, с которой он относился к служению проповедника. Задача служителя состоит в том, чтобы распространять Слово Божье. Лишь в нем можно обрести исцеление от нанесенных жизнью ран и бальзам вечного блаженства. Проповедник должен непрестанно следить за

тем, чтобы не увести свое стадо в сторону от истинного пути. Иногда Лютер с кафедры сознавался, что он как священник с радостью закрывал бы глаза на многое. Но Лютер непрестанно сам себе повторял совет, который он некогда дал впавшему в уныние проповеднику. Тот пожаловался, что проповедование для него - тяжелое бремя, проповеди его всегда непродолжительны и лучше было бы ему заниматься своей прежней профессией. Лютер сказал служителю:

"Будь здесь Петр с Павлом, они бы отругали тебя, поскольку ты желаешь сразу же обрести все, чего они добивались долгое время. Если ты не можешь идти, так ползи - это уже кое-что. Делай все, что в твоих силах. Если не можешь проповедовать час, то проповедай полчаса или пятнадцать минут. Не пытайся подражать другим. Все свое внимание удели тем кратким и наипростейшим темам, которые составляют суть вопроса, предоставив остальное Богу. Ищи лишь славы для Бога, но не аплодисментов для себя. Молись, чтобы Бог дал тебе уста, а слушающим тебя - уши. Могу сообщить тебе, что проповедование совершается не человеком. Хотя я стар [Лютеру было в это время сорок восемь лет] и умудрен опытом, но тем не менее всякий раз, выходя проповедовать, я испытываю страх. Ты непременно сделаешь следующие три открытия: во-первых, проповедь свою ты должен готовить со всем возможным усердием, и тогда она польется, подобно водному потоку; во-вторых, ты можешь отложить свои записи, и Бог дарует тебе Свое благословение. Проповедь твоя будет прекрасна. Слушающие будут довольны, ты же - нет. И, в-третьих, если ты не смог чего-то уяснить для себя заранее, проповедь твоя будет обращена равным образом как к слушателям, так и к тебе самому. Посему молись Богу и предоставь Ему все остальное".

В своих проповедях Лютер следовал темам, которые предписывались христианским учебным годом, и урокам, которые, согласно длительной практике, назначались для каждого воскресного дня. В этой области он не был новатором. Поскольку обычно Лютер выступал с проповедью на 9-часовом служении, в основном они были посвящены Евангелиям, а не его любимым посланиям Павла. Сам текст, однако, не играл для Лютера первостепенной роли. Если он не мог проповедовать непосредственно по словам Павла: "Праведный верою жив будет", он мог прийти к той же идее, используя пример парализованного из Евангелий, грехи которого оказались прощены прежде, чем было даровано исцеление. Год за годом Лютер читал проповеди на одни и те же библейские тексты и об одних и тех же великих событиях: пришествии. Рождестве, крещении Иисуса, великом посте. Пасхе, Пятидесятнице. Если прочесть сейчас записи его проповедей, произнесенных на одну и ту же тему, то изумляет новизна, с которой он каждый год раскрывал какой-то новый аспект этой темы. Только возникает ощущение, что на этот раз ничего нового не будет, - тут же яркая вспышка. Вот Лютер говорит о предательстве Иуды. Иуда возвращает тридцать сребренников со словами: "Предал я кровь невинную", а первосвященник отвечает: "Что нам до того?" И тут Лютер говорит, что никакое одиночество не сравнится с одиночеством предателя, поскольку сочувствия к нему не проявляют даже те, кому он служит. Лютеровские проповеди охватывают всевозможнейшие темы - от величия Божьего до жадности свиньи. Зачастую проповедь заканчивалась внезапно, поскольку за ней следовали объявления, которые бывали ничуть не короче проповедей. В объявлениях все события наступающей недели объяснялись с уместными или не совсем подходящими назиданиями и рассуждениями. Несколько примеров таких проповедей и объявлений будет вполне достаточно.

Первый пример показывает, каким образом можно было от проповеди сразу же перейти к объявлениям. Финансовые сложности, о которых говорит Лютер, не были решены

вмешательством князя, поэтому каждого члена общины призывали внести четыре пфеннинга. Лютер говорит, что его лично это никак не затрагивает, поскольку он живет на те средства, которые выплачивает ему князь в виде профессорского жалования. Выдержки приводятся, конечно же, с большими сокращениями.

"8 ноября 1528 года темой для проповеди был господин, простивший своего слугу. Этот господин, сказал Лютер, есть символ Царства Божьего. Слуга был прощен вовсе не потому, что он простил своего собрата-слугу. Напротив, он получил прощение еще до того, как сделал подобное для своего собрата. Отсюда мы видим, что есть два вида прощения. Первое из них - то, которое мы получаем от Бога; второе же заключается в том, что мы не испытываем недобрых чувств к кому бы то ни было на земле. Но не следует нам упускать из вида также и две власти, гражданскую и духовную, поскольку князь не может и не должен прощать. Его власть иная, нежели у Христа, Который правит сокрушенными и разбитыми сердцами. Император правит негодяями, которые не признают своих грехов, насмешничают и держат себя высокомерно. Вот отчего император несет меч - знак крови, но не мира. Царство же Христово - для встревоженной совести. Он говорит: "Я не прошу у вас ни гроша - прошу лишь, чтобы вы делали то же для ближнего своего". И господин из притчи не призывает слугу основать монастырь, но желает лишь, чтобы он проявил милосердие к своим собратям.

Но что же сказать вам сейчас, жители Виттенберга? Было бы лучше, если бы я проповедовал вам *Sachsenspiegel* [имперский закон], поскольку вы желаете быть христианами, занимаясь при этом ростовщичеством, разбоем и воровством. Как же люди, настолько погрязшие во грехе, рассчитывают получить прощение? Воистину, здесь требуется меч императора, а проповедь моя обращена к сердцам сокрушенным, которые ощущают свои грехи и не знают покоя. Довольно на сегодня.

Насколько я знаю, эта неделя назначена для церковных сборов, а многие из вас не желают ничего жертвовать. Вы неблагодарные люди и должны стыдиться себя. Вы, жители Виттенберга, получили школы и больницы, построенные на общественные деньги, а теперь желаете знать, почему вас просят пожертвовать четыре пфеннинга. Они пойдут на оплату слугам, школьным учителям и ризничим. Первые трудятся для вашего спасения, проповедуют вам драгоценные сокровища Евангелия, совершают таинства и посещают вас во время чумы, не страшась заразиться. Вторые учат ваших детей, чтобы они стали добрыми управителями, судьями и священнослужителями. Третьи заботятся о бедных. До сих пор о них заботилась общественная казна, теперь же, когда вас просят пожертвовать жалких четыре пфеннинга, вы недовольны. Выходит, вы не желаете, чтобы проповедовалось Евангелие, чтобы учились дети, чтобы получали помощь бедняки? Я это говорю не ради себя. От вас я не получаю ничего. Я - нищий, получающий пособие от князя. Но сожалею, что освободил вас от тиранов и папистов. Чудовища вы неблагодарные, вы недостойны сокровища Евангелия. Если вы не одумаетесь, я прекращу проповедовать вам, ибо это подобно тому, чтобы метать жемчуг перед свиньями.

И еще: сочетающиеся браком пары, которые будут получать пасторское благословение, должны прийти пораньше. Есть определенное время: летом в восемь часов утра или в три пополудни; зимой в девять утра или в два пополудни. Если вы опоздаете, я благословлю вас сам, но так, что вам не поздоровится. Приглашенным гостям также следует заблаговременно подготовиться к бракосочетанию, чтобы никто никого не ждал".

10 января 1529 года темой урока был брачный пир в Кане Галилейской. Этот текст, сказал Лютер, написан в честь брачного союза. У человека может быть три состояния: супружество, девственность и вдовство. Все они хороши. Ни одно не должно быть

презираемо. Деву не следует рассматривать выше вдовы. Вдова ничуть не выше жены, как портной не выше мясника. Нет состояния, которому дьявол противодействовал бы так, как супружеству. Священники не желали отягощать себя трудом и заботами. Они страшились сварливой жены, непослушных детей, дурного нрава родственников либо смерти коровы или свиньи. Они любили поваляться в кровати, пока не встанет солнышко. Предки наши знали это и, бывало, говаривали: "Деточка, стань священником или монахиней и живи в свое удовольствие". Я слышал, как семейные люди говорили монахам: "Вам легко все достается, мы же, просыпаясь, не знаем, как добыть себе средства на пропитание". Брак есть тяжкий крест, поэтому мы видим столько раздоров в семьях. Когда же они живут в согласии, это милость от Бога. Святой Дух провозглашает, что есть три чуда: когда братья согласны друг с другом, когда ближние любят друг друга и когда муж с женой живут душа в душу. Встречая подобную пару, я радуюсь, будто пребываю среди роз. Это случается редко.

Проповедь о рождении Христа

С наибольшим блеском лучшие черты Лютера-проповедника раскрываются в его проповедях о рождении Христа. В целом этот рассказ представляется совершенно простым, однако, готовясь к проповеди, Лютер вдумчиво исследовал его истолкования, сделанные Августином, Бернардом, Таулером и автором жизнеописания Христа Людвигом Саксонским. Такая предварительная подготовка дополнялась глубиной богословских суждений Лютера и оживлялась образностью его мышления. Вот пример такой проповеди:

"Сколь неприметно и просто происходят на земле события, весть о которых столь громко звучит на небесах! На земле же случилось это так: в ничем не примечательном городке жила бедная молодая женщина по имени Мария из Назарета. Жизнь ее была столь скромна, что никто и не заметил великого чуда, происшедшего с ней. Была Мария молчалива, никогда не хвасталась, а тихо служила своему мужу, у которого не было ни слуги, ни служанки. Супруги тихо покинули дом. Наверное, у них был осел, на котором могла ехать Мария, хотя Евангелия об этом ничего не говорят, поэтому вполне возможно, что шла она пешком. Несомненно, что путешествие от Назарета Галилейского к Вифлеему, расположенному по другую сторону Иерусалима, заняло не один день. Иосиф размышлял: "Доберемся до Вифлеема, а там у меня родственники, и я смогу занять у них все, что мне нужно". Хорошая это была мысль! Плохо, однако, что молодая его супруга, на которой он женился всего лишь год назад, не могла родить в Назарете, в своем собственном доме. Вместо этого женщине, носившей во чреве ребенка, пришлось проделать трехдневный путь! Куда хуже, однако, было то, что, придя в Вифлеем, они не смогли найти для Марии комнаты. Гостиница была переполнена. Никто не пожелал освободить комнату ради этой беременной женщины. И удалилась она в коровник, и там родила Творца всего сущего, поскольку никто не захотел помочь ей. Позор тебе, презренный Вифлеем! Гостиницу эту надобно было бы сжечь серою, поскольку, будь даже Мария нищенкой или незамужней, в такое время каждый обязан был протянуть ей руку помощи. Здесь, в нашей общине, многие из вас думают так: "Ах, если бы я был там! Я бы мгновенно откликнулся, чтобы помочь родиться Младенцу! Я постирала бы ее белье. Как счастлив был бы я присоединиться к пастухам, чтобы взглянуть на лежащего в яслях Господа!" Несомненно, так бы оно и было! Вы говорите так, поскольку знаете, сколь велик Христос, но будь вы в Вифлееме тогда, вы поступили бы ничуть не лучше его обитателей. Все это глупые и детские мысли! Отчего вы не поступаете таким образом сейчас? Христос пребывает в вашем ближнем. Вы должны служить ему, ибо то, что вы делаете для своего пребывающего в нужде ближнего, делается для Самого Господа Христа. Еще тяжелее пришлось Марии во время родов. Никому не было дела до этой

молодой женщины, которая рожала впервые в жизни. Никого не встревожило ее положение. Никто не замечал, что в этом чужом для нее месте у Марии не было ничего из потребного женщине во время рождения ребенка. Не было ничего: ни света, ни огня. Глубокая ночь и полный мрак. Никто не пришел, чтобы хотя бы ободрить ее. Переполюнявшие гостиницу гости пировали, и никому не было дела до этой женщины. Я лично думаю так: знай Мария и Иосиф, что срок уже близок, она, наверное, осталась бы в Назарете. А теперь подумайте о том, что она могла использовать для пеленок. Наверное, что-то из своей одежды, может быть, покрывало, но уж, конечно, не одежду Иосифа, которая сейчас выставлена в Аахене.

Женщины! Подумайте только, что не было никого, кто мог бы омыть Младенца. Не было ни теплой воды, ни даже холодной. Молодая мать была сама себе и повитухой, и служанкой. Холодные ясли служили ей и постелью, и корытом для купанья. Кто мог объяснить бедной женщине, что ей надобно делать? Это был ее первый ребенок. Удивительно, что малыш не замерз. Не считайте Марию бесчувственной. Ибо чем выше люди в благоволении Божьем, тем они чувствительней.

Давайте теперь поразмыслим об этом событии именно так, как все происходит, когда рождаются наши дети. Представьте себе Христа, лежащего на коленях у молодой матери. Что может быть милее, чем Младенец, что может быть прекраснее, чем мать! Сколь прелестна она в своей юности! Сколь благодатна ее девственность! Взгляните - вот ничего не ведающее Дитя. Однако все сущее принадлежит Ему. Посему нужно не страшиться Его, но искать в Нем утешения. Удалите сомнения! Для меня нет более великого утешения, данного человечеству, чем это: Христос стал человеком, ребенком, младенцем, играющим на коленях у груди своей благословеннейшей матери. Найдется ли человек, коего не утешит это зрелище? Ныне побеждена власть греха, смерти, ада, стыда и вины - нужно лишь подойти к этому агукающему Младенцу и уверовать, что Он пришел не судить вас, но спасти.

Исследование Книги Ионы

Как проповеди Лютера зачастую носили дидактический характер, так и лекции его напоминали проповеди. Он учил всегда - в учебной ли аудитории или за кафедрой. Его лекции по Книге Ионы похожи на проповеди куда больше, чем многие из тех, что звучали с кафедры Замковой церкви. Лютер подходил к Ионе так же, как и ко всем другим библейским персонажам, - как к зеркалу собственного опыта. Вот пример его исследования.

"Иона был послан для того, чтобы осудить царя Ассирии. Это требовало мужества. Будь мы там, мы сочли бы неразумным, чтобы один-единственный человек выступил против такой империи. Сколь глупым показалось бы нам, если бы кого-то из нас послали с таким заданием к туркам! И сколь нелепым зачастую казалось, когда один-единственный человек осуждал папу. Но работа Божья всегда представляется безрассудством.

"И нашел [Иона] корабль, отправлявшийся в Фарсис". Нечестивцы полагают, что смогут скрыться от Бога, удалившись в такой город, где Его не знают. Отчего же Иона отказался? Во-первых, оттого, что поручение было слишком ответственным. Дотоле ни одного пророка не направляли к язычникам. Другая причина заключалась в том, что он ощущал враждебность Ниневии. Он считал, что Господь - Бог одних лишь евреев, и посему предпочел умереть, чем идти провозглашать благодать Божью язычникам.

Затем Бог послал ураган. Отчего Он подверг других путешественников наказанию, которое предназначалось Ионе? Не нам устанавливать правила для Бога. Нужно помнить, что и остальные, находившиеся на корабле, не были безгрешными. Все мы согрешили. Буря, должно быть, обрушилась совершенно внезапно, потому что у людей возникло ощущение, будто происходит нечто необычайное. Природный ум учил моряков тому, что Бог есть Бог. Свет разума - великий свет, но и разум оказывается несостоятельным, когда с готовностью соглашается с тем, что Бог существует, вместо того чтобы верить, что Бог существует для тебя. Эти люди взывали к Богу. Это доказывает, что они верили в то, что Он есть Бог, то есть Бог для других. Но в сущности моряки не верили, что Он поможет им, иначе они не бросили бы Иону за борт. Они сделали все возможное, чтобы спасти свой корабль, и в этом уподобились папистам, которые пытаются достигнуть спасения делами.

Иона спал в трюме. Подобное же происходит и с нами, когда мы согрешим. Мы не испытываем сожалений. Позабудь Бог о его грехе, и Иона более никогда бы о нем не вспоминал. Когда же он проснулся и увидел, в каком положении пребывает корабль, он почувствовал свою вину. Совесть его пробудилась. Тут-то он и ощутил жало смерти и гнев Божий. Не только корабль, но весь мир вдруг стал слишком мал для Ионы. Он признался в своей вине и спас всех остальных. Вот что делает раскаяние. Раскаянием весь мир освобождается от греха, и остается лишь один грешник - ты сам. Но Иона еще не готов был признаться принародно. Он молча наблюдал, как моряки противостоят буре, пока Бог не показал со всей очевидностью, что все они погибнут вместе с ним. Никто не исповедовался. Моряки бросили жребий. Невозможно исцелить раны, не открыв их, и грехи не могут быть прощены, доколе они не исповеданы. Иногда говорят, будто они согрешили, бросив жребий, но я не нахожу в Писании ни слова о запрете бросать жребий.

Затем Иона сказал: "Я еврей. Я страшусь Бога, сотворившего небо и землю". Исповедь усиливает тяжесть греха и угрызения совести. Затем вспыхивает, пусть вначале и слабый, огонек веры. Когда на нас обрушивается гнев Божий, к нам всегда приходит ощущение своей греховности и страх. Некоторые оставляют в стороне свой грех и борются со страхом. Из этого ничего не выйдет. Это путь человека, живущего разумом, без веры и благодати.

Грех Ионы предстал еще более тяжким, когда он исповедовался:

"Я - еврей и поклоняюсь истинному Богу". Такое признание еще более лишило его надежды на прощение. И Иона сказал: "Бросьте меня в море". Моряки полагали, что исповеди будет достаточно, и вновь налегли на весла. Ионе пришлось испытать всю глубину стыда, который тысячекратно усиливался тем, что он был виновен перед Богом. Нет уголка, куда мог бы спрятаться такой человек, - нет даже в аду. Иона не видел для себя спасения. Бог забирает все почести и всякое утешение, оставляя человеку лишь позор и отчаяние.

Затем приходит смерть, ибо грех есть жало смерти. Иона сам вынес себе приговор: "Бросьте меня в море". Не следует забывать о том, что Иона не мог знать о том, что будет. Он видел лишь смерть, смерть, смерть. И хуже всего, что смерть эта была следствием гнева Божьего. Все обстояло бы иначе, будь это смерть мученика, но когда смерть есть наказание, она воистину ужасна. Какого человека не охватывает трепет при мысли о смерти, даже если он не испытал гнева Божьего? Если же к этому трепету прибавляются чувство греховности и укоры совести, то кто способен вынести позор пред Богом и миром? Какая борьба происходила, должно быть, в сердце Ионы! Кровавый пот, наверное, выступил на его теле. Он должен был противостоять греху, собственной совести и чувствам своего сердца против смерти и против гнева Божьего одновременно.

Бог уготовил ему еще и огромное морское животное (в русском переводе Библии - кит), будто моря было недостаточно. Когда это чудище распахнуло свою пасть, зубы его на вид были подобны горным вершинам. Волны хлынули в пасть чудовищу, увлекая вслед за собою Иону. Что за зрелище представляет собой эта картина! Точно так же и сознание меркнет перед гневом Божиим, смертью, адом и проклятьем. "И был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи". То были самые долгие три дня и три ночи из всех, что видел мир. Легкие и печень Ионы трепетали. Едва ли он имел возможность рассмотреть место своего пребывания. Иона напряженно думал: "Когда, ну когда же это закончится?"

Можно ли вообразить себе, что человек способен провести три дня и три ночи во чреве рыбы без света, без пищи, в полном одиночестве - и остаться при этом в живых? Кто не счел бы этот рассказ за чистый вымысел, не повествуй о нем Писание?

Но Бог присутствует даже в аду.

"И помолился Иона Господу Богу Своему из чрева кита". Я не верю, что он мог сочинить столь прекрасный псалом, пребывая внутри кита, но слова эти показывают нам ход его мыслей. Иона не рассчитывал на спасение. Он полагал, что умрет, но все же молился: "К Богу воззвал я в скорби моей". Это показывает, что мы всегда должны молиться Богу. Даже если вы способны просто воззвать к Нему, это избавит вас от мук. Ад уже более не ад, коли вы, можете воззвать к Богу. Но никто не поверит, сколь это трудно. Мы способны понять стенание, вздохи, сомнения, но воззвать - нет, не можем мы этого сделать. Нас гнетут совесть, грех и гнев Божий. Природа не способна взывать. Когда Иона дошел до того, что смог воззвать к Господу, он победил. Обратитесь к Богу в скорби своей, и она утихнет. Нужно лишь воззвать и все. Бог не спрашивает о ваших достоинствах. Разум не понимает этого, а посему всегда желает так или иначе умиловить Бога. Но вам нечего Ему предложить. Разум не верит в то, что для умиротворения гнева Божьего необходимо всего лишь воззвать к Нему.

"Все воды Твои и волны Твои проходили надо мною". Обратите внимание на то, что Иона говорит: "Твои волны". Если один лишь сорванный ветром лист способен ввергнуть в ужас многих, в какое же состояние должно было привести Иону море? Что же совершит Бог Всемогуший в судный день над всеми ангелами и всякой тварью? "Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе". Вот

поворот от Бога-Судии к Богу-Отцу. Но превращение это лежит вне сферы сил человеческих. "А я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню". "И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу". Орудие смерти стало средством к жизни.

Молитва

Прежде всего Лютер был человеком молитвы, однако о молитвах его мы знаем куда меньше, чем о проповедях и беседах, поскольку Лютер никого не допускал в те покои, где он совершал моления. Мы располагаем теми молитвами, которые Лютер составил для литургии, молитвой за пожертвования и текстом молитвы, которую, как сообщают, слышал товарищ Лютера, живший вместе с ним в Вормсе. Самым надежным источником, который нам доступен, могут считаться следующие отрывки из трактата Лютера, посвященного молитве "Отче наш":

Лютер наставляет своих читателей говорить так: "Отец Небесный! Боже мой! Недостоин я поднять взор мой или руки мои к Тебе в молитве, но Ты повелел нам молиться и научил нас, как делать это через Господа нашего Иисуса Христа. А посему я скажу: "Хлеб наш

насущенный дай нам на сей день". Господь, Отец наш! Даруй нам Свои благословения в сей земной жизни. Даруй нам милостиво мир Твой и избавь нас от войны. Надели земного нашего императора мудростью и разумением, дабы он правил своим земным царством в мире и благодати. Наставь всех царей, князей и господ к правлению покойному и справедливому в своих землях, а особо сохрани правителя нашей родной земли. Охрани его от злых языков и благослови всех его подданных, чтобы служили они в верности и послушании. Благослови нас доброй погодой и плодами земли. В Твои руки предаю я свой дом, жену и дитя. Помоги нам преуспевать, благоденствовать и возрастать. Охрани нас от искушителя и злых духов, мешающих нам в этом. Аминь".

"Прости нам прегрешения наши, как мы прощаем прегрешающим против нас". "Господь наш и Отец! Не осуждай нас, ибо пред Тобою никто из живущих не может быть оправдан. Не вмени нам в вину прегрешения наши и неблагодарность нашу ко всем неизреченным милостям, телесным и духовным. Не осуди нас за ежедневные прегрешения наши, о которых мы даже и сами не ведаем. Не замечай добрые дела наши или беззакония, но удостой нас несказанной милостью Твоей через Иисуса Христа, драгоценного Сына Твоего. Прости также всех наших врагов и тех, кто обидел нас и дурно поступил, как и мы прощаем им от всего своего сердца, ибо величайшее зло творят они себе, вызывая гнев Твой против них. Но нам их погибель не поможет, а посему желаем мы благословения для них. Аминь". (Если кто-то сейчас чувствует, что неспособен простить, пусть помолится о ниспослании благодати. Но подробно об этом следует говорить в проповеди.)

Глава двадцать первая

БОРЬБА ЗА ВЕРУ

Пасторские наставления Лютера неизменно носили более личный характер, чем его лекции и проповеди. Нельзя сказать, что в учебной аудитории или с кафедры Лютер говорил лишь вообще, не касаясь ничего конкретного. Но когда врач приступает к лечению больного, он почти всецело полагается на собственный опыт в выборе наилучшего лекарства от подобных недугов. По этой причине все усилия Лютера по избавлению других от духовных недугов выливались в анализ собственных пороков с целью отыскать лекарства, которые окажутся полезными как для него, так и для других.

Упорная борьба Лютера

Процесс распознавания заболеваний неизбежно должен начинаться с признания наличия таких хронических болезней. Препоясывая верою других, этот человек сам пребывал в непрестанной борьбе за веру. Самый тяжелый период в этой битве приходится скорее всего на 1527 год. Повторявшиеся у Лютера депрессивные состояния вновь побуждают нас поднять вопрос о том, не лежало ли в их основе некое психическое расстройство. Исчерпывающий ответ на него получить невозможно. Все попытки обнаружить какую-либо связь между его многочисленными болезнями и возникавшими у Лютера депрессиями оказались безуспешными. В этой связи не следует упускать из виду, что особенно остро эти состояния проявлялись в годы его монастырской жизни, когда физически он был еще совершенно здоров. Более многообещающей представляется попытка установить связь между этими периодами упадка духа и внешними событиями. Кризисам духовным способствовали внешние потрясения. В монастыре таким потрясением была первая месса, а в 1527 году - столкновения Лютера с радикалами, а также осознание того, что он мирно спит в своей постели, в то время как его последователи умирают за веру. Выйдя из состояния охватившего его шока, Лютер мучался угрызениями совести из-за того, что он все еще жив. "Я недостойн, - говорил он, -

пролить свою кровь за Христа, как пролили ее многие из моих единоверцев. Чести этой, однако, был лишен и возлюбленный ученик Спасителя, Иоанн

Мученичество Генриха Зюйтфенского

Богослов, который написал намного лучшую книгу против папства, нежели я". Хотя внешние события и оказывали влияние на Лютера, сама природа этих окутывавших его душу мраком приступов могла быть таковой, что вызывались они причинами неосвязаемыми. Физические расстройства были скорее следствием, нежели причиной.

Картина депрессий Лютера была всегда одной и той же - утрата веры в благость Божию и в то, что Он благ ко мне. После ужасающего *Anfechtung* 1527 года Лютер писал: "Свыше недели пребывал я близ ворот смерти и ада. Я трепетал всеми своими членами. Я совершенно утратил Христа. Меня сотрясали отчаяние и богохульные мысли". В последующие годы борьба Лютера за свою веру все больше обострялась, поскольку он был врачом душ. Если то лекарство, которое он предпишет себе и другим, фактически окажется ядом, то сколь же страшна лежащая на нем ответственность?! Основная задача Лютера заключалась не в выявлении причин депрессий, но в отыскании метода их преодоления. Многократно обращаясь к этому вопросу, он в конце концов нашел такой способ как для себя, так и для своих прихожан.

Во-первых, он пришел к заключению, что бурные потрясения духа необходимы, поскольку именно они позволяют найти истинное решение важнейших религиозных проблем. Эмоциональные взрывы могут быть чрезмерны, поскольку дьявол всегда делает из мухи слона. Однако путь человека к Богу не может быть спокойным.

"Если мне доведется еще пожить, я напишу книгу об искушениях, ибо без них человек не способен понять Писания, веры, страха Божьего или &o любви. Сущность надежды неведома тому, кто не испытал искушений.

Давида, наверное, осаждал очень страшный бес. Он не мог достигнуть таких глубин понимания, не испытав великих потрясений".

Из подобных высказываний напрашивался вывод о том, что чрезмерная эмоциональная "чувствительность является способом получения откровения. Тогда у предрасположенных к депрессиям, а также и легко впадающих в экстаз людей может проявиться способность воспринимать реальность под иным углом, нежели у людей обычных. Это, однако, верная точка зрения; и когда проблема или религиозное явление будут единожды рассмотрены таким образом, другие люди, не обладающие подобной чувствительностью, смогут воспринять их с новой точки зрения и засвидетельствовать, что она верна.

Депрессии

Лютер воспринимал свои депрессии как неизбежность. В то же время они были ужасны, и их следовало любым путем избегать и преодолевать. Вся жизнь Лютера была борьбой с депрессиями, битвой за веру. Этот ее аспект представляет особый интерес для нас, поскольку и мы испытываем периоды духовного уныния и также желаем знать, как преодолевать свои депрессивные состояния. Лютер использовал для этого два метода: первый из них заключался в лобовой атаке, второй же представлял собой обходный путь. Иногда он шел на прямое столкновение с сатаной. Подобная мизансцена может насмешить современного читателя, побуждая его не принимать Лютера всерьез. Следует, однако, заметить, что все, о чем дьявол говорил Лютеру, является лишь внутренним

диалогом, который вел Лютер сам с собой в процессе самоанализа, и - что самое существенное - только незначительные свои проблемы он объяснял кознями дьявола. Во всех же серьезных столкновениях противником его был Сам Бог. Дьявол был чем-то вроде подставной фигуры. Лютер персонифицировал своего врага, представляя его существом, на которое он может обрушиться, не подвергаясь опасности впасть в богохульство. Некоторые эти схватки он описывает весьма ярко:

"Дьявол всегда поджидает меня, когда я ложусь спать. Когда он начинает меня терзать, я отвечаю так: "Дьявол, я должен спать. Богом повелено: "Трудись днем. Спи ночью". Если это не помогает и он разворачивает передо мною перечень моих грехов, я говорю: "Да, приятель, все это мне ведомо. Я знаю и еще кое-что, упущенное тобой. Вот еще несколько прегрешений. Можешь записать и эти". Если и этого ему недостаточно и он наступает на меня, обвиняя, как грешника, я, насмехаясь, говорю: "Св. сатана, помолись за меня. Ты, конечно же, ничего дурного в своей жизни не сделал. Один лишь ты свят, а посему отправляйся к Богу и пусть Он тебя похвалит. Если ты хочешь, чтоб я исправился, я говорю тебе: "Врач, исцелись сам"".

Иногда Лютер дерзал вступать в спор с Самим Богом. "Я много спорю с Богом, проявляя большое нетерпение, - говорил он, - и указываю Ему на Его обетования". История хананеянки не переставала служить для Лютера источником удивления и утешения, поскольку она осмелилась спорить с Христом. Когда она попросила Его пойти и исцелить ее дочь, Иисус отвечал, что послан к заблудшим овцам одного

лишь Израиля и что Он не может забрать хлеб у детей и отдать его собакам. Женщина не оспорила Его утверждения. Она лишь попросила у Христа того, что вполне приличествует собакам, - подобрать крохи, упавшие со стола детей. Она противостояла Христу Его собственными словами. И Он затем обращался к ней не как к собаке, но как к дочери Израиля.

"Это написано для нашего утешения, дабы мы видели, сколь глубоко скрывает Иисус Свой лик, и руководствовались бы не своими чувствованиями, но одним лишь Его Словом. Он не назвал ее собакой. Он не сказал "нет". Все Его ответы, однако, были скорее "нет", чем "да". Это показывает состояние нашего сердца, пребывающего в унынии. Оно во всем видит одно лишь "нет". Посему необходимо обратить сердце к тому "да", которое глубоко скрыто под "нет", и держаться твердой веры во Слово Божье".

Обходной путь

Временами, однако, Лютер не советовал предпринимать каких-либо попыток решать проблему, идя напролом. "Не спорьте с дьяволом, - говорил он. - У него пятитысячелетний опыт. Он уже испробовал все свои уловки на Адаме, Аврааме и Давиде и в точности знает все ваши слабые места". И дьявол настойчив. Если ему не удастся одолеть вас с первой попытки, он попытается взять вас измором, осаждая до тех пор, пока вы не сдадитесь от одного лишь изнеможения. Попытайтесь объявить запретной саму эту тему. Поищите себе подходящую компанию и обсудите какой-нибудь совершенно не связанный с вашей проблемой вопрос, например, как обстоят сейчас дела в Венеции. Избегайте одиночества. "Беды Евы начались с того, что она пошла прогуляться в саду одна. Наихудшие из искушений я испытал, будучи в одиночестве". Попробуйте найти христианского брата, мудрого наставника. Препояштесь церковным братством. Ищите также веселой компании, женского общества, пируйте, танцуйте, шутите и пойте. Заставьте себя есть и пить, пусть даже пища вам кажется совершенно безвкусной. Пост представляется наименее разумным вариантом. Однажды Лютер сформулировал три

правила, касающиеся того, как бороться с депрессией: во-первых, верить во Христа; во-вторых, необходимо искренне разгневаться; в-третьих, нужно влюбиться. Особенно горячо рекомендуется музыка. Дьявол ненавидит ее, поскольку не выносит веселья. Врач Лютера вспоминает, как однажды он с друзьями пришел на музыкальный вечер и увидел Лютера, пребывающего в состоянии оцепенения. Но стоило лишь остальным запеть, как вскоре и он присоединился к общему пению. Успокаивает и отвлекает домашняя жизнь. То же действие оказывало на Лютера и присутствие жены в те периоды, когда дьявол осаждал его бессонными ночами. "Тогда я поворачивался к Кати и говорил:

"Запрети мне эти искушения и избавь меня от пустых тревог"".

Отвлекает и физический труд. По уверению Лютера, очень хороший способ изгнать дьявола - запрячь лошадь и отправиться разбрасывать навоз в поле. Во всех этих советах о том, как избежать прямого столкновения с дьяволом, Лютер, можно сказать, предписывал веру в качестве лекарства от нехватки веры. Отказ от спора сам по себе является актом веры, который можно уподобить *Gelassenheit* мистиков - выражению уверенности в спасительной силе Бога, Который работает в сфере подсознания в то время, пока человек занимается совсем другими делами.

Это объясняет, отчего Лютер так любил наблюдать за теми, кто живет беззаботно, например, за птицами и детьми. Наблюдая, как Кати кормит грудью малыша Мартина, Лютер заметил: "Дитя! Против тебя папа, епископы, герцог Георг, Фердинанд и дьявол. А ты, ничуть не тревожась, посасываешь молоко".

Четырехлетней Анастасии, рассуждавшей о Христе, ангелах и небесах, Лютер сказал: "Дитя мое, если бы мы только могли твердо держаться этой веры!"

"А что, батюшка, - отвечала она, - вы разве не верите в это?"

Лютер объяснял:

"Христос сделал детей нашими учителями. Меня огорчает, что, будучи доктором столь много лет, я вынужден ходить в одну и ту же школу вместе с Гансом и Магдаленой, ибо кто из всех людей способен в полной мере уяснить себе сии слова Божьи: "Отче наш, сущий на небесах"? Всякий, кто искренне верует в эти слова, нет-нет, да и говорит себе: "Я - господин неба, и земли, и всего, что на ней есть. Архангел Гавриил - мой слуга, Рафаил - мой страж, ангелы же есть духи, служащие мне во всякой нужде. Отец мой небесный повелел им заботиться обо мне, дабы я не преткнулся о камень". И в то время, как я пребываю в таком убеждении, Отец мой позволяет, чтобы меня бросили в застенки, утопили или обезглавили. И тут происходит крушение веры, и я вопию: "Кто же знает, где истина?"

Борьба с ангелом

Одни лишь наблюдения за детьми не могли дать ответа на этот вопрос. Вновь необходимо было пойти напрямую. Если Лютера тревожило состояние мира и состояние Церкви, он мог обрести уверенность, лишь признав, что фактически дела не так уж плохи. Несмотря на многочисленные пессимистические суждения последних лет своей жизни, Лютер мог сказать: "Передо мною встает картина не прискорбного состояния нашей Церкви, но

Церкви процветающей благодаря чистому и неиспорченному вероучению и возрастающей день ото дня силами прекрасных ее служителей".

Иногда депрессия побуждала Лютера к самоуничтожению. Один из современников Лютера вспоминает, как, будучи в Вартбурге, он попеременно считал себя то смельчаком, то трусом. Сам Лютер никак не мог упрекать в чем-либо Бога, поскольку тогда перед ним навечно вставал вопрос - воистину ли Бог благ? Что же делать человеку, когда его осаждают подобные сомнения? Лютер, бывало, говорил, что никто не знает пути, но куда-то идти надо. Бесполезно искать, откуда берет свое начало богословие Лютера. Оттуда, откуда может. Сам Христос представляется изменчивым. Иногда Он предстает добрым Пастырем, иногда же - отмщающим Судией. Если Христос казался ему враждебным, Лютер обращался к Богу, вспоминая первую заповедь: "Я Господь, Бог твой". Это провозвешение было одновременно и обетованием, а Бог должен сдерживать Свои обещания.

"В подобных случаях мы должны сказать: "Все, во что веровал я, рухнуло. Господи, Ты один даруешь помощь и утешение. Ты сказал, что поможешь мне. Я верю слову Твоему. Боже мой, Господь! Я слышал от Тебя слово радостное и утешительное. Я верю ему. Знаю, что Ты не обманешь меня. Каким бы Ты ни предстал передо мною, Ты сделаешь то, что обещал, именно это, и ничто иное"".

С другой стороны, Бог скрывает Себя в грозowych тучах, которые нависают над вершиной Синайской, а затем собираются над яслями, взирая на лежащего на коленях у матери младенца Иисуса и зная, что здесь надежда мира. Или же, коли и Христос, и Бог представляются вам равным образом недостижимыми, взгляните на твердь небесную и подивитесь делам Бога, Который поддерживает ее без помощи столпов. Или возьмите самый незатейливый цветок, и вы увидите в крошечном лепестке дивное творение Божье.

Следует поощрять все те внешние факторы, которые способствуют укреплению религиозной веры. Большое значение придавал Лютер крещению. Когда дьявол подступал к нему, Лютер отвечал:

"Я крещеный". В конфликтах с католиками и радикалами Лютера также укрепляло наличие докторской степени. Она наделяла его авторитетом и правом говорить.

Скала Писания

Но всегда и превыше всего остального первой помощью для Лютера было Священное Писание, поскольку оно есть письменное свидетельство откровения Божьего, данного во Христе. "Истинный христианин предпринимает паломничество не в Рим и не в Компостелу, но к пророкам, Псалтири и Евангелиям". Писание играло для Лютера первостепенную важность и прежде всего не как книга, позволявшая ему вести антипапскую полемику, но как основа для уверенности. Он отвергал авторитет пап и соборов. Не мог Лютер, подобно пророкам внутреннего слова, и отталкиваться от своего внутреннего мира. Суть его ссоры с ними заключалась в том, что в моменты депрессии он видел внутри себя одну лишь непроглядную мглу. Он утрачивал всякие ориентиры, если не мог обрести точки опоры. И такую точку опоры Лютер находил в Писании.

На наш взгляд, он подходил к нему не критично, но при этом и без легковерия. Ничто так не изумляло Лютера в Библии, как вера ее персонажей: то, что Мария поверила возвещению ангела Гавриила; что Иосиф поверил сну, который утешил его в несчастьях; что пастухи поверили ангельской песне, которую услышали из разверзшихся небес; что

волхвы готовы были идти в Вифлеем, едва услышали слово пророка. В рождении Христа было три чуда: Бог стал человеком, дева зачала, и Мария поверила. И величайшее из этих чудес - последнее. Когда волхвы, полагаясь на свое суждение, отправились прямо в Иерусалим, не спросив звезду. Бог удалил ее с небес. Изумленные волхвы, поведали об этом Ироду, он созвал своих мудрецов, и те принялись изучать Писание. Так следует поступать и нам, когда мы теряем свою звезду из вида.

Но именно здесь Лютер перестает нас направлять. Указав нам путь, он оставляет нас. Должны ли мы, подобно Вергилию в чистилище, забыть его и искать в ком-то другом ту Беатриче, которая могла бы вывести нас к раю? Возможно, что в конце концов слово Лютера окажется для нас полезным, поскольку он возвестил, что Евангелие не столько чудо, сколько диво, - поп *miracula sed mirabilia*. Нет лучшего способа ощутить свою причастность к чудесному, чем взять в проводники Лютера. Пусть он, используя всю свою силу и резкость, изобразит все духовные кризисы, которые испытали библейские персонажи, указав нам тот путь, идя которым они находили руку Господа.

Мы уже видели пример этого в лютеровском исследовании Книги Ионы. Теперь давайте посмотрим, как он изображал принесение Исаака в жертву Авраамом. Помимо исходной предпосылки, что Бог повелел совершить эту жертву и что ангел вмешался, все остальное повествование отражает внутреннюю борьбу, которую нетрудно истолковать как повествование об обретении видения или об открывающемся откровении. Давайте послушаем лютеровское истолкование этой истории.

Бог сказал Аврааму, что тот должен принести в жертву своего сына, рожденного Авраамом в преклонных годах, - его семя, которому предстояло сделать Авраама отцом царей и родоначальником великого народа. Авраам побледнел. Он не только потеряет своего сына, но и Бог оказался лжецом. Он сказал: "В Исааке будет семя твоё" - теперь же велит: "Убей Исаака". Как не возненавидеть Бога - столь жестокого и непостоянного? Как необходим был Аврааму чей-нибудь совет! Но он знал, что, объясни он суть дела хоть одному человеку, и его отговорят и не дадут ему исполнить повеление. Назначенная местом жертвоприношения гора Мория находилась достаточно далеко. "Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из своих отроков и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения"... Авраам не поручил оседлать осла кому-то другому. Он сам возложил на животное дрова для всесожжения. Все это время он размышлял о том, что их пламя поглотит его сына, его надежду на продолжение рода. Юноша сгорит в огне того хвороста, который он сам собирал. Неужели в столь ужасающих обстоятельствах Авраам не мог остановиться и все обдумать? Неужели не мог он поведать обо всем Сарре? Какие внутренние рыдания сотрясали его? Авраам взнуздal осла, едва понимая, что делает, столь глубоко был он погружен в свои мысли.

Авраам взял с собой двух слуг и сына своего, Исаака. В этот момент все для него умерло - Сарра, его семья, дом, Исаак. Вот что значит - посыпать голову пеплом. Если бы он знал, что это всего лишь испытание, оно не было бы ему послано. Такова природа наших испытаний, что доколе они не заканчиваются, мы не можем знать конца. "На третий день Авраам возвел очи свои и увидел то место издалека". Какая борьба происходила в нем эти три дня! Там Авраам оставил слуг и осла, возложил дрова на Исаака, а сам взял в руки факел и нож для совершения жертвоприношения. Все это время он думал: "Исаак, если бы ты знал, если бы твоя мать знала, что ты будешь принесен в жертву!" "И пошли далее оба вместе". Никто в целом мире не ведал, что там происходило. Двое пошли вместе. Кто? Отец и любимый его сын - один, не ведая, что его ждет, но готовый повиноваться, другой же в уверенности, что должен обратить своего сына в пепел. Затем Исаак промолвил: "Отец мой". И тот сказал: "Вот я, сын мой". И Исаак сказал: "Отец, вот огонь и дрова, где

же агнец для всесожжения?" Он назвал Авраама отцом и тревожился, не забыл ли тот чего-нибудь, и Авраам сказал: "Бог усмотрит Себе агнца, сын мой".

Когда они вззошли на гору, Авраам устроил жертвенник и разложил дрова, а затем настало время рассказать обо всем Исааку. Изумленный мальчик, должно быть, протестовал: "Не забыл ли ты, что я твой сын, рожденный чудом Саррой в ее возрасте; что я был обетован и что через меня ты должен стать отцом великого народа?" И Авраам, должно быть, отвечал, что Бог исполнит Свое обетование, пусть даже из пепла. Затем Авраам связал его и положил на дрова. Отец поднял нож. Юноша обнажил горло. Промедли Бог хотя одно мгновенье - и юноша бы погиб. Я не смог бы смотреть на это зрелище. Даже в мыслях своих не могу я это себе представить. Юноша уподобился агнцу, принесенному на закланье. Никогда в истории мир не видел такого послушания, разве что во Христе. Но Бог наблюдал за происходящим, наблюдали и все ангелы. Отец занес нож. Мальчик не моргнул и глазом. Ангел воскликнул: "Авраам! Авраам!" Вы видите теперь, как Бог являет Свое могущество в час казалось бы неминуемой смерти. Мы говорим: "Посреди жизни мы умираем". И Бог отвечает: "Нет, посреди смерти мы живем".

Однажды Лютер прочитал эту историю во время семейного богослужения. Когда он закончил, Кати сказала: "Я не верю этому. Бог не поступил бы так со Своим сыном".

"Но, Кати, - ответил Лютер, - Он сделал это".

Послушайте также, как Лютер описывает страсти Христовы. Он словно рассказывает обычную житейскую историю. Лютер напоминает нам о том, что смерть Христа оказалась тем более ужасна, что это была казнь. Казнь означает смерть в момент, известный тому, кто полностью осознает, как все будет происходить. В престарелом возрасте ангел смерти зачастую приглушает шум своих крыльев, позволяя нам мирно отойти во сне. Иисус шел на смерть, совершенно ясно сознавая все. Он страдал даже больше, чем преступники. Разбойника просто распяли, не издеваясь при этом. Христос же слышал насмешливые слова: "Если Ты Сын Божий, сойди вниз". Они словно говорили: "Бог справедлив. Он не потерпел бы, чтобы невинный умер на кресте". Христос в эти минуты был просто человеком, и для Него это звучало, как если бы дьявол приблизился ко мне со словами: "Ты мой". После поношения Христа солнце потемнело и земля заколебалась. Из груди Христа вырвался крик отчаяния: "Эloi, Эloi! Лама савахфани?", что значит: "Боже мой. Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?" Но обратите внимание на то, что молитва оставленности начинается словами: "Мой Бог". Вопль отчаяния был исповеданием веры.

Что же удивительного в том, что в год глубочайшей своей депрессии Лютер сочинил такие строки:

Крепость могучая - наш Бог,

Доблестный страж и оружие,

Он помогает нам очиститься от всякого жезла,

Коим нас теперь поражают.

Наш древний враг

Все так же помышляет нанести удар.

Могущественно и коварно оружие его,
Доспехи его вызывают страх,
Нет на земле равных ему,
Своею силою не победить нам,
Наш ждет неминуемое крушение.
И за нас вступает в бой Защитник,
Которого Бог поименовал нашим Господом.
Ведомо ли вам Его имя?
Иисус Христос зовут Его,
Господь Саваоф Он.
Не может быть Бога иного.
Победа - за Ним!
Текст "Могучей крепости", написанный рукой Лютера
И хотя со всех сторон бесы
Грозили нас пожрать,
Стоим мы твердо на своем.
Они не могут нас одолеть.
Князь мира сего может яриться:
Что бы ни делал он -
Не принести ему зла.
Истина Божья преизобилует,
Одно слово малое сокрушит его.
Слово это невозможно извратить,
Как бы они ни старались,
Ибо в битве этой Сам Бог,
И все остальное неважно.

И пусть отнимут у нас жизнь,
Имущество, честь, детей, жену, -
Мы все отдадим;
Они не одолеют нас,
Ибо победа в битве за Богом.

Глава двадцать вторая

МЕРА ЧЕЛОВЕКА

Последние шестнадцать лет жизни Лютера - со времени принятия Аугсбургского исповедания в 1530-м и до его смерти в 1546 году - обычно рассматриваются его биографами более поверхностно, чем предшествующий период, если не опускаются вообще. Подобное пренебрежение может быть оправдано тем, что последние годы жизни Лютера не определяли характер его идей, не имели решающего значения для того, что было достигнуто им. Его собственный вердикт, вынесенный в 1531 году, звучал не просто мрачной шуткой: "Если бы паписты помогли мне лишиться этой грешной оболочки, пожирая, кусая меня и раздирая на куски, и если бы Господь на сей раз не пожелал избавить меня, как Он делал столь часто, я восславил и возблагодарил бы Его. Я прожил достаточно долго. Лишь после смерти моей люди поймут все значение Лютера". Лютер был прав - его идеи реализовались; его Церковь утвердилась; его сподвижники могли самостоятельно продолжать начатое им дело, что, в сущности, в сфере общественной они и вынуждены были делать на протяжении всех оставшихся лет жизни Лютера, поскольку он был отлучен как от Церкви, так и от государства.

Двоеженство ландграфа

Подобное изгнание с общественной сцены тем более раздражало Лютера, что конфликты и труды драматических лет подорвали его здоровье и раньше времени превратили в раздражительного старика - вздорного, сварливого, несдержанного, а временами просто грубого. Несомненно, это еще одна причина того, что биографы предпочитают не задерживаться на данном периоде его жизни. Было несколько эпизодов, о которых лучше бы не распространяться, но именно из-за того, что они слишком часто используются для дискредитации Лютера, о них нельзя умолчать. Наиболее известным из этих происшествий можно считать реакцию Лютера на двоеженство ландграфа Филиппа Гессенского. Этого князя в девятнадцатилетнем возрасте женили - не спросив его желания, то есть из чисто политических соображений - на дочери герцога Георга. Филипп, не сумев соединить воедино жажду любви и свое положение женатого человека, нашел утешение в случайных связях на стороне. Став лютеранином, князь испытывал столь глубокие угрызения совести, что не осмеливался принимать участие в Вечере Господней. Филипп полагал, что будь у него спутница жизни, к которой он испытывал бы искреннюю привязанность, это помогло бы ему удержаться в рамках семейных уз. Существовало несколько возможных выходов из его затруднительного положения. Останься он католиком, можно было бы добиться аннулирования брака, изыскав какие-то причины, позволяющие признать его женитьбу несостоятельной. Но после того как он перешёл в лютеранство, ландграф не мог рассчитывать на помощь со стороны папы. Равным же образом не мог и Лютер позволить ему прибегнуть к католической уловке. Вторым решением был развод и повторный брак. В большинстве современных протестантских

деноминации подобное решение не встретило бы возражения, тем более что Филипп женился в юности на девушке, к которой он не испытывал никаких чувств. Но в этом вопросе Лютер истолковывал Евангелия жестко, придерживаясь записанных Матфеем слов Христа о том, что единственным оправданием развода является прелюбодеяние. В то же время Лютер соглашался с тем, что выход найти необходимо. И он нашел его, вернувшись к обычаям ветхозаветных патриархов, которые имели по две жены или даже больше, не ощущая при этом никаких проявлений недовольства со стороны Бога. Филипп получил заверение в том, что он может спокойно взять вторую жену. Однако поскольку такой поступок противоречил бы местным законам, он должен держать этот союз в тайне. Мать новой невесты князя, однако, поступить таким образом отказалась. И тогда Лютер порекомендовал солгать, основываясь на том, что он дал свой совет как бы в исповедальне, а для сохранения тайны исповеди ложь считается оправданной. Однако тайна вышла наружу, и дать обратный ход этому делу было уже невозможно. В конечном счете Лютер заявил, что если после этого кто-либо решится на двоеженство, то пусть его отмыкает дьявол в преисподней.

Эта история имела катастрофические политические последствия для протестантского движения, поскольку Филипп, желая получить прощение от императора, был вынужден выйти из военного союза с протестантами. Была горькая ирония в том, что Филипп униженно искал милости его императорского высочества, поскольку Карл оставлял незаконнорожденных детей по всей Европе, а затем папа заботился о будущем этих детей, чтобы они имели возможность занять высокие государственные должности. Решение Лютера в этой истории можно назвать жалкой хитростью. Ему первоначально следовало бы выступить против существующей порочной системы, низводившей брак до уровня маневра в политической игре, и тогда он мог бы с полным основанием разрешить развод, как это позднее сделали протестанты.

Отношение к анабаптистам

Вторым примечательным событием последних лет жизни Лютера было ужесточение его позиции по отношению к сектантам, особенно к анабаптистам. Рост их численности представлял очень серьезную проблему для территориальной церкви. Дело в том, что, несмотря на смертный приговор, вынесенный им на Шпейерском сейме в 1529 году по согласованию с реформатами, неустрашимость мучеников и их безупречное поведение приводили к столь массовому притоку людей в это движение, что утвердившиеся церкви рисковали остаться без прихожан. Филипп Иессенский отмечал, что сектанты живут более чистой жизнью, чем лютеране, а писавший об анабаптистах лютеранский служитель свидетельствовал, что они много времени проводят среди бедных, одеваются очень просто, усердно молятся, читают Евангелие, в беседах особое внимание уделяют внешней жизни и добрым делам, говорят о необходимости помогать своему ближнему, давать просящему, совместно пользоваться имуществом, ни над кем не властвовать и относиться ко всем людям, как к братьям и сестрам. Вот какими были те, кого казнил в Саксонии курфюрст Иоганн. Но вновь кровь мучеников оказалась живительной влагой для церкви.

Эта проблема очень беспокоила Лютера. В 1527 году он писал об анабаптистах:

"С ними поступают несправедливо, и меня глубоко тревожит, что этих бедных людей столь безжалостно убивают, сжигают и жестоко уничтожают. Пусть всякий верует по своему разумению. Если он заблуждается, он будет достаточно наказан адским пламенем. Если они не подстрекают к бунту, им должно противодействовать Писанием и Словом Божьим. Огнем вы не добьетесь ничего".

Анабаптистский проповедник

Это, однако, никоим образом не означало, что для Лютера все вероисповедания были одинаково хороши. Он решительно подчеркивал, что неправильная вера приводит к адскому огню и что, хотя истинную веру невозможно утвердить через принуждение, чинимые на ее пути препятствия необходимо устранять. Гражданская власть, безусловно, не должна терпеть богохульства. В 1530 году Лютер заявил, что есть два вида преступлений, за которые необходимо карать вплоть до смертной казни, а именно - подстрекательство к мятежу и богохульство. То есть наказывать следовало не за религиозные заблуждения как таковые, но за их публичное проповедование словом и делом. Свобода, однако, от этого ничуть не выигрывала, так как отказ занимать гражданские должности и идти на военную службу Лютер воспринимал как подстрекательство к бунту, а неприятие положений Апостольского символа веры - как богохульство.

В меморандуме 1531 года, составленном Меланхтоном и подписанном Лютером, отказ от поста священнослужителя рассматривался как нетерпимое богохульство, а стремление расчленить Церковь - как подстрекательство к мятежу против церковных устоев. В меморандуме 1536 года, также написанном Меланхтоном и скрепленном подписью Лютера, уже не проводилось различия между мирными и воинствующими анабаптистами. Филипп Гессенский обратился к ряду городов и университетов с просьбой высказать свое мнение о том, как ему следует поступить с тридцатью анабаптистами, находившимися в его тюрьме. Он упорно отказывался предать их смерти, полагая, что изгнания будет вполне достаточно. Такая мера, однако, оказывалась недейственной, поскольку анабаптисты утверждали, что земля принадлежит Господу, и отказывались оставаться в изгнании. Из всех ответивших Филиппу наибольшую жестокость проявили лютеране. На сей раз Меланхтон утверждал, что пассивное сопротивление анабаптистов, которые отказывались признавать правительство, присягу, право частной собственности и гражданский брак, уже само по себе подрывало гражданскую власть, а поэтому должно рассматриваться как подстрекательство к мятежу. Протест анабаптистов против наказания за богохульство рассматривался как богохульство. Отказ от крещения во младенчестве приведет к появлению языческого общества и отделению от Церкви, а образование сект - преступление против Бога.

Вряд ли Лютер подписывал эти меморандумы с энтузиазмом. Как бы то ни было, к каждому из них он прилагал постскрипtum. В первом из них Лютер писал: "Я согласен. Хотя представляется жестоким наказывать их мечом, еще более жестоким будет позволять им поносить служение Божье и, не располагая истинным вероучением, выступать против истины, стремясь, таким образом, подорвать гражданский порядок". В постскриптуме ко второму меморандуму Лютер призывал сочетать суровость с милосердием. В "Застольных речах" сообщается, что в 1540 году Лютер вернулся к точке зрения Филиппа Гессенского, а именно - казнить следует только тех анабаптистов, которые призывают к мятежу; остальных же можно просто изгонять. Но Лютер упустил множество возможностей обратиться к тем, кто с радостью отдавал себя на закланье, подобно овцам. Можно было бы ожидать, что его не оставит равнодушным дело Фрица Эрбе, который умер в Вартбурге, проведя в застенках шестнадцать лет. Что же до эффективности подобной жестокости, то, наверное, Лютер усомнился бы в ней, доведись ему узнать о том, что стойкость Эрбе обратила в анабаптизм половину жителей Эйзенаха.

Чтобы понять позицию Лютера, следует иметь в виду, что не всегда анабаптисты оказывались безвредными с социальной точки зрения. Тот год, когда Лютер подписал меморандум, рекомендовавший смертную казнь даже для мирных анабаптистов, стал

годом, когда часть из них перестала быть мирной. Ожесточенные десятью годами непрерывных гонений группы фанатиков в 1534 году якобы получили откровение от Господа о том, что теперь им надлежит быть не овцами, ведомыми на закланье, но ангелом с серпом, пожинающим поле. Фанатики-анабаптисты силой взяли город Мюнстер в Вестфалии и ввели там правление святых, о котором мечтал Томас Мюнцер. Католики и протестанты объединились для того, чтобы дать отпор правлению новых Даниилов и Илий. В целом эта история нанесла огромный вред репутации анабаптистов, которые и до того и после были мирным народом. Однако одна-единственная бунтарская вспышка породила опасение, что под овечьими шкурами скрываются волки, а посему лучше принять против них меры до того, как они явят себя в своем истинном обличье. Говоря о Лютере, нужно также помнить и о том, что предводителем анабаптистов в Тюрингии был Мелхиор Ринк, который вместе с Томасом Мюнцером участвовал в битве при Франкенхаузене. Однако даже принимая во внимание все эти соображения, нельзя забывать о том, что меморандум Меланхтона оправдывал истребление мирных людей - не за то, что они были скрывающими свое истинное обличье бунтовщиками, но исходя из убеждения, что даже пассивное отрицание государства само по себе является подстрекательством к бунту.

Говоря о Лютере и Меланхтоне, нужно помнить и о том, что точно так же, как и инквизиторы, они были убеждены, что истина Божья уже известна, а коль она известна, то наипервейшая обязанность человечества состоит в том, чтобы сохранять ее незапятнанной. Анабаптисты воспринимались развратителями душ. Более примечательна все же терпимость Лютера по отношению к ним, а не его жестокость. Он действительно до самого конца настаивал на том, что к вере нельзя понуждать силой; что наедине с самим собой человек может верить так, как ему верится; что лишь открытый мятеж или публичное осуждение истинного вероучения должны повлечь за собой наказание; что, выражаясь его собственными словами, принуждение должно быть направлено лишь против подстрекательства и богохульства, но не против ереси.

Отношение к евреям

Евреи были еще одной группой несогласных, которая вызывала беспокойство у Лютера. Еще в молодости он утвердился в мысли, что евреи, поскольку отвергли Христа, должны быть, люди упрямо-высокомерные. Но нельзя на современных евреев возлагать вину за прегрешения их отцов. Их нежелание принять христианство легко объясняется испорченностью папства. Лютер говорил:

"Будь я евреем, я скорее согласился бы десять раз вынести пытку на дыбе, чем перешел в папство.

Паписты до такой степени опозорили себя, что добрый христианин скорее готов стать евреем, чем одним из них, а еврей скорее готов пойти на пытку, чем стать христианином.

Что доброго мы делаем для евреев - ведь мы притесняем их, угрожаем и ненавидим их, как собак. Мы отказываем им в работе, понуждая заниматься ростовщичеством, - кому это на пользу? К евреям должно применять не папский закон, но Христовы заповеди любви. Что же из того, что некоторые из них высокомерны? Мы также не все добрые христиане".

Лютер был исполнен оптимизма, полагая, что ликвидировал злоупотребления папства, а его реформа приведет к завершению обращения евреев. Но обращенных было мало. Те же, которые обращались, в вере были нетверды. Когда же Лютер попробовал обратить кое-кого из раввинов, те, в свою очередь, попытались сделать иудея из него. Когда заговорили

о том, будто паписты наняли еврея, чтобы убить Лютера, слух этот не был воспринят как совершенно невероятный. Уже в более поздние годы, когда Лютер часто впадал в состояние крайней раздражительности, поползла молва, утверждавшая, что в Моравии христиан понуждают принимать иудаизм. И тогда он разразился вульгарным трактатом, в котором советовал изгнать всех евреев в Палестину. А если это невозможно, то следует запретить евреям заниматься ростовщичеством, заставить их зарабатывать себе на пропитание земледелием. Синагоги необходимо сжечь, а книги, включая Библию, у евреев необходимо изъять.

Можно лишь сожалеть, что Лютер не умер до того, как был написан этот трактат. Следует, однако, уяснить суть его рекомендаций и причину их появления. Лютер стоял на сугубо религиозных позициях, и ни в коем случае его нельзя считать расистом. Он воспринимал как величайший грех то, что евреи упорно отрицали откровение Господа о Себе, явленное во Христе. Ведь многовековые страдания еврейского народа воспринимались как знамение недовольства Бога. К евреям необходимо применить территориальный принцип. Нужно заставить их покинуть Германию и уйти в собственные земли. Это была программа насильственного сионизма. Если же она невыполнима, то Лютер рекомендовал принудить евреев зарабатывать себе на пропитание земледелием. Сам того не подозревая, он предлагал вернуться к укладу раннего средневековья, когда евреи

занимались сельским хозяйством. Насильственно согнанные с земли, они принялись за коммерцию. Когда же их изгнали и из коммерции, евреи стали давать в долг деньги под проценты. Лютер желал повернуть этот процесс вспять и, таким образом, неумышленно хотел обеспечить евреям более стабильное положение в обществе, чем то, которое они занимали. Однако сожжение синагог и конфискация книг означали возрождение наихудших черт программы Пффефферкорна. Необходимо добавить еще и следующее - если в эпоху Лютера подобного рода трактаты не появлялись в Англии, Франции и Испании, то лишь потому, что евреи уже были изгнаны из этих стран. Германия же изгоняла евреев из одних земель и терпела их в других, например, во Франкфурте и Вормсе, и в этом, как и во всем другом, вновь отразилось отсутствие какой бы то ни было последовательной политики в этой стране. Ирония ситуации заключалась в том, что Лютер оправдывал себя, призывая гнев Иеговы на тех, кто поклоняется иным богам. Лютер не желал слушать никаких доводов, ставивших под сомнение истинность подобного представления о Боге, однако он мог бы вспомнить, что само Писание не одобряет запугивание человека угрозой Божественного наказания.

Паписты и император

Третьей группой, вызывавшей гнев Лютера, были паписты. Наверное, злоба, с которой Лютер поносил папу, вызывалась еще и тем, что ничего большего он совершить не мог. Такие публичные выступления, как в Вормсе, где можно было бы более развернуто изложить свою позицию относительно веры, оказывались для Лютера невозможны. Мученическая же смерть, которую встречали его сподвижники, обходила его стороной. Он восполнял свое бессилие тем, что источал яд. В самом конце своей жизни Лютер напечатал трактат, иллюстрированный крайне вульгарными карикатурами. Он не знал меры во всем, что делал.

Совершенно иным было его отношение к императору. Здесь Лютер обольщался последней своей великой иллюзией. Он восхвалял Карла за проявленное им ранее милосердие и не желал слушать тех, кто говорил, будто император следует подстрекательским советам папистов. Если же, однако, император так поступит и возьмется за оружие, чтобы пойти

против Евангелия, его подданным следует просто отказаться служить под его знаменами, предоставив решать все остальное Господу, Который избавил Лота из Содома. Если же Бог не вмешается, чтобы защитить Свой народ. Он все равно остается Господом Богом, и ни при каких обстоятельствах подданные не должны выступать с оружием против утвержденной Им власти. В следующем году, однако, Лютер вынужден был сказать, что слово, использованное Павлом, а именно "власти", стоит во множественном числе, и хотя простой человек не может брать в руки меч, поскольку этим правом наделена лишь "власть", однако одна власть имеет законное право противостоять другой, даже с помощью меча. Иными словами, одна ветвь власти может использовать силу для исправления той несправедливости, которую творит другая. Священная Римская империя была конституционной монархией, и во время своей коронации император давал клятву, что ни один из его германских подданных не может быть поставлен вне закона до тех пор, пока он не будет выслушан и осужден судом. Хотя это положение и не могло защитить монаха, обвиненного в ереси, тем не менее после вмешательства князей и курфюрстов дело Лютера претерпело изменения. Если бы Карл нарушил свою клятву, то даже правители второго уровня могли выступить против него. Формуле, предложенной Лютеру юристами, суждено было получить широчайшее распространение и популярность. Лютеране использовали ее лишь до своего законного признания, что произошло в 1555 году. Впоследствии этот же лозунг подхватили кальвинисты, выведя правителей второго уровня из числа высшей знати Франции. В Англии пуритане использовали тот же прием в отношении парламента. Историки более позднего времени столь привыкли рассматривать лютеранство как движение, раболепствовавшее перед политической властью, а кальвинизм считать непримиримым противником этой власти, что совсем не мешает напомнить им о лютеранском происхождении этой доктрины.

Но она не была изобретена Лютером, хотя он и признавал ее действенность - пусть даже с определенными опасениями и такими оговорками, что совершенно непонятно, в какой мере его условия были фактически выполнимы. Императору, по мнению Лютера, можно противостоять силой не в том случае, если он вновь введет служение мессы, но единственно лишь тогда, когда он попытается силой заставить лютеран ходить на мессу. Император это сделал лишь после смерти Лютера, когда от плененного Филиппа Гессенского потребовали присутствия на мессе. Мы так и не узнаем, тот ли это случай, когда Лютер считал бы, что настало время использовать меч вполне законно. Он всегда был готов к непослушанию, но даже мысль о том, чтобы поднять руку на помазанника Божьего, была ему в высшей степени отвратительна.

Таковы были общественные проблемы, которые занимали Лютера в последние годы его жизни. Ни одна из них, кстати, не побудила Лютера к каким-либо действиям, выходящим за рамки написания меморандумов. Он должен ограничить свою работу определенным кругом задач, что он чаще всего и делал. "Корова, - говорил Лютер, - не попадает на небеса за то, что дает молоко, однако именно ради этого она и создана". Используя тот же прием, он мог бы сказать, что Мартин Лютер не может решить своим служением судьбу Европы, однако именно ради этого служения он был создан. Он строго выполнял все свои обязанности, связанные с преподаванием и службой в приходе. До самого конца Лютер проповедовал, читал лекции, давал наставления и писал. Дерзкая непокорность его молодых лет в значительной мере, однако, перешла в брюзжание человека, утомленного болезнями, трудом и разочарованиями. Тем не менее, когда возникала насущная необходимость, в Лютере всегда возрождалось чувство ответственности, заставляя его откликаться на эту нужду. Это наглядно показывают события, завершающие его жизнь. Новая мода, согласно которой девушки Виттенберга стали носить платья с открытыми плечами, вызвала у Лютера шок и отвращение. Он ушел из дома, заявив, что никогда больше не вернется. Привел Лютера домой его врач. В это время от баронов Мансфельда

поступила просьба прислать посредника для разрешения их спора. Меланхтон был слишком болен, чтобы ехать. Лютер был слишком болен, чтобы жить. Но он поехал, помирил баронов и умер на обратном пути.

Последний период жизни Лютера, однако, ни в коем случае не следует рассматривать как бесплодное угасание. Если в своих полемических трактатах он был временами грубым и жестоким, то в работах, которые представляют истинную суть его жизни, зрелость и художественное мастерство Лютера постоянно возрастали. До самого конца он продолжал улучшать свой перевод Библии. Он достиг вершин совершенства в своих проповедях и библейских комментариях. Уже процитированное нами толкование жертвоприношения Исаака относится к 1545 году. Некоторые из тех отрывков, которые мы приводили в этой книге для того, чтобы проиллюстрировать религиозные и нравственные принципы Лютера, также относятся к позднему периоду его жизни.

Мера человека

Когда начинаешь оценивать этого человека, то совершенно естественно представляешь себе три сферы, в которых его влияние оказалось наибольшим. Первая - это сама Германия. Лютер называл себя немецким пророком, говоря, что столь пышный титул необходим ему для того, чтобы защититься от ослов-папистов. И что бы Лютер ни говорил, он обращался к любимым своим немцам. Часто можно услышать, что ни один человек не сделал так много для формирования немецкого национального характера. В Лютере уже можно отметить присущие немцам равнодушие к политике и любовь к музыке. Современный немецкий язык обязан Лютеру столь многим, что это с трудом поддается оценке. Если спросить мнение немца о каком-либо тексте из лютеровской Библии, он вполне может ответить, что именно так и сказал бы немец. Причина же заключается в том, что каждый немец воспитывался на лютеровском переводе. Самое сильное влияние этот человек оказал на семью. Фактически семья была той единственной сферой, которую Реформация действительно затронула глубоко. Экономика развивалась по пути, ведущему к капитализму, а политика - к абсолютизму. Семейный же уклад воспринял ту полную любви и благочестия патриархальную атмосферу, которую Лютер утвердил в своей семье в качестве модели. Но самым глубоким было воздействие Лютера на религиозную сторону жизни нации. Общины слушали его проповеди, пели его литургию. Отцы читали и перечитывали своим семьям составленный Лютером катехизис. Лютеровская Библия ободряла впавших в уныние и утешала умирающих. Если ни один англичанин не занимает подобного места в религиозной жизни своего народа, то лишь потому, что нет такого англичанина, который сравнился бы по своим масштабам с Лютером. Английский перевод Библии был сделан Тиндейлом. Молитвенник составил Кранмер, а катехизис - вестминстерские святы. Чтение проповеди берет свое начало от Латимера. Сборник гимнов написан Ваттсом. И не все они жили в одном и том же веке. Лютер же проделал работу по меньшей мере пятерых человек. А по богатству и выразительности языка, по мастерству стиля его можно сравнить лишь с Шекспиром.

Совершенно естественно, что немцы гордятся таким своим соотечественником. Однако, взгляды в прошлое в поисках личности, которую можно было бы наиболее естественным образом сравнить с Лютером, мы не обнаруживаем среди немцев ни одного человека его масштаба. Какой-то немецкий историк сказал, что за триста лет был лишь один немец, который действительно понимал Лютера, - Иоганн Себастьян Бах. Для того чтобы найти фигуру сопоставимого с Лютером богослова, мы должны вспомнить еврея Павла, жителя Римской империи Августина, француза Паскаля, датчанина Кьеркегора, испанца Унамуно, русского Достоевского, англичанина Буныяна и американца Эдвардса.

Вот отчего во второй из важнейших сфер его деятельности - в церковной - влияние Лютера выходит далеко за пределы его родины. Лютеранство распространилось на Скандинавию и имеет множество последователей в Соединенных Штатах. Кроме того, его движение дало импульс, который иногда порождал, а иногда способствовал становлению других ветвей протестантизма. Все они в какой-то мере берут свое начало от него. То, что Лютер сделал для своего народа, сделано отчасти и для других. Его перевод, например, оказал влияние на английскую версию Библии. Предисловие к тиндейловской Библии заимствовано у Лютера. Подобным же образом его литургические реформы оказали влияние на "Книгу совместной молитвы". И даже католическая церковь многим обязана Лютеру. Часто можно услышать, что, не пояись Лютер, и эразмовская реформа имела бы триумфальный успех - во всяком случае какая-то реформа по испанскому образцу. Все это, конечно, только догадки, однако несомненно, что католическая церковь получила сокрушительный удар от лютеровской Реформации и это привело к осознанию необходимости срочно провести собственную реформу.

Третья сфера его деятельности является наиважнейшей и той единственной, которая действительно занимала первостепенное место в жизни Лютера. Это сфера религиозная. Именно достигнутое в этой сфере определяет значение Лютера. В своем богословии Лютер был евреем, но никак не греком, который собственной фантазией создает богов и богинь, забавляющихся вокруг какого-нибудь прозрачного озера или пирующих на Олимпе. Бог Лютера - как и Моисея - это Бог, Который обитает в грозowych тучах и перемещается на крыльях ветра. По одному лишь Его кивку содрогается земля, а народы перед Ним подобны каплям, падающим в ведро. Он - Бог величественный и могучий, непостижимый, внушающий ужас, сеющий разрушение и гибель Своим гневом. Но Всемогуший еще и Всемиловитвейший: "Как отец милует сынов, так милует Господь"... Но откуда мы об этом знаем? От Христа, и единственно лишь от Христа. От Господа жизни. Который был рожден на соломе яслей для скота и умирал преступником, презренным и покинутым людьми; Который взывал к Богу, а в ответ лишь сотрясалась земля и темнело солнце; Который был покинут даже Богом и в тот час взял на Себя и уничтожил наши преступления, поправ полчища ада и раскрыв в гневe Всестрашного ту Его любовь, которая всегда пребывает с нами. Лютер не трепетал более от шороха сорванного порывом ветра листа. Вместо того, чтобы призывать на помощь св. Анну, он заявил, что может смеяться над ударами грома и ветвистыми молниями бури. Вот что давало ему право сказать: "На сем стою. И не могу иначе. Аминь".

БИБЛИОГРАФИЯ

Мартин Лютер и его время

Albrecht, Оно. "Luthers Katechismen," Schriflen des Vereins fur

Refonnationsgeschichte, XXXIII (1915). Althaus, Paul. "Die Bedeutung des Kreuzes im Denken Luthers,"

Vierteljahrschrift der Luthergesellschaft. VIII (1926). 97-107.

--. "Luthers Haltung im Bauernkrieg," lahrbuch der Luther-. gesettschaft, VII <1925), 1-39. Archivio di Fircnze. "I manoscritte Torrigiani," Archivio star.

Ualiano. XXIV (1876). Arnold, Franz Xavcr. Zur Frage des Naiurrechts bei Martin Luther

(1937). Baioton, Rolaad H. Bibliography of the Continental Reformation

(1935).

--. "The Development and Consistency of Luther's Attitude Toward Religious Liberty," *Harvard Theological Review*. XXII (1929), 107-49.

--. "Durer and Luther as the Man of Sorrows," *Art Bulletin*, XXIX (1947), 269-72.

--. "Eyn Wunderliche Weyssagong Osiander, Sachs, Luther," *Germanic Review*. XXI, 3(1946), 161-64.

--. "Luther's Struggle for Faith," *Gerhard Ritter Festschrift*. Also in *Church History*, XYII (1948), 3-16.

--. *The Martin Luther Christmas Book* (1948).

--. Review of Boehmer's *Road to Reformation*, *Church History*, XVI (1947), 167-76.

Balan, Petrus. *Monumenta Reformationis Lutheranae* (1884). Barge, Hermann. Andreas Bodenstein von Karlstadt, 1-11 (1905). Bauer, Kari. "Die Heidelberger Disputation Luthers," *Zeilschrift*

fur Kirchengeschichte. XXI (1901), 233-68, 299-329.

--. *Die Wittenberger Vniversitats-lheologie* (1928).

Benz, Ernst. *Wittenberg und Byranr* (1940).

Berbig, Georg. "Die erste kursächsische Visitation in Ortsland

Franken," *Archiv fur Refomuuionsgeschichte*, III (1905-6), 336-

402; IV (1906-7), 370-408. Berger, Arnold B. *Reihe Reformation*. "Deutsche Uteratur" series:

---. *Die Sturmtruppen* (1931).

--. *Satirische Feldtuge* (1933).

--. *Lied, Spruch, und Fabetdichtung* (1938).

--. *Die Schaubuhne*, I & 11 (1935-36). Betckc, Werner. *Lulhers Sozialethik* (1934).

Beyer. Hermann, Wolfgang. "Der Christ und die Bergpredigt,"

Luther Jahrbuch (1932). 33-60.

Bezold, Friedrich. "Luthers Ruckkehr von. der Wartburg," *Zeitschrift fur Kirchennesrhu-hte*, XX (1901)1, '1S6-233. Blanke, Fritz. *Per verborgene Gott bei Luther* (1928). Bluhm, H. S. "The Siunificance of Luther"*- Earliest Extant Sermon," *Harvard Theological Review*, XXXVII (1914). 175-81. Blume, Friedrich. *Die evangelische Kirchenmusik* (1931-34). Boehmer, Heinrich. *Der funge Luther*: 3rd cd. (Heinrich Bornkamm, ed., 1939).

English Irans, (from the German of 1929), Road to Reformation (1946).

--."Luthers Ehe," Luther Jahrbuch, VII .(1925), 40-76.

--. Luther* Romfahrt (1914).

Bonhoff. "Die sächsische Landeskirche und die Visitation des Jahres 1529" Beiträge zur sächsischen Kirchengeschichte, XXXVIII (1929), 8.48.

Boiler, Fritz. Luthers Berufung..nach Worms (dissertation, 1912).

Bornkamm, Heinrich. "Christus und das erste Gebot in der Anfechtung bei Luther".-Zeitschrift für systematische Theologie, V (1928), 453-77.

--. Das Wort Gottes bei Luther (1933).

--. Luther's Welt (1947). Brandenburg, Eric. "Martin Luthers Anschauung von Staat und Gesellschaft," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte.

LXU(1901). Brandt, Otto H. Die FUSSE (1928).

--. Der große Bauernkrieg, zeitgenössische Berichte.(1925).

--. Der deutsche Bauernkrieg (1920).

--. Thomas Müntzer, sein Leben und seine Schriften ^1933). Brieger, Theodor. "Aleander und Luther 1521. Die ... Aleander-Depeschen," Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte, I (1884).

--.Das Wesen des Ablasses. (1907).

--. "Indulgenzen." Realencyklopädie, 3rd ed. Berlin, Ragnar. Dualismen des Luther (1929). Buchwald, Georg. D. Martin Luthers Leben und Lehre (1947). ---. Predigten D. Martin Luthers, I & II (1925-26).

--. "Luther Kalendarium," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte^ XLVU (1929).

Buhler, Paul Theodor. Die Anfechtung bei Martin Luther (1942). Bullen, Henry Lewis. The Nuremberg Chronicle (1930). Burgdorf, Martin. Luther und die Wiedertäufer (1928). Buszin, Walter fl. "Luther on Music," The Musical Quarterly,

XXXII (1946), 80-97.

Carlson, Edgar M. The Reinterpretation of Luther (1948). Clemen, Otto. Beiträge zur Reformationsgeschichte, I-III (1900-

'1903).

---. Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation, 1-1V

(1907-11). Cohi-s, Ferdinand. "Die evangelischen Katechismusversuche vor
Luthers Enchiridion," Monumenta Gennaniae Paedagogica, XX-
XXIII, XXXIX (1900).

Denine, Heinrich. Luther und Lutherthum, I-III (1904-9). Deutsche Reichslagsakten, jüngere
Reihe, I (1893), Kluckhorn,

ed.; II-1V (1896-1908), Wrede, ed.; VII (1935), Kuhn. ed. Diem, Harold. Luthers Lehr'- von ilen
zwei Reichen (1938). Dittrich, Ottmar. Luthers Ethik (1930). Dress, Walter. Martin Luther,
Versiu-hung und Sendung (1937). Drews, Paul. Disputationen Dr. Mariin Luthers in den Jahren
1535-

1547 (1895).

--. "Entsprach das Staatskirchentum dem Ideale Luthers?" Zeitschrift für Theologie und Kirche,
XVIII (1908).

--. Willibald Pirckheimers Stellung iur Reformation (1887). Ebstein, Wilhelm. Dr. Mariin
Luthers Krankheiten (1908). Eger, Karl. Die Anschauungen Luthers vom Beruf (1900). Eiert,
Werner. Morphologie des Liiherthums, I & II (1931-32). Farner, Alfred. Huldreich Zwingli, II
(ii"46).

--. Die Lehre von Kirche wid Staat bei Zwingtl (1930).

Fendt, Leonard. "Der Lutherische Gottesdienst des 16. Jahrhunderts," Aus der Welt christlicher
Frommigkeit, V (1923).

Fife. Robert. Young Luther (1928).

Fischer, Robert H. "Propter Christum" in Luthers Early Theology (unpublished dissertation, Yale
University, 1947).

Foerster, Erich. "Fragen nach Luthers Kirchenbcgriff aus der Gedankenwelt seines Alters,"
Festgabe Julius Kaftan (1920).

Franz, Gunther. Der deutsche Bauernkrieg. I & II (1933-35).

Friedensburg, Walter. "Die Reformation und. der Spcierer Reichstag," Luther Jahrbuch, VIIF
(1926), 120-95.

Friedmann, Robert. "Conception of the Anabaptists," Church His-lory.IX (1940), 341-65.

Fullerton, Kemper. "Luther's Doctrine and Criticism of Scripture," Bibliotheca Sacra, LX11I
(1906), 1-34, 284-99.

Gebhardt, Bruno. Die Cravamina der deutschen Nation, 2nd ed. (1895).

Gennrich, Paul Wilhelm. Die Christologie Luthers im Abendmahl-sireit 1524-29 (1929).

Gerke, Friedrich. "Die satanische Anfechtung in der Ars moriendi und bei Martin Luther," Theologische Blätter, XI (1932), 320-31.

Gieseler, Johann C. L. Lehrbuch der Kirchengeschichte, I-VUI (1824-57).

Gravier, Maurice. Luther et l'opinion publique (1942).

Grisar, Hartmann. Luther (English), I-V1 (1913-17).

---. Luther-Studien, I-VI (1921-33), Nos. 2, 3, 5, and 6, "Luthers Kampfbilder."

Habler, Konrad. "Die Stellung der Fugger zum Kirchenstreite des

16. Jahrhunderts," Historische Vierteljahrschrift, I (1898), 473-

510. Hahn, Fritz. "Luthers Auslegungsgrundsätze und ihre theologische

Voraussetzungen," Zeitschrift für systematische Theologie, XII

(1934), 165-218.

--. "Zur Verchristlichung der Psalmen durch Luthers Übersetzung," Theologische Studien und Kritiken, CVI (1934-35), 173-203.

Hamel, Adolf. Der junge Luther und Augustin, I & II (1934-35).

Harnack, Theodosius, Luthers Theologie, I & II (1862-86).

Hasenzahl, Walter. "Die Gottverlassenheit des Christus," Beiträge zur Förderung christlicher Theologie, XXXIX (1937), I.

Hausrath, Adolf. Luthers Leben, I & II (1913-14).

Held, Paul. "Ulrich von Hutten," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XLV1 (1928).

Hermann, Rudolf. "Luthers These 'Gerecht und Sunder,'" Zeitschrift für systematische Theologie, VI (1928), 278-338, 497-537; VII (1930), 125-72.

Hermelink, Heinrich. "Der Toleranzgedanke im Reformationszeitalter," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XXVI (1908).

Hertsch, Erich. Karlstadt und seine Bedeutung für das Lutherthum (1932).

Hill, Richard S. "Not So Far Away in a Manger," Music Library Association Notes, III (1945), 12-36.

Hildebrandt, Franz. Melancthon: Ally or Enemy? (1946).

Hirsch, Emanuel. "Initium Theologiae Lutheri," Festgabe Julius Kaftan (1920).

Holborn, Hajo. Ulrich von Hutten (1929, English trans. 1937).

Holl, Karl. "Luther," Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte, I (1932).

Hoviand, Clarence Warren. Luthers Treatment of "Anfechtung" in his Biblical Exegesis from the Time of the Evangelical Experience to 1545 (unpublished dissertation, Yale University, 1950).

Hunzinger, August Wilhelm. Das Furchtmotiv in der katholischen Busslehre (1906).

Iwand, Hans Joachim. Rechtfertigungslehre und Christusglaube (1930).

Jacob, Gunther. "Der Gewissensbegriff in der Theologie Luthers," Beiträge zur historischen Theologie. IV (1929).

Joachimson, Paul. "Luther und die soziale Welt," Mariin Luthers Ausgewählte Werke, VI (1923).

--. "Das Zeitalter der Reformation," Propyläenweltgeschichte, V (1930), 4-216.

--. Sozialethik des Luthertums (1927). Kalkoff, Paul Ahlrich und Reliquienverehrung an der Schlosskirche zu Wittenberg (1907).

--. Alexander Reges Luther (1908).

--. "Die Anfänge der Gegenreformation in den Niederlanden," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XXI (1903-4).

--. "Briefe, Depeschen und Berichte über Luther vom Wormser Reichstage 1521," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XV (1898), 2.

--. "Die Bulle Exsurge." Zeitschrift für Kirchengeschichte, XXXV (1914), 166-203.

--. "Die von Cajetan verfasste Ablassdekretale," Archiv für Reformationsgeschichte, IX (1911-12), 142-71.

--. Die Depeschen des Nuntius Alexander (1897).

--. Die Entstehung des Wormser Edikts (1913).

--. "Erasmus, Luther, und Friedrich der Weise," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. XXXVU <1919).

--. "Forschungen zu Luthers römischen Prozess," Bibliothek des Königlich preussischen historischen Instituts in Rom, II (1905).

--. Luther und die Entscheidungsjahre der Reformation (1917).

--. "Zu Luthers römischen Prozess," Zeitschrift für Kirchengeschichte. XXV (1904), 90-147, 272-90. 399-459, 503-603;

XXXI (1910), 48-65, 368.414. i--. "Die Vermittlungspolitik des Erasmus," Archiv für Reformationsgeschichte. I (1903-4), 1-83.

--. Der Wormser Reichstag von 1521 (1922). Kattenbusch, Ferdinand. "Die Doppelsichtigkeit in Luthers Kirchenbegriff," Theologische Studien und Kritiken, C (1927-28), 197-347. Kawerau, Gustav. "Thesen Luthers De Excomunicaliwe" tfind "Thesen Karlstadts," Zeitschrift für Kirchengeschichte, XI (1890), 477-83. Kawerau, Waldener. "Die Reformation und-die Ehe," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, X (1892). Kiessling, Eimer Carl. The Early Sermons of Luther (1935). Kim, Paul. Friedrich der Weise und die Kirche (1926). Koehler, Walther. Dokumente zum Ablassstreit von 1517 (1902).

--. "Entstehung der Reformatio ecclesiarum Hassiae von 1526," Deutsche Zeitschrift für Kirchenrecht, XVI (1906), 199-232.

--. Die Geisteswelt Ulrich Zwinglis (1920).

--. "Luther und das Lutherthum in ihrer weltgeschichtlichen Auswirkung," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, LI (1933).

---. Luther und die Kirchengeschichte (1900).

--. Luthers 95 Thesen (1903).

--."Das Marburger Religionsgespräch 1529," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. XL VIII (1929).

---. Die Quellen Luthers Schrift "An den christlichen Adel (1895).

--. Reformation und Ketzerprozeß (1901).

---. "Sozialwissenschaftliche Bemerkung zur Lutherforschung," Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, LXXXV (1928), 2, 343-53.

--. "Wie Luther den Deutschen das Leben Jesu erzählt hat," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XXXV (1917).

--. "Zwingli und Luther," Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte, VI (1924). Kostlin, Julius. Luthers Theologie, I & II (1901). Kostlin, Julius, and Kawerau, Georg. Martin Luther, I & II (1903). Kohlschmidt, K. "Luther im Kloster," Vierteljahrschrift der Luthergesellschaft. XLI (1931), 4-18, 33-56. Kolde, Theodor. "Ältester Bericht über die Zwickauer Propheten," Zeitschrift für Kirchengeschichte, V (1882), 323-33.

--. "Innere Bewegungen unter den deutschen Augustinern und Luthers Romreise," Zeitschrift für Kirchengeschichte, II (1878), 460-72.

---. "Luther und sein Ordensgeneral in Rom," Zeitschrift für

Kirchengeschichte, II (1878), 472-80. Kroker, Ernst. Katherina von Bora (1906). Kuhn, Johannes. "Zur Entstehung des Wormser Edikts," Zeitschrift

für Kirchengeschichte, XXXV (1914). 372-92, 529-47.

--. "Die Geschichte des Speyrer Reichstages 1529," Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, XLVII (1929).

---. Toleranz und Offenbarung (1923).

Kurz, Alfred. Die Heilsgewissheit bei Luther (1933).

Lammers, Heinrich. "Luthers Anschauung vom Willen," Neue deutsche Forschungen, I (1935).

Lamparter, Helmut. "Luthers Stellung zum Turkenkrieg," Forschungen zur Geschichte und Lehre des Protestantismus, IX

(1940), 4. Lau, Franz. "Äusserliche Ordnung" und "Weltlich Ding" in Luthers

Theologie (1932). Lewin, Reinhold. "Luthers Stellung zu den Juden," Neue Studien

zur Geschichte der Theologie und der Kirche, X (1911). Lilje, Hanns. "Luthers Geschichtsanschauung," Furcht-Studien,

U (1932). Link, Wilhelm. "Das Ringen Luthers um die Freiheit der Theologie

von der Philosophie," Forschungen zur Geschichte und Lehre

des Protestantismus. IX (1940), iii. Littell, Franklin Hamlin. The Anabaptist View of the Church (un-

published dissertation, Yale University, 1946). Loescher, Valentin Ernst. Vollständige Reformations-geschichte, I-III

(1720-29). Loewenich, Walter. "Luthers Theologia crucis," Forschungen zur

Geschichte und Lehre des Protestantismus, II (1929), 2. Lohmann, Annemarie. "Zur geistigen Entwicklung Thomas Münt-

zers," Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters und der

Renaissance. XLVII (1931).

Ludwig, Martin. "Religion und Sittlichkeit bei Luther bis . . ,

1520," Quellen und Forschungen zur Reformationgeschichte,

XIV (1931).

McGiffert, Arthur C. Mariin Luther (1917). MacKinnon, James. Luther and the Reformation, I-FV (1925-30). Matthes, Kurt. "Das Corpus Christianum bei Luther," Studien WH

Geschichte der Wirtschaft und Geisteskultur, V (1929).

--. "Luther und die Obrigkeit," Aus der Welt christlicher Frommigkeit, XII (1937). May, Jacob. Der Kurfurst, Cardinal und Erzbischof Albrecht II

von Mainz (1865). Meinecke, Friedrich. "Luther uber christliches Gemeinwesen und

christlichen Staat," Historische Zeitschrift, CXXI (1920), 1-22. Meinhold, Peter. "Die Genesisvorlesungen Luthers und ihre

Herausgeber," Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte,

VIII (1936).

Merz, Georg. Glaube und Politik. 2nd ed. (1933). Miegge, Giovanni. Liitero (1946). Muller, Alphons Victor. Luther und Tauler (1918).

--. Luthers Werdegang bis zum Turmerlebnis (1920). Muller, Hans Michael. Erfahrung und Glaube bei Luther (1929). Muller, Karl. Kirche, Gemeinde und Obrigkeit nach Luther (1910).

---. "Luthers Ausserungen uber das Recht des bewaffneten Widerstands,". Sitzungsberichte der Koniglichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophischhistorische Klasse, VIII (1915).

--. Luther und Karlstadt (1907).

--. "Luthers romischer Prozess," Zeilschrift fur Kirchen-

geschichle, XXIV (1903), 46-85.

Muller, Nikolaus. Die Wittenberger Bewegung, 2nd ed. (1911). Murray, Robert Henry, Erasmus and Luther (1920). Negwer, Joseph. "Konrad Wunpina," Kirchengeschichtliche Abhandlungen, VII (1909). Nettel, Paul. Luther and Music (1948). Nitsch, Friedrich. Luther und Aristoteles (1883). Olsson, Herbert. Grundproblemel i Luthers Sociaethik (T934). Pallas, Karl. "Briefe wd Akten zur Visitationsreise des Bischofs Johannes VII von Meissen im Kurfurstentum Sachsen 1522," Archiv fur Reformationgeschichte, V (1907-8), 217-312. Panofsky, Erwin. Albrecht Durer, I & II (1943). Paquier, Jules. L'Humanisme et la .reforme: Jerome Aleandre:

(1900).

Pascal, Roy. The Social Basis of the German Reformation (1933). Pastor, Ludwig von. History of the Popes, VII & VIII. Pauck, Wilhelm. "Historiography of the German Reformation Dur-ing the Last Twenty Years," Church History. IX (1940), 305-40.

--. Heritage of the Reformation (1950).

Pauls, Theodor. Luthers Auffassung von Staat und Volk (1925)*

Paulus, Nikolaus. Geschichte des AWwrs, MII (1922-23).

--. Johann Teitel (1899).

---. Protestantismus und Toleranz im 16. Jahrhundert (1911). Pinomaa, Lenhart. "Der Zorn Gottes in der Theologie Luthers,"

Annales Academiae Scientiarum Fennicae, XLL I (1938). Planitz, Hans von. "Hans von Planitz Berichte aus dem Reichsregiment in Nurnberg 1521-25," Schriften der Koniglichen sachsen-Kommission fur Geschichte (1889). Prenter, Regin. Spiritus Creator (1944). Preuss, Hans. Martin Luther der Kunstler (1931).

---. Martin Luther der Prophet (1933).

---. Martin Luther der Deutsche (1934).

---. Martin Luther der Christenmensch (1942).

--. Die Vorstellungen von Antichrist in spateren Mittelalter
(1906).

Raynaldus (Rinaldi), Odoricus, Annales Ecciesiastici, XX (1691). Reiter, Paul J. Martin Luthers Umwelt, Charakter und Psychose,

I& II (1937-41). Reu, Michael. The Augsburg Confession (1930).

---. Luther's Oerman Bible (1934).

Reymann, Heinz. Glaube und Wirtschaft bei Luther (1934).

Kieker, Karl. Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche

Deutschlands (1893). Rietschel, Ernst. "Luthers Anschauung .von der Unsichtbarkeit und

Sichtbarkeit der Kirche," Theologische Studien und Kritiken,

LXX11I (1900), 404-56.

--. "Das Problem der unsichtbar-sichtbaren Kirche bei Luther,"

Schriften des Vereins fur Reformationsgeschichte, L (1932). Rietschel, Georg. Luther und die Ordinalion (1889). Ritter, Gerhard. Luther, Gestalt und Tat (1943).

--. "Renaissance und Reformation," Neue Propylaenwelt-

geschichte (1942). Rockwell, William Walter. Die Doppelhehe des Landgrafen Philip

von Hessen (1904). Rupp, Ernest Gordon. Martin Luther: Hitler's Cause or Cure?

(1946). Schade, Oskar. Satiren und Pasquillen aus der Reformationszeit,

I-III (1856-58). Scheel, Otto. Mariin Luther, I (2nd ed. 1921) & II (3rd & 4th eds.

1930).

---. Dokumente w Luthers Entwicklung (1929). Schempp, Paul. "Luthers Stellung zur heiligen Schrift," Forschungen wr Geschichte und Lehre des Protestantismus, U & III

(1929). Schirrmacher, Friedrich W. Briefe und Acten w der Geschichte

. . . des Reichstages w Augsburg 1530 (1876). Schmidt, Hans. "Luthers Übersetzung des 46. Psalms," Luther

Jahrbuch, VIII (1926), 98-119. Schneider, Charles. Luther, poete et musicien (1942).

Schou, Hans. Religion and Morbid Mental States (1926).

Schrade, Leo. "The Choral Music of the Lutheran 'Kantorei,'" Valparaiso University Pamphlets, Series No. 2 (1946).

Schramm, Albert. Luther und die Bibel. Die Illustrationen der Lutherbibel (1923).

Schubert, Hans von. "Die Anfänge der evangelischen Bekenntnisbildung," Schriften des Vereins für Reformationgeschichte (1928).

--. Bekenntnisbildung und Religionspolitik 1529-30 (1910).

--. "Bundnis und Bekenntnis 1529-30," Schriften des Vereins für Reformationgeschichte, XXVI (1908).

--. "Lazarus Spengler" (Hajo Holborn, ed.), Quellen und Forschungen zur Reformationgeschichte, XVII (1934).

--. "Luthers Frühentwicklung," Schriften des Vereins, für Reformationgeschichte. XXXIV (1916).

--. "Der Reichstag von Augsburg," Schriften des Vereins für Reformationgeschichte, XLVII1 (1930).

--. Reich und Reformation (1910).

--. "Die Vorgeschichte der Berufung Luthers auf den Reichstag zu Worms 1521," Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften philosophisch-historische Klasse, III (1912).

Schulte, Aloys. Die Fugger in Rom (1904).

--. "Die römischen Verhandlungen über Luther 1520," Quellen

und Forschungen, aus italienischen Archiven und Bibliotheken,

V-VI (1904), 32-52. Schwiebert, E. G. "The Electoral Town of Wittenberg," *Medievalia*

et *Humanistica*, III (1945). 99-116. Seeberg, Erich. *Luthers Theologie*: vol. I, *Die Gottesanschauung*

(1929): vol. II, *Christus* (1937). Seeberg, Reinhold. "Luthers Anschauung von dem .Oeschlechte

und der Ehe," *Luther Jahrbuch*, VII (1925). 77-122. Seidemann, Johann Karl. "Luthers Grundbesitz," *Zeitschrift für*

die historische Theologie, XXX (1860), 375-564. Smith, Preserved. *Erasmii* (1923).

--. *The Life and Letters of Martin Luther* (1911).

Smith, Preserved, and Jacobs, C. M. *Luther's Correspondence*, I

& II (1913-18).

Spitta, Friedrich, *Ein feste Burg* (1905). Soderblom, Nathan. *Humor och melankoli* (1919). Stange, Carl. "Karfreitagsgedanken Luthers," *Zeitschrift für systematische Theologie*, IX, I (1932), 55-92.

---. "Luthers Gedanken über Tod . . .," *Zeitschrift für systematische Theologie*, X (1933), 490-513.

--: "Luthers Gedanken über die Todesfurcht," *Greifswalder Studien*. VII (1932).

--. "Luthers Theorie von gesellschaftlichen Leben," *Zeitschrift*

für systematische Theologie. VII (1929), 57-124. Stolze, Wilhelm. "Bauernkrieg und Reformation." *Schriften des*

Vereins für Reformationsgeschichte, XLIV (1926).

Stomps, M. A. H. "Die Anthropologie Martin Luthers," *Philosophische Abhandlungen*, IV (1935).

Stracke, Ernst. "Luthers grosses Selbstzeugnis 1545," *Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte*, XLIV (1926).

Strohl, Henri. "L'épanouissement de la pensée religieuse de Luther de 1515 à 1520," *Études . . . d'histoire et de Philosophie religieuse . . . de l'Université de Strasbourg*, IX (1924).

Thiel, Rudolf. *Luther*, I & II (1936-37).

Thoma, Albrecht. *Katharina von Bora* (1900).

Tilila, Osmo. "Das Straßleid Christi," *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. B, XLVIII, I (1941).

Tiling. "Der Kampf gegen die Missa Privata in Wittenberg," *Neue Kirchliche Zeitschrift*, XX (1909), 85-130.

Tomvall, Gustaf. *Andligt och varidsligt regemenle hos Luther* (1940). German Irans., *Geistliches und weltliches Regiment bei Luther* (1947).

Ulmann, Heinrich. *Franz von Sickingen* (1872).

Vignaux, Paul. "Luther, Commentateur des Sentences," *études de Philosophie medievale*, XXI (1935).

Volker, Karl. *Toleranz, und Intoleranz im Zeilalter der Reformation* (1912).

Vogelsang, Erich. "Die Anfange von Luthers Christologie," *Arbeiten zur Kirchengeschichte*, XV (1929).

--. "Der angefochtene Christus bei Luther," *Arbeiten zur Kirchengeschichte*, XXI (1932).

Von Rohr, John. *A Sludy of the Anfechtung of Martin Luther* (unpublished dissertation, Yale Uni versity, 1947).

Wagner, Elizabeth. "Luther und Friedrich der Weise auf den Wormser Reichstag von 1521," *Zeitschrift fur Kirchengeschichte*, XLII (1923). 331-90.

Waldeck, Oscar. "Die Publizistik des Schmalkaldischen Krieges," *Archiv fur Reformationsgeschichte*, VII (1909-10), 1-55.

Waiser, Fritz. "Die politische Entwicklung Ulrich von Hutten," *Historische Zeilschrift Beiheft*, XIV (1929).

Walther, Wilhelm. *Fur Luther wider Rom* (1906).

Wappler, Karl. *Inquisition und Kelzerprozesse in Zwickau zur Reformationszeit* (1908).

Wappler, Paul. "Die Stellung Kursachsens und des Landgrafen Philipp zur Tauferbewegung," *Reformationsgeschichtliche Studien und Texte*, XIII-XIV (1910).

---. "Die Tauferbewegung in Thuringen," *Beitrage zur neueren*

Geschichte Thuringens, II (1913). Watson, Philip S. *Let God Be God: An Interpretation of the*

Theology of Martin Luther (1947). Wendorf, Hermann. "Der Durchbruch der neuen Erkenntnis

Luthers," *Historische Vierteljahrschrift*, XXVII (1932), 124-44,

285-327.

--. *Martin Luther* (1930).

Современники Лютера

Werdermann, Hermann. *Die deutsche evangelische Pfarrfrau*. 3rd ed. (1940).

---. Luthers Wittenburger Gemeinde (1929). Wernle, Paul. Der Evangelische Glaube: vol. I, Luther (1918);

vol. II, Zwinnfli (1919). Wiedemann, Theodor. Dr. Johann Eck (1865). Winter, F. "Die Kirchenvisitation von 1528 in Wittenberger

Kreise," Zeitschrift für die historische Theologie, XXXIII

(1863), 295-322. Wiswedel, Wilhelm. Bilder und Führergestalten aus dem Tauf-

tiim, I & II (1928-30). Wolf, Ernst. Luthers Prädestinationsanfechtungen (1925).

--. "Luther? und Luther," Quellen und Forschungen, zur Reformationsgeschichte, IX (1927).

--. "Johannes von Slepitz und die theologischen Anfänge Luthers," Luther Jahrbuch, XI (1929), 43-86.

--. "Über neuere Lutherliteratur," Christentum und Wissenschaft (1933).

Wunsch, Georg. Die Bergpredigt bei Luther (1920). Zarncke, Lilly Der Begriff der Liebe in Luthers Äußerungen über

die Ehe," Theologische Blätter, X, 2 (1931), 45-49.

--. "Der geistliche Sinn der Ehe bei Luther," Theologische Studien und Kritiken. CVI (1934), 20-39.

--. "Luthers Stellung zur Ehescheidung und Mehrer," Zeitschrift für systematische Theologie, XII (1934), 98-117.

--. "Die naturhafte Eheanschauung des jungen Luther," Archiv für Kulturgeschichte, XXV (1934-35), 281-305.

Luther's CONTEMPORARIES

Beatus, Rhenanus. Briefwechsel (Horawitz and Hartfelder, eds.,

1836). Carlstadt, Andreas. Von Abtun der Bilder (Lietomann, ed.

1911).

--. Von dem widerchristlichen Missbrauch des Herren Brod und Kelch. Walch XX, 92-109.

--. Von dem alten und neuen Testament. Walch XX, 286-305.

---. Kapstadts Erklärung. Walch XX, 313-22.

--. De coelitu (1521). (Yale Library.)

Durer; Albrecht. Durers Briefe, Tagebücher und Reime (Thaa-

sing, ed., 1872). Erasmus, Desiderius. Opera. I-XI (LeClerc, ed., 1703-6).

--. Ausgewählte Werke (Hajo and Annemarie Holborn, eds., 1933).

--. Erasmi Epistolae, I-XI (Mr. and Mrs. P. S. Allen, eds., 1906-47).

--. Erasmi Opuscula (Wallace Ferguson, ed., 1933). Hutten, Ulrich von. Opera, I-XII (Bocking, ed., 1859-62). Kessler, Johann. Johannes Kesslers Sabbata (Egli, ed., 1902).

Иллюстрации

Menius. Juslus. Der Widerteuffer Lere und geheimnis (1530). Muntzer, Thomas; Boehner, Heinrich; and Kirn, Paul. Thomas

Müntzers Brief wrlisel (1931).

Pirckheimer, Willibald. "Eccius Dedolatus," Hutteni Opera. IV. Ratzeberger, Matthaus. Die handschriftliche Geschichte Ratgeber

gers über Luther (1850).

Sachs, Hans; Hans Sachsens ausgewählte Werke, I (1923). Sanuto, Marino. / Diarii ili Marino Sanuto, XXVIII (1890). Schedel, Hartmann. Das .Buch der Chroniken (1493). Seckendorf, Veit Ludwig von. Commenarius historicus et Apologe-

licus de Lutheranism, I & II (1692). Spalatin, Georg. Annales Reformationis (Cyprian ed., 1718). Spengler, Lazarus. Schuttrede und chrislenliche Antwort (1519).

ILLUSTRATIONS

Barbagallo, Corrado. Storia Universale, IV, "Evo Moderno" (1936).

Boehmer, Heinrich. Der junge Luther (Heinrich Bomkamm, ed., -1939).

Clemen, Otto. Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation, I-III (1907-9).

Geisberg, Max. Die Reformation im Einblatt Holzschnitt (1929).

--- Bilder-Katalog (1930)

--.Die deutsche Buchillustration, I (1930). Joachimsen, Paul. "Das Zeitalter der. Reformation," Propyläenweltgeschichte, V (1930).

-- Die neue Propyläenweltgeschichte (1941). Pflugk-Hartung, Julius von. Im Morgenrot der Reformation Schramm, Albert. Luther und die Bibel (1923).

(1912). Schreckenbach, Paul. Martin Luther (1921).

